

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. А. Искендеров** — Историческая наука на пороге XXI века 3
- С. В. Римский** — Церковная реформа Александра II 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- И. Е. Шокина** — Жетулиу Дорнелис Варгас 49

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 65

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин** — Записки для немногих 94

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Дневник Николая Михайловича Дружинина 112

ПУБЛИКАЦИИ

- Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах 135

СООБЩЕНИЯ

- Г. М. Адобеков** — Почему Тольятти не стал генеральным секретарем Коминформа 156

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. М. Шевырин** — А. Н. Медушевский. История русской социологии 163
- И. С. Розенталь** — Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1—3 . . . 164
- Б. А. Ершов** — Ю. А. Горьков. Кремль. Ставка. Генштаб 166
- В. А. Федоров** — С. А. Экштут. В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы 168
- К. Е. Рогов** — Н. Н. Кочмар. Писаницы Якутии . . . 170
- Р. М. Шукуров** — С. А. Иванов. Византийское юродство 171
- Р. Ф. Абазов** — А. Ихтешами. После Хомейни: вторая Иранская республика 173

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- И. А. Исаков** — Как началось «Кровавое воскресенье» 175

Историческая наука на пороге XXI века

А. А. Искендеров

Уходящий XX век войдет во всемирную историю как один из самых динамичных, противоречивых и драматичных. Насыщенный событиями, резко изменившимися политический и социальный облик нашей планеты, всю систему миропонимания и мироощущения, величайшими научными открытиями и техническими свершениями, он был вместе с тем и крайне жестоким веком, отмеченным двумя самыми кровавыми и разрушительными мировыми войнами. За всю историю в войнах не погибло такого количества людей, как за одно только XX столетие. Многие из так называемых локальных войн были столь же кровопролитными, сколь и бессмысленными. По своей продолжительности, масштабам военных действий и разрушениям они мало отличались от мировых войн. К этому надо добавить десятки революций, происходивших в Европе, Латинской Америке, Азии и Африке (в одной России их было три), вожди которых очень скоро убеждались в том, как далеки были результаты этих революций от первоначальных замыслов, многочисленные военные перевороты, социально-классовые потрясения, межнациональные и религиозные конфликты, нередко перераставшие в настоящие гражданские войны, другие социальные катаклизмы. Наверное, за всю свою историю человечество так не уставало от войн и революций. XX век доказал, что между войнами и революциями существует очень тесная взаимосвязь: вызванные войнами революции порождали новые войны.

Стремительный взлет научной и технической мысли, впечатляющие открытия и свершения человеческого разума практически во всех сферах деятельности людей, значительное расширение и укрепление влияния демократических идей, принципов и институтов страным, подчас даже парадоксальным, образом сосуществовали с самыми крайними проявлениями тоталитаризма, насилия, терроризма (в том числе международного), варварским отношением к природе, чреватых тяжелейшими экологическими катастрофами.

Провозглашение принципов свободы, демократии, либерализма, гуманизма слишком часто сочеталось с массовыми репрессиями, расовыми преследованиями, попранием прав человека, унижением национального достоинства, различными проявлениями социальной несправедливости. Значительно продвинув человечество в области научно-технического, а в оп-

ределенном смысле — и экономического, прогресса, XX век мало повлиял на совершенствование самого человека.

XX столетие было отмечено рождением и гибелью двух ранее неведомых миру политических систем — фашизма и социализма. Первая из них просуществовала немногим более 20 лет, вторая — свыше 70 лет. Разгром фашизма спас человечество от многих бед и страданий, способствовал торжеству демократии, освобождению от колониального ига десятков народов и стран, вступивших на самостоятельный путь развития. Что касается крушения социализма и последовавшего за этим распада СССР и ряда стран так называемого советского блока, то это событие сопровождалось и негативными процессами и явлениями, серьезно обострившими и без того непростую ситуацию как в отдельных регионах, в том числе в некоторых бывших советских республиках, так и в мире в целом, породив сложные геополитические проблемы.

XX век выдвинул плеяду великих политиков. Но и они не смогли оградить мир от смут, конфликтов и трагедий, роста преступности, наркомании, эпидемий, нищеты и невежества. Многие политики, оказавшиеся волею судеб у власти, не сумели осознать всей меры своей ответственности перед собственным народом и перед всем человечеством. Нередко они принимали и пытались воплотить в жизнь крайне рискованные и непродуманные решения, способные ввергнуть народы в пучину новой, уже ядерной, войны. Заметно возросшая безнравственность в политике — тоже своеобразная примета XX века. Это особенно наглядно проявилось и в атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, и в попытках оправдать это преступление, и в продолжающихся испытаниях ядерного оружия, вопреки протестам мировой общественности, и в прямом вмешательстве во внутренние дела суверенных государств, и во многом другом. Чувство глубокой горечи вызывало безнравственное поведение правителей.

Вместе с тем в XX в. усилилась тенденция к единству и сплоченности народов. Люди стали больше доверять друг другу, острее ощущать свою причастность к единому мировому сообществу. Заметное развитие получило планетарное мышление. Но одновременно проявились определенные отчужденность и разобщенность стран и регионов как следствие их неравномерного, прежде всего экономического, развития. Разрыв в сфере материального производства, уровне и качестве жизни резко обозначился к концу столетия. Экономическое благополучие небольшой группы вырвавшихся вперед государств во многом обеспечивалось и сейчас еще обеспечивается за счет неравноправных экономических и финансовых отношений с остальным миром.

Так и не решив многие, доставшиеся ему в наследство от прошлого кардинальные проблемы мирового развития, XX век породил новые, еще более сложные, в том числе глобальные, проблемы, которые предстоит решать XXI столетию. События XX в. послужат человечеству серьезным предостережением от возможного повторения ошибок и просчетов своих предшественников.

На рубеже веков, а тем более тысячелетий, люди особенно остро испытывают чувства одновременно и страха и надежды. Непредсказуемость будущего вызывает настороженность и тревогу. Чувство надежды питает естественно присущая человеку устремленность в будущее, с которым он всегда связывает свои лучшие помыслы и самые дерзновенные мечты.

Вступающему в третье тысячелетие человечеству предстоит ясно осознать, что ему нужно взять с собой из достигнутого в XX столетии, а что навсегда оставить истории. В этом осмыслении уроков прожитого века и состоит сейчас одна из ответственных функций исторической науки.

I

Какой была историческая наука в XX веке? Насколько ощутимым оказалось ее влияние на происходившие в обществе процессы? Справедливо ли утверждение, что многих негативных последствий, если не их большинст-

ва, можно было бы избежать, или, во всяком случае, нейтрализовать их, если бы государственные мужи лучше знали историю и чаще обращались к ее урокам и историческому опыту? В какой мере сама историческая наука познала и объяснила события, происходившие в XX веке? Как они воздействовали на состояние исторической науки? Каким было ее влияние на выбор народами своей исторической судьбы? Эти вопросы самым непосредственным образом связаны с пониманием смысла истории, общественного предназначения исторической науки, ее роли и места в жизни людей и общества в целом.

В переходные периоды, которыми был насыщен XX век, обращение людей к прошлому приобретает особый смысл и значение. История становится болевой точкой общественного самосознания. Люди остро реагируют на происходящие в обществе перемены, стремятся понять суть, истоки, направленность и основные тенденции общественного развития. Прежде всего они, разумеется, обращаются к истории своей страны.

Весь XX век в определенном смысле можно рассматривать как целостную переходную эпоху. Многие страны мира пережили и переживают переломные моменты своей истории. В одних сменялся социальный строй, в других — форма государственного устройства, в третьих — шел трудный процесс становления независимости в ходе крушения и распада некогда могущественных империй. И всюду, как правило, преобладали переходные формы общественного развития. В переходные эпохи обращение к своей истории становится едва ли не важнейшим фактором национально-культурного возрождения народов, укрепления собственной государственности.

События, имевшие переломное значение, вынуждали историков переосмысливать свои оценки и исторические концепции. В переходное время история, как справедливо отмечал Р. Ю. Виппер, из наставницы жизни, какой ее считал Цицерон, превращается в ее ученицу. Исторической науке приходится пересматривать прежние концепции, подвергать их критике, заменять одни положения другими, иногда прямо противоположными. Определяя состояние российской исторической науки накануне революционных потрясений 1917 г., Виппер писал: «Мы были участниками, частицами великого государственного тела, ныне более не существующего. Мы притягивали историю для объяснения того, как выросло русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет историков проверить свои суждения. Он властно требует объяснения: надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования исторической науки»¹.

Готовы ли мы сегодня так же честно и откровенно, как это сделал в свое время Виппер и многие другие представители дореволюционной историографии, объективно оценить то, что произошло с Россией в наши дни, сам факт и причины падения советской власти и, исходя из этого, подвергнуть непредвзятому анализу состояние как советской, так и нынешней российской исторической науки, определить, насколько адекватно отражает она процесс этих изменений и в чем видит свою роль в обновлении российского общества?

Нельзя сказать, чтобы не предпринималось никаких попыток проанализировать новую ситуацию, сложившуюся в российской исторической науке. Пример тому — статья недавно скончавшегося академика И. Д. Ковальченко, возглавлявшего Отделение истории Академии наук СССР, а затем — Российской академии наук. Очевидно, и сам автор придавал этой статье принципиальное значение, о чем говорит ее публикация одновременно в двух журналах — «Новой и новейшей истории» и, в несколько сокращенном виде, в «Свободной мысли»². Эта статья и в самом деле содержит ряд новых оценок и подходов, свидетельствующих о стремлении ее автора пересмотреть некоторые явно устаревшие идеи, взгляды и концепции, в том числе свои собственные, поразмышлять на тему о современном понимании функций исторической науки. К сожалению, содержание этой статьи обнаруживает, что в российской академической исторической науке,

позицию которой в полной мере отразил автор, пока мало что меняется к лучшему.

Едва ли кто-нибудь из российских историков несколько лет тому назад мог предположить, что наступит такое время, когда их научная деятельность окажется в эпицентре общественной жизни, а история вызовет к себе столь сильный и острый читательский интерес. Материалами о недавнем и далеком прошлом России заполняются массовые издания. Обращение к истории стало своего рода модой, оно позволяет судить о политическом состоянии и настрое общества, уровне его исторического самосознания и политической культуры. О проблемах истории спорят сегодня не только историки, но и писатели, публицисты, журналисты, представители других профессий. Этот интерес к истории, как правило, сопровождается достаточно острой критикой профессиональных историков и самой исторической науки, прежде всего академической, конкретных исторических трудов, учебников, сложившейся системы исторического образования.

Столь острая критика нынешнего состояния исторической науки вызвана, во-первых, тем, что повышенный интерес общества к истории, вполне естественный на изломе истории, когда люди особенно сильно ощущают связь времен и поколений, остается в значительной степени неудовлетворенным, а во-вторых, тем, что читающая публика склонна перекладывать (нередко совершенно необоснованно) на историческую науку ответственность за ошибки и просчеты политиков. Разумеется, история не может отвечать за дела политиков, да она никогда и не располагала реальной возможностью активно влиять на процесс принятия государственных решений. Само государство не очень-то прислушивалось к голосу истории, держало эту науку на положении не востребовавшей.

Об истории общество обычно вспоминает тогда, когда оно оказывается перед необходимостью выбора пути дальнейшего развития, учета исторического опыта во всем его объеме и разносторонности, не только положительных, но и негативных его аспектов. Стремление дойти до истоков тех или иных явлений и процессов, понять их подлинный смысл становится насущной потребностью всего общества. Применительно к истории России речь идет в первую голову о кардинальнейшем вопросе: закономерен ли был тот итог, к которому пришло советское государство после более чем семидесятилетнего существования тоталитарного режима? Случаен ли был именно этот исход, насколько поддавался он прогнозированию? В какой мере выбор, сделанный в октябре 1917 г., был подготовлен всем ходом естественно-исторического развития России или он явился отклонением от самобытного пути, когда исторические, национальные и духовные ценности и традиции страны приносились в жертву утопическим иллюзиям и эгоистическим амбициям властолюбивых политиков? Историк особенно хорошо известно, что социальная система, лишенная глубоких исторических корней, не может быть прочной и долговечной. Совершенно очевидно, что до тех пор пока историческая наука не даст ясного и честного ответа на этот центральный вопрос новейшей российской истории, она неизбежно будет подвергаться суровой критике со стороны общественности.

Изучение истории не может дать положительных и плодотворных результатов, если оно строится на предвзятости, полуправде, ложных посылах, мифах и легендах, а подлинные факты остаются как бы за кадром. Еще М. Вебер отмечал, что «интересы науки в конечном итоге меньше всего играют роль там, где пытаются не замечать неприятные факты и жизненные реальности во всей их остроте»³. Однако мифотворчество, как и прямая фальсификация, являлись такими же неотъемлемыми чертами официальной советской историографии, как и ее склонность отстаивать сухие социологические схемы, держаться искусственных стереотипов, которые значили для нее больше, чем реальные исторические факты. Именно на такой, якобы научной, основе и формировалось массовое историческое сознание. Преднамеренное искажение и сокрытие правды истории неизбежно вело к существенным нравственным изъянам и историческому беспамятству.

Существует еще одна причина того, что история оказалась в период обновления России в центре общественного внимания. К прошлому обращаются не только те, кто искренне стремится объективно разобраться в существе происходящих в современной России явлений и процессов, но и те, для кого история по-прежнему остается политикой, обращенной в прошлое, средством, с помощью которого можно обосновать и оправдать свою политику. Каждый народ вправе гордиться той историей, которую он имеет. Но это не должно мешать познанию горестных и позорных ее страниц. Мудро говорил об этом Н. М. Карамзин: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк»⁴.

Советские историки крайне редко придерживались этого правила и слишком часто мирились с исторической полуправдой, ликоюще били в литавры тогда, когда нужны были скорбные, а возможно, и траурные, мелодии, когда следовало с сочувствием и болью показывать трагедию страны и страдания людей. Многим советским историкам не хватало как раз той гражданственности, о которой не уставал говорить В. О. Ключевский: «Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином»⁵. Писатель Д. А. Гранин называл это чувство «включенностью в историю». Он писал: «Когда-то существовало в обществе историческое сознание. И большие, и малые деятели понимали свою ответственность перед детьми, внуками, свою включенность в историю. Куда исчезло это чувство?»⁶.

Эти необходимые историку качества уступили место пресмыкательству и угодничеству перед властью предержащими, для которых историческая наука была не более, чем прислужница коммунистической идеологии. Им нужна была не правдивая и объективная история, а такая, которая оправдывала бы их политику.

Современные российские историки по-разному оценивают ситуацию, сложившуюся в исторической науке, прежде всего в академической. Одни резко критикуют нынешнее положение в ней, другие занимают откровенно консервативную, охранительную позицию, третьи выжидают в надежде, что все еще может вернуться на круги своя. И тем не менее, мало кто отваживается открыто защищать старые методологические позиции и прямо выступать против новых веяний, хотя и медленно, но все же проникающих в академическую среду. Сейчас уже открыто не оспаривается тезис о кризисе, охватившем многие области исторического знания и исторического образования. Правда, предпринимаются попытки приглушить остроту оценки положения, сложившегося в современной российской историографии, представить ситуацию в более выгодном свете, уйти от анализа причин и природы этого кризиса, изобразить его как чуть ли не вполне естественное для развития науки состояние. Эти люди, именующие себя «умеренными консерваторами», не прочь выдавать себя чуть ли не за борцов за обновление исторической науки. Но при этом они выступают за такие перемены, при которых все оставалось бы по-старому. Наметилась определенная тенденция к сплочению консервативных сил, росту их влияния в академической исторической науке.

Приверженцы охранительной тенденции прибегают к всевозможным доводам, желая навязать обществу свое толкование кризиса российской исторической науки. С этой целью выдвигаются в основном три тезиса. Первый состоит в утверждении, что под кризисом исторической науки следует понимать не застой в науке, не банкротство старых методологических догм и исторических стереотипов, а всего лишь поляризацию

теоретико-методологических взглядов, подходов и концепций, которая, как они утверждают, разрывает «единство коренной сущности» исторического познания. Поэтому достаточно восстановить это мнимое «единство», как немедленно все существующие ныне теоретико-методологические различия отпадут сами по себе и наступит прямо-таки идиллическое взаимопонимание всех и во всем, что непременно приведет к получению «истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно-исторического развития, так и его общий ход». При этом умалчивается, кем и когда было нарушено это «единство коренной сущности» и почему марксистское положение о том, что «исследование истины само должно быть истинным», оставалось не более чем декларацией.

На самом же деле — и об этом надо сказать честно, ясно и недвусмысленно — кризис отечественной историографии в главном и основном порожден кризисом марксизма (прежде всего метода материалистического понимания истории в его крайне детерминированной форме), того марксизма, который в советское время превратился в государственную идеологию и даже мировоззрение, присвоив себе монопольное право определять, в каких рамках может развиваться та или иная область гуманитарного знания. Марксизм, по существу, вывел историю за пределы науки, превратил ее в составную часть партийной пропаганды. Кризис марксизма, в особенности его метода материалистического понимания истории, наступил не вчера, и не понимать этого — значит закрывать глаза на то, что реально происходило и происходит с исторической наукой сегодня.

Второй тезис связан со стремлением к «расширительному» толкованию кризиса исторической науки, рассмотрению этого явления на глобальном уровне. Едва ли не главную причину возникновения этого кризиса пытаются искать в условиях длительной «холодной войны». Говорят об углублении «кризиса мировой историографии» и при этом не только неоправданно отождествляют причины и следствия, но и игнорируют тот факт, что причины кризиса исторической науки и гуманитарных знаний у нас и в странах Запада имеют — при наличии некоторых сходных черт — существенные отличия и разную природу.

Третье обстоятельство сводится, напротив, к попыткам резко ограничить рамки этого кризиса, свести его негативные проявления лишь к некоторым областям исторического знания, главным образом к освещению истории советского общества. При этом утверждается, что большинство конкретно-исторических исследований не было подвержено этому кризису.

В каждой науке (история не является в этом отношении исключением) всегда существуют и борются две основные тенденции: прогрессивная, представители которой, будучи неудовлетворенными достигнутым и следуя вечному «декартовскому сомнению», постоянно нацелены на новые поиски и исследования, без чего вообще невозможно развитие творческой мысли, и консервативная, сторонники которой стремятся, по разным причинам, сохранить статус-кво, заботясь при этом не столько об интересах науки, сколько о своем положении в ней. Именно эта, последняя, тенденция и была преобладающей в советской исторической науке.

Первым серьезным сигналом, возвестившим о начале широкого наступления на творческую мысль, явилось опубликование в конце октября 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» известного письма И. В. Сталина, в котором содержалась резкая критика историков, осмелившихся иметь собственную точку зрения на проблемы, связанные со строительством социализма в СССР, а также с освещением ряда вопросов теории и истории мирового коммунистического движения. Редакция журнала обвинялась в том, что, публикуя подобные материалы, она вступает на «неправильный путь», поддерживает «гнилой либерализм», который получил среди части большевиков «некоторое распространение». В письме Сталина содержался целый набор резких выражений и грубых эпитетов, которыми наделялись авторы, придерживавшиеся отличной от официальной точки зрения: «журналистское крючкотворство», «галиматья», «головотяпство, граничащее с преступлением», «идейные контрабандисты» и др. Эти

авторы, говорилось в письме, не стоят того, «чтобы долго возиться с ними», а редакция вместо того, чтобы предоставлять подобным авторам дискуссионную трибуну, должна систематически срывать с них маски, критикуя их «ошибки принципиального и исторического характера»⁷.

За всем этим легко прослеживается крайне жесткий курс, уже тогда сформировавшийся и направленный против всякого инакомыслия как внутри правящей партии, так и в кругах научной интеллигенции. Причем вопрос о выборе средств борьбы не стоял. Этот курс был подкреплен массовыми репрессиями против ученых, в том числе и историков. Следует отметить, что далеко не все советские историки разделяли официальную точку зрения, которую усиленно навязывала им партийная пропаганда. Были среди них и такие, кто уже тогда выражал серьезные и вполне обоснованные сомнения в правильности того политического и социально-экономического курса, который осуществлялся в стране.

В рамках этой жесткой линии на подавление всякого инакомыслия следует также рассматривать опубликованные в 1934 г. замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории⁸, а вслед за этим и принятие СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановления «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Внешне будто бы выражалась озабоченность состоянием преподавания истории в советских школах, и могло даже создаться впечатление о намерении снять всякие ограничения на критику господствовавших до этого в исторической науке ошибочных взглядов и концепций (речь шла преимущественно о так называемой школе М. Н. Покровского). На самом же деле историческую науку и всю систему преподавания истории втискивали в жесткие рамки, которые должны были надежно удерживать историческую мысль в русле официальной идеологии и партийно-политической линии.

Апогеем стало издание «Краткого курса истории ВКП(б)», одобренного в 1938 г. ЦК ВКП(б) и сразу ставшего чуть ли не библией большевизма. С этих пор историкам отводилась весьма незавидная роль комментаторов и пропагандистов якобы научности примитивизированных положений исторического материализма, содержащихся в этом сталинском сочинении. После выхода в свет «Краткого курса» и возведения его в ранг высшего достижения философской и исторической мысли говорить о каком-нибудь развитии подлинной исторической науки уже не приходится. Она все больше впадает в состояние стагнации и глубочайшего кризиса.

Можно ли было всерьез думать о развитии исторической науки, если «Краткий курс» провозглашал первейшей ее задачей «изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества». В этой книге безапелляционно утверждалось, что «на протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя»⁹. Историки должны были либо подтвердить этот тезис, либо занять нейтральную позицию, не соглашаясь с этим суждением, но и не выступая против него. Последние оказались в абсолютном меньшинстве.

Дискуссии, проходившие в 30-е и 50-е, а отчасти — и в 60-е годы, в большей или меньшей степени испытывали на себе прямое давление властей. Какие бы проблемы не выносились на обсуждение (будь то характер древневосточных обществ, азиатский способ производства, периодизация отечественной и всемирной истории или даже датировка «Слова о полку Игореве»), все эти дискуссии не выходили за рамки дозволенного и сводились, по существу, к тому, чтобы лишний раз подтвердить правоту и незыблемость основных положений материалистического понимания истории. Этим дискуссиям и обсуждениям были присущи некоторые общие черты и особенности.

Во-первых, они проводились, как правило, по указанию свыше, с целью публичного осуждения тех или иных ученых, взгляды которых

не вписывались в рамки официальной науки, идеологии и политики. Причем огонь критики, особенно на первых порах, направлялся в основном против представителей русской дореволюционной историографии. Роль главных оппонентов отводилась их ученикам. Наиболее рьяными критиками «школы» Покровского выступали его ученики. Акад. В. В. Струве обвинял своего учителя, выдающегося российского востоковеда Б. А. Тураева в том, что тот слишком мало уделял внимания выяснению социально-экономических основ исторического развития древневосточных обществ, сделав центром своих интересов изучение культуры Древнего Востока, преимущественно его религиозной идеологии¹⁰. Уже в 30-е годы обнаруживаются истоки не только научного, но и нравственно-этического кризиса советской исторической науки.

Во-вторых, на этих дискуссиях доминировали далекие от науки идейно-политические, а нередко и личностные, интересы и подходы, которые уводили обсуждение в сторону от рассматриваемых научных проблем. Участники дискуссий практически не влияли на принятие решений и рекомендаций, которые формально исходили как бы от их имени. Заключая обсуждение рукописи книги А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве», организованное в 1964 г. также по указанию свыше, председательствовавший на нем заявил: «Решить вопрос о судьбе рукописи мы не можем — это вне нашей компетенции. Мы доложим результаты совещания, а товарищи будут решать, как дальше поступить с этой рукописью»¹¹. Результат известен — рукопись этого автора, которого обвиняли даже в том, что он «исследовал «Слово» не по Марксу», так и не увидела свет. Впоследствии, описывая обстановку, которая царил на этом обсуждении, акад. Н. И. Конрад отмечал, что «обсуждение превратилось в разгром»¹².

Об обстановке, в которой проходили подобные дискуссии, лучше всего, пожалуй, судить по стенограмме совещания по вопросам истории, состоявшегося в ЦК ВКП(б) в июне — июле 1944 г., которое, строго говоря, нельзя назвать научной дискуссией. Даже председательствовавший на нем секретарь ЦК А. С. Щербаков, прерывая некоторых ораторов, вынужден был заявить, что если все обсуждение пойдет таким образом, то его «следует считать провалившимся», ибо «пока ни одной проблемы не только не обсудили, но и не поставили»¹³. Это была не научная дискуссия, а настоящая свара, участники которой, за редким исключением, не брезговали ничем, чтобы очернить других и как можно лучше представить себя. Выступавшие в большинстве случаев прибегали к навешиванию политических ярлыков. Как правило, подобные обсуждения заканчивались нахлобучками и оргвыводами. Эта дискуссия, как и большинство других, показала, что многие историки были озабочены, говоря словами Ф. М. Достоевского, стремлением не столько разобраться в сложном явлении, сколько поскорее «произнести приговор, чтоб уж не заботиться больше»¹⁴.

В условиях постоянного политического и идеологического давления историкам усиленно навязывалась мысль, что подлинно научные идеи, необходимые обществу, рождаются вовсе не в процессе сложного и продолжительного научно-исследовательского поиска ученого, а в кабинетах Центрального Комитета партии и четко формулируются в постановлениях и решениях партийных съездов, конференций и пленумов ЦК. Историкам же, как и представителям других гуманитарных наук, оставалось лишь комментировать эти решения. Между тем даже один из основоположников марксизма писал: «Ценность постановлений съездов, как бы ни были эти постановления достойны уважения в области практической агитации, в науке равна нулю»¹⁵.

Уже тогда для многих историков становилось все более очевидным, что не только большевизация исторической науки, но и слепое следование материалистическому пониманию истории, основанному на принципе монизма исторического процесса, значительно обедняют предмет исторической науки и подчас сводят его к отдельным эпизодам классовой борьбы¹⁶. Вырваться из этого заколдованного круга было не так-то просто, если учесть, что официальная историография с усердием, достойным лучшего

применения, отстаивала незыблемость и вечность марксистских истин. В исторических трудах утверждалось, что «последовательно научное, т. е. наиболее полное, конкретное и цельное определение предмета исторической науки можно дать лишь с позиций марксистской теории и методологии общественного познания» и что именно марксизм «дал наиболее широкое и глубокое определение предмета исторической науки»¹⁷. И это писалось не в 30-е и даже не в 60-е годы, а во второй половине 80-х годов.

Материалистическое понимание истории как «единственно верное» на самом деле не расширяло, а сужало предмет исторической науки, делало ее не способной охватить все богатство и все многообразие исторической жизни, ее пестроту и сложность. Это явилось той главной причиной, по которой дореволюционные российские историки в большинстве своем не приняли указанный метод, будучи убеждены в том, что он серьезно затормозит творческое развитие исторической мысли.

II

Кризис российской исторической науки прямо связан с кризисом марксизма, с материалистическим пониманием истории как единственно верным и всеохватывающим методом исторического познания, исторического исследования и толкования прошлого. Научная необоснованность претензий сторонников этого во многом примитивного подхода к истории была очевидна для ряда российских историков, серьезно разрабатывавших проблемы теории и методологии истории в конце XIX — начале XX века. Поэтому они уже тогда выступали против попыток сделать этот метод всеобщим и универсальным.

Течения российской историографии, которые не признавали такой подход к этому методу, подвергались со стороны тех, кто безоговорочно принял марксизм, остракизму, объявлялись несостоятельными и даже реакционными. Более того, отказ ряда представителей дореволюционной российской историографии рассматривать материалистическое понимание истории как высшее достижение исторической мысли и как качественно новый этап в ее развитии привел к тому, что в советское время всю российскую историографию конца XIX — начала XX в. фактически лишили научного статуса и объявили, что она пребывала в состоянии «глубокого кризиса» и способна была в лучшем случае описывать отдельные факты без серьезного их анализа и обобщения. К сожалению, эти оценки сохраняются и по сей день¹⁸.

Между тем этот период в истории отечественной историографии был как раз отмечен интенсивными поисками новых исторических идей и новых подходов, предвосхитившими многие методологические изыскания в Западной Европе. Почти все более или менее крупные российские историки пробовали себя в разработке теоретических проблем исторической науки. И они немало преуспели в этом. Большинство из них вело эти поиски отнюдь не в русле материалистического понимания истории. Нет оснований характеризовать состояние российской историографии конца XIX — начала XX в. как «кризисное»: на самом деле развитие российской исторической мысли шло по восходящей линии.

Вопрос об отношении российской историографии конца XIX — начала XX в. к марксизму не такой простой, как это может показаться при поверхностном взгляде. В самом деле, чем объяснить то обстоятельство, что многие российские историки не приняли, во всяком случае, на каком-то этапе, марксизм в его российском варианте и в том числе особенно усиленно навязываемый им метод материалистического понимания истории?

Некоторые современные исследователи полагают, что сама постановка российскими историками «вопроса о научном значении марксистского метода таила в себе критику марксизма, стремление выбросить из него материализм»¹⁹. Но дело, разумеется, вовсе не в стремлении ряда российских историков вытравить из марксизма материализм. Тем более, что

многие из них на первых порах искренне приветствовали марксизм, связывали с ним как раз наметившуюся в тот период тенденцию к активизации исследований в области социально-экономической тематики. Распространение марксизма и его растущее влияние на развитие общественной мысли они объясняли повышенным интересом российских историков к «хозяйственной» и «материальной» истории, которой, по мнению Е. В. Тарле, до марксизма уделялось явно недостаточное внимание. Для многих из них принципиально важной была сама постановка проблемы материалистического понимания истории, сводившего, по мысли Д. М. Петрушевского, «идею с неба», а также лишавшего «идею той чисто мистической роли простого и творческого абсолюта, какую приписывали и приписывают ей идеалисты»²⁰. Такого же мнения придерживался и Тарле, считавший, что научная заслуга марксизма состоит в том, что он доказал необходимость анализа материальной стороны общественной жизни²¹. При этом необходимо иметь в виду, что интерес российских историков к социально-экономической проблематике неправильно связывать исключительно с представлениями о первичности материальной стороны общественной жизни по отношению к духовной.

Если отбросить крайности, которые были присущи некоторым российским историкам в их критике марксизма, и попытаться определить главные направления этой критики, то можно выделить несколько причин, побудивших их (во всяком случае, большинство) занять такую позицию.

Во-первых, российские историки, в том числе и те, кто относился к марксизму достаточно лояльно, не согласны были признавать за материалистическим пониманием истории единственный, универсальный и всеохватывающий метод исторического познания. Но они были готовы рассматривать его как одно из многочисленных направлений, существовавших тогда в мировой историографии.

Во-вторых, мало кто из российских историков конца прошлого и начала нынешнего века не высказывался (хотя и с разной степенью остроты) против идеи привнесения законов материалистической диалектики в сферу исторического познания, считая такие усилия малопродуктивными. Уже по одному этому, полагали они, марксистский подход не может быть проведен достаточно «последовательно и доказательно». Стремление марксистов возвести свой подход на уровень методологии и даже мировоззрения они считали крайне опасным, не имеющим ничего общего с подлинной наукой и таящим в себе серьезную угрозу для свободного и творческого развития исторической мысли. Такой подход некоторые из них называли «суррогатом общественной науки»; этот схематизм, утверждали они, неизбежно должен будет привести к застою исторической мысли. Само выделение какого бы то ни было единственного фактора (в данном случае социально-экономического) в качестве главного и решающего в общественном развитии (как в целом, так и в отдельных его сферах), а равно и в процессе познания истории не позволяет правильно определить содержание, механизм и направленность общественной эволюции, являющейся, как отмечал, в частности, Петрушевский, следствием «взаимодействия экономического, политического и культурного процессов»²². Исключительно материалистическое решение — применительно к истории — основного вопроса философии многими российскими историками рассматривалось как забвение и принижение духовно-нравственных сторон общественной жизни. Как отмечал М. М. Хвостов, можно разделять идеи философского идеализма и в то же время оставаться материалистом в понимании общественной жизни и, наоборот, отстаивать «философский материализм», но считать, что «именно мысль, идеи создают эволюцию общества»²³.

В-третьих, следует отметить и то немаловажное обстоятельство, что многие российские историки рассматривали марксизм как западноевропейское учение, сформировавшееся на базе обобщения европейского исторического опыта. Основные положения и формулы этой теории отражали социально-экономические, политические и идеологические условия, в значительной мере отличные от российских. Поэтому механическое наложение этих

формул и схем на российскую историческую действительность далеко не всегда приводило к желаемым результатам. Вдумчивый российский историк не мог не видеть и не ощущать те противоречия, которые неизбежно возникали между теорией исторического процесса, выработавшейся в иных условиях и предназначавшейся для других стран, и исторической жизнью России, которая не укладывалась в прокрустово ложе марксистских догм и схем. Это касалось многих сторон исторического и культурного развития России. Уже в ходе послевоенных дискуссий к этому обстоятельству вновь привлек внимание акад. Н. М. Дружинин, призывавший «решительно отмежеваться от теории механического заимствования, которая игнорирует внутренние законы движения каждого народа»²⁴.

В самом существе материалистического понимания истории был заключен принципиальный методологический порок, поскольку этот подход фактически исключал возможность всестороннего и объективного исследования исторического процесса во всей его цельности, многогранности, многосложности и противоречивости. Добываемые таким путем данные и формулируемые на такой методологической базе выводы и закономерности не только втискивали реальную историческую жизнь в заранее уготованные схемы и стереотипы, но и превращали историческую науку и исторические знания в составную часть определенного мировоззрения. Это и послужило причиной, по которой многие видные и российские, и западноевропейские историки отвергли такое понимание истории. Они считали, что соединение материализма с диалектикой и распространение такого подхода на изучение истории — вовсе не благо, но беда для исторической науки²⁵.

Развитие исторической мысли в XX в., в том числе и эволюция самой марксистской историографии, показывает, что во многом российские историки были правы в своих оценках марксизма и его возможных последствий для развития исторической науки. Эти оценки и сегодня звучат весьма актуально, служат своего рода укором для тех, кто не прислушался к ним в то время и продолжает игнорировать их и сегодня, слепо веря в то, что материалистическое понимание истории было и остается главным и единственно верным методом познания исторической истины.

Господствующее положение марксизма в советской исторической науке, его монополия обеспечивались не столько научной незыблемостью марксистских методологических принципов и положений, сколько всей существовавшей тогда административно-командной системой. Все это серьезно ограничивало творческие возможности историков, создавало условия для появления в науке пустоцветов. Научная некомпетентность подкреплялась ссылками на партийность исторической науки, идеологической нетерпимостью, политическими обвинениями, то есть всем тем, что в академических кругах связывали с понятием «лысенковщины», нанесшей огромный вред всей науке, а не только биологической²⁶. Она развивалась на почве монополизма в науке, прислужничества административно-командной системе, неспособности доказывать свою правоту в честном научном споре. В исторической науке, а точнее, в ее руководящем звене, и сегодня достаточно сильные позиции занимает «коллективный Лысенко» в лице наиболее консервативно мыслящей части Отделения истории РАН, которая как по своему научному, так и по нравственно-этическим качествам не в состоянии возглавлять движение за обновление российской исторической науки.

Вспоминается такой эпизод. На совещании членов Отделения истории, проходившем в Президиуме Академии наук в начальный период перестройки, встал вопрос о том, что неплохо было бы историкам публично покаяться перед обществом в том, что страна и ее народ лишены честной и правдивой истории, что массовому историческому сознанию был нанесен огромный вред. Тогдашний президент Академии наук Г. И. Марчук заметил, что биологи пошли на этот шаг, что помогло многим из них очиститься от былой скверны и по-новому взглянуть на себя и на свою науку. Он, помнится, предложил историкам последовать примеру биологов. К сожалению, на откровенный разговор и общественное покаяние члены Отделения

истории не решились. Главная причина, и это убедительно доказал последующий ход событий, состояла в их страхе, что честный и откровенный разговор обнажит многие язвы, покажет, «кто есть кто», кто и как оказался во главе исторического фронта и кому принадлежит монополия на историческую истину, какими приемами, методами и средствами эта монополия обеспечивается. Обнаружилось бы и то, что многие короли — голые. Вместо того, чтобы открыть путь к обновлению академической исторической науки, к коренному изменению всей обстановки в Отделении истории, происходит консолидация консервативных сил, занявших круговую оборону и пытающихся сохранить все как было, но прежде всего свои собственные позиции, интересы и привилегии.

III

В своей статье И. Д. Ковальченко утверждал, что «в настоящее время сложились в целом благоприятные условия для преодоления теоретико-методологического кризиса исторической науки как в нашей стране, так и в мировой науке в целом»²⁷. На чем основывается такой оптимизм? Оказывается, для выхода из упомянутого кризиса достаточно всего лишь отказаться от претензии на возможность создания неких универсальных, всеохватывающих и абсолютных теорий и методов исторического познания, устранить некоторые изначально присущие марксизму ошибки и просчеты и обеспечить синтез разных идей, теорий и методов, ибо «любой метод научного познания для чего-нибудь да хорош». При этом из ошибок и просчетов, изначально присущих марксизму, автор называет лишь тезис об абсолютном обнищании рабочего класса по мере развития капитализма. При всей ошибочности этого марксистского положения вряд ли именно оно служило главным препятствием на пути научного исторического познания. Наивной выглядит вера автора в то, что простое, по сути дела эклектическое, соединение разнородных, часто полярных, взглядов и теорий способно обновить теоретико-методологические подходы и содействовать преодолению кризиса исторической науки. Фактически же он остался на позициях, которые отстаивал еще в книге «Методы исторического исследования».

Сегодня, как и несколько десятилетий тому назад, остро дебатруется вопрос, как следует понимать историю, само содержание исторического процесса, каковы его движущие силы. Ковальченко не уходит от этих вопросов, однако его толкование их не только не современно, но, увы, не учитывает даже того, что давно зафиксировано мировой исторической наукой. Говоря о предмете истории как науки, он отстаивает известный марксистский тезис о том, что история есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека. Но в сущности деятельность человека интересовала марксистскую историографию не как таковая и человек рассматривался не как самоцель и высшая ценность, не как личность со всеми ее внутренними и внешними проявлениями, а лишь как субъект классовой борьбы, как компонент производительных сил, как составная часть политической армии революции и т. д. У Н. А. Бердяева были все основания заявить, что марксистская социология «имеет дело не с внутренним, а только с *внешним* человеком, с человеком, поскольку он вступает во внешние социальные взаимодействия с другими людьми»²⁸.

Для автора, по существу, нет разницы между такими понятиями, как содержание исторического процесса и его движущие силы. В том и другом случае это — целенаправленная деятельность людей, рост их материальных и духовных потребностей. По его мнению, «конкретным фактором человеческой деятельности, который составляет ее всеобщую основу, выступает как *коренная* движущая сила исторического развития, синтезирующая в себе и объективное и субъективное, и материальное и духовное, являются потребности людей». Получается, что потребности людей как «*коренная* движущая сила исторического развития» заступила место классовой борьбы, которая, как пишет автор, все же «действительно была мощной движу-

щей силой исторического развития»; «проблемы классовой борьбы и ее роли в историческом развитии должны рассматриваться более широко, чем это нередко делалось».

При внимательном прочтении указанной статьи нетрудно убедиться, что ее автор, как и прежде, стоит на том, что концепции, которые идут вразрез с материалистическим пониманием истории и для которых первоосновой человеческой деятельности может быть и материальная и духовная сферы, а также взгляды, отдающие предпочтение индивидуальной, а не общественной деятельности людей, должны быть «устранены» (то есть исключены!) из «синтеза идей».

Нельзя рассчитывать на сколько-нибудь значительный успех в обновлении исторической науки, если двигаться по прежнему замкнутому кругу, оперируя все теми же принципами: первичности бытия и вторичности сознания («как в том общем смысле, что удовлетворение естественных потребностей жизнедеятельности первично по отношению к сознанию, так и в том особом плане, что деятельность людей как исторических субъектов предшествует ее познанию»), соответствия производственных отношений характеру производительных сил, надстройки — базису, традиционным марксистским пониманием героя и толпы, стихийности и сознательности, объективного и субъективного и т. д. и т. п., пусть и в несколько обновленном виде.

В целом статья, несмотря на комплименты автора по адресу «новейших тенденций», выдержана в традициях консервативного мышления, характерного для так называемого охранительного направления, занимающего все еще достаточно сильные и влиятельные позиции в российской академической исторической науке, особенно в ее руководящих звеньях. Нельзя же в самом деле выдавать за нововведение такое понятие как «социально-общественное», трактуемое как «непременный компонент исторической действительности», который, оказывается, «присутствует всегда и везде». Что может вынести читатель из такого объяснения этого понятия: «Этот компонент чрезвычайно сложен по своему строению и структуре, ибо охватывает все сферы и виды потребностей и интересов и направленной на их достижение материальной и духовной деятельности, на разрешение тех противоречий, которые при этом возникают. В этом плане названный компонент поливариантен, плюралистичен»?

То, что данная статья не вносит ничего принципиально нового, проступает особенно четко и наглядно, когда автор высказывается по существу некоторых важных конкретных фактов и событий отечественной и мировой истории.

Странно видеть в статье оценки политики коллективизации и индустриализации, несколько не изменившиеся по сравнению с установками «Краткого курса» истории партии. И это несмотря на то, что в последние годы как в научной, так и в общественно-политической литературе опубликованы материалы, в том числе и долгое время скрывавшиеся в архивах, которые убедительно разоблачают не только методы насильственной коллективизации, но и сам характер этой, в сущности, антинародной политики. Как можно сегодня писать: «Тот... факт, что аграрная страна превратилась в мощную индустриальную державу и обеспечила свою экономическую независимость, не может быть не признан как громадный исторический успех независимо от того, кто и как будет оценивать советский период ее истории»? Словом, утверждается все тот же пресловутый тезис: «цель оправдывает средства». Но как в этом случае быть с положением, что в центре истории находится человек?

По мнению автора, методы, с помощью которых проводились коллективизация и индустриализация в советский период «в плане цивилизационного подхода», «исторически не являются чем-то исключительным, порожденным большевизмом». Он оправдывает методы принуждения тем, что ресурсы, необходимые для индустриализации, «могли быть взяты лишь принудительным, разорительным для нее (деревни. — А. И.) путем. Такова историческая реальность. В своем общеисторическом плане она опять-таки

объективно не связана с построением социализма, и ее нельзя объяснять ни якобы ошибочным выбором пути исторического развития после Октябрьской революции, как считают одни, ни неизбежной платой за благо построения социализма, как утверждают другие». Вновь и вновь возникает далеко не риторический вопрос: кем именно был сделан этот выбор и в какой мере в нем участвовали те, кого этот выбор в первую очередь касался? Автор вынужден признать, что «в общественном (правильнее было бы сказать социалистическом и коммунистическом. — А. И.) движении, как и в идейной сфере, ведущую роль играют лидеры». Вот именно — лидеры, вожди, а не рядовые члены общества! И советский период очень наглядно это продемонстрировал.

Автор с сожалением констатирует, что в российской историографии недостаточно изучена проблема «толпы», «вождей» и «героев», нередко оказывающих «существенное влияние» на ход общественно-исторического развития. Но вряд ли чем-то новым можно считать утверждение, что толпа — это не только «громящие и грабящие помещичью усадьбу крестьяне или разбушевавшиеся на стадионе болельщики», но и «собрание производственного или другого коллектива либо политический или иной митинг, когда его участники действуют стихийно». Подобные сентенции не слишком далеко продвигают вперед решение проблемы «толпы» и «героев».

Автор несколько раз возвращается к проблеме движущих сил исторического развития, заявляя, что здесь требуется более широкий и комплексный подход. Однако все его рассуждения сводятся все к той же идее о «деятельности людей, преследующих свои цели», которая выступает и как содержание исторического процесса и как его движущая сила. Правда, он упоминает и о «внутренних силах общественного развития», хотя это понятие так и остается нераскрытым. Нельзя же в самом деле всерьез полагать, что к числу «внутренних факторов общественного развития» относится российское «авось», которое, по словам автора, «отражает в своеобразной форме жизненный оптимизм, терпение и стойкость, надежду на благополучный результат своей деятельности в крайне неблагоприятных для этого условиях».

Вряд ли можно согласиться с автором в том, что «новейший период мировой истории характеризуется ростом экстремизма», а история будто бы подтвердила: «этнические явления сами по себе не содержат ничего, что объективно могло бы породить национальные конфликты». Но откуда же берутся истоки межнациональных конфликтов, например, в Канаде или Северной Ирландии? Еще в литературе 60-х — 70-х годов делались попытки определять наше столетие как «век национализма». Однако этот тезис несмотря на то, что во второй половине XX в. национализм действительно принял в ряде регионов крайне опасные формы, не получил сколько-нибудь значительной поддержки у исследователей прежде всего потому, что он ограничивался внешними проявлениями этого явления, не раскрывая всей его сложности и глубины.

Не могут не вызывать возражений утверждения автора о том, что в истории «издавна складывалось как бы разделение исторических функций народов и стран», что в досоветской России первоначальное накопление капитала не получило «такого размаха и не имело таких форм, как на Западе, ибо входившие в ее состав колонии представляли собой составные части единого государства и поэтому не могли эксплуатироваться так, как эксплуатировали свои колонии западные державы, а значит — дать достаточный объем ресурсов». Но тогда возникают по крайней мере два вопроса: если входившие в состав России окраины были колониями, то почему с приходом к власти большевиков они не получили свободы и независимости, как это случилось с колониями западных держав? И второй вопрос: могли ли, к примеру, Польша и Финляндия, которые также входили в состав Российской империи и отличались сравнительно высоким уровнем экономического развития, представлять собой сферы первоначального накопления капитала?

В статье утверждается далее, что «неразвитые и во многом искаженные

элементы социалистических отношений», которые сложились в России после Октябрьской революции и в ряде стран после второй мировой войны, «оказали существенное и при этом конструктивное воздействие как на общий ход мирового исторического развития, так и на развитие наиболее передовых индустриальных стран с господством буржуазных отношений». Однако автор не отвечает на вопрос: почему же эти «элементы социализма» оказались столь малоэффективными в нашей стране, что помешало этому?

Одну проблему, которой Ковальченко уделил, пожалуй, наибольшее внимание, следует выделить особо. Речь идет о периодизации всемирной истории (по определению автора, «многомерной сущностно-содержательной типизации и периодизации исторического развития»). Автор признает необходимость наряду с формационным подходом учитывать также и цивилизационный. Более того, он считает, что центральной методологической проблемой в «многомерной сущностной типологии и периодизации» является в настоящее время вопрос об их соотношении при изучении общественно-исторического развития. И хотя автор признает, что до сих пор не выработаны принципы и методы, которые позволили бы определить это соотношение, сам он вполне убежден в том, что марксистский подход к «типизации и периодизации исторического развития» на основе выделения общественно-экономических формаций не только не устарел, но остается главным и решающим, ибо только он, якобы, позволяет, во-первых, раскрыть объективный и закономерный характер общественно-исторического развития, а во-вторых, представить это развитие как сложную саморазвивающуюся систему. Именно поэтому формационный подход, по мнению автора, имеет «несомненное преимущество» «сравнительно с другими, более узкими содержательно-ориентированными принципами типизации и периодизации исторического развития».

К этим «узким принципам», судя по всему ходу его рассуждений, автор относит и цивилизационный подход. И хотя он пишет, что нет оснований ни абсолютизировать, ни догматизировать формационный подход, характер и содержание статьи не оставляют сомнений, какому подходу автор отдает предпочтение. По его мнению, «суть цивилизационного подхода состоит в том, чтобы «вписать» изучаемые явления в уже известную научную картину мира, рассмотреть их как повторяющиеся в новых исторических условиях варианты аналогичной деятельности». Такое подчиненное положение цивилизационного подхода в системе исторического познания автор пытается объяснить неразработанностью проблемы этого подхода и прежде всего тех критериев, которые позволяли бы объективно выделить и общие стадии в истории цивилизаций, и ее локальные варианты (типы). Но дело вовсе не в степени и уровне разработанности данной проблемы. К слову сказать, предлагаемое автором определение цивилизации как «всеобщее целостное выражение человеческой истории» не очень-то проясняет суть проблемы. Весь вопрос в том, что марксистская историография в принципе отвергала цивилизационный подход, не приемля идеи и взгляды на этот счет таких видных мыслителей XX в., как М. Вебер, О. Шпенглер, А. Тойнби и др. И сегодня ситуация принципиально не изменилась: призывая к синтезу различных исторических школ, направлений, течений и концепций, ярые сторонники исторического материализма, приглашающие представителей других взглядов за один стол, сами хотели бы сидеть во главе этого стола.

Между тем цивилизационный подход имеет ряд несомненных достоинств, знание и применение которых значительно обогащает механизм познания исторической реальности. Во-первых, цивилизация — это более широкое и более емкое понятие, чем социально-экономическая формация. Оно включает в себя такие черты и признаки, которые действуют на протяжении более длительного времени и — что очень важно — имеют большую не только временную, но и сущностную устойчивость, поскольку не связаны напрямую с социально-экономическими факторами. Нередко они играют не меньшую роль в общественном развитии.

К цивилизационным относятся такие признаки, как язык, территория,

на которой проживает данный народ, природные условия, религия, нравы и обычаи, традиционные институты, ментальность общества, государственность, роль и место личности по отношению к обществу и государству и др. Тем самым категория цивилизации, во-вторых, выходит за рамки социально-экономической формации, поскольку ей не присуща столь ярко выраженная классовая характеристика. Она имеет дело в первую очередь с культурой, духовно-нравственными ценностями, стоящими выше любых классовых интересов и партийных пристрастий, а главное — выражает интересы общества в целом, объединяя всех живущих на данной территории, в данном государстве или регионе людей идеей принадлежности к данной исторической общности (самоидентификацией). Поэтому нельзя сводить конкретную цивилизацию к определенной социально-экономической формации и рассматривать ее в ограниченных рамках и категориях, присущих формационной теории. Термины «рабовладельческая», «капиталистическая, или буржуазная», «коммунистическая» и тем более «социалистическая» цивилизация ошибочны по самой сути своей, ибо сужают и ограничивают весьма длительные процессы, присущие существованию и развитию цивилизаций, многие из которых пережили не один социально-экономический строй.

Не цивилизации существуют и действуют в рамках той или иной социально-экономической формации, а как раз, напротив, цивилизация охватывает ряд социально-экономических формаций (если уж придерживаться данной терминологии). Именно в силу своей большей исторической протяженности и большей значимости общечеловеческих ценностей цивилизационные факторы, охватывающие главным образом духовную сферу человеческой деятельности, играют несравненно более существенную (чем формационные) роль в процессе сближения народов, их взаимовлиянии и взаимодействии, во взаимообогащении национальных культур, содействуют развитию мирового сообщества. В качестве критериев типологии цивилизаций должны выделяться не социально-классовые и, тем более, не политические признаки, а национально-территориальные и духовно-культурные характеристики. Можно говорить, например, о российской, китайской, японской, западноевропейской, североамериканской, скандинавской, африканской, латиноамериканской, арабской, индийской, византийской, и других цивилизациях.

При цивилизационном подходе именно человек выдвигается на центральное место в исторических исследованиях. О человеке, людях и человечестве как главном предмете исторического познания говорили практически все школы и направления мировой историографии. Однако при этом в понимание этого тезиса нередко вкладывался далеко не одинаковый смысл. Для одних человек выступает как высшая ценность, и он становится как бы стержнем, вокруг которого так или иначе разворачиваются исторические события, которые оцениваются с точки зрения того, что они дали для улучшения жизни людей, обеспечения их прав и свобод, свободного развития личности. Но есть и другой подход, когда провозглашение человеческого фактора в качестве основного в историческом процессе (и в историческом исследовании) было не более чем дань моде, когда личность выступает не столько как субъект, сколько как объект истории, а люди — как «винтики» в огромном механизме, например, тоталитарном государстве, для которого положение и права человека, его внутренний духовный мир не представляют какой-либо самостоятельной ценности. И все это нередко объяснялось некими «высшими» интересами и целями. Различие в подходах к этой проблеме отражалось на характере исторических исследований, на их, так сказать, гуманистической сущности.

В одном случае человеку отводилась самая большая роль статиста, наблюдавшего за теми или иными событиями, которые развивались без его сколько-нибудь заметного участия, а ему самому оставалось принимать, одобрять и выполнять принятые за него, а часто и вопреки его интересам, решения, которым он обречен был безропотно подчиняться. В другом —

личность занимает более достойное место, поскольку развитие событий, в которых она участвует, непосредственно связывается с ее положением, правами и духовной жизнью. В такого рода исследованиях формула Шпенглера «субъект — первичен, объект — вторичен» выглядит более естественной и правдивой. В этом, по-видимому, состоит принципиальное отличие между формационным и цивилизационным подходами.

Признание и всесторонний учет цивилизационных факторов помогают исследователю раскрыть природу всемирно-исторического процесса, объективно определить его содержание и движущие силы, сделать наши знания о прошлом действительно научными.

Ковальченко полагает, что для обновления теоретико-методологических подходов и осуществления «теоретического прорыва» в сфере исторического знания необходимо в первую очередь обратиться к количественным методам и компьютерной технике, без чего, по его мнению, невозможно развитие ни одной науки. На современном же этапе историческая наука «требует применения весьма сложных методов, включая компьютерные и квантитативные (количественные)». Но оправдано ли такое сужение весьма широкой методологической проблематики, которая присуща современной историографии, означающее на деле сведение проблем методологии к вопросам методики конкретно-исторического исследования? Попытки превратить историю в разновидность «точных» наук предпринимались и в прошлом, но не они являлись главными факторами развития исторического познания. Во всяком случае, не с этим следует связывать перспективы преодоления кризиса исторической науки и ее судьбы.

IV

Неудовлетворенность и даже озабоченность сегодняшним состоянием исторической науки выражают и зарубежные историки. Дискуссии о необходимости обновления исторической науки, ее новом понимании и перспективах развития ведутся сейчас на страницах специальных изданий, в ходе международных форумов историков, различных конференций и симпозиумов, охватив практически все научные школы и направления. Причем критическому обсуждению и анализу подвергаются решительно все аспекты исторического знания и все стороны ремесла историка. Наибольшее беспокойство вызывает, естественно, сама судьба исторической науки, пути, возможности и условия ее дальнейшего развития, отношения, складывающиеся между исторической наукой и обществом.

История — это наука, позволяющая благодаря объективному изучению, систематизации и обобщению огромного массива самого разнообразного материала свести отдельные и часто разрозненные факты и события в стройную систему достоверных знаний, выявить причинно-следственные связи между ними, показать глубинные процессы, определяющие ход общественного развития, его движущие силы и мотивацию. История — это и то, что запечатлено в народной памяти, которая на протяжении веков впитывала в себя «преданья старины глубокой», деяния предков, а также устные рассказы на исторические темы, передававшиеся от поколения к поколению, часто обраставшие легендами и мифами. Историческая память народа (даже если не всё в ней исторически достоверно) особенно чувствительна по отношению к тем страницам и эпизодам отечественной истории, которые органично вписываются в систему взглядов и норм поведения, соответствуют ментальности народа, его представлениям о государственном устройстве, окружающем мире, национальных и культурных традициях, нравах, обычаях, «социально одобряемых» нормах поведения и т. д. Поэтому историк ни в коем случае не должен пренебрегать исторической памятью народа, он просто не может игнорировать ее при разработке исторических идей и концепций.

В исторической науке, возможно, больше, чем в любой другой,

огромное значение имеет честность и непредвзятость исследователя, его нравственная и гражданская позиция. Не случайно историю называют наукой нравственной. Конечно, полностью исключить печать субъективности, которой в большей или меньшей степени отмечены исторические исследования, невозможно, поскольку исторический труд — это не только результат умения и таланта историка, но отражение его субъективных взглядов и оценок, которые неизбежно переносятся на предмет исследования. Политические пристрастия историка, исповедуемые им ценности, следование или, напротив, неследование «социально одобряемым» правилам поведения, даже черты личного характера, — все это в большей или меньшей мере оказывает влияние на историческое исследование. Чем меньше и тоньше слой этого налета субъективности, тем больше данное исследование отвечает требованиям науки и, наоборот, чем сильнее проявляется субъективность историка, его стремление оценивать прошлое с позиций сегодняшнего дня и своей политической ангажированности, тем в большей мере история превращается в политику, опрокинутую в прошлое.

Со становлением исторической науки появилась реальная возможность увидеть прошлое человечества не как случайное и хаотическое скопление отдельных, не связанных между собой явлений и процессов, а обнаружить их взаимообусловленность, их корни и истоки, понять причины и мотивы движения истории, ее логику и смысл. Историческая наука существует как бы в двух срезах: с одной стороны, в виде событийно-повествовательной, или нарративной истории, истоки которой ведут к бытописательству, освещению отдельных событий, фактов, биографий исторических личностей, с другой, — в виде теоретического, сущностного исследования проблем исторического процесса, выявления в конкретно-историческом развитии общих закономерностей и особенностей, определения типов, путей, стадий и форм исторической жизни. Для успешного развития исторической науки важно, чтобы оба эти направления активно взаимодействовали друг с другом и дополняли одно другое. Было бы неправильным противопоставлять их, объявляя одно из них главным, а другое — второстепенным. Отставание любого направления отрицательно сказывается на общем состоянии исторической науки.

К сожалению, начиная со второй половины XX в. в мировой исторической науке наметилась тенденция, связанная с заметным усилением фрагментации исторических исследований, когда историки начали углубляться в изучение сравнительно узких сфер прошлого и ослабили внимание к разработке общих проблем теории и методологии истории. С одной стороны, это способствовало более полному охвату и раскрытию исторического процесса, стимулировало культурно-антропологический подход к истории и одновременно высвобождало исследователя из пут старых, в значительной мере омертвевших, позитивистских и марксистских схем и формул. Но, с другой стороны, на этом фоне происходило и явное падение интереса к теоретико-методологическим вопросам. Возможно, в этом состоит одна из причин того, что в последнее время в мире почти повсеместно резко понизился социальный статус и общественный престиж исторической науки. О невысоком уровне теоретической работы свидетельствует и то обстоятельство, что в современной историографии нет сегодня фигур, по масштабу и таланту равных таким мыслителям начала и первой половины XX в., какими по праву считаются, например, М. Вебер, О. Шпенглер, А. Тойнби.

Определенным признаком оживления теоретической мысли можно считать попытки, хотя и очень робкие, обновления исторической науки и ее категориального аппарата, выработать современные подходы к предмету исторического исследования, пониманию смысла истории и ее роли в современном обществе.

На протяжении всего XX в. мировая историческая наука, по существу, придерживалась гегелевского взгляда на исторический процесс как на поступательное развитие по восходящей линии, от низших форм организации

общества к высшим, процесса, в основе которого лежит борьба противоположностей. Экономисты стремились подвести под эту концепцию экономическую базу, выявляя для каждого крупного этапа всемирной истории соответствующую ему стадию развития хозяйства. Так, для древней истории это было в основном домашнее хозяйство, для средневековья — городское хозяйство и система товарного обмена, главным образом в пределах города, в новое время такой хозяйственной формой становится народное хозяйство.

Формула Гегеля в своей принципиальной основе была воспринята и Марксом, который конкретизировал ее, выдвинув в качестве главного критерия деление всемирной истории на социально-экономические формации, каждая из которых выступала как ступень на пути прогрессивной эволюции человечества. В качестве движущей силы, обуславливающей смену этих исторических эпох, ее пружины, выступала все та же борьба противоположностей. Различие в подходах состояло лишь в том, что Гегель отдавал предпочтение эволюционному развитию, тогда как у Маркса на первый план выдвигался революционный путь, в основе которого лежала борьба антагонистических классов. Непоследовательность теории социально-экономических формаций достаточно четко проявляется, между прочим, и в том, что сам принцип борьбы противоположностей как движущей силы исторического процесса распространяется лишь на три из пяти формаций, а именно на те, в которых существуют антагонистические классы, а механизм общественного развития внутри неантагонистических формаций, какими являются первобытно-общинное и коммунистическое общества, практически не раскрывается. Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые считают, что если общественное движение есть результат борьбы противоположностей, то этот закон должен не выборочно действовать, а иметь всеобщий характер, следовательно, распространяться на все социально-экономические формации²⁹.

Согласно марксистской теории, переход от одной формации к другой есть не что иное, как революция. Неясно, однако, о какой революции может идти речь, если на смену формации, в которой не было ни классов, ни антагонистических отношений, как при первобытно-общинном строе, приходит формация с более или менее выраженной социальной стратификацией и классовыми антагонизмами. Вообще вопрос о механизме смены общественно-экономических формаций не разработан достаточно четко, поэтому многие важные проблемы, в частности, место и значение переходных эпох в истории человечества, в том числе крупных межформационных периодов, не получили должного освещения в марксистской историографии. Эти вопросы как бы исключались при формировании общей модели исторического развития, что обедняло и в определенной мере упрощало единую схему общественного развития.

Теории и концепции, исходящие из неперемного признания постулата о движении истории по прогрессивно-восходящей линии, имеют существенный дефект: они неизбежно связаны с фиксацией не только начала этого движения, но и его конца, хотя у каждой из этих теорий свое понимание «конца истории». По Гегелю, он связан с тем, что «абсолютный дух» познает себя самого в «высшем обществе», каковым он считал христианско-германский мир в лице прусского государства, на чем, собственно, движение истории у него заканчивается³⁰. Маркс видел конечный пункт развития всего человечества в коммунистическом обществе. Что касается некоторых современных гегельянцев, то они конец истории связывают со становлением постиндустриального общества, торжеством «либеральной демократии и технологически развитого капитализма»³¹.

Итак, германский мир, коммунистическое общество, современное западное потребительское общество с рыночной экономикой и либеральной демократией — таковы, если верить представителям основных концепций всемирно-исторического развития человечества, три конечных этапа на этом пути и три высшие цели исторического прогресса. Во всех этих теоретических построениях очень четко проявляется политическая

ангажированность их творцов и последователей. В то же время при такой постановке вопроса и сама идея исторического прогресса предстает в крайне обедненном и даже каком-то иждивенческо-потребительском виде.

Между тем идея исторического прогресса как основы всего хода всемирной истории должна отождествляться по меньшей мере с тремя важнейшими составляющими. Во-первых, с изменением природы самого человека как главного объекта и субъекта истории, его постоянным совершенствованием. Выводя свою формулу прогресса в изучении истории, видный российский историк Н. И. Кареев считал, что «история прогресса имеет в конце концов своим объектом человека, но не как зоологическое существо, — это дело антропологии, — а как *hominem sapientem*». Поэтому главным в историческом прогрессе является воплощение того, что он называл человечностью, заключающейся в разумности и общественности, иначе говоря, в улучшении «людской породы в умственном, нравственном и общественном отношениях»³². Кареев выделял три вида прогресса: умственный, нравственный и социальный. Для XX в. эту формулу можно было бы расширить за счет включения в нее научно-технического прогресса.

Во-вторых, идея исторического прогресса включает в себя и такое направление, как эволюция общественной мысли, становление различных идей, политических взглядов, идеалов, духовно-нравственных принципов и ценностей, свободной и независимой личности.

В-третьих, об историческом прогрессе можно судить на основании того, какие идеи и принципы, выработанные человечеством на протяжении достаточно длительного времени, получили реальное воплощение и как они повлияли на изменение характера общества, его политико-государственное устройство и жизнь людей.

Вопрос стоит так: можно ли утверждать, как это делают некоторые современные историки, будто XX век показал, что человечество уже «выработало» свой ресурс идей и принципов, способных составить основу разумного и гармонического государственного и общественного устройства, и таким образом исторический прогресс как бы пришел к своему завершению в конце XX в., ознаменовав тем самым «конец истории»? По мнению этих авторов, идеи и принципы классического либерализма, которые выработались на протяжении XVIII и XIX вв., оказались наиболее жизнестойкими и на их основе сложилась целостная система духовных и материальных ценностей, укоренившихся в условиях рационально и оптимально организованных обществ, каковыми являются индустриально развитые государства Западной Европы и США, «выдвинувшиеся в авангард цивилизации, чтоб осуществить принципы либерализма». С этого момента и наступает «конец истории», поскольку человечество просто не в состоянии придумать ничего лучшего, чем идеи либеральной демократии. И хотя эти авторы вынуждены признать, что победа либеральной демократии пока проявляется больше в утверждении идей либерализма и не так уж много достигнуто в практической их реализации, тем не менее, они не устают повторять, что не существует проблем и противоречий, решение которых было бы не под силу либеральной демократии, альтернативы которой якобы нет сегодня и не будет в будущем.

«Конец истории» видится им как завершение идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии как последней и наивысшей формы правления, поскольку «в будущем никакого прогресса в развитии основных принципов и институтов не будет, ибо все действительно крупные проблемы уже решены». Американский исследователь Ф. Фукуяма ссылается при этом на авторитет тех философов, для которых, как он пишет, конец истории означает не только прекращение крупных политических баталий и конфликтов, но также и конец философии. Этот автор склоняется к мысли, что в конце XX в. не только история завершается, но и наступает конец исторической науки. И если еще и приходится говорить о понимании, смысле и движении истории, конечным пунктом которой — в этом автор не сомневается — будет торжество либераль-

ной демократии, то только потому, что еще не до конца выяснено, насколько успешно и когда именно наступят столь же впечатляющие достижения в экономической сфере там, где эти принципы не одержали пока окончательной победы. Однако в реальной жизни человечества возникают сложные проблемы, причем не только в экономической, но и в духовно-нравственной сфере, которые либеральная демократия не сумела решить. И хотя Фукуяма утверждает, что «современный либерально-демократический мир свободен от противоречий» и остаются лишь некоторые не решенные пока проблемы (бюджетный дефицит, инфляция, преступность, наркомания), он, тем не менее, задает себе вопрос: «Есть ли основания предполагать, что эволюция всемирной истории будет происходить в направлении либеральной демократии?»³³ Возможно, эта неуверенность была навеяна острой критикой, которой в свое время подверглась его статья «Конец истории?».

В самом деле, не может не вызывать возражений сама постановка автором вопроса о том, что человечество исчерпало возможности идеологического развития и не способно вырабатывать новые идеи и принципы. Можно согласиться с тем, что XX век не выдвинул достаточно крупных идей, которые своей фундаментальностью и масштабностью находились бы на уровне и, тем более, превосходили либерально-демократические идеи и принципы. Получившие в XX в. достаточно широкое распространение идеи, взгляды и теории, тяготеющие к тоталитаризму или авторитаризму с неременной монополией на политическую власть, не могли, конечно, составить, как показал исторический опыт, достаточно серьезную альтернативу либеральным идеям и принципам. Однако, как показывает тот же исторический опыт, следует иметь в виду, что и сами либерально-демократические идеи видоизменяются и то, что сегодня выдается за классический либерализм, далеко не всегда и не во всем соответствует исходным представлениям. Тем более, если учитывать, как эти идеи претворяются в реальной жизни, подвергаясь нередко весьма серьезной трансформации и даже деформации. К этому следует добавить, что логика Фукуямы, используемые им приемы доказательства своих выводов совершенно не убедительны с точки зрения накопленных человечеством исторических знаний, опыта исторического познания.

Необходимо напомнить об относительной истинности любых, даже самых привлекательных, идей и теорий. Их следует рассматривать в исторической перспективе, с позиции историзма. Объективная потребность и даже необходимость сохранения испытанных и многократно проверенных и доказанных историей разумных идей, принципов, человеческих идеалов и ценностей всегда соседствует с не менее сильным стремлением человечества к самосовершенствованию, к познанию и открытию нового и неизведанного. Это обусловлено органически присущим каждой науке чувством неудовлетворенности достигнутым, открытостью к восприятию новых методологических систем и подходов, новых идей, направленных на более совершенное устройство общества и всех его институтов.

Идеи и принципы либерализма претерпели начиная с конца XIX в. и особенно во второй половине XX в. весьма существенную эволюцию. Две другие составляющие исторического прогресса — человек и общество — еще очень далеки от гармонии даже в так называемых благополучных странах. Так что об абсолютно совершенном или, по терминологии Фукуямы, «последнем человеке», как и об идеальном обществе, можно говорить только как о целях, к которым человечество стремится. Как справедливо замечает немецкий философ К. Ясперс, история существует именно потому, что «человек конечен, незавершен и не может быть завершен, он должен в своем преобразовании во времени познать вечное, и он может познать его только на этом пути. Незавершенность человека и его историчность — одно и то же. Границы человеческой природы исключают ряд возможностей. На Земле не может быть идеального состояния. Не существует правильного мирового устройства. Нет совершенного человека. Постоянно повторяющиеся конечные состояния возможны только как возврат

к естественному ходу событий. Из-за того, что в истории постоянно действует незавершенность, все должно беспрерывно меняться. История сама по себе не может быть завершена. Она может кончиться лишь в результате внутренней несостоятельности или космической катастрофы»³⁴.

Книга Фукуямы может служить определенным упреком историкам за их явно пренебрежительное отношение, как в прошлом, так и в настоящем, к разработке теоретических и методологических проблем своей науки, за то, что они зачастую передоверяют эту важную работу социологам и философам. Это обстоятельство имело серьезные негативные последствия для исторической науки, обострив ее кризис. Прав английский историк П. Берке, утверждающий что «без соединения истории и теории мы не имеем возможности понять ни прошлое ни настоящее»³⁵. По его наблюдениям, в современной мировой историографии четко обозначались две тенденции: одни историки не только осознают важность теории, но и применяют ее в своих конкретных исследованиях, другие больше интересуются теорией, чем следуют ей. Едва ли не главную причину все еще недостаточного внимания к проблемам теории истории автор видит в явственно наметившейся тенденции к фрагментации исторических исследований, ведущей к размыванию самого предмета науки и объективно ослабляющей понимание исторического процесса как единого и целостного.

Речь, однако, должна, очевидно, идти не только и даже не столько о механическом соединении или какой-то комбинации истории и теории, сколько об их тесной и органической взаимосвязи. Дело не только в осознании того, что не может быть истории без социальной теории, как и социальной теории без истории. Вопрос этот глубже и намного серьезнее: история как наука обречена на гибель, ее дальнейшее развитие просто невозможно, если она будет по-прежнему пренебрежительно относиться к разработке собственной теории. Нисколько не умаляя важности и значения использования методов других наук в исторических исследованиях, необходимо коренным образом пересмотреть свое отношение и свои подходы к исследованиям в области теории и методологии истории.

До недавнего времени считалось чуть ли не общепринятой нормой сводить собственно исторические знания исключительно к изучению и объяснению отдельных конкретных явлений и исторических фактов, не претендуя на целостное понимание исторического процесса. Обобщение и теоретическое осмысление общества в целом, во взаимосвязи всех его сторон и исторических этапов развития, имеющие методологическое значение для всех общественных наук, составляют, как утверждают авторы книги «Теория и история», содержание философско-социологического знания³⁶. В самом названии этой книги заложено их противопоставление как якобы несовместимых: история существует как бы сама по себе, а теория — сама по себе, и пути их нигде не перекрещиваются.

Такой взгляд на историю как способную вырабатывать лишь сырой материал, который может представлять какую-то научную ценность только после того, как будет теоретически обобщен и осмыслен философами и социологами, восходит к временам безраздельного господства принципов исторического материализма, когда истории отводилась вполне определенная роль: она должна была лишь раскрывать и доказывать действие так называемых социологических закономерностей, выдвигаемых историческим материализмом, подтверждать их правоту и всеобщность. Эту идею усиленно отстаивал Н. И. Бухарин, который еще до появления «Краткого курса» утверждал, что история лишь прослеживает и описывает, как протекал поток общественной жизни в такое-то время, в таком-то месте, социология же ставит общие вопросы. Что такое общество? От чего зависит его развитие или его гибель? В каком отношении друг к другу находятся различные ряды общественных явлений (хозяйство, право, наука и т. д.)? Чем объясняется их развитие? Каковы исторические формы общества? Чем объясняется их смена? И т. д. Какую же роль отводил этот едва ли не главный в те годы теоретик партии исторической науке? Она, по его

убеждению, лишь дает материал для выводов и обобщений, которые делает социология, указывающая «определенную точку зрения, способ исследования или, как говорят, метод для истории»³⁷.

В последующие годы историки, которые смирились с отведенным исторической науке положением в существовавшей в советское время жесткой градации гуманитарных наук, могли рассчитывать максимум на то, чтобы хоть как-то защитить самостоятельную роль и значение своей науки, отстояв хотя бы какие-то участки, где они тоже могли бы заниматься теоретической деятельностью, выявлять и формулировать исторические законы и закономерности³⁸. Однако подобные усилия мало что могли дать, ибо историкам предписывалось заниматься исследованиями на строго очерченных участках конкретно-исторического поля³⁹.

Все это рано или поздно должно было привести, и действительно привело, к кризису исторического знания, лишившегося своей теоретической устремленности и собственной методологической основы. Главным показателем кризиса исторической науки, принимавшего все более глубокий и затяжной характер, и является тот вакуум, который образовался в области теории истории. Это явилось и своеобразным отражением кризиса, переживаемого другими гуманитарными науками, в особенности философией. Этот вакуум образовался в результате банкротства многих устаревших (или устаревающих) теорий и концепций, в том числе и монистического взгляда на историю, неразработанностью новых плодотворных идей и оригинальных концепций.

В начале XX в., когда наука истории столкнулась со сложными методологическими проблемами, изменить в какой-то мере ситуацию позволила резкая активизация исследований в области теории исторического процесса. Большую роль в этом сыграла, в частности, французская школа «Анналов» в лице ее видных представителей Л. Февра, М. Блока, Ф. Броделя и других известных историков, чьи труды составили, теперь это можно утверждать с полным основанием, теоретическую базу мировой исторической науки на целые десятилетия. Но время диктует свои законы: то, что еще относительно недавно считалось высшим достижением исторической мысли, сегодня не может полностью удовлетворить исследователя, ибо историческая мысль, как и любая наука, не стоит на месте и нуждается в постоянном обновлении своих выводов, положений и методов. Речь теперь должна идти о культурно-цивилизационном подходе к истории, когда в центре исторического исследования находилась бы человеческая личность, взятая во всей ее сложной целостности, включающей ментальность, духовные и материальные потребности людей, их семейные отношения, стратификационные группы и их взаимоотношения, все виды социальных, культурных, производственных и духовных связей личности и общества, все многообразие деятельности людей. В этом отношении характерны попытки соединить исследования исторического менталитета с анализом поведения и практической деятельности людей определенной эпохи и в разных исторических ситуациях.

Новый исторический синтез, естественно, предполагает и новые подходы к теории и методологии истории. Вызывают сожаление стремления некоторых теоретиков, не учитывающих изменений в обществе и новый уровень, достигнутый мировой исторической наукой, просто вернуться к теориям, уже в значительной мере исчерпавшим свою методологическую ценность. Нередки и теперь высказывания о бесполезности какой бы то ни было теории истории для специалиста, занятого конкретно-историческим исследованием. Фактически же ни один историк не обходится без обращения к теоретико-методологическим вопросам.

Очевидно, новая научная теория (или теории) будет складываться в процессе свободного развития исторического познания, накопления и обобщения позитивного исторического и историографического опыта, в ходе широкого и свободного обмена мнениями, в процессе диалога современных теоретиков истории с трудами их именитых предшественников. Во всяком случае ясно одно — новые теории и концепции не могут и не должны

искусственно и насильственно привносится в историческую науку, как это было в недавнем прошлом.

Нынешний повышенный интерес к теории и методологии истории и ощущение острой потребности в прорыве в этой области характерны не только для России, но и для многих зарубежных стран, в том числе и, может быть, особенно для новых суверенных государств, которые относительно недавно вступили на путь независимого развития и для которых становление национальных историографических школ и направлений, изучение своей отечественной истории, исторических судеб страны, места своего народа во всемирной истории и мировой культуре является особенно актуальной задачей. В этом находит свое проявление и возрастающая социальная роль исторических знаний, их значения для развития общественного (в том числе и исторического) самосознания, повышение социального статуса исторической науки, особенно в такие переходные эпохи, как вторая половина XX века.

В условиях, когда люди все больше и глубже осознают мировое, планетарное единство человечества и всемирно-исторического процесса, растет понимание общности задач, решаемых историками разных стран, входящих в мировое научное сообщество, а каждый национальный отряд историков все острее осознает свою принадлежность к мировой исторической науке. Может быть, никогда еще так явственно, как в наше время, не вставала проблема развития связей между различными историческими школами, течениями и направлениями. В этом заключается одна из важнейших предпосылок успешного развития творческой исторической мысли.

V

Какой будет историческая наука в XXI веке? Можно ли предвидеть ход и логику ее развития? Конечно, не все, но какие-то самые общие параметры и отдельные контуры такого развития предположить возможно, если, разумеется, исходить из принципа историзма и основываться на объективном анализе развития человечества, а также тенденций в самой исторической науке XX в., выявления тех ее черт и признаков, которые пребывают пока лишь в зародыше, но которым может принадлежать будущее. В связи с этим можно было бы выдвинуть несколько тезисов.

1. Основное и главное состоит в том, что XXI век, очевидно, посрамит тех, кто пытается похоронить историческую науку, предвещая ей скорый конец. Этого не произойдет. Напротив, история, возможно, впервые за все длительное время своего существования, займет подобающее ей место в системе наук. Слишком долго она находилась на положении падчерицы, пытаясь самоутвердиться и отстоять себя, даже просто выжить, не видя, а возможно, не желая видеть, и своей доли ответственности за то униженное положение, в котором она часто оказывалась. Не только представители других наук, но и сами историки нередко подчеркивали ограниченный характер исторических знаний, ими добытых, их недостаточную обоснованность, идеологическую заданность суждений и оценок, некритическое усвоение и, как правило, механическое перенесение в историческую науку методов, приемов и даже методологических принципов, которые вырабатывались в иных сферах знаний и далеко не всегда были пригодны для проведения исторических исследований. Призывая поднять научный уровень исторических исследований и повысить социальный статус исторической науки, они добивались подчас прямо противоположных результатов. К исторической науке стали относиться не как к самостоятельной сфере знаний, а как к чему-то второстепенному и второсортному. Историческая наука нередко и сейчас воспринимается в обществе как своего рода совокупность субъективных, порой весьма противоречивых, взглядов, оценок, выводов, добытых, как правило, не в результате свободного, объективного и непредвзятого изучения исторических источников и материалов, а как симбиоз схоластических, оторванных от реальной исторической жизни схем, привнесенных из других областей знаний. К сожалению, историческая

наука часто сама уклонялась от своего права самостоятельно определять свое лицо, мирилась с отведенной ей ролью описывать события и факты, не вторгаясь в область теории, выявления и обоснования исторических законов и закономерностей. В XXI в. это положение будет преодолено и историческая наука займет достойное и равноправное положение как среди других наук, так и в обществе, которое к тому времени также в полной мере осознает необходимость исторической науки. Она перестанет быть невостребованной.

2. В XXI в. историческая наука обогатится новыми идеями и новыми концепциями, которые выведут ее на принципиально иной уровень, заставят по-новому взглянуть на прошлое человечества, по-иному оценить многие, казалось бы установившиеся и ставшие общепринятыми, положения и выводы. Если послушать некоторых современных историков, то может сложиться впечатление, что всё уже в области познания прошлого человечества сказано и обосновано, а ныне живущим и грядущим поколениям остается только либо соглашаться с теми выводами, которые уже были провозглашены, либо отвергать их, не выдвигая ничего взамен. В лучшем случае призывают возвратиться к истокам, черпать в них какие-то до сих пор не использованные в должной мере или необоснованно забытые идеи и мысли.

Подобной точки зрения придерживается, в сущности, и Ясперс в своей концепции так называемого осевого времени, периода, когда произошел самый резкий поворот в истории человечества, связанный с небывалым расцветом духовной жизни одновременно, независимо друг от друга, в разных районах мира, когда были провозглашены основные философские идеи и выработаны представления людей об окружающем их мире; человек осознал самого себя и свои границы, а для всех народов были найдены общие рамки понимания их исторической значимости⁴⁰. Именно в это время, по мнению Ясперса, там, где проходила ось мировой истории, возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть, с поразительной быстротой происходило формирование человеческого бытия, создавались духовные и нравственные ценности, сопровождающие человечество на протяжении всей его последующей истории.

При всей справедливости утверждения Ясперса, что в ту эпоху были разработаны многие категории, которыми человечество мыслит по сей день, а также заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих поведение людей, процесс выработки новых идей и принципов продолжался на протяжении всей истории человечества, хотя на разных ее этапах отличался уровнем интенсивности. Многие представления людей о миропорядке и мироустройстве существенно изменились, не говоря уже об исторических концепциях, которые оказались значительно более подвижными и изменчивыми. В определенном смысле можно, вероятно, говорить об относительной молодости основных направлений исторической мысли, процесс формирования которых не только не завершен, но, возможно, его особая интенсивность придется как раз на XXI век, когда историки по-настоящему займутся разработкой теоретических и методологических основ своей науки. Здесь не обойтись одним синтезом существующих идей, теорий и взглядов. Должны будут появиться новые исторические концепции, новые подходы и методы, которые позволят получить адекватное отражение исторической действительности и сделать наши знания о прошлом истинно научными и достоверными.

3. Мировой исторической науке предстоит в полной мере преодолеть европоцентристский взгляд на всемирную историю, освободиться от политической и идеологической зашоренности, представить прошлое во всем его многообразии, многослойности и неповторимости. И тогда, возможно, будет реализована идея, волновавшая Шпенглера, который считал, что главная ошибка историков состоит прежде всего в том, что все они писали историю с точки зрения современного человека, деля ее на совершенно не соизмеримые по удельному весу периоды — древности, средневековья и нового времени. В результате такого подхода, полагал Шпенглер, «исторический материал целых тысячелетий, отделенный известным расстоянием,

например, Египет или Китай, принимает миниатюрные размеры, а десятилетия, близкие к зрителю, начиная с Лютера и особенно с Наполеона, приобретают причудливо-громадные размеры». По его убеждению, возводить этот подход «в принцип построения всемирной истории потому только, что мы живем в данной культурной среде, значило бы обладать кругозором провинциала. Это давало бы право китайскому историку со своей стороны составить такой план всемирной истории, в котором обходились бы молчанием, как нечто неважное, крестовые походы и Ренессанс, Цезарь и Фридрих Великий»⁴¹.

Можно, конечно, пренебречь этими призывами и даже попытаться уличить автора «Заката Европы» в тенденциозности. Однако лучшим ответом Шпенглеру явилось бы создание объективных и непредвзятых исследований, где всемирная история действительно была бы представлена как процесс, в котором в качестве активных субъектов участвуют все народы и все страны. Первым шагом на этом пути могло бы явиться написание истории XX в., которая раскрывала бы все стороны общественной жизни и учитывала бы вклад каждого народа в мировое развитие. Может быть, в этом труде будет содержаться ответ на самый, пожалуй, главный вопрос: какое место занимает наше столетие в историческом прогрессе, в истории мировой цивилизации, в какой мере оно подтвердило, а, возможно, и опровергло взгляд на историю как общественное развитие, осуществляющееся непременно по восходящим ступеням.

4. Исторической науке XXI в. неизбежно придется уделить серьезнейшее внимание совершенствованию своего понятийного аппарата, который играет важную роль в процессе исторического познания и в значительной мере характеризует ее состояние и уровень развития. К сожалению, тот арсенал научных понятий и категорий, терминов и дефиниций, которыми располагает современный историк, не только крайне ограничен и беден, но и чрезвычайно несовершенен. Уже давно историки в одни и те же термины вкладывают разный, порой прямо противоположный, смысл. Поэтому они нередко не понимают друг друга. К тому же, — и это, возможно, важнее всего, — широко используя современные понятия и термины, отражающие новейшие исторические события и процессы, многие историки невольно «подтягивают» историю к современности, выпрямляют ее, подгоняют исторический материал к уже готовым формулам, принципиальным оценкам и выводам. В идеале историку надо научиться с каждой исторической эпохой разговаривать на ее языке, используя присущую ей систему понятий и терминов. Только в этом случае он сумеет понять и верно передать дух и особенности эпохи, ее специфику.

5. В XXI в. значительно расширится источниковая база исторических исследований, прежде всего за счет преодоления «пещерного» отношения к архивам, которые, в значительной своей части все еще не доступны исследователю, находятся под запретом или становятся достоянием очень небольшой группы особо приближенных к власти людей. Архивные материалы перестанут быть предметом купли-продажи, будут служить интересам науки. Только свободный доступ к архивам, независимо от их подчиненности, разумеется, на основе строгого соблюдения действующего законодательства, также нуждающегося в совершенствовании, может поставить всех исследователей в равное правовое положение, поднять научный уровень исторических исследований, особенно в области новой и новейшей истории. По-видимому, более четкими станут и критерии оценки научных исторических трудов, когда судить о них станут не только и не столько по так называемой актуальности избранной темы или проблемы, а прежде всего по уровню и качеству их исполнения, по глубине познания и широте охвата реального исторического процесса.

6. В XXI в. историческая наука станет подлинно интернациональной — не только в плане развития постоянных и тесных связей и взаимных контактов между историками разных стран и направлений. Окончательно уйдет в прошлое противопоставление народов и национальных культур и восторжествуют принципы уважительного отношения к истории, куль-

туре, традициям каждого народа. Теперь уже совершенно очевидно, что ни одна национальная историография не может успешно развиваться, изолируя себя от других отрядов мировой историографии. Историческая наука может успешно развиваться лишь как мировая наука.

7. В XXI в. будет преодолен кризис системы исторического образования, которая подвергнется коренному реформированию. Люди, независимо от избранной ими профессии, будут получать глубокие исторические знания. Уйдет в прошлое складывавшееся десятилетиями представление о том, что можно быть современно образованным человеком, не зная истории и культуры других народов или ограничивая эти знания лишь западноевропейским материалом. Понимание и знание истории, как и формирование исторического сознания, покоились до сих пор на ограниченном историко-культурном материале, исключавшем огромные пласты исторической и культурной жизни. Все это рисовало во многом искаженную картину истории народов мира, порождало определенный снобизм, даже национал-шовинизм, проявляющийся в попытках «удревнить» свою историю и исказить историю других народов. В советской историографии усиленно насаждался тезис о том, что до 1917 г. в России будто бы вообще не было истории, а была лишь предыстория.

8. Существенно должны измениться в XXI в. взаимоотношения между обществом и исторической наукой, между историей и современностью. От их разобщенности страдали обе стороны: общественные движения нередко терпели поражение, так как пренебрегали уроками истории, а историческая наука хирела из-за того, что исторические знания и анализ прошлого оказывались невостребованными обществом.

Между тем эти два процесса объективно взаимосвязаны, и от того, как они взаимодействуют между собой, зависит не только правильное отношение людей к своему прошлому, уровень их политического и исторического самосознания, но и решение многих текущих проблем. Ибо каждая проблема имеет свою историю, забвение которой оборачивается тяжелыми последствиями и даже трагедиями для страны. Можно говорить даже об определенной закономерности (опыт ряда цивилизованных стран подтверждает это): чем значительнее разрыв между настоящим и прошлым, чем слабее связи со своей историей, тем больше и тяжелее приходится испытывать обществу различных трудностей и осложнений в своем поступательном развитии, особенно в период обновления и реформирования страны. И, наоборот, чем органичнее и естественнее проявляет себя связь времен, чем глубже осваиваются прогрессивные исторические, культурные и национальные традиции, тем выше духовно-нравственное состояние общества, тем значительнее достижения в различных областях государственной жизни, тем стабильнее внутривнутриполитическое положение страны. История была и остается оселком, на котором оттачиваются решения государственных деятелей.

XXI век откроет новые горизонты перед исторической наукой. Будут сделаны крупные открытия, которые значительно расширят исторический кругозор, объем знаний о прошлом. История преодолит многие из своих нынешних бед и пороков и займет подобающее ей место в жизни общества.

Примечания

1. ВИППЕР Р. Кризис исторической науки. Казань. 1921, с. 3.
2. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах. Новая и новейшая история, 1995, № 1, с. 3—33; его же. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое. — Свободная мысль, 1995, № 2, с. 111—123.
3. ВЕБЕР М. Избранные произведения. М. 1990, с. 353.
4. КАРАМЗИН Н. М. Предания веков. М. 1987, с. 28.
5. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения. Т. 1. М. 1987, с. 62.
6. ГРАНИН Д. Запретная глава. — Знамя, 1988, № 2, с. 127.
7. СТАЛИН И. В. Сочинения. Т. 13, с. 98—102.

8. Основная критика в замечаниях была направлена против учебника по истории СССР, подготовленного коллективом авторов, которым руководил ученик М. Н. Покровского Н. Н. Ванаг. Этот учебник был признан неудовлетворительным во всех отношениях, а о его авторах говорилось, что они не только не выполнили задание, но даже не поняли его смысла. Что касается учебника по новой истории, то в нем, как было сказано в замечаниях, достаточно много сумбура (см. К изучению истории. М. 1946, с. 21, 26).
9. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1946, с. 116, 113.
10. См. Предисловие к двухтомному труду Б. А. Тураева «История Древнего Востока» (Т. 1. М. 1936, с. X). В. В. Струве упрекают также в том, что именно к его работам 30-х годов в значительной степени восходит введенное Сталиным понятие «рабовладельческая формация» (см. ДЬЯКОНОВ И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М. 1994, с. 355).
11. Архив Российской академии наук, ф. 457, оп. 3, № 19, л. 158.
12. КОНРАД Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М. 1996, с. 441.
13. Цит. по: Вопросы истории, 1996, № 2, с. 58.
14. ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 23. М. 1981, с. 142.
15. Ф. Энгельс — К. Марксу, 24 июля 1877 г. — МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. 34, с. 47.
16. Не удивительно, что в марксистском понимании истории акцент делается именно на классовой борьбе. По определению Ленина, «история есть ряд эпизодов классовой борьбы» (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 154).
17. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Методы исторического исследования. М. 1987, с. 48. Возражая автору, ряд историков справедливо указывал, что именно следование историческому материализму «больше всего навредило развитию исторической науки», а попытки соотносить с его закостенелыми схемами «все вытекающие из результатов исследований новые идеи и постановки вопроса» привели к тому, что «многие и многие советские историки обрекли себя на повторение общепринятых (и общеизвестных) теоретических принципов» (см. КАХК Ю. О некоторых проблемах методологии исторических исследований и о поисках «основного двигателя» исторического процесса. (Размышления в связи с прочтением монографии акад. И. Д. Ковальченко). — Известия АН Эстонии, Общественные науки, 1990, № 3, с. 311—312).
18. Некоторые авторы отрицают, что сама постановка проблемы кризиса российской историографии конца XIX — начала XX в. в значительной мере имела искусственный характер, преследовала цель полностью ее дискредитировать и доказать, что подлинного расцвета историческая мысль достигла лишь в советское время. Помимо такого «показателя» этого кризиса, как неприятие дореволюционной российской историографией марксизма, выдвигается и тезис, согласно которому этот кризис «ознаменовался не просто нарастанием неприятия ею позитивизма, но созданием ее представителями антипозитивистских концепций и утратой позитивистской методологией своих ведущих позиций в исторической мысли России» (см. РАМАЗАНОВ С. П. Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Томск. 1995, с. 25). Автор явно переоценивает влияние позитивизма на российскую историческую мысль и в то же время недооценивает присущих российской дореволюционной историографии оригинальности и самобытности.
19. ХМЫЛЕВ Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск. 1978, с. 22—23.
20. ПЕТРУШЕВСКИЙ Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М. 1907, с. 11—12. Признавая прогрессивное значение метода материалистического понимания истории, который, по его словам, давал в руки историков дополнительные импульсы для исследования общественной эволюции, ученый резко выступал против попыток сторонников этого метода сводить «сложнейшие продукты общественной эволюции к простейшим факторам, и в этом отношении нередко доводя их до геркулесовых столбов самого наивного схематизма и догматизма» (там же, с. 12).
21. ТАРЛЕ Е. В. Сочинения. Т. 1. М. 1957, с. 300—301.
22. ПЕТРУШЕВСКИЙ Д. М. Новое исследование о происхождении феодального строя. СПб. 1892, с. 4.
23. ХВОСТОВ М. М. Лекции по методологии и философии истории. Казань. 1913, с. 67.
24. ДРУЖИНИН Н. М. О периодизации истории капиталистических отношений в России. — Вопросы истории, 1949, № 11, с. 91.
25. «Так называемое «материалистическое понимание истории» в качестве «мировоззрения»

или общего знаменателя в каузальном объяснении исторической действительности,— писал М. Вебер,— следует самым решительным образом отвергнуть». Однако он явно заблуждался, полагая, что материалистическое понимание истории господствует только в сознании любителей и дилетантов, в среде которых «все еще бытует своеобразное представление, которое состоит в том, что их потребность в каузальной связи может быть удовлетворена только в том случае, если при объяснении какого-либо исторического явления, где бы то ни было и как бы то ни было, обнаруживается, или как будто обнаруживается, роль экономических факторов. В этом случае они довольствуются самыми шаткими гипотезами и самыми общими фразами, поскольку имеется в виду их догматическая потребность видеть в «движущих силах» экономики «подлинный», единственно «истинный», «в конечном счете всегда решающий» фактор» (ВЕБЕР М. Ук. соч., с. 365).

26. Подробнее о «лысенковщине» и ее негативных последствиях для биологической науки, особенно генетики, см. ДУБИНИН Н. П. Вечное движение. М. 1973.
27. Здесь и далее цитируется статья И. Д. Ковальченко в «Новой и новейшей истории».
28. БЕРДЯЕВ Н. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные. (1900—1906 гг.). СПб. 1907, с. 119.
29. ДЪЯКОНОВ И. М. Ук. соч., с. 7.
30. По Гегелю, «всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало». По его утверждению, «Восток знает и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны» (ГЕГЕЛЬ. Сочинения. Т. VIII. М.-Л. 1935, с. 98).
31. FUKUYAMA F. *The End of History and the Last Man*. N. Y. 1993, p. XII.
32. КАРЕЕВ Н. И. Формула прогресса в изучении истории. Варшава. 1879, с. 6.
33. FUKUYAMA F. *Op. cit.*, p. XII, 67, 71, 136, 139.
34. ЯСПЕРС К. Смысл и назначение истории. М. 1994, с. 242—243.
35. BURKE P. *History and Social Theory*. Ithaca — N. Y. 1993, p. 19.
36. КЕЛЛЕ Ж. В., КОВАЛЬЗОН М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М. 1981, с. 8.
37. БУХАРИН Н. И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.-Пг. 1923, с. 12.
38. Нередко сами историки занимали в этом важнейшем вопросе неопределенную позицию, по существу, соглашаясь с теми, кто отрицал их право выявлять, исследовать и формулировать исторические законы и закономерности. Преобладала точка зрения, согласно которой нет таких исторических законов, которые «не были бы вместе с тем экономическими, социологическими, психологическими и этнографическими» (см. ЖУКОВ Е. М. Очерки методологии истории. М. 1980, с. 264). Аналогичный взгляд высказывали и другие историки, утверждая, что «в объективной действительности законы не распадаются на исторические и социологические» и что с гносеологической точки зрения правомерно деление этих законов на «экономические, социальные, политические и т. д.» (КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Методы исторического исследования, с. 55). В предложенной классификации не остается места для исторических законов.
39. К сожалению, значение истории как науки отрицал даже такой выдающийся ученый, как академик П. Л. Капица, который в одном из своих выступлений заявил: «Процессы, связанные с развитием человеческой культуры, изучаются историей. С нашей точки зрения, историю (как описание эмпирической последовательности событий, процессов развития той или иной страны, государства и т. д.) нельзя считать наукой в принятом нами определении этого понятия, так как она занимается не выявлением объективных закономерностей как таковых, а их проявлением в уникальных и неповторимых событиях. Такие исторические процессы, как установление власти, классовые противоречия, экспансия и прочее, всегда связаны и с эмоциональной деятельностью не только отдельного человека, но и целых коллективов» (см. КАПИЦА П. Л. Влияние современных научных идей на общество.— Вопросы философии, 1979, № 1, с. 70—71). Как видно из приведенного высказывания, Капица полагал, что исторические явления и процессы в принципе не поддаются объективному научному исследованию и толкованию, с чем, конечно, нельзя согласиться. Установление исторической истины на основе объективного выявления причинно-следственных связей между событиями и явлениями и составляет главную цель и задачу исторической науки. Если историческая правда не всегда пробивает себе дорогу и становится общепринятой, то повинна в этом вовсе не историческая наука как таковая, а те ее представители, которые по тем или иным причинам не заинтересованы в объективной трактовке вопросов истории.
40. ЯСПЕРС К. Ук. соч., с. 32—33.
41. ШПЕНГЛЕР О. Закат Европы. Новосибирск. 1993, с. 51.

Церковная реформа Александра II

С. В. Римский

Забытая реформа. Так можно охарактеризовать то, о чем пойдет речь. Действительно, разработка темы, начатая в дореволюционной отечественной историографии¹, совершенно прекратилась после октября 1917 года. Не нашла она отражения и в коллективных трудах², изданных к юбилейным датам. Да и не мудрено. Авторы разделов, посвященных истории православной церкви в XIX в., не привлекли архивных материалов, ограничившись изучением изданных источников, периодикой того времени и некоторыми трудами историков конца XIX — начала XX века. В результате даже в работе «Русское православие: Вехи истории» содержится лишь замечание, что «в церкви как организации идет вялая имитация преобразований, она нехотя ищет средства приспособления к новым условиям» и что «большинство этих изменений произошло по инициативе государства»³. Краткое изложение преобразований, данное автором раздела, Б. Г. Литваком, содержит досадные ошибки.

Между тем церковная реформа давно привлекала внимание западных историков. О ней в связи с отменой крепостного права писал И. Смолич⁴. На широкой источниковой базе основана монография Г. Фриза «Приходское духовенство в России в XIX столетии»⁵. Значительная часть ее посвящена церковной реформе Александра II; она до сих пор остается единственным исследованием по данной теме.

Церковная реформа началась одной из первых в 1863 г. в силу тех же причин, что и другие преобразования Александра II, последовавшие за отменой крепостного права. В конце 50-х годов XIX в. Русская православная церковь занимала первенствующее положение среди других легитимных в стране религиозных организаций; православие являлось государственной религией. Хотя об этом в прошлом писали⁶, но правовая основа и сам механизм взаимоотношений церкви и государства не раскрыты. Давняя и тесная их связь оформлялась особой отраслью юриспруденции — церковным правом, включавшим в себя каноническое и догматическое право, гражданские и светские законы. Источниками церковного права в России были Священное писание, правила апостолов, вселенских и поместных соборов, отцов церкви — с одной стороны, Духовный регламент, вышедшие после него царские указы, определения Св. Синода и действующие гражданские законы — с другой.

Римский Сергей Викторович — кандидат исторических наук, доцент Ростовского педагогического университета.

В том виде, в котором застали церковное право реформы, оно сложилось в основном в царствование Николая I. И дело здесь не только в кодификации, как утверждает Литвак⁷, а в ревизии многих законов, регулировавших церковно-государственные отношения, организацию управления церковью, вопросы подготовки кадров духовенства, определявших его гражданские и личные права и обязанности, материальное положение и отношения с прихожанами.

Российское законодательство строго охраняло интересы православия, запрещая иноверцам миссионерскую деятельность среди православных, а его последователям, наоборот, вменяло «в истинное христианское благочестие всех других иноверцев приобщать к владычествуемому вероисповеданию»⁸. Детей, рожденных от родителей разной конфессиональной принадлежности, обязательно крестили по православному обряду, если отец или мать принадлежали к господствующей вере. За выход из православия, а главам семей — за принуждение жен отречься от него или за обращение детей в иную веру грозило наказание по суду. Владельца крепостных, уличенного в отступлении от православия, ожидало существенное ограничение личных и имущественных прав. Его населенные имения отдавали в опеку, причем ни муж, ни жена вероотступника участвовать в ней не могли. Виновный терял право жить в собственных поместьях, брать крепостных-православных в услужение. Ограничения снимались только в том случае, если он возвращался в лоно государственной церкви. Напротив, в ряде случаев обращенным в православие предоставлялись льготы и привилегии, выплачивалось материальное вознаграждение. Помещикам запрещалось привлекать крестьян на работы в воскресные дни, двенадцатые и храмовые праздники, 9 мая (День Св. Николая Чудотворца), а также в день рождения императора⁹.

Особая группа законов определяла отношения православной церкви с самодержцем. Включенный в Свод законов М. М. Сперанским раздел «О вере» декларировал, что «император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, блюститель правоверия, и всякого в церкви святой благочиния». Тем самым на российской почве утвердилось протестантское учение о верховенстве монарха в церкви — учение, проникшее в российское церковное право еще во времена Петра I. Согласно закону, российский император «есть монарх самодержавный и неограниченный»; он является источником законов, устанавливает порядок управления государством. Закон оговаривал, что монарх действует непосредственно лишь в верховном управлении, а в делах «управления подчиненного определенная степень власти вверяется от него местам и лицам, действующим его именем и по его повелению»¹⁰. Он очерчивает круг компетенции органов управления и высших чиновников, закрепляемый специальными уставами.

Из приведенных положений вытекала политическая зависимость церкви от государства: царь не только назначал обер-прокурора Синода, но также утверждал кандидатов в архиерейский сан и на епархиальные кафедры. Таким образом, с точки зрения церковного права каждый из них становился доверенным лицом монарха, действующим в управлении по его прямому поручению, а потому и оставался недосягаемым для критики со стороны подчиненных.

Особенно наглядно зависимость от государства проявлялась в высшем церковном управлении. Как известно, еще Петр I вместо патриаршего управления учредил Синод и должность обер-прокурора Синода, дав последнему значение «ока государева» в церковных делах. Властный потенциал обер-прокурорской должности, заложенный в указе от 11 мая 1722 г., полностью реализовался как раз в эпоху Николая I, когда всю административную структуру церкви переделали на манер министерской. Так, подобно важнейшим министрам, обер-прокурор еженедельно представлял царю доклады по текущим делам церкви. Ни Синод, ни его ключевая фигура, митрополит Петербургский, этого права не имели.

При обер-прокуроре С. Д. Нечаеве (1833—1836 гг.) Синод лишился

права ревизии финансов церкви. Но самые значительные изменения произошли при графе Н. А. Протасове, занимавшем эту должность следующие почти два десятилетия. Высокообразованный, с превосходными манерами, великолепный танцор, фаворит царя до последнего дня жизни — таким он запомнился современникам. Сохранилось любопытное свидетельство, предельно ясно раскрывающее суть установленного порядка. Вскоре после назначения Протасова Николай I в беседе с его тестем, князем Д. Н. Голицыным, бросил реплику: «Что же ты меня не благодаришь? Какое место я дал твоему зятю!», — князь молча поклонился. «Эх, Голицын, и ты тоже меня не понимаешь: ведь церковью-то править буду я сам»¹¹.

Облеченный особенным доверием царя, Протасов учредил собственную канцелярию по образцу министерств, а синодальную, тоже подвластную ему, значительно расширил. Затем он вывел из подчинения Синоду хозяйственные дела, образовав так называемое Хозяйственное управление, числившееся при Синоде. Подобным образом и Комиссия духовных училищ превратилась в Духовно-учебное управление. Суть манипуляций не сводилась только к расширению чиновничьих штатов: иерархи — члены Синода лишились действительного влияния на управление. Условно можно сказать, что если ранее обер-прокурор был при Синоде, то теперь Синод состоял при обер-прокуроре. Образовалась сеть особых отраслей управления с большим числом светских чиновников, контролируемая обер-прокурором. Теперь Синод не мог вынести никакого определения по хозяйственным, учебным и многим другим, даже чисто конфессиональным, делам без предварительной подготовки их в соответствующих столах (отделах) канцелярии. Поскольку же прямым начальником канцеляристов был обер-прокурор, проекты решений с их обоснованием вносились на рассмотрение Синода только с его санкции. До какой степени эта система умаляла роль Синода, говорит то, что чиновники иногда готовили два-три проекта решения по одному делу, даже противоположных по смыслу, каждый из них подписывали у архиереев — членов Синода, а Протасов выбирал тот, который считал нужным доложить царю или пустить в ход. Только после его резолюции «Исполнить» решение вступало в силу и рассылалось по инстанциям¹².

В административно-территориальном отношении империя была поделена на епархии, границы которых, как правило, совпадали с границами губерний — тоже результат опеки государства. Епархиальное управление строилось по Уставу духовных консисторий, тоже введенному Протасовым в начале 1840-х годов. Каждая епархия состояла из двух и более округов, во главе которых находились духовные правления. С 1840 г. их постепенно упраздняли, передавая высвобождающиеся средства на усиление епархиальных консисторий. Но к началу церковной реформы Александра II оставалось еще 155 правлений.

При новом административно-территориальном делении сохранились только более мелкие округа — благочиния по 10—30 приходов каждое. В 1861 г. благочиний насчитывалось 2486, а приходов — 31 136¹³. Характерной чертой нового порядка управления стало засилье чиновников. Хотя консистория, состоявшая при епархиальном архиерее, формировалась из нескольких духовных лиц, но делопроизводство велось консисторской канцелярией под руководством секретаря, которого назначал и смещал только сам обер-прокурор. Таким образом, схема верхнего уровня управления церковью в ее основной части была перенесена на епархии, что ставило и местных архиереев под контроль обер-прокурора. Если присовокупить, что в николаевскую эпоху ввели еще и подробную отчетность на всех уровнях, тоже на манер светских учреждений, то будет вполне правильным сравнить церковь с неким министерством.

В течение первой половины XIX в. предпринимались и другие преобразования в церкви, но все они преследовали только одну, высшую цель: охранение основ самодержавия. Во имя этой цели претерпела изменения церковно-административная система, во имя нее дважды подвергались

пересмотру устава духовно-учебных заведений, открывались новые епархии, вводились новые штаты причтов. Таким образом проявлялась правовая зависимость церкви от государства, от монарха.

Сравнение перемен в церковном управлении, произведенных при Протасове, с тем, что происходило в светских административных органах, да и в целом во внутренней политике, объясняет прочность его положения и ту легкость, с какой принимал царь его предложения: они полностью соответствовали желанию императора выстроить некую совершенную систему, не допускавшую проникновения в Россию опасных для монархии новомодных философских учений, обеспечивавшую его личный контроль во всех сферах жизни.

В некоторых вопросах зависимость церкви от государства прямо противоречила каноническому праву. Например, при назначении архиереев на кафедры Синод играл лишь малую роль. Формально считалось, что он выдвигает трех кандидатов, а царь выбирает одного из них. На самом деле, уже при подборе кандидатур, особенно на престижные и богатые епархии, а тем более с митрополичьей кафедрой, разгоралась закулисная борьба, в которой участвовали придворные, члены императорской семьи, обер-прокурор и, в меру сил, сами постоянные члены Синода. Таким образом, интересы церкви стояли отнюдь не во главе угла.

Новые назначения, естественно, были связаны с перемещениями архиереев с кафедры на кафедру. Здесь также нарушалось каноническое право: в соответствии с 14-м правилом апостолов, постановлениями 1-го вселенского Никейского, Антиохийского и Сардикийского соборов, перемена кафедр допускалась только в случае чрезвычайной необходимости. То, что в каноническом праве определялось как исключение, стало в России правилом. В 1863 г., когда началась реформа церкви, из архиереев, рукоположенных до 1856 г., только двое служили без перемещений. Еще трое до получения кафедры были викарными. Архиереи остальных 53 епархий переменили кафедры от двух до семи раз! В среднем каждый из них за свою жизнь менял три кафедры, а каждая из епархий раз в семь лет получала нового владыку¹⁴.

Отношения церкви с государством сильно сказывались и на жизни рядового духовенства. Православное духовенство, как, впрочем, и духовенство других конфессий, обладало многими правами и льготами. Так, оно не платило личных податей, не несло повинностей. Не касалась его рекрутчина: ведь дети и жены тоже принадлежали к сословию¹⁵. В целом по правам оно стояло очень близко к дворянству.

Но с другой стороны, то же законодательство сделало его замкнутым сословием: лицам податных состояний поступление в духовенство было затруднено, особенно в клир, на священнические места. Выйти из сословия стало тоже затруднительно, да и невыгодно: сложившего сан ждали кары, а дети по выходе теряли льготы. Степень обособления сословия поражает: если в Европе XIX в. в католическом и протестантском клире только 20—30% являлись выходцами из духовного сословия, то в России — около 100%¹⁶. Кроме того, закон обязывал белое духовенство отдавать сыновей в духовные учебные заведения — профессиональную школу церкви. В связи с этим в центральных епархиях (до трети от общего их числа) постоянно ощущался недостаток мест в причтах для размещения выпускников семинарий и училищ.

Государственная политика по отношению к православной церкви привела к пагубным последствиям. Зависимость от светской власти вызвала своего рода селекцию иерархии: довольно часто архиереи — и члены Синода, и главы епархий — ради собственной выгоды старались выказать готовность услужить обер-прокурору; либо, подражая свету, вели жизнь, неподобающую монашествующим, заботясь о личных удобствах, изобилии стола; либо что еще хуже, занимались накопительством, не щадя казны монастырей, отданных им в управление¹⁷. Да и у приходского духовенства сложился особый сословный менталитет. Возвышаясь над массой подданных империи своим уровнем образования, льготами и привилегиями, оно тянулось к «образованному обществу» — дворянам, чиновникам, подражая им в быту, но не встречая отношения к себе как к равным.

Образ жизни приходского духовенства требовал все больших денег. Его уже не устраивало то, что на селе прихожане расплачивались за требы в основном продуктами сельского хозяйства. Нужны были именно деньги, которые шли на обязательное обучение детей, включая расходы не только по найму квартир и питанию, но и на покупку одежды, предметов домашнего обихода. Поэтому, отнюдь не голодая, они дружно по всей стране заявили о своей бедности, как только ветер перемен закружил над Россией. По подсчетам калязинского священника И. С. Беллюстина, семье священника в год необходимо было тратить 647 руб. 50 коп. серебром: 357 руб. на семью, а 250 руб. на учащихся детей (два сына в семинарии и один в уездном училище). В то же время в тех сельских приходах, где получали дотации казны, на долю священника выпадало всего 100—200 рублей¹⁸.

Во всех исследованиях встречаются цифры, демонстрирующие, по мнению авторов, экономическое процветание церкви¹⁹. Однако возникает вопрос: зачем государство ежегодно дотировало церковь, даже в канун реформ, когда бюджет его уже имел дефицит в 261 850 000 руб. серебром, а государственный долг достиг почти 2 млрд. рублей?²⁰ Объяснить это только заботой о государственной конфессии вряд ли значит исчерпать проблему.

Еще правительство Екатерины II воплотило на практике давно зреющую идею конфискации церковных имуществ. Хотя реформаторы утверждали, что желают лишь освободить церковь от мирской суеты и берут на себя только бремя управления ее имениями, в реальности вышло другое. Екатерина II и не думала сохранить целостность и обособленность отошедших к казне владений. Они стали частью государственных имуществ, и ни о каком отдельном учете доходов и расходов по ним речи никогда не шло. Ими распоряжалась казна, положение которой постепенно ухудшалось.

Конфисковав церковные имущества, государство еще теснее слилось с церковью, потому что теперь оно сделалось ответственным за материальное обеспечение всего духовенства. Но поскольку в самой казне денег постоянно не хватало, финансирование церкви сделалось тяжелой задачей многих поколений российских политиков. Средства ей отпускали исходя из некоего минимума, рассчитанного еще в конце XVIII века. Законодательство определило три класса епархий, штаты архиерейских домов, монастырей и кафедральных соборов. Каждое «учреждение» получало денежное содержание и недвижимость, соответственно месту в принятой классификации, а деньги на местах выплачивали казенные палаты. Размер денежных выплат не изменялся несколько десятилетий, тогда как стоимость жизни возрастала, особенно в течение нескольких лет после окончания Крымской войны.

При Николае I правительство пошло на еще одно нарушение канонического права, установив так наз. штаты приходских церквей, т. е. в своих интересах регулируя численность причтов. Согласно указу от 11 января 1828 г. численность духовенства при каждой церкви устанавливалась в соответствии с количеством прихожан, и причту казна платила денежную дотацию в виде вспомогательного оклада. Тем самым предполагалось обеспечить материальное благополучие духовенства и устранить почву частых конфликтов его с прихожанами из-за размера платы за требоисправления. Конечная цель состояла в повышении авторитета духовенства.

Ассигнования начались в 1830 году. Сначала эта практика распространилась на самые бедные причты, но уже с 1842 г., по чисто политическим мотивам, — и на западные губернии: Киевскую, Волынскую, Могилевскую, Подольскую, Гродненскую, Минскую и Полоцкую²¹. Следуя намеченным путем, через небольшие ежегодные прибавления в смету Синода правительство намеревалось со временем решить проблему и в целом по всей стране. Но сделать этого не удалось. Сложное экономическое положение заставило идти по пути экономии. В 1860 г. казна отпустила последнюю добавку. В 1861 г. из казны на содержание 17 063 причтов поступило 3,6 млн. руб. серебром, при том, что всего в России насчитывалось 598 соборов, 37 381 церковь, 12 186 часовен и молитвенных домов, а значит, дотации получало менее половины причтов (в среднем до 210 руб. в год). Если учесть, что причт состоял из трех-четырех человек, то о сколько-нибудь существенной

прибавке говорить не приходится. Первая роль в оплате содержания приходского духовенства к государству не перешла.

Другая сумма, фигурирующая в исследованиях, огромная по тем временам, — это 20 млн. руб. сер. собственно церковных денег, в 1861 г. также находившихся в активе Синода, его так наз. неприкосновенный капитал и специальные средства. Большая их часть (17,8 млн.) проходила по Духовно-учебному управлению. Формировалась она за счет средств, выручаемых церквами от продажи свеч, венчиков и листов разрешительной молитвы. Остальные средства, числившиеся за Хозяйственным управлением, были получены в виде казенных дотаций, доходов от двух синодальных типографий, банковских процентов, пожертвований и т. п. Ежегодно на нужды церкви тратилась большая часть поступлений Хозяйственного управления и меньшая часть средств Духовно-учебного управления.

Указанные суммы представляли собой так наз. неприкосновенный капитал — еще одно порождение государственного вмешательства в дела церкви. Началось с того, что в 1808 г. император повелел причтам отсылать в распоряжение Синода свечные деньги, составлявшие капитал на содержание духовных учебных заведений, который помещался в государственные банки под 4% годовых. Разрешалось тратить на нужды духовной школы только часть новых поступлений и проценты с неприкосновенного капитала. Тот же принцип вскоре распространился и на остальные церковные деньги, включая епархиальные. Например, в приходской церкви разрешалось хранить наличными не более 150 рублей. Все остальное в обязательном порядке отсылалось в государственные банковские учреждения для хранения в течение 15—20 лет. Те выдавали кредитные билеты-обязательства, по которым ежегодно начисляли 4—5% на вложенный капитал.

Таким образом, Духовно-учебное управление располагало только обязательствами государства, а фактически не могло ни при каких обстоятельствах воспользоваться числившейся за ним огромной суммой. Казна же нашла себе еще один источник пополнения, пользуясь деньгами, которые приносили в церковь верующие, не спросив их мнения. Забирая у церкви «живые» деньги, оно выдавало обязательства, доход по которым из-за непрерывного обесценения рубля постоянно снижался. По масштабу изъятия средств эта акция сопоставима только с секуляризацией церковных имений.

Итак, в церковь действительно стекались от верующих значительные суммы. Например, только епархиальные доходы в 1861 г. превысили 7,6 млн. рублей. Но по российским законам церковь хозяйкой денег не являлась, их поглощала казна. Таким образом, историография XX в., следуя за критической традицией революционных демократов и примыкавших к ним, пропагандировала миф о церковных капиталах, выдавала за правду ту полуправду, которая хуже лжи²².

Негативные для Синода и церкви в целом изменения православная иерархия связывала исключительно с чиновничьими инициативами, с деятельностью обер-прокуроров²³. Архиереи были далеки от того, чтобы связать перемены, происшедшие в церковной жизни за первую половину XIX в., с внутренней политикой государства. А между тем уже подготовленная под руководством М. М. Сперанского реформа духовных учебных заведений 1808—1814 гг. была затеяна светской властью для удовлетворения нужд государства в чиновниках и учителях. Уставы 1814 г. во многом повторяют, отчасти буква в букву, уставы светской школы. Впоследствии все существенные изменения в светской школе неминуемо отражались на школе духовной. То же можно сказать об остальных переменах. Церковь и государство связывали столь прочные узы, что любое колебание курса внутренней политики неизбежно отражалось на церковной жизни. Так случилось и тогда, когда на трон взошел Александр II. Начавшееся в 1856 г. обсуждение реформы светской школы потребовало участия Синода, а затем вызвало к жизни комитет для реформы духовных училищ и семинарий под председательством архиепископа Херсонского Димитрия²⁴.

При Николае I и Александре II православной церкви была отведена

роль важнейшего политического инструмента для вытеснения польско-католических элементов в западных губерниях. В течение 20—50-х годов с целью русификации края там проводился ряд мер по укреплению православия. Изданным 20 июля 1842 г. положением духовенству предоставлялись многочисленные льготы. Министерство внутренних дел по специальной программе тратило сотни тысяч рублей на строительство церковных зданий. Однако в конце 50-х годов XIX в., не удовлетворенное достигнутыми результатами, правительство создало особый Комитет о пересмотре положения 1842 года ²⁵.

Личность обер-прокурора играла, разумеется, определенную роль во всех переменах, однако умаление роли иерархии и возрастающее влияние бюрократии не были исключительно делом рук «ока государева».

Зависимость церковной жизни от общегосударственной политики проявилась и в процессе подготовки и проведения реформы 1861 года. Полоса реформ, в которую втягивалась Россия, неминуемо должна была затронуть и официальную церковь (тем более что реформы предпринимались не под воздействием каких-то отвлеченных идей, а для укрепления основ самодержавия, о чем ныне иногда забывают). Еще до отмены крепостного права началось расширение участия духовенства в начальном народном образовании, проектировалась новая реформа духовно-учебных заведений. Автором церковной реформы следует считать преимущественно П. А. Валуева. Биографические и служебные материалы, отразившие его деятельность во время пребывания в должности министра внутренних дел (23 апреля 1861 г. — 9 мая 1868 г.), показывают, что именно он склонил Александра II принять решение о широкомасштабной реформе православной церкви ²⁶.

Настойчивость Валуева в данном вопросе не была случайной. Задолго до кульминации собственной карьеры он стал изучать проблемы конфессиональной политики в России и странах Европы. Еще в «Думе русского во второй половине 1855 года» он протестовал против полицейских методов содействия государства интересам церкви и политического употребления религиозных верований. Тогда он высказал идею укрепления православной церкви за счет развития ее внутренних сил при соответствующей политике правительства ²⁷.

Позднее, в поданной им записке «Ряд мыслей по поводу крестьянского вопроса» он увязывает ликвидацию крепостного права с такими преобразованиями в жизни церкви, как отмена сословной замкнутости, изменение быта духовенства, отказ от опоры на светскую власть в миссионерской деятельности. Успех собственно крестьянской реформы, по мнению автора, недостижим без привлечения духовенства на сторону государства ²⁸.

Важное значение в понимании проектирования и хода реформ в бытность П. А. Валуева у власти имеет заявленный им принципиальный подход к осуществлению реформ вообще: «Всякое преобразование должно быть совершено, по возможности, без внутренних потрясений и без пренебрежения к установившимся в продолжении времени под влиянием действовавшего дотоле законодательства, частным правам и интересам. Притом вообще желательно, чтобы вопросы, относящиеся до улучшения быта одного сословия, рассматривались и разрешались с точки зрения солидарности всех вообще частных интересов в государстве, а не под влиянием предубеждения, что процветание одного класса может быть обеспечено не иначе, как на чужой счет» ²⁹.

Очевидно, ко времени вступления в должность министра внутренних дел у Валуева уже имелась программа неотложных преобразований. Иначе трудно объяснить, как в течение всего лишь первого года пребывания в новом качестве удалось ему составить несколько глубоких по содержанию записок, предлагающих ряд «коренных перемен в государственном строе», как выражался впоследствии сам автор. Среди них — обоснование реформы православной церкви. Г. Фриз полагает, что такая записка относится к августу 1861 года. Однако сам Валуев указывает в дневниковой записи от 18 августа, что это была лишь очередная, «новая» записка ³⁰.

Реформу церкви министр поставил для себя в число вопросов перво-

очередной важности: «Моими заветными мыслями были дела церкви и преобразование Государственного совета», — писал Валуев, вскоре после выхода в отставку подводя итоги собственной политической деятельности³¹. Действительно, почти два года он шаг за шагом продвигался к намеченной цели, преодолевая различные препятствия. С одной стороны, Валуев столкнулся с сопротивлением части православной иерархии, особенно митрополита Московского Филарета (Дроздова). В частности, тот категорически возражал против включения нескольких членов Синода в Государственный совет и наделения причтов участками земли для личного пользования. Только встреча, проходившая 12 и 13 ноября 1861 г. в Москве, помогла устранить противоречия. После продолжительных бесед Валуев согласился исключить из числа намеченных им мер реформу духовно-учебных заведений, по настоянию митрополита оставив ее в исключительной компетенции церкви. Отказался и от расширения Государственного совета за счет синодалов³². С другой стороны, пришлось преодолевать сопротивление влиятельных политиков.

Предлогом для подготовки проекта реформы Валуев расчетливо избрал положение православного духовенства в Западном крае. Указывая на малые успехи упомянутого выше комитета по изменению закона 1842 г. и на донесения губернаторов о незавидном положении православного духовенства в других областях империи, он призывал царя распространить заботу о клириках на всю Россию.

24 ноября 1861 г. Александр II отдал Валуеву распоряжение представить проект о создании соответствующего комитета под председательством великого князя Константина Николаевича. Вскоре состав комитета был утвержден. Министр рассчитывал перейти к работе над реформой. Он предполагал сделать это, открыто объявив о намерениях правительства и обратившись непосредственно к причтам. Последнее обстоятельство Г. Фриз истолковал как желание «мобилизовать рядовое духовенство и использовать его как противовес церковной элите»³³. Скорее, однако, речь шла всего лишь о распространении принципов крестьянской реформы 1861 года. Ведь и там правительство обратилось к заинтересованным лицам — помещикам. В условиях, когда приходское духовенство находилось в полной зависимости от архиереев, оно никак не могло оказать на них давление. Кроме того, для повышения благосостояния белого духовенства Валуев намечал использовать местные источники, и в поиске средств вполне разумно было рассчитывать на личный интерес духовенства.

Однако на данном этапе Валуев встретил и еще более серьезные препятствия: обнаружилось несогласие императрицы, председатель же Комиссии великий князь Константин Николаевич вовсе воспротивился, полагая дело несвоевременным, а широкую огласку неприемлемой³⁴. Неизвестно, чем бы разрешилось дело, но началось восстание в Польше, и 10 мая 1862 г. великий князь принял назначение наместником в Царстве Польском. Таким образом, самое серьезное препятствие исчезло. Валуев немедленно воспользовался открывшимися возможностями. 15 июня в Царском Селе, а на следующий день в Петербурге в присутствии обер-прокурора А. П. Ахматова он доложил императору новый проект указа о создании вместо прежней Комиссии особого Присутствия для улучшения быта православного белого духовенства. 28 июня Александр II утвердил Присутствие в составе: председатель — митрополит Петербургский Исидор, члены от церкви — архиереи, присутствующие в Синоде; из высших чиновников — обер-прокурор Синода, глава Третьего отделения, министр внутренних дел, министр государственных имуществ и директор Духовно-учебного управления Синода князь С. Н. Урусов.

В приведенном списке есть одна важная деталь: названы должности, а не лица. Это — косвенный признак того, что инициатор не рассчитывал на быстрое завершение работы. Документ лишь обозначил уровень, на котором должна решаться проблема. Забегая вперед, интересно отметить, что когда шеф Третьего отделения князь В. А. Долгоруков в 1866 г. ушел в отставку, царь отказал ему в просьбе уволить его и от работы в Присутствии.

Упоминание митрополита Исидора и князя Урусова связано с тем, что на петербургскую кафедру назначались пожизненно (Исидор получил ее 1 июля 1860 г.), а князю покровительствовал император и прочил его в начальники Второго отделения, которое, как известно, занималось составлением законов.

Тот же документ сформулировал программу реформы. Присутствию поручалось найти способы: «1) к расширению средств материального обеспечения приходского духовенства; 2) к увеличению личных его гражданских прав и преимуществ; 3) к открытию детям церковнослужителей путей для обеспечения своего существования на всех поприщах гражданской деятельности; 4) к открытию духовенству способов ближайшего участия в приходских и сельских училищах». Таким образом, Присутствие было создано вовсе не для реформы прихода, как утверждает Ю. Освальт³⁵.

Присутствие учреждалось на таких же основаниях, как в свое время Главный комитет по крестьянскому делу, т. е. подготовленные им проекты освобождались от длительной процедуры прохождения через многочисленные инстанции, а немедленно докладывались царю и после подписания им обретали силу закона. Санционируя создание Присутствия, император распорядился закрыть Комитет по западным епархиям, а дела передать в новое учреждение и рассмотреть их в первую очередь.

Объявление о создании Присутствия и его целях было опубликовано в декабре 1862 г. и сопровождалось оговоркой, что казна не располагает денежными средствами на исполнение реформы, а рассчитывает решить проблему иными способами. Последнее замечание привело архиереев в недоумение и даже негодование: «Обнародовано, что гора мучится родами», — отозвался с сарказмом митрополит Филарет. «Следовательно, мы обязаны материальные средства на улучшение быта духовенства измыслить из своего, как говорили древние греки, чрева», — вторил ему вызванный для заседаний в Синод киевский владыка Арсений³⁶.

Приходское духовенство, напротив, почувствовало царскую милость. Судя по многочисленным посланиям клириков в адрес Синода и Присутствия, по их корреспонденциям в периодической печати, белое духовенство воспламенилось надеждой на скорое и прочное обеспечение. Оно не ведало тонкостей высшей политики. Убеждение, что правительство средства найдет, было всеобщим.

Первое заседание Присутствия, состоявшееся 17 января 1863 г., приняло решение собрать сведения непосредственно от причтов, а архиереи должны были к этим сведениям приложить собственные заключения. Чтобы избежать разногласия, Присутствие составило небольшую анкету с вопросами по всем четырем разделам программы. Одновременно приняли решение о составлении перечня всех вопросов, подлежащих обсуждению³⁷.

Александр II придавал большое значение деятельности Присутствия. На первом докладе он написал: «Я везде назначил сроки, дабы дело подвигалось действительно, а не протягивалось, как оно у нас часто бывает, одним отписыванием»³⁸.

Присутствие собиралось на заседания всего 72 раза, до начала 1882 г., а закрыто оно было указом от 16 февраля 1885 года. 28 заседаний состоялись в первые четыре года. Таким образом, активная жизнь Присутствия укладывается в 18-летний срок, а период самой интенсивной работы выпадает на время, когда Валуев принимал личное участие в его трудах. К началу 70-х годов XIX в. регулярные собрания его прекратились, и для того, чтобы решить очередные вопросы, приходилось создавать рабочую комиссию из архиереев. Она готовила проекты, которые затем выносились на голосование и подписывались членами Присутствия³⁹.

С момента своего образования Присутствие стало ареной скрытого сопротивления части иерархии, увидевшей в очередной затее светской власти попытку еще большего подчинения церкви бюрократии. Недовольство иерархов усугублялось тем, что учреждение Присутствия фактически перечеркнуло их надежды на восстановление канонического порядка управления церковью. В обстановке всеобщего воодушевления, охватившего русское

общество с приходом к власти Александра II, в епископате обсуждалась идея освобождения от засилья чиновничества и обретения патриаршества. Известный церковный писатель А. Н. Муравьев и некоторые архиереи хотели даже использовать для этой цели коронацию в Москве, уговаривали митрополита Филарета обратиться с соответствующей просьбой к царю, чтобы тут же созвать поместный собор. Самого Филарета видели патриархом. Однако митрополит, более реально оценивая происходившее, такого шага не сделал. Тем не менее его еще долго продолжали уговаривать⁴⁰.

В самом Синоде, а следовательно и в Присутствии, между духовными лицами царила взаимная неприязнь. Протоиерей и обер-священник армии и флотов интриговали против своих собратьев — монашествующих. Те не ладили между собой. Переписка иерархов полна презрительных отзывов друг о друге. Некоторые из них, как, например, Нектарий и Филофей, выслуживались перед обер-прокурором и сделали карьеру, получив новый сан и богатые кафедры в управление. Другие, например, духовник царской семьи В. В. Бажанов, использовали работу в Присутствии для удовлетворения своих амбициозных претензий. При случае тот же Бажанов разносил вдребезги дельные предложения только потому, что они исходили от епархиального архиерея⁴¹.

К самому инициатору реформы в православной иерархии относились с ненавистью, со временем все более крепнувшей⁴². Она обнаружилась сразу же, как только Валуев предпринял некоторые конкретные шаги во исполнение другой части своего плана — либерализации конфессиональной политики. Совершенно очевидно, что такая обстановка не способствовала быстрому продвижению реформы. Со своей стороны, Валуев относился к членам Синода с долей презрения: «У господ духовных членов невысокий уровень гражданской способности рассуждать, изобретать и узаконять», — пометил он в дневнике, подводя итоги первых заседаний. А начались они со споров. Исидор и другие члены Синода хотели сразу же приступить к решению давно уже волновавшей духовенство проблемы строительства жилья для причтов. Но министр воспротивился и настоял на том, чтобы по вопросам материального обеспечения духовенства разрабатывалась специальная программа, и тут же вызвался лично заняться ею. Присутствие образовало комиссию в составе Евсевия, епископа Могилевского, князя Урусова и Валуева. Фактически над программой работал только последний. 10 марта она обсуждалась комиссией и была принята без замечаний, а 20 марта ее утвердило Присутствие. Она намечала в качестве первоочередных шагов: открытие в губерниях местных присутствий из архиерея, губернатора и управляющего палатой государственных имуществ; создание приходских советов; поиск местных средств; использование любой возможной помощи государства, в том числе — долгосрочного займа; привлечение специальных средств Синода для строительства церковных домов на заимообразной основе⁴³.

Главный принцип — отказ от уравнительности: равное благосостояние причтов недостижимо, т. к. зависит от многих местных факторов. «Кроме того, эта уравнительность вовсе не необходима. Она есть в существе теоретическое, а не практическое понятие. Приходские священники не чиновники»⁴⁴. Присутствие приняло предложение Валуева нацелить усилия на частные результаты, исходить из того, что правительство «не может в одно время обеспечить всего приходского духовенства, но может приступить к постепенному обеспечению или улучшению быта большего или меньшего числа приходских причтов».

Программа материального обеспечения отразила некоторые иллюзии Валуева и голосовавших за его предложения министров. В ней содержался расчет на церковные деньги, фактически принадлежавшие казне и уже растраченные. Валуева ждало разочарование: из Синода поступила справка о финансовом положении церкви, расставившая все по местам. Со своей стороны и министр финансов отказал в кредите, ссылаясь на отсутствие средств.

Первый практический шаг был сделан 14 апреля 1863 г., когда царь

утвердил решение об открытии губернских присутствий. До лета следующего 1864 г. они появились по всей империи, причем их состав учитывал особенности конкретных административно-территориальных единиц. Председателям (епархиальным архиереям) разрешалось по своему усмотрению приглашать в заседания предводителей дворянства губерний и городских голов на правах членов. На присутствия возлагалось исполнение решений Главного присутствия и распределение пособий от Министерства государственных имуществ на местах. Никакой подробной инструкции, определяющей их полномочия, они не получили, поскольку правительство не хотело усложнять и без того запутанные взаимоотношения местных органов власти, представлявших различные министерства. Наоборот, по замыслу Валуева, учреждение местных присутствий должно было «сократить и упростить делопроизводство»⁴⁵.

Итак, предпринимая реформу церкви во имя охранения основ самодержавия, главным ее результатом хотели видеть повышение авторитета православного приходского духовенства в народе. Казалось: избавь духовенство от унижительной необходимости выпрашивать плату за требоисправления, улучши его профессиональную подготовку, упраздни законы, отгораживающие сословие от общества, дай ему возможность учить крестьянских детей — и цель достигнута: с умилением внемлет народ словам высоко нравственных пастырей, бескорыстно трудящихся на его пользу... На деле многое пошло не так, как предполагали стоявшие у руля.

В первые месяцы Главное присутствие занималось духовенством Западного края, положение которого более всего беспокоило царя и правительство.

Положением 1842 г. устанавливались натуральные повинности крестьян в пользу священников, что, однако, противоречило акту 1861 г.; настаивать на отработках означало разжигать неприязнь крестьян к духовенству. В качестве выхода из создавшегося положения присутствие считало возможным продолжать отпуск средств на строительство церквей и домов для причтов; бесплатно или по сниженным ценам снабжать их дровами, лесом на строительство и ремонт, наделять землей, предоставлять им доходные имения и т. д.; предусматривалось и денежное пособие от казны⁴⁶.

Министерства внутренних дел и государственных имуществ вскоре согласились участвовать в обеспечении духовенства края. Но министр финансов М. Х. Рейтерн первое время отказывал в каком-либо денежном пособии. Только к лету путем взаимных уступок нашли возможность выделить на Западные епархии (5689 церквей с 18382 духовными лицами) 200 000 рублей с включением их в ежегодную смету Синода. 29 июля Государственный совет дал согласие на соответствующую просьбу обер-прокурора. Имелось в виду в обозримом будущем постепенно увеличить размер дотации до 1,3 млн. руб., чем покрывался бы ущерб, понесенный духовенством из-за отмены натуральных повинностей. Действительно, назначенный для ликвидации последствий польского восстания на должность Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьев выхлопотал у царя ежегодную прибавку к жалованию духовенства в 400 000 руб., начиная с 1864 года. И уже вскоре оно почти удвоилось: городские священники стали получать до 400, а сельские около 220 руб. в год⁴⁷.

Давно вынашивавший собственные проекты русификации края и очень высоко оценивавший возможности в этом деле православной церкви Муравьев приказал немедленно отмежевать церквям землю, обложил поляков-помещиков контрибуцией и расходовал собранные десятки тысяч рублей на церковные постройки; приглашал на приходы духовенство из внутренних епархий; стал насаждать в приходах церковные советы, которые должны были следить за строительством и ремонтом церквей. Тем временем готовился и закон о приходских советах. Идея советов была навеяна устройством лютеранской церкви. Но не только. В конце 50-х годов XIX в., когда в особом комитете обсуждалась проблема обеспечения духовенства западных епархий, внимание общественных и политических деятелей привлекли

так наз. церковные братства — объединения православных прихожан и духовенства за сохранение веры, появившиеся в Западной Руси еще в XVI веке⁴⁸. Путем воскрешения братств в форме церковных советов Валуев и его сторонники рассчитывали привлечь прихожан к решению проблем обеспечения духовенства и заложить основу для сближения причта с народом. Вот почему о необходимости учреждения церковных советов говорилось в программе от 21 марта 1863 года.

Другие деятели, как, например, глава Второго отделения М. П. Корф, связывали с созданием церковных советов еще и реализацию той части Положений 19 февраля 1861 г., где говорилось о желательности создания волостей на основе прихода. «Если мы в более или менее близком времени будем вынуждены перейти от нынешней крестьянской сословной общины к такой административной единице, которая бы обнимала собою окрестных жителей всякого звания, то прочно и хорошо устроенная община приходская представит и самую естественную и ближайшую ступень для такого перехода», — обращался Корф к присутствию, указывая на то, что именно приход должен послужить для сближения церкви и государства, «сближения, в котором церковь нашла бы верный залог влияния и веса среди светского общества»⁴⁹. Во главе советов и Валуев и Корф видели светских людей, достаточно богатых и влиятельных, чтобы оказать помощь приходской церкви и ее причту. Священнику отводилась второстепенная роль. С согласия Александра II в некоторых местностях, например, в приамурских солдатских поселениях, началось учреждение таких советов.

Совсем по-другому смотрели на дело архиереи. Хотя они и высказались за создание приходских советов, на практике вовсе не хотели их появления. Они увидели в советах опасность вмешательства мирян, уже на самом низшем уровне, в дела церкви. Не смея открыто пойти против министра, иерархи попытались подменить новое учреждение и переделать на свой лад. Вскоре в Киевской епархии появились церковные братства, где первую роль играли священники. Воскресшие братства стала усиленно пропагандировать церковная печать. Не последнюю роль в этом играл киевский митрополит Арсений. В одном из писем он пояснял: «В числе хвалителей и защитников церковных братств и я; но в моих мыслях это есть не что иное, как только благовидный отвод от церковных советов, которые хотели навязать на шею нашим бедным священникам... По моему мнению, уж лучше братства, в которых бы священники были председателями, нежели немецко-лютеранские советы, в которых священнику предоставляется только голос совещательный, а все прочее должно зависеть от выбора или каприза общины»⁵⁰.

Вопрос о церковных советах обсуждался с января 1863 г. и разрешился изданием 2 августа 1864 г. «Положения о приходских попечительствах при православных церквах». Оно являло собой компромисс. Попечительства избирались приходской общиной по желанию. Но священники входили в их состав обязательно; они могли занимать и пост председателя. Круг деятельности церковно-приходских попечительств (ЦПП) ограничивался поисками дополнительных средств на содержание церкви и духовенства, заботой о соблюдении прав причта в пользовании «предоставленными ему средствами содержания», устройством домов для причтов; сбором средств на школы, больницы, богадельни, приюты и на помощь беднейшим прихожанам. Закон определил основной источник — пожертвования, но допускались и специальные сборы с прихожан⁵¹.

Реакция паствы оказалась неожиданной. Во многих местах создавать попечительства отказывались, немало их вскоре после открытия прекращали свое существование и распадались. Поэтому отчеты по епархиям дают год от года разные сведения о количестве ЦПП. По прошествии 15 лет, в 1879 г., на 31 119 приходских церквей имелось всего 11 616 попечительств. За год им удалось собрать 1 959 062 руб., т. е. в среднем по 169 руб. на попечительство — сумма незначительная. Наибольшую сумму, 404 376 руб., собрали 625 попечительств Самарской епархии, остальные — гораздо

меньше: 420 попечительств Вятской епархии — 126 308 руб., 339 Саратовской епархии — 93 117 руб., Рижской — 4 314 рубля⁵².

Любопытна структура пожертвований: прихожане предпочитали жертвовать на храмы и приходские школы, но почти ничего — на нужды причтов. В той же Самарской епархии из указанной суммы на причты дали 96 436 руб., и это можно назвать исключением. В Вятской — 3067 руб., в Саратовской — 5776 руб., в Рижской же и ряде других духовенству не досталось ни копейки, причем каждый год таких епархий оказывалось несколько⁵³.

В целом, таким образом, прихожане не поддержали идею создания приходских попечительств, а те, которые образовались, не справлялись с задачей оказать духовенству материальную поддержку и сблизить его с народом. Зато опасения архиереев отчасти оправдались: в 1865—1866 гг. случались превышения попечительствами предоставленных им полномочий, когда они пытались контролировать доходы церкви. В 1865 г. присутствия обратились к прихожанам с призывом назначить причтам достаточное по местным условиям денежное содержание, указав и его примерный размер. Однако и здесь расчет не оправдался: на словах выражая согласие помочь, общины на деле от этого уклонялись или даже, начав выплачивать пособие, вдруг меняли решение. Свою роль сыграло здесь то, что, услышав о наличии государственной программы помощи духовенству и привычно считая попов полуофициальными лицами, прихожане надеялись, что вскоре правительство само назначит причтам достаточное жалованье, а попытки решить проблему за счет верующих — изобретение самих причтов. Расчет на поборы с прихожан не отвечал возможностям народа, который постепенно нищал и не мог понять, почему в таких условиях приходский священник должен был жить припеваючи. Главное присутствие хотело поправить дела обращением к земству — такое решение оно приняло в 1866 г. по предложению Валуева, но земства не откликнулись⁵⁴.

Определенные надежды программа Присутствия связывала с сокращением приходов и причтов. Соответствующий указ Александра II от 16 апреля 1869 г. вызвал стенания духовенства по всей стране. Не получив обещанного повышения доходов, оно вдруг встало перед опасностью частично лишиться мест, а значит и средств к существованию. Присутствию пришлось в срочном порядке сделать разъяснение, что новые расписания приходов и причтов будут составляться на местах и вводиться только постепенно. Но и это не помогло. А когда в епархиях стали решать, какой церкви быть главной, а какой приписной, разгорелись баталии между причтами⁵⁵.

Затея с сокращением приходов и причтов была наименее удачной в церковной реформе Александра II. Приходы, складывавшиеся естественным путем, согласно потребностям верующих, произвольно уподоблялись обычным доходным статьям, для чего их хотели укрупнить, установив квоту численности общины для каждой епархии. К концу 70-х годов XIX в. это проделали только в 41 епархии. Средняя численность прихода по России увеличилась с 1600 до 2200 душ, а число служащего духовенства сократилось со 113 815 человек в 1860 г. до 98 465 в 1880 году. Но одновременно уменьшились и кружечные пожертвования прихожан на содержание духовенства, реже стала оказываемая ими помощь в занятии сельским хозяйством. «Сокращение приходов весьма неблагоприятно повлияло на прихожан, — отмечал в 1880 г. минский епископ, — почти все они стали питать неприязненное отношение к духовенству, считая его единственно виновником реформ и самую реформу объясняя его своекорыстием. А при отчужденности прихожан от духовенства, не может быть, конечно, и речи об улучшении материального положения его, стоящего в зависимости от доброго расположения первых»⁵⁶.

Таким образом, до смены правительственной политики в начале 80-х годов XIX в. существенно улучшить положение духовенства не удалось.

Другой задачей реформы было расширение его прав. Здесь главную часть работы исполнило не присутствие, а Второе отделение, собравшее из епархий предложения на этот счет. Закон 26 мая 1869 г., объявил детей

духовенства не принадлежавшими к сословию, но сохранил за ними льготы и права, в том числе свободу от рекрутской повинности и право поступать в духовно-учебные заведения. С этого момента замкнутость духовного сословия канула в лету. М. Н. Катков сравнил закон 26 мая по его значению для церкви с реформой 19 февраля 1861 г., заметив, что собственно с него и начинается реформа церковных дел. «Отныне уже не будет семей, приписанных к церкви, дабы обеспечивать ее священниками, подобно тому, как приписывались деревни к фабрикам для обеспечения их рабочим людом», — писал он⁵⁷. 30 апреля 1871 г. подоспел и другой закон, по которому, в зависимости от положения отцов, дети получали права дворян или почетных граждан, что создавало новые возможности продвижения на поприще светской жизни.

Однако первое время, к удивлению властей, мало кто поспешил воспользоваться свободой. В год издания закона 26 мая приток в духовную школу «своих» детей не уменьшился. Один из церковных писателей той эпохи пришел к выводу, что тут сказалась корпоративность мышления: «Уверенность в том, что в духовном звании может быть и должно найтись место для всех лиц духовного происхождения, совсем отучила духовенство заботиться о приискании для детей других путей воспитания и жизни, кроме духовного училища и духовного звания»⁵⁸.

Постепенно поведение духовенства изменилось. Дети его стали широко использовать свои права, даже окончившие семинарии часто шли в гражданскую службу, поступали в светские высшие и специальные учебные заведения. Особенно много бывших семинаристов оказалось на историко-филологических и юридических факультетах университетов. В 1880 г. их число дошло до 34,5%!⁵⁹ Демидовский юридический лицей вообще временами превращался чуть ли не в сословную школу: в отдельные годы дети духовенства там составляли до 4/5 от числа учащихся.

Закон 26 мая 1869 г. был тесно связан с реформой духовных учебных заведений. Как уже упоминалось, готовить ее начал комитет под началом херсонского епископа Димитрия. Однако когда выяснилось, что под нажимом влиятельных светских лиц духовной школе грозит превращение в придаток Министерства народного просвещения, митрополит Филарет и другие, разделявшие его взгляды, начали саботировать работы по составлению, а затем обсуждению проекта, который был обнародован в 1863 году. Недовольным неожиданно повезло: заключительный этап пришелся на обер-прокурорство Ахматова, почитателя Филарета, старавшегося следовать его советам.

Тем временем при дворе продолжался спор о роли духовенства в начальном народном образовании. Александр II никак не мог решить, на чью сторону склониться. Конец колебаниям положило покушение на него, совершенное Д. В. Каракозовым 4 апреля 1866 года. Новый обер-прокурор граф Д. А. Толстой, который не мог развернуться в Главном присутствии, где главенствовал Валуев, неожиданно получил карт-бланш на преобразование духовной школы одновременно с назначением 14 апреля 1866 г. на пост министра народного просвещения. Новый комитет, на этот раз во главе с митрополитом Арсением, был образован 19 марта того же года. Несмотря на сопротивление председателя, Толстой сумел повести дело так, что уставы семинарий и училищ составили в соответствии с его собственными представлениями.

14 мая 1867 г. уставы и штаты вступили в силу, а завершить реформу предполагалось в течение пяти лет; именно за это время ассигнования казны на духовную школу должны были возрасти на 1,5 млн. руб. в год. Целью ставилось выпускать образованных служителей церкви, способных совмещать пастырскую деятельность с учительством. Чтобы снять обвинения со стороны общества в некомпетентности духовенства и сэкономить время и средства, необходимые для подготовки светских учителей начальной школы, Толстой ввел в семинариях преподавание педагогики с практикой учащихся старших классов в церковных воскресных школах. Из учебных планов изъяли ненужные духовенству предметы:

сельское хозяйство, естественную историю, медицину и т. п. Однако перестройка шла по образцу светской школы и вводился принцип всеобщности. В 1869 г. последовала реформа духовных академий, уставы которых, к негоднованию иерархии, во многом просто повторили университетские уставы 1863 года. Деятельность графа напомнила иерархам времена Протопова и вызвала бессильную ярость. Некоторые сравнивали его правление с эпохой Петра I. Толстого называли «переодетым Головниным, или даже Чернышевским в министерском мундире»⁶⁰.

Несмотря на огромные средства, которые поглотила реформа, и на личные усилия Толстого, она не достигла конечной цели. Уже скоро обнаружилось, что духовенство не желает совмещать свою деятельность с преподаванием в светских школах Министерства народного просвещения. Довольно часто священники отказывались даже от должности законоучителя, и к концу 70-х годов XIX в. до двух тысяч мест замещались светскими преподавателями.

Не помогал ни усиленный надзор за воспитанниками, ни непомерный крен в сторону изучения классических языков. Из духовной школы выходило все больше людей, зараженных политическим радикализмом. Неслучайно одним из первых шагов следующего обер-прокурора К. П. Победоносцева стало именно преобразование духовных учебных заведений.

Значительную роль церковь стала играть в начальном образовании. Уже в начале 60-х годов XIX в. число церковно-приходских школ (ЦПШ) быстро возрастало. Попытки министра народного просвещения отобрать их у церкви не получили одобрения императора. В 1861 г. насчитывалось 18 587 ЦПШ с 318 443 учащихся, а в 1865 г. — 21 420 с 413 524 учащимися. Но то, что не удалось Головнину, сделал Толстой. Пользуясь совмещением постов министра и обер-прокурора, он стал переводить ЦПШ в подчинение Министерства народного просвещения, преобразуя в народные училища. Тем не менее еще и в 1879 г. насчитывалось 4681 ЦПШ с 118 230 учащихся⁶¹.

Особенно развернул свою деятельность Толстой после ухода Валуева в отставку. Но его нововведения находятся уже за рамками программы преобразований, первоначально утвержденной Главным присутствием и верховной властью. Так, предпринималась попытка перестроить церковный суд по привычной схеме копирования светских учреждений. В 1870 г. Толстой создал соответствующую комиссию под председательством архиепископа Макария. Но когда был обнародован проект, оказалось, что он настолько противоречит каноническому праву, что ни о какой реформе не могло быть и речи⁶².

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что большая протяженность во времени, корректировки курса, незавершенность преобразований придают церковной реформе много сходства со светскими реформами Александра II. Она была столь многогранной, что современники, не знакомые с ее «кухней», писали не о реформе, а о реформах. Программа, объединявшая преобразования, совершенно выпала из их поля зрения.

После трагической гибели Александра II новое правительство сделало вывод о неудаче церковной реформы, и прежде всего на том основании, что она не оправдала охранительных надежд. В середине 80-х годов XIX в. церковь снова подверглась преобразованиям, теперь уже по инициативе Победоносцева. Решались те же задачи, с той же охранительной целью, изменилась лишь тактика. Поэтому неприменим привычной термин «контр-реформа». Известно, что и другая тактика не принесла решения ни политической задачи, ни, тем более, проблем церкви; к началу XX в. раздавались голоса, требовавшие новых перемен.

Примечания

1. ПАПКОВ А. А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855—1870 гг.). СПб. 1902; РУНОВСКИЙ Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань.

- 1898; ***. Церковь русская в 25-летнее царствование... императора Александра II. Киев. 1881; МИРОТВОРЦЕВ В. В. Меры правительства к преобразованию быта православного белого духовенства в царствование государя императора Александра II. — Православный собеседник, Казань, 1880, № 11; и др.
2. Церковь в истории России (IX в.— 1917 г.). М. 1967; Русское православие: Вехи истории. М. 1988.
  3. Русское православие, с. 357.
  4. SMOLITSCH I. Geschichte der russischen Kirche, 1700—1917. Leiden. 1964.
  5. FREEZE G. L. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Princeton. 1983.
  6. См.: ДМИТРИЕВ С. С. Православная церковь и государство в предреформенной России. — История СССР, 1966, № 4.
  7. Русское православие, с. 327.
  8. ЗАБЛОВСКИЙ Е. Российская статистика. Ч. 1. СПб. 1832, с. 73.
  9. Свод законов Российской империи. 1857 г. Т. 14, ст. 47—49, 32, 50—51.
  10. БУЛГАКОВ С. Н. Православие. Киев. 1991, с. 192; ВЕРХОВСКИЙ П. В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX столетиях. Вып. 1. Варшава. 1912, с. 118—119.
  11. БЛАГОВИДОВ Ф. В. Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань. 1900, с. 404—408; Русских архив, 1908, № 2, с. 250.
  12. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 801, оп. 1, д. 2, л. 1—4; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 304/2, д. 259, л. 33—33об.
  13. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб. 1864, с. 15, 23.
  14. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 4, л. 46-г. См. также: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1, 2. Репринт. М. 1992.
  15. Свод законов Российской империи 1857 г. изд. Т. 9, ст. 281; т. 4, ст. 4; т. 5, ст. 12.
  16. BELLJUSTIN I. S. Description of the Clergy in Rural Russia. Lnd. 1987, p. 23.
  17. Материалы для истории православной церкви в царствование имп. Николая I. Кн. 1. СПб. 1902, с. 162, 360—383; Русский архив, 1905, № 2, с. 277; Из записок преосвященного Леонида, архиепископа ярославского. М. 1907, с. 235; и др.
  18. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 21-а, л. 18—25об.; [БЕЛЛЮСТИН И. С.] Описание сельского духовенства. Париж. 1858, приложение.
  19. Церковь в истории России, с. 209, 261—262; Русское православие, с. 378.
  20. Русские общественные вопросы. СПб. 1872, с. 4, 19.
  21. Русский архив, 1885, № 6, с. 161—199; РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, л. 188, л. 79—83.
  22. Извлечение из отчета... за 1861 г., с. 28; ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Наши монастыри. В кн.: ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 21, с. 139.
  23. ОР РГБ, ф. 304/2, д. 259, л. 27—56.
  24. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб. 1902, с. 353—370; РУНКЕВИЧ С. Г. История христианской церкви в XIX в. Т. 2. СПб. 1901, с. 641—642.
  25. Св. зак. 1857 г. Т. IX, приложение; РГИА, ф. 804, оп. 1, д. 1.
  26. РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 112, л. 9—30; ВАЛУЕВ П. А. Дневник. Т. 1, с. 107—108, 128.
  27. ВАЛУЕВ П. А. Дума русского. — Русская старина, 1891, № 5, с. 356—357.
  28. РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 102, л. 15.
  29. Там же.
  30. FREEZE G. Op. cit., p. 238; ВАЛУЕВ П. А. Дневник. Т. 1, с. 107, 330.
  31. ВАЛУЕВ П. А. Дневник. Т. 1, с. 335.
  32. РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 112, л. 28—30. С членами Синода ему было договориться несколько проще: сказались противоречия между черным и белым духовенством. Подводя итоги, он писал о том, что член Синода, духовник царской семьи протоиерей В. Б. Бажанов просто «рад возможности сделаться членом Государственного совета» (ВАЛУЕВ П. А. Дневник. Т. 1, с. 128).
  33. FREEZE G. Op. cit., p. 244.
  34. ВАЛУЕВ П. А. Дневник. Т. 1, с. 132.
  35. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 2, л. 6; ОСВАЛЬТ Ю. Духовенство и реформа приходской жизни. — Вопросы истории, 1993, № 11—12, с. 147.
  36. Из записок... Леонида... с. 321; Русский архив, 1892, № 2, с. 209.
  37. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. I, д. 3, л. 53—53об.
  38. Там же, л. 48.
  39. Там же, р. III, д. 473, л. 7—8об.; д. 158, л. 3—7.

40. Русский архив, 1892, № 2, с. 222; Из записок... Леонида, с. 304.
41. Русский архив, 1905, № 2, с. 277.
42. Из записок... Леонида, с. 312; Письма духовных и светских лиц к митрополиту московскому Филарету. СПб. 1900, с. 299; ОР РНБ, ф. 52, д. 186, л. 9об.
43. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 21-а, л. 218—218об.
44. Там же, л. 217об.
45. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 2, л. 20, 22об.—23, 31—32об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 17, л. 10об.
46. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 7, л. 35.
47. Там же, л. 82; Литовские епархиальные ведомости, 1864, № 14, с. 492—493.
48. ФЛЕРОВ И. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб. 1903, с. 57.
49. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 11, л. 183об.
50. Русский архив, 1892, № 2, с. 212.
51. РГИА, ф. 804, оп. 19, д. 55, л. 82об.
52. Там же, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 21-а, л. 218—218об.
53. Извлечение из... отчета за 1879 год. Ч. 1. СПб. 1881, с. 132.
54. РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 1, д. 92, л. 1—2; также см., например: Извлечение из... отчета за 1867 год. СПб. 1870, с. 250—252.
55. ЛАВРОВ М. Е. Автобиография сельского священника. Владимир. 1900, с. 50—51.
56. Извлечение из... отчета за 1879 год, с. 253.
57. КАТКОВ М. Н. О церкви. М. 1905, с. 25, 27.
58. Православное обозрение, 1869, № 10, с. 357—380.
59. Статистика Российской империи. Т. 3. СПб. 1888, с. 10—11.
60. Русский архив, 1908, № 2, с. 195, 198.
61. Извлечение из отчета... за 1879 год, с. 91.
62. См.: Мнения преосвященных епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части. Тт. 1, 2. СПб. 1874—1876.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Жетулиу Дорнелис Варгас

И. Е. Шокина

Бразильский президент Варгас был ключевой фигурой переходного времени в Бразилии: от «старой» к «новой» республике. Период его правления (1930—1954 гг.) ознаменовался попытками перестройки страны как революционно-путчистскими методами, так и конституционно-реформистскими. Варгас был создателем в Бразилии «нового государства» и «популистской демократии», и он же оказался способен к их трансформации, потому что являлся носителем типичных черт бразильской внутренней политики. Главной его идеей, которую он стремился осуществить всю свою жизнь вплоть до ее трагического конца — самоубийства по политическим мотивам, — оставалось создание сильного централизованного государства и эффективной модели экономического развития.

Деятельность видного исторического персонажа, четверть века находившегося в центре южноамериканской политики, недостаточно освещена в специальной литературе. Зато любопытно простое перечисление названий его биографии: «Жетулиу Варгас — государственный человек», «Жетулиу Варгас — президент», «Жетулиу Варгас и бразильское единство», «Макиавеллизм Варгаса», «Миф и действительность Варгаса» и пр. Гораздо разностороннее вырисовывается его облик при чтении томов его официальной и частной переписки, других документальных коллекций¹. Симптоматично, что они вместо парадных графических портретов и фотографий нередко сопровождаются карикатурами и шаржированными изображениями Варгаса.

Был ли он диктатором, демократом либо популистом? На этот вопрос отвечает карикатурная серия в журнале «Cruseiro» изображающая три бюста, соответствующие его облику на трех ступенях его политической биографии. Первый бюст представляет Варгаса с гитлеровскими усиками, челкой, жестом нацистского приветствия с надписью «1937 г. — фюрер Жетулиу фон Варгас»; второй — рузвельтовское гладко выбритое лицо с широкой улыбкой, «1941 г. — гражданин Жетулиу Делано Варгас»; третий — человек со сталинскими усами и трубкой в зубах, «1945 г. — товарищ Жетулиу Варгасович»². Но для полной характеристики столь многоликой исторической личности нужны не только свидетельства современников или легенды, сохраняющиеся в народной памяти, а и историческая дистанция в десятилетия. На нынешнем витке развития

Шокина Изабелла Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Бразильской республики фигура старого каудильо опять привлекает внимание историков и политиков. Ведь варгасизм как идейное течение продолжает существовать, сохраняется и борьба за его политическое наследие.

В отличие от других латиноамериканских республик, образовавшихся в начале XIX в. после освободительных и гражданских войн, Бразильская республика появилась к концу XIX в., эволюционируя от монархии, которая в свою очередь вылупилась из португальской колонии, унаследовав от нее полуколониальную земельную олигархию, патриархальное общество и слабое федеральное устройство с самостоятельными штатами. Политика была привилегией олигархической верхушки, делившейся на федералистов (сторонников сохранения значения штатов) и республиканцев (стремились к структурированной центральной власти). При отсутствии всеобщего избирательного права и господстве патернализма участие рядовых бразильцев в политике сводилось к их использованию в тяжбах между чиновниками штатов и властями. Варгас был на шесть лет старше первой республики (1889—1930), при которой он формировался как политик, сначала провинциального, затем национального масштаба. Он возглавил затем ее преобразование во вторую республику (1930—1937 гг.) и третью (1937—1945 гг.), заложив основы популистской демократии в Бразилии. Тем самым его личность наложила свой отпечаток на главное направление современного развития страны, а созданное им политическое течение — варгасизм-трабальзм — остается важной частью местной политики.

Жетулиу Дорнелис Варгас родился 19 апреля 1883 г. в г. Сан-Боржа, штат Риу-Гранди-ду-Сул, в семье богатого помещика и видного местного политика. Его отец дон Мануэль ди Насименту Варгас был героем Парагвайской войны и почетным генералом. Семьи Варгас и Дорнелис, принадлежавшие к соперничавшим кланам республиканцев и федералистов, не раз оказывались в воевавших между собой лагерях. Отец предназначал трех своих сыновей Вириату, Протасиу и Жетулиу для военной службы, и еще в ранней юности они были приписаны к местному пехотному батальону. Но их военная карьера не заладилась, и им пришлось покинуть подготовительный курс военной школы из-за участия в драке. После перевода в Порту-Алегри — столицу штата Жетулиу был мобилизован вместе с батальоном, к которому его приписали старшим сержантом, и отправлен на границу с Боливией, где возник конфликт из-за спорной территории Акре. Вскоре Жетулиу, разочарованный военной карьерой, оставил ее ради занятий юриспруденцией в университете Порту-Алегри. Там он вступил в республиканскую партию и стал соредактором студенческого журнала «O debate». Его политические взгляды формировались под воздействием деятельности и философии одного из основателей республиканской партии Ж. ди Кастильиоша, редактора конституции Риу-Гранди-ду-Сул 1891 года. Его политика ставила в основу всего порядок вещей, отрицала революционный хаос и утверждала линию «улучшать, сохраняя». Основные ее принципы заключались в отделении церкви от государства, всеобщем начальном образовании, трудовом законодательстве, первенстве законодательной власти над исполнительной, а характер правления мог быть и демократическим, и диктаторским, но обязательно республиканским.

Варгас благодаря семейным связям, способности осваивать идеалы кастильиошистов и лояльности в отношении местных властей сделал блестящую политическую карьеру в границах родного штата за короткий срок. В 1907 г. он стал дипломированным адвокатом, в 1908 г. — генеральным прокурором штата, в 1909 г. — депутатом в законодательном собрании, в 1913 г. был переизбран, но покинул свою депутатскую скамью из-за внутрипартийных разногласий и до 1917 г. успешно занимался адвокатской практикой в Сан-Боржа, завязывал прочные связи с местными кланами, включая семейные узы. В 1917 г. он был избран в законодательную ассамблею Порту-Алегри, в 1923 г. — в федеральный конгресс Рио-де-Жанейро, где возглавил парламентариев Риу-Гранди-ду-Сул, в 1926 г. включен в федеральное правительство как министр финансов. На всех постах законодательной и исполнительной властей он защищал интересы своего штата

и поэтому в 1928 г. был избран президентом Риу-Гранди-ду-Сул. Там он проявил рачительную заботу о его хозяйственном и финансовом положении, создал кредитный банк и проводил протекционистскую политику в отношении местных производителей сушеного мяса, защищая их от ввоза этой продукции из соседних стран.

1930 г. явился кризисным для федеральной системы старой республики, не смогшей сдержать центробежные тенденции и соперничество штатов. Традиционному господству богатых штатов Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Минас-Жераис, чья хозяйственная монополия была подорвана, угрожала оппозиция других штатов, претендовавшая на смену караула в правительстве. В 1929 г. президент штата Минас-Жераис выдвинул в противовес официальному кандидату в президенты Л. Престесу из Сан-Паулу кандидатуру Варгаса от Риу-Гранди-ду-Сул, а вице-президентом — Ж. Пессоа от штата Параиба. Варгас уже котировался на политической бирже как личность национального масштаба. В его поддержку формировался альянс «революционных сил», представленных радикально настроенными молодыми армейскими тенентес (лейтенантами) и либеральными конституционалистами из созданного в ряде штатов Либерального альянса, готовыми покончить с властью «кофейных полковников» вооруженных путчем или преодолеть избирательную машину в 17-ти штатах штурмом на выборах.

Варгас был готов и к тому, и к другому. Он готовил все имевшиеся у него политические резервы, связи и каналы влияния, опираясь на диссидентов в республиканской партии, Либеральный альянс и оппозиционные правительству группы в других штатах. Свой предвыборный марафон он начал за три месяца до выборов, используя популистскую тактику обращения к избирателям из народа, а не к аристократической аудитории закрытых клубов. Его трибуну воздвигли в Рио-де-Жанейро на центральной площади Эспланада де Кастилью. Варгасу пришлось выступать перед пестрой толпой, убеждая ее в своей способности провести всеобщую амнистию, издать новый закон о выборах с тайным голосованием, учредить защиту прав трудящихся и т. д.

Выборы состоялись 1 марта 1930 г. — в первый день карнавала — и принесли Варгасу и Пессоа сокрушительное поражение, нанесенное налаженной машиной голосования и фальсификацией результатов, организованной федеральными властями во главе с тогдашним президентом В. Луишом. Однако Либеральный альянс и ряд оппозиционных групп не сдались, готовясь к вооруженному восстанию. Предлогом стало убийство Пессоа по личным мотивам, которое, однако, вызвало общенациональное возмущение.

3 октября 1930 г. под руководством Варгаса в Порту-Алегри вспыхнуло восстание, быстро распространившееся на другие города штатов Риу-Гранди-ду-Сул, Минас-Жераис и Параиба. Руководил восстанием в Рио-де-Жанейро полковник Г. Монтейру, противник тенентес, но имевший связи в военной верхушке. 3 ноября Варгас стал временным президентом, назначенным на этот пост генеральной хунтой, отстранившей президента Луиша. Этот верхушечный переворот осуществил подвижку власти в пользу штатов Юга и Северо-Востока и обнажил подгнившие опоры патриархального режима полковников, подчеркнув исторический застой, обрекавший на пассивность народные слои, отчужденные от политики.

Именно в тот поворотный момент возникла мессианская идея вождизма. Ее подхватил Варгас, сначала интуитивно, затем осознанно. Он пришел к власти как лидер либеральной революции, похоронившей первую республику. Воспитанник школы кастельюшизма и провинциальной политической кухни, он стал национальным политиком в центре противоборствующих течений, избрав меняющийся курс — авторитарно-популистско-имперско-националистическо-каудильский.

Временный президент курсировал меж противоборствующих политических течений галопом, избегая прямых столкновений и играя на противоречиях. Чтобы добиться легитимизации своей власти и удержаться на плаву, он взял на себя инициативу в конституционном процессе. 24 февраля 1932 г. был издан президентский указ о новой системе выборов, вводящей

тайное голосование и предоставляющей женщинам право голоса. И первой же реакцией на попытку проведения президентской конституционной реформы явилась происшедшая 9 июля «конституционная революция» либералов, поддержанных республиканцами. Фронта выступала под знаменем Либерального альянса. Ее восстание было подавлено через четыре месяца федеральными войсками под командованием генерала Монтейру, а участники высланы в Португалию. Но, чтобы умиротворить конституционалистов, временному президенту пришлось принять либеральную конституцию. К тому времени в парламентских конституционных играх уже проявился особый политический стиль Варгаса: приверженность к персоналистскому правлению, показному объективизму и прагматизму в социальных вопросах, которые он избрал ключевыми в своей стратегии. Те годы стали преддверием варгасистского популизма как метода правления и одновременно реформирования общества.

Главным компромиссом явились выборы 3 мая 1933 г. в Конституционное собрание и принятие новой либерально-демократической Конституции, благодаря которой Варгас стал законно избранным президентом и общепризнанным мастером компромиссов. Принятая 16 июля 1934 г. Конституция утверждала открытую политическую систему федерального государства, провозглашала гражданские свободы совести, собраний, печати, индивидуальные права, всеобщие и прямые выборы всех граждан (за исключением неграмотных) на всех уровнях власти и в то же время предоставляла федеральному правительству больше возможностей перед штатами в сфере финансов. Уступки трудящимся сочетались с правом репрессий относительно рабочего движения. Что касается «лейтенантов», то их умиротворили, сделав генералами — президентскими представителями в штатах.

Вторая республика имела переходный характер. Она характеризовалась противоборством старой политической элиты, еще не сдавшей своих позиций, и антиолигархической разнородной оппозиции. В последней существовали различные группировки — гражданских и военных лиц, призывавших при сохранении авторитарной власти провести реформы в экономике и общественных отношениях, а также либералов, настаивавших на проведении конституционной реформы и учреждении республики нового типа. На этих противоположных платформах появлялась масса новых политических организаций, вступавших в борьбу за власть. Так, в мае 1931 г. родился Клуб 3 октября, руководимый участниками переворота 1930 г. и ставший затем опорой Варгаса. В их числе — О. Аранья и Монтейру. «Лейтенанты» создали свои «революционные лиги» в штатах.

Постепенно возникало юридическое основание создания социально-тоталитарного государства, подобного Веймарской республике в Германии. А Варгас приступил к административной реформе. Состав правительства был расширен созданием новых министерств — труда, промышленности, торговли, образования, здравоохранения. При определении состава кабинета министров президент не ограничился своими сторонниками и включил в него представителей политических элит главных штатов. Принятие Конституции 1934 г. привело к замирению тех его противников-конституционалистов, которые проявили готовность сотрудничать с правительством. В краткое двухлетие Варгас проводил нейтральную политику, не показав себя ни жестким консерватором, ни ярким либералом. Даже при проведении реформ он избегал новаторского вождизма. Его компромиссы преследовали цели укрепления федеральной власти, законодательного оформления экономических и социальных реформ. Были институированы те политические принципы, которые ранее либералы игнорировали полностью. Открылась эпоха социальной политики в Бразилии³.

Временное правительство Варгаса выдвинуло среди политических приоритетов установление нового социального законодательства. Оно стало потом основанием варгасистского правления и при личной диктатуре 1937 г., и при президентском конституционном мандате в 1951—1954 годах. Варгасизм эволюционировал в трабальзм, политический диалог — в соци-

альный, а Варгас шел на сложный компромисс с властями и народом. Специфика варгасовского популизма проявилась затем с особой интенсивностью при переходе от временного президентства к личной диктатуре, а потом в последний год существования «нового государства» — 1945, когда в связи с окончанием второй мировой войны была поколеблена уверенность в неприкасаемости личной власти.

Еще в 30-е годы в Бразилии возникли профашистское крыло и противостоящее ему антифашистско-прокоммунистическое. Оба они собирали силы для штурма либеральной республики. Варгас использовал ожесточенную борьбу с ними обоими для нейтрализации их, но разными способами, в том числе натравливая их друг на друга и балансируя между ними. Первые столкновения интегралистов П. Салгаду и коммунистов Л. К. Престеса начались во время уличных демонстраций в Сан-Паулу и Рио в 1934 году. В январе 1935 г. среди депутатов конгресса был распространен манифест о создании Национально-освободительного альянса, а 11 июля он был запрещен правительством из-за его радикалистских заявлений. 23—27 ноября произошло восстание в разных местах, поддержанное гражданскими и военными элементами. Для его подавления было объявлено в стране осадное положение, а президент получил чрезвычайные полномочия, которыми не преминул воспользоваться.

Если после подавления восстания конституционалистов в 1932 г. Варгас пошел на компромисс, то в отношении Национально-освободительного альянса применил жесткие репрессии. С января 1936 г. начала работу комиссия по расследованию коммунистической деятельности. В результате были арестованы тысячи сторонников освободительного альянса, включая депутатов. Их содержали в плавучей тюрьме — на старом торговом судне, стоявшем на якоре близ столицы. Варгас и военный министр генерал Дутра использовали сфабрикованный интегралистами «план Коена» (о коммунистическом заговоре с целью вооруженного захвата власти) для запугивания депутатов Национального конгресса, заставляя его продлевать осадное положение в течение года.

К юбилею Бразильской республики, 10 ноября 1937 г., произошел очередной военный переворот, в результате которого появилось «новое государство». Войска окружили здание конгресса, была провозглашена новая конституция, для «третьей республики». Варгас в обращении по радио заявил, что либеральная система изжила себя, что партийная демократия подрывала единство родины, а бесконечные дебаты в конгрессе мешали достижению политического согласия; единственной альтернативой оказалось установление «сильного правления», утверждающего «мир, справедливость и труд». Варгас взял на себя всю полноту власти, вплоть до провозглашения всенародного референдума, сроком до 6 лет. Фактически это «новое государство» просуществовало до военного переворота 1945 г., свергнувшего Варгаса.

Переворот середины 30-х годов был совершен не одним Варгасом, а в купе с военно-политической верхушкой, заинтересованной в сосредоточении власти в одних руках и усилении роли государства во всех сферах жизни. Эти контролирующие и регулирующие функции как раз и были зафиксированы в конституции 1937 г., текст которой подготовил Ф. Кампуш — сторонник авторитарного корпоративного строя итальянского образца. Она послужила основанием для чрезвычайных полномочий президента и Федерального совета. Концентрация власти в государстве предполагала этатистскую модель экономического развития, рекомендуемую технократами — экономическими советниками президента. Начиная с переворота 1930 г. имели место экономические преобразования как средство роста накоплений для развития капиталистических отношений. Это совпало во времени с расширением демократических свобод. Затем новый этап установления диктаторского режима соответствовал концентрации власти в экономике и в обществе при свертывании ранее достигнутых свобод. И в декабре 1937 г. все политические партии были распущены⁴.

Относительно характера этого государства существуют различные

мнения среди историков и политологов. Обычно его характеризуют, сравнивая с тоталитарными фашистскими режимами Европы или с авторитарно-корпоративными националистическими режимами других стран Америки. В самой Бразилии утвердилась его характеристика как слабой диктатуры, а Варгаса того времени — просто как диктатора. Отличительные черты его диктатуры — преобладание традиционных патерналистско-корпоративных методов правления над модернизированными и беспартийная политическая система (не была создана даже правительственная партия или легально оппозиционная ей). Диктатор был двуликим Янусом, стремившимся не утрачивать народ, а вести Бразилию вперед и собирать вокруг себя широкие слои общества, связанные с прогрессом экономики: военные и политические круги, промышленников и аграриев, городские средние слои и мелких трудящихся. Некоторые иностранные специалисты государственного права, посетившие тогда Бразилию, приводили ее в пример как эталон эффективного правления для переходного общества и называли Варгаса национальным политическим гением.

Другие говорили о Варгасе как о богатом плантаторе бразильского Юга, который был диктатором за президентским столом, как в собственном поместье. Они любили рассказывать, как он, в частности, решил проблему с трудностями транспортных артерий в Рио-де-Жанейро: издал закон, по которому все здания района между портом и центром скупаются казной по ценам, установленным самими владельцами при обложении их налогами (то есть, когда они занижали свои доходы). После волны протестов с их стороны Варгас дал им возможность назвать настоящую цену домов. Затем, за утайку при обложении их квартирным налогом, на домовладельцев были начислены такие штрафы, что все дома фактически отошли в казну бесплатно. В эту западню попала даже католическая церковь, которой принадлежало около 400 зданий среди реквизированных, после чего половина жителей столицы назвала Варгаса гангстером, а другая аплодировала ему. Широкая магистраль, построенная там, стала называться проспектом Варгаса⁵.

По-своему то была загадочная личность. Официально лепился образ «всевидящего президента» масс, который создавался Секретариатом по делам печати и информации, образованным в 1939 году. В реальности низенький человек плотного сложения мало соглашался с его парадными портретами, изображавшими его на коне либо в президентском кресле с атрибутами власти. Он не был поклонником пышных официальных церемоний, а в служебных бумагах предпочитал разобраться или сам, или с помощью небольшого штата квалифицированных сотрудников. Его любимой газетой был «*Jornal do comércio*», избегавший всякой политики.

Варгас — эта любопытная смесь каудильо и политика-позитивиста — был предметом внимания ряда биографов, бразильских и иностранных. Его соратник с первых его шагов у власти О. Аранья, тоже вышедший из рядов гаушу, бывший гражданский «лейтенант», министр иностранных дел в его правительстве, потом направленный послом в Вашингтон, поддерживал с ним обширную переписку и оставил воспоминания об административном стиле правления Варгаса. Он называл его «Христос среди воров», подчеркивая его личную честность и незапятнанность его репутации на фоне массовой коррупции верхов. Для контроля над президентским аппаратом имелся его «второе я» — глава секретариата Л. Бергар. Последний тоже оставил записки о своей верной службе президенту с 1935 по 1945 год. За это время через федеральный кабинет министров в составе 9 человек прошло 35 человек, в правительствах штатов — 90. Все эти перестановки сопровождались сложными интригами, использованием протекции, жесткими приемами придворной борьбы.

Варгас не проявлял сентиментальности при расставании с бывшими соратниками. А среди оставшихся имелось мало людей, пользовавшихся его полным доверием, включая членов правительства. Помощники президента, оберегая его от нежелательных посетителей и дурных известий, окружали его плотной стеной. Тем не менее, Варгас снискал себе в обществе

репутацию добродушного человека, расположенного к простым людям. Не консерватор и не либерал по духу, он мог общаться сразу со всеми, но не был особенно близок ни с кем. Он хотел являться символом бразильского общенационального сознания и ради этого переступал даже через традиционную автономию штатов, не исключая его родной Риу-Гранди-ду-Сул. Так, он издал декрет о сожжении их знамен. Его дочь Альсира рыдала, когда знамя их штата полыхало на костре.

При Варгасе началась модернизация госаппарата, создавалась более эффективная система управления, шел отбор среди специалистов различных отраслей, подбирались наиболее способные чиновники. Свидетели отмечали хорошее обращение президента со своим секретариатом и его интенсивную переписку с идейными соратниками. В частной жизни он замыкался в кругу дружной семьи Дорнелис — Варгас и общался лишь с немногими старыми друзьями. Его недруги называли его Макиавелли и хамелеоном за гибкость его политики. Но Варгаса это нисколько не смущало. Прекрасное понимание особенностей местной психологии стало залогом его успехов в политической карьере. Среди тех, кто знал его близко и общался с ним в частных клубах, где он подчас решал важные дела, и кто мог видеть его по-домашнему в его загородной резиденции, он слыл приятным собеседником, не лишенным здравого смысла.

Жетулиу с его круглой и короткой фигурой, одетый в свободный мешковатый льняной костюм, с неизменной черной сигарою в зубах, был похож на обыкновенного бразильского «кума» со всем его лукавством и любовью к использованию уменьшительных имен в обращении к собеседникам. Таким он предстал перед посетителями его родового ранчо в Сан-Боржа. Не будучи любителем верховой езды, он содержал породистых лошадей согласно моде, но предпочитал прогулки пешком. Среди его повседневных увлечений в годы, когда он стал президентом, появился гольф. При этом Варгас сам подсмеивался над своей неловкостью владения мячом, а игру использовал исключительно ради деловых целей, приглашая в качестве партнеров «нужных людей». Даже при вечернем времяпрепровождении он выслушивал за карточной игрой доклады своих помощников и решал срочные дела. Лишь раз в жизни посетил он оперу (в муниципальном театре Рио-де-Жанейро), но покинул зал после первого же акта вагнеровского «Лоэнгрина». Обычно он отдыхал за письменным столом, заваленным докладами по политическим и экономическим вопросам, газетами и журналами. Варгас вел интенсивную переписку с соратниками, друзьями и родными. Потом на ее основе офицеры военной разведки и полиции определяли в секретных докладах круг сторонников Варгаса и его оппонентов.

Близко общавшиеся с президентом в неофициальной обстановке сразу замечали его склонность к розыгрышам и шуткам, знание им народного юмора и понимание национальных черт рядовых бразильцев. Это очень помогало ему в политике. Он и сам не был лишен некоторых присущих рядовым гражданам черт, например страсти к историческим или «громким» именам. В самой большой католической стране мира он не побоялся дать двум своим сыновьям протестантские имена Лютера и Кальвина. Его любимая дочь Альсира (она оставила его биографию: «Жетулиу Варгас — мой отец») писала, как вся их семья, а прежде всего его братья Бенжамин, Протасиу и Вириату, а также сыновья с большой самоотдачей и преданностью служили ему как главе государства вплоть до самой его смерти.

Что касается оппозиции, то из сети власти она была полностью исключена, в том числе университетская интеллигенция, приверженная традициям либерализма и возмущавшаяся в университетских аудиториях официальным присуждением президенту звания почетного доктора университета Сан-Паулу. Когда же Варгас маневрировал между прокоммунистическими и профашистскими силами, например между Национально-освободительным альянсом и Национальным синдикалистским движением, то он в отношении этих радикальных групп, атаковавших либеральную республику (первые — за слабое сопротивление фашизму

и американскому империализму, вторые — за партюкратическое перерождение и за непротивление коммунизму и опять-таки американскому империализму), проводил тактику «разделяй и властвуй»⁶.

Интегралистское (профашистское) движение было запрещено вместе с другими партиями в конце 1937 г., хотя оно и поддерживало новое государство. В 1938 г. был раскрыт интегралистский заговор против Варгаса, базировавшийся на немецких анклавах в южных штатах Бразилии. Его ударной силой были боевики национал-социалистского движения. Варгас на несколько часов оказался заложником в президентском дворце Гуанабара, атакованном отрядом синдикалистов. Президент, находившийся в тот момент во дворце вместе с дочерью Альсирой, вооружившись, готовился к отпору, пока шла перестрелка между атакующими и дворцовой охраной. Потом это принесло ему немалую долю народного восхищения его мужеством при нападении фашистов. В речи 10 ноября 1938 г., в первую годовщину нового государства, президент заявил, что его страна готова защищать свою целостность от экспансионистских поползновений больших держав, которые зарятся на нее якобы из соображений защиты интересов этнического (немецкого) меньшинства. Это был небывалый случай, когда глава южноамериканского государства обвинил германский рейх в попытке использовать немецких колонистов на своей территории для подрыва сил нации. Благодаря успешной полицейской операции, с германской шпионской сетью в Бразилии было тогда покончено, и в бразильско-германских отношениях наступило временное охлаждение.

Во время второй мировой войны Бразилия оказалась на перекрестке внешних интересов двух военных блоков — стран фашистской оси и антигитлеровской коалиции, но пыталась проводить самостоятельную линию. В сентябре 1939 г. была опубликована Декларация о нейтралитете Бразилии. Оба блока имели в стране своих сторонников. Поэтому реальная политика бразильского правительства в 1940—1941 гг. была двойственной. Оно пыталось поддерживать отношения с обеими воюющими сторонами, извлекая из этого экономические дивиденды. Варгас, учитывая наличие в правящих кругах и прогерманской, и проамериканской партий, лично избегал занимать открытую позицию и предпочитал использовать соперничество США и Германии в Бразилии, получая от того выгоды для страны. Так, узнав о предложении германского концерна Круппа построить в Бразилии металлургический комбинат, правительство Рузвельта поспешило в 1940 г. заключить с ней соглашение о строительстве идентичного предприятия «Волта-Редонда». Но Варгас при этом учитывал, что экономически Бразилия больше зависит от США. Кроме того, она была связана межамериканской системой отношений в военной сфере. Поэтому решение Бразилии о разрыве отношений с Германией и Италией оказалось логичным шагом после 7 декабря 1941 г., когда японские милитаристы напали на Пёрл-Харбор. Это решение было принято 28 января 1942 г., после согласования его на совещании в Рио-де-Жанейро министров иностранных дел американских стран. Конкретно война Германии и Италии была объявлена Бразилией 3 августа 1942 г. и был создан бразильский экспедиционный корпус, который потом участвовал (в составе 5-й американской армии) в десанте на территории Италии⁷.

Бразильское общество постоянно усиливало давление на правительство, особенно после серии атак германских подводных лодок на бразильские торговые суда, направлявшиеся в Европу. По мере поражений Германии на Восточном, а затем и Западном фронтах симпатии бразильцев все более проявлялись на стороне антифашистской коалиции. Настроение менялось и против нового государства как анахронизма в период всеобщих побед демократии над фашизмом. Знаменательным оказался студенческий Американский бал в Сан-Паулу в ночь на воскресенье 31 октября 1943 года. Там собрался наверно весь цвет антиваргасовской оппозиции. Был принят манифест «Мы, бразильцы, боремся против фашизма на стороне Объединенных Наций, за то, чтобы для всех народов были восстановлены свобода и демократия». Студенты, которых за свободомыслие забирали в армию и посы-

ляли служить в экспедиционный корпус, где они занимались демократической агитацией среди военнослужащих, воспользовались этим случаем, чтобы высказать свой протест против политики государства. Под популярную танцевальную музыку композитора Г. Миллера (США) из кинофильма «Серенада Солнечной долины», усиленную бразильским барабаном, они распевали куплеты: «Боец отряда закаленных // Дивизий экспедиционных, // Зачем шагаешь под огнем ты в Апеннинах, // Когда сраженья за свободу // Мы здесь, на родине, ведем».

Ожидания того, что в послевоенный период будут установлены демократические порядки, охватили широкие общественные круги. О необходимости созыва Конституционного собрания и замены конституции 1937 г. говорили все, от университетских профессоров до американских дипломатов. Даже кондотьер «революции 30-го года», один из создателей нового государства генерал Монтейру, который в начале второй мировой войны был главным прогерманским союзником (за что был «сослан» послом в Уругвай), теперь взывал к демократическим державам, чтобы они помогли бразильцам установить у себя демократию. Этот поворот был характерен для всего офицерского корпуса, который пришел к выводу, что воевать против фашизма в Европе, имея у себя дома диктатуру, бессмысленно.

Варгас с его политическим чутьем сумел отреагировать на меняющуюся атмосферу в стране. В конце 1944 г., в своем обращении к бразильцам, он предложил установить «мир, порядок, гарантии элементарных свобод» и провести реформы при участии самого народа. Но оказался в изоляции, когда сложился единый либерально-военно-гражданский фронт во главе с Национальным демократическим союзом. Теперь военная верхушка при неизбежном переходе от авторитаризма к демократии решила обойтись без Варгаса и искала союзников среди либералов, готовых поддержать антиваргасистский переворот.

Тогда «по инициативе снизу» в 15-летнюю годовщину начала «эпохи Варгаса» была организована массовая манифестация под лозунгом «Мы хотим Жетулиу!». Она послужила толчком для мобилизации проваргасовских сил и партий — социал-демократической, Бразильской партии трудящихся, созданных при участии Варгаса, этатистских профсоюзов и политической сети, образованной авторитарным режимом для самосохранения. Выступая с балкона президентского дворца, окруженного демонстрантами, президент отклонил возможность выдвижения своей кандидатуры на предстоящих президентских выборах, но дал большой козырь своим сторонникам, выдвинув лозунг «Созыв Конституционного собрания немедленно» (пока он еще находился у власти). Это означало бы, что контроль над переходным процессом демократизации остался бы в руках президента.

Противники Варгаса клеймили его жест как политически аморальный, как попытку навязать угодный президенту новый Основной закон. Еще более, чем честолюбивое стремление Варгаса сохранить власть, беспокоила военных его апелляция к массам, которые могли попутно выдвинуть революционные лозунги. Движение в поддержку Варгаса все более сдвигалось влево. В него влились и левые партии, особенно после всеобщей амнистии 1945 года. На первомайской демонстрации Варгас открыто обратился к трудящимся за поддержкой, призвав их проголосовать за «тех, кто работает, а не живет за их счет»⁸.

Поводом для антиваргасовского переворота стало назначение брата Варгаса, Бенжамина, на место смещенного начальника городской полиции в столице, чтобы контролировать предвыборную ситуацию. Это решение затронуло интересы армейского командования, считавшего данный пост своей прерогативой. В сложном клубке предвыборных противоречий военные предложили либеральным союзникам план свержения президента, разработанный генералами, выпестованными в его же гнезде, Монтейру и Дутрой. При согласии гражданской оппозиции, надеявшейся получить демократическую власть из рук военных, операция была осуществлена. К тому же триумфальный приход к власти Перона в Аргентине на выборах 1945 г. после народной демонстрации 17 октября показал бразильским либералам возможность их поражения без поддержки со стороны армии.

29 октября 1945 г., в разгар предвыборной кампании, войска заняли стратегические пункты в столице и окружили здание президентского дворца. Плененный президент получил от посланного к нему генерала Магальянша заранее заготовленный текст отречения от президентского поста. Варгас был вынужден подписать его после трудных переговоров. В опубликованном официальном коммюнике говорилось о его добровольной отставке во имя блага нации, и Варгас заявлял, что у него нет никаких оснований для обиды на «вооруженные силы моей Родины, которые я всегда ставил очень высоко».

Свою вынужденную отставку Варгас считал временным поражением. Его можно было бы превратить в победу, если действовать с умом. Как и многие другие латиноамериканские лидеры, уходившие с политической сцены, он бросил знаменитую фразу «История скажет свое слово за меня!» А получил реабилитацию гораздо раньше, чем ожидали его противники. На президентских и парламентских выборах 2 декабря 1945 г. либеральная оппозиция (генерал Э. Гомиш) проиграла президентский пост генералу Дутре. Сам Варгас был избран в палату депутатов избирателями 9-ти штатов и в сенат от двух штатов. Он предпочел занять сенаторское кресло

в «месте отдохновения от мирских дел», как он меланхолично выразился. Но бóльшую часть времени после того, как он поприступовал на инаугурации нового президента, он предпочитал проводить в своем имении Сан-Боржа.

Несмотря на затворничество и сохраняя непроницаемое спокойствие, он продолжал подготовку своего политического реванша. Его противники давно говорили о нем: вот «маленький человек, одержимый непомерным честолюбием, который изо всех сил цепляется за президентское кресло». Варгас же называл их «слепыми апостолами регресса и застоя страны, виновниками вечных поражений в политике» и обещал своим недоброжелателям вернуться к власти, чтобы ускорить прогресс.

Варгасизм (иначе — жетулизм) представлял собой определенный этап развития бразильского национализма в сочетании с авторитарной политикой главы государства. Здесь проявлялся феномен Варгаса с точки зрения влияния на него и европейского фашизма, и американского «нового курса» Ф. Д. Рузвельта, и латиноамериканского популизма. Это был по сути прагматический национализм, ставший государственным инструментом модернизации общества, преобразования экономики и проведения социальных реформ. Причем одновременно существовали и то сотрудничали, то соперничали разные течения национализма: военный тенентизм, монополистский и популистский (трабальистский).

А трабальизм как одно из течений, порожденных варгасизмом, был создан сверху для налаживания социального мира посредством уступок трудящимся, введения трудового законодательства, перераспределения национального дохода в пользу малоимущих и организации новых профсоюзов. Благодаря трабальизму удалось расширить социальную опору персоналистского режима Варгаса, не обращаясь к политическим партиям. После их возрождения в 1945 г. была организована трабальистская партия усилиями Министерства труда и этактистской профсоюзной бюрократии. Трабальизм пережил варгасизм, сам породив в дальнейшем гамму различных течений и партий.

Как раз после второй мировой войны варгасизм трансформировался в трабальизм путем расширения социального законодательства, протекционизма профсоюзным организациям и вел к созданию трабальистской (практически профсоюзной) партии. В отличие от аргентинского президента Перона, лично получившего пост секретаря по делам труда и обеспечения в правительстве, чтобы заняться организацией этактистских профсоюзов, Варгас перепоручил это министру труда в его правительстве М. Филью. С 1942 г. в своих радиопередачах «Час Бразилии» Филью систематически пропагандировал идею трабальизма, внося ее в сознание трудящихся. Бразильская партия трудящихся была создана 8 мая 1945 г.; но ее организаторами были чиновники Министерства труда, верные поклонники Варгаса, а коллективными членами стали контролируемые ими профсоюзы. Возник также Национальный демократический союз. Это он выдвинул в президенты генерала Гомиша. Потом только что созданная социал-демократическая партия выдвинула генерала Дутру. Они-то и соперничали на выборах. А Варгас пока что вел закулисные переговоры с теми, кто командовал в экономике и политике, добываясь поддержки ими своего плана послевоенного развития Бразилии и мобилизуя трабальистские массы для давления на верхи.

Каким же путем он собирался добиться взлета прогресса? Он скрывал это не только от своих врагов, но даже от почитателей, толпами посещавших лидера в его добровольном изгнании. Редко присутствуя на заседаниях сената, он в декабре 1946 г. выступил все же там с речью, посвященной очередной годовщине нового государства, и назвал его «единственной альтернативой гражданским смутам». Теперь варгасизм уже полностью перерос в трабальизм как форму популистской демократии. Однако Варгас считал, что мышление бразильских трудящихся не может приспособиться к общеизвестным политическим схемам и формам, и поставил задачу соединить трабальизм с сильным национальным государством.

Послевоенное бразильское общество заметно отличалось от предвоенного. Усиливалась его дифференциация. Она вылилась и в возникновение многих партий. Вместо одной авторитарной формулы модернизации экономики появилось противостояние неолиберальной экономики и экономического национализма. Варгас имел в виду эти перемены, пытаясь установить контакты и со всеми течениями в трабальлизме, и с другими партиями, уже не разделяя их на свои и чужие, и внушал послевоенному поколению политиков, что именно он был патриархом всех бразильских политических партий, так как они возникли под занавес его государства. Массовый популизм, связанный с расширением избирательного права и включением профсоюзов в политическую борьбу, приводил к мобилизации голосов трудящихся. Сложилось два типа новых лидеров, ориентированных на городские средние слои либо на городских рабочих. А. ди Варруш был представителем первого типа, Ж. Гуларт — второго.

Первый начал карьеру в 1939—1940 гг. в Сан-Паулу, пользуясь поддержкой Варгаса и имитируя варгасовский политический стиль. При президенте Дутре в 1947 г. он был избран губернатором Сан-Паулу и создал собственную популистскую партию, названную социал-прогрессивной. Она опиралась еще и на городские низы. Ди Варруш занимался усилением своей харизмы и появлялся на публике по любому поводу — открытие строительства общественных сооружений, награждение спортсменов, благотворительные концерты. Его привлекала методика обработки общественного мнения, разработанная специалистами этого дела в США, но он не чурался и чисто бразильского лоббизма, и даже личного патернализма. Гуларт выдвинулся в 1950—1954 гг., будучи министром труда. Он был представителем штата Риу-Гранди-ду-Сул, так что его эволюция от варгасизма к трабальлизму была естественной. Гуларт стал фактически дофином Варгаса и его правопреемником, придя затем к власти в 1961—1964 гг., когда попытался довести до успешного конца идеи популистской демократии и трабальлизма.

Отношение Варгаса к США и к СССР зависело в принципе не столько от его политических симпатий и антипатий, сколько от национальных и экономических интересов Бразилии во имя утверждения ее державного статуса на латиноамериканском континенте. Во всех случаях Варгас прежде всего руководствовался идеей защиты собственных границ и территорий, благополучия бразильской экономики. Впрочем, лично «от себя» Жетулиу относился к СССР и вообще к коммунистам с подозрением, что не мешало ему при удобном случае использовать бразильских коммунистов в своих политических интересах.

Новая предвыборная кампания Варгаса началась в июле 1949 г. и проводилась по всей стране. Он разъезжал в сопровождении грузовика, оборудованного громкоговорителем и загруженного пропагандистской литературой. То была его проба сил во впервые использованных им чисто популистских приемах привлечения массовых избирателей. Ему приходилось постоянно адаптировать темы и язык своих выступлений в зависимости от аудитории слушателей, а также соответственно вести себя. В одном из штатов он шел во главе крестного хода против засухи. Перед другой аудиторией завел интеллигентный разговор о новой конституции, ибо опять проявил политическую гибкость, приняв демократическую конституцию 1946 г., декларировавшую правовое государство. В Рио, где были активны коммунисты и другие левые, вступил с ними в дискуссию насчет роли народа и обещал: «Если я буду избран президентом, то по парадной лестнице президентского дворца вместе со мной поднимется народ». Он сумел также договориться со своим бывшим соратником, а потом противником генералом Монтейру, и тот поддержал выдвижение Варгаса в президенты в 1950 году. С той же целью был создан предвыборный блок Бразильской трабальистской партии и социал-прогрессивной партии А. ди Варруша. Получив на выборах 3 октября 1950 г. 48,7% голосов избирателей в результате свободных и прямых выборов, Варгас опять стал президентом.

Последнее его президентство (1951—1954 гг.) обозначило поворот к де-

мократии популистского типа. В альтернативе неолиберализма или экономического национализма он склонился к поддержке последнего, но и тут с обычными для него колебаниями и оглядкой в зависимости от экономической конъюнктуры. А его политический стиль стал более открытым для средств массовой информации и для широкой аудитории. В президентский дворец поступали письма людей, голосовавших за Варгаса, которым он ранее обещал пригласить их в свой дворец и встретить на парадной лестнице. Их главное требование — «Бразилия для бразильцев!». Между тем сложная международная обстановка, как и раскладка социальных сил на национальной арене, не давали возможности проводить радикальные преобразования, как он обещал. К тому же в силу своей склонности к компромиссам, к принятию сугубо взвешенных решений Варгас избегал делать решительный выбор между противоборствующими сторонами и, как обычно, искал третий путь.

В июне 1951 г. в его резиденции произошла встреча с государственным секретарем США Д. Ачесоном, в ходе которой обсуждалась экономическая политика Бразилии. После начала Корейской войны американская дипломатия усилила нажим на своих соседей, а Варгас хотел извлечь из ситуации побольше выгод и даже выразил показную готовность идти на экономическую взаимозависимость со «старшим братом». Однако, не получив твердых заверений насчет компенсации за участие бразильцев в военных операциях в Корее, решил воздержаться от такого шага, тем более что в бразильском обществе началась кампания протеста.

Первые два года нового президентства Варгасу пришлось вплотную заниматься решением неотложных текущих задач: дефицит бюджета, галопирующая инфляция и т. п. В январе 1952 г. он издал декрет, регламентировавший иностранные капиталовложения. Еще в конце 1951 г. в национальный конгресс он послал проект создания «Петробраза» — национальной нефтяной компании. Постепенно Варгас склонялся к более радикальной экономической политике. Дебаты в парламенте по поводу национализации нефти затянули решение вопроса на два года. Поэтому было организовано массовое движение под лозунгом «Нефть — наша!» и перед зданием конгресса проведены демонстрации, чтобы заставить парламентариев принять президентский проект. Варгас заговорил об ограблении Бразилии иностранными нефтетрестами. В начале 1952 г. опубликованы декреты об ограничении вывоза иностранных прибылей и создании Национального банка развития. В декабре 1953 г. его приняли, хотя и с большими поправками. В апреле 1954 г. Варгас выдвинул проект создания «Электробраза». Он начал менять внешние ориентиры, поскольку вашингтонская администрация при президенте Д. Эйзенхауэре распустила бразильско-американскую смешанную комиссию. 1954 г. вообще осложнил отношения между США и Латинской Америкой после инспирированного падения буржуазно-демократического правительства Х. Арбенса в Гватемале и усиления давления США на национал-популистские правительства. Это подтолкнуло главные южноамериканские государства Аргентину, Бразилию и Чили к поискам соглашения (пакт АБЧ) для отпора внешнему давлению⁹.

Антиваргасовская оппозиция, воспользовавшись этим моментом, перешла в наступление. Ее ударной силой оставались либералы, стремившиеся восстановить свой альянс с военными верхами. Их поддержали «большая печать», принадлежащая крупным монополиям, которые были недовольны националистическими президентскими проектами и его популизмом с опорой на массовое движение, а также военные конспираторы, критиковавшие отсутствие проекта модернизации вооруженных сил. В феврале 1954 г. появился «меморандум 82 полковников», направленный военному министру. Издатель газеты «Tribuna da imprensa» К. Ласерда, ставленник либералов из Рио-де-Жанейро, избрал объектом нападок поддерживавший правительство журнал «Ultima ora», якобы за укрывательство доходов от налогов, а также коррупцию в правительственных кругах и Пакт АБЧ. Были опубликованы выдержки из закрытого доклада президента Аргентины Перона в Высшей военной школе, касавшиеся

бразильско-аргентинских переговоров, явствовавшие как будто бы об ущербе для Бразилии.

Варгас избрал манеру защиты «худой мир лучше доброй ссоры» и под давлением оппозиции убрал из правительства министров военного и труда, бывших объектами особых ее нападок. Антипрезидентский поход пока что лишь начал разворачиваться. Ведь даже в Национальном конгрессе у Варгаса не имелось твердого большинства. Оппозиция готовила импичмент против него по обвинению в злоупотреблении властью и попытке создания синдикалистского государства. Варгас же стремился опереться на трабальистские массы. В выступлении перед трудящимися на торжественном митинге 1 мая 1954 г. он объявил о повышении минимальной зарплаты вдвое и обратился к народу с просьбой организовать поддержку правительства. «Я никогда не откажусь от выполнения своего долга», — открыто заявил он затем в Порту-Алегри 2 августа 1954 года.

Но в ночь на 5 августа произошло событие, резко обострившее политическую ситуацию. На ул. Тонелеруш в Рио произошло покушение на журналиста Ласерду, который был легко ранен в ногу, а его охранник майор ВВС Ф. Ваз убит. Казалось ясным, кто и почему покушался на Ласерду: окружение президента хотело устранить клеветника, который своими разоблачениями не давал спокойно жить. Однако нужны были доказательства. Министр юстиции заявил, что правительство найдет и накажет преступников. Одновременно за расследование дела принялась разведка ВВС. Были схвачены профессиональный убийца Насименту, покушавшийся на Ласерду и убивший майора, а также один из президентских охранников Климериу. После пыток над ними они показали в качестве организаторов покушения на начальника президентской гвардии Г. Фортунату и сына президента Л. Варгаса. Последний выступил по радио с опровержением. Но комиссия по расследованию продолжила поиски, сама наложила арест на личный архив Фортунату и добыла там некий компромат на членов окружения президента. Правда, документальных доказательств найма убийцы так и не обнаружили.

Иная версия покушения — звено антиправительственного заговора. Это объясняло, почему заговорщики пощадили Ласерду как слишком ценную для них фигуру и принесли в жертву майора, отца большого семейства, чтобы сыграть на чувствах публики. Выстрелы должны были стать сигналом приведения в движение всего механизма заговора. Об этом заявил сам Варгас: «Эти выстрелы были направлены против меня». Он заявил, что дал строжайшие указания своим подчиненным сообщить всю известную им правду об этом покушении.

Между тем 5 августа газеты уже пестрели крупными заголовками и публикациями о событии на ул. Тонелеруш. Ласерда в своей газете прямо обвинил представителей высших сфер в организации покушения. Наряду с тысячами бранных слов в адрес правительства он пустил и прямой выпад против президента: «Если Жетулиу Варгас хочет заслужить какое-то уважение как человеческое создание, ...он должен оставить власть»¹⁰. Клич Ласерды «Варгаса — в отставку!» был подхвачен всей оппозиционной печатью. Депутаты и сенаторы вечером того же дня буквально атаковали президента в конгрессе. Генералитет проявил солидарность с Ласердой и явился в полном составе, во главе с Дутрой, на похороны Ваза 6 августа.

Уже вторую неделю Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро оглашали крики мобильных толп «Варгаса — в отставку!». Клуб ВВС превратился в штаб антиправительственного заговора. Собрание высших офицеров приняло решение потребовать ухода президента. ВВС и ВМС были приведены в состояние боевой готовности, армейское же командование и военный министр остались верны конституционному президенту. В военном министерстве и клубе ВВС непрерывно заседали представители командования разных родов войск. 23 августа, перед угрозой ввержения страны в пучину междоусобной борьбы, они приняли общее решение поддержать линию ВВС, хотя против голосовали и часть адмиралов, и 48 из 80 армейских генералов.

Одновременно наступление на Варгаса велось в парламентских кругах.

Вице-президент К. Филью, непосредственно участвовавший в заговоре, предложил Варгасу одновременную отставку президента и вице-президента как выход из кризиса и выступил в сенате с обвинительной против Варгаса речью. Кабиет не сумел принять решительные меры против заговорщиков. В ответ на предложение военному министру З. да Коста вывести на улицу верные правительству войска тот предупредил, что в этом случае не избежать большого кровопролития. Слово было за Варгасом. Он предложил компромисс: президент уходит во временный отпуск, чтобы затем передать власть «своему законному преемнику». Это предложение передали по радио. Генеральское совещание на следующий день заявило, что предложение Варгаса должно стать «окончательным и содержать обязательство, что президент больше никогда не вернется к власти»¹¹.

Последняя сцена в долгой политической жизни Варгаса оказалась драматичной. В опустевший президентский дворец явился да Коста, чтобы доложить о принятом решении и условиях отставки президента, диктуемых генералитетом. 72-летний Жетулиу, прошедший бессонную ночь в состоянии душевной депрессии, молча выслушал сообщение военного министра и, не сказав ни слова, удалился в свои покои. Оттуда через несколько минут раздался выстрел, покончивший с его жизнью.

Самоубийство президента — беспрецедентный акт в бурной истории Бразилии. Варгас оставил предсмертное письмо: завещание, всколыхнувшее затем бразильское общество. Он разоблачал военно-гражданский антиправительственный заговор, поддержанный противниками экономической независимости страны в ней самой и за рубежом. О своем сопротивлении заговору он написал: «Я боролся месяц за месяцем, день за днем, час за часом, выдерживая постоянное и непрерывное давление, перенося все молча, отдавая все свои силы без остатка для защиты моего народа, который остается теперь один. Я уже не могу дать вам больше ничего кроме собственной крови»¹².

Реакция общественного мнения оказалась незамедлительной и бурной. В Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу улицы заполнились манифестантами. Оппозиционные органы печати подвергались нападениям. Редакцию газеты Ласерды разгромили, ему пришлось срочно покинуть страну. Пикетированию подверглось посольство США, где укрылись некоторые антиваргасисты. Президентский дворец на несколько дней официально объявленного национального траура стал местом паломничества для тысяч граждан, стекавшихся туда, чтобы проститься с телом Жетулиу. Затем его останки были перевезены в Сан-Боржа и захоронены в семейном склепе.

Как отмечалось в траурных номерах большинства бразильских газет, «Варгас ушел из жизни, чтобы остаться в истории». Своим трагическим жестом он реально остановил тогда руку врагов национальной независимости, вызвав спонтанный массовый протест. Недаром «тень Варгаса» преследовала бразильских военных, и в течение следующих 10 лет они не смогли вмешиваться в политику. Да и в дальнейшем этатистская экономическая структура, созданная при Варгасе, явилась главным препятствием для неолиберальной Бразилии при жестком военном режиме 1964—1984 годов.

Политическим наследником Жетулиу оказались Жаниу Куадруш и Жоау Гуларт. Последний этап правления Варгаса в виде популистской демократии в тех или иных формах нашел продолжение в 60-е гг. при президенте Куадруше и вице-президенте Гуларте, а после смещения Куадруша военными — при президенте Гуларте, которого в свою очередь свергли в 1964 году. Но даже военные противники Варгаса, придя к власти, оказались вынуждены с некоторыми изменениями продолжить линию на авторитарную модернизацию экономики.

Теперь, в середине 90-х гг., крупная буржуазия из Сан-Паулу, всегда выступавшая в оппозиции к национал-популистскому правительству Варгаса, и идеологи неолиберализма наряду с апологией антиваргасизма пытаются взять реванш за свое поражение, за утрату первого места штатом Сан-Паулу и как бы исключить из бразильской истории весь

период становления второй и третьей республик. Но это ей слабо удается. Прагматическая линия Варгаса «изменять, сохраняя» по-прежнему популярна и утверждает историческую преемственность с недавним прошлым.

Примечания

1. AZEVEDO A. *Getúlio Vargas: estadista*. Rio de Janeiro. 1941; FRISCHNER P. *Presidente Vargas*. São Paulo. 1943; MONTALVO R. J. *Getúlio Vargas y la unidad brasileira*. Buenos Aires. 1939; LIMA DE ARAUJO C. *Mito e realidade de Vargas*. Rio de Janeiro. 1955; HENRIQUEZ A. *Vargas o maquiavélico*. São Paulo. 1961; SILVA H. *O Ciclo de Vargas*. Vol. 1-7. Rio de Janeiro. 1976; CARONE E. *A Segunda República (1930—1937)*. Rio de Janeiro. 1947; ejusd. *A Tercera República (1937—1945)*. Rio de Janeiro. 1977.
2. FARIA A. A. *Getúlio Vargas e sua época*. São Paulo. 1983, p. 10.
3. LEVINE R. M. *Vargas Regime: the Critical Years 1934—1938*. N. Y. 1970, p. 35.
4. СОДРЕ Н. В. *Бразилия: анализ «модели развития»* М. 1976, с. 99сл.
5. ГАНЗЕЛКА И., ЗИКМУНД М. Там, за рекой — Аргентина. М. 1959, с. 308—309; *Iberio-Americana Pragensia*. Praga. 1972, p. 116.
6. ГЛИНКИН А. Н. *Новейшая история Бразилии, 1939—1959*. М. 1961.
7. FARIA A. A. *Op. cit.*, p. 103 suiv.
8. SKIDMORE TH. *Brasil: de Getúlio a Castelo (1930—1964)*. Brasilia. 1976.
9. *Национализм в Латинской Америке*. М. 1976, с. 85сл.
10. FARIA A. A. *Op. cit.*, p. 107; ГЛИНКИН А. Н. *Ук. соч.*, с. 279—284.
11. FARIA A. A. *Op. cit.*, p. 89.
12. *Folha de S. Paulo*, 27.III.1994.

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 10 июня 1944 года ¹

Щербак о в (председательствующий). Продолжим наше совещание. Слово имеет т. Пичета.

Пичета. Мне хотелось бы поставить здесь несколько вопросов, которые меня волнуют и которые я хотел бы так или иначе разрешить. Первый вопрос — о славянофилах и западниках. С легкой руки А. Н. Пыпина ² славянофилы были названы реакционерами с разными оговорками, а западники — прогрессистами. Эта точка зрения до сего времени была вполне понятной, и она у нас все время поддерживалась нашей историографией вплоть до нынешнего времени. Между тем мне кажется, что подобного рода точка зрения совершенно неправильная и лица, так говорящие о славянофилах и западниках, фактически не понимают сущности ни славянофильства, ни западничества. Нужно иметь в виду, что в период разложения крепостного хозяйства происходит формирование русской нации, что забывают наши исследователи, и на этой почве развивается известное чувство народного самосознания, что также не замечается нашими историками. Во-вторых, достаточно внимательно прочитать сочинения славянофилов, чтобы убедиться в том, что высказывания Гегеля о славянских народах, будто «славяне есть нечто среднее между европейцами и азиатами, люди, лишенные энергии и всякого творчества; если бы XIX век был веком славянства, это было бы ужасно», вызвали возмущение среди славянофилов. Это — факт, которого отрицать нельзя, но о котором почему-то наши исследователи умалчивают. Мало того, если даже сравнивать славянофилов и западников в других отношениях, хотя бы даже в области исторической теории, то, конечно, славянофилы, несомненно, стояли на более здоровой и правильной точке зрения, чем западники, ибо у славянофилов субъектом истории был народ, а у западников народ не был субъектом истории. Конечно, у славянофилов есть реакционные элементы, как есть реакционные элементы и у западников. Это закрывать не нужно, но огульно называть всех славянофилов реакционерами будет неисторично и ненаучно, не отвечает нашему пониманию современной действительности.

Вернусь к западникам. Западники, этого никто не отрицает, типичные гегельянцы. К сожалению, из этого не делается вывода. Как себе представляют западники исторический процесс? До XVI в. — потемки, пустота, наконец, появляется Петр, его касается западноевропейская культура — абсолютный гегельянский дух, и Россия преображается. Разве это не гегельянская точка зрения, разве в этом сущность исторического процесса?

Продолжение. См. Вопросы истории, 1966, №№ 2—3.

Разве это не есть полное отрицание известного чувства национального самосознания? Мне кажется, подобная точка зрения будет неправильной и нельзя весь вопрос о славянофилах и западниках рассматривать по трафарету — как реакционеров и прогрессистов. Это будет неправильным. Этот вопрос надо пересмотреть.

Теперь второй вопрос — о Киевском государстве. Киевское государство — государство славянское. Это точно отмечено в наших учебниках по истории СССР, а когда речь идет о многонациональном государстве, то как только русское государство как составная часть многонационального государства исчезает, Россия перестает быть славянской. Россия не существует, хотя существует многомиллионный русский народ. Мало того, мы, историки, игнорируем широко развитые культурные связи России с южными славянами. Говоря о XVIII и XIV вв., мы много говорим о влиянии западноевропейской культуры на Россию. Это трафарет, который все повторяют, но о том, что русское государство, русская культура имели огромное влияние на культуру славян, в частности, на сербов и болгар, что болгары и сербы в 60-х годах были верными учениками Чернышевского, Добролюбова, Писарева, — об этом у нас обыкновенно в наших учебниках умалчивают или потому, что люди этого не замечают, или потому, что не хотят говорить. О том, что царизм проводил определенную субъективную восточную политику захвата, — это всем хорошо известно, но что объективно эта восточная политика содействовала развитию национальной культуры и политическому возрождению славянских народов, — об этом в учебнике истории не встретите ни слова.

Мы говорим о Бухарестском мире 1812 г., но о том, как Кутузов защищал интересы южных славян, в частности, сербов, — об этом в учебнике ни слова, как и о том, что сербы получили автономию и возродились благодаря России, — ни слова. Дальше, мы говорим о русско-турецкой войне (1828—1829 гг.), но умалчиваем о том, что мир, заключенный в 1829 г., заставил турок подтвердить автономию Сербии, о том, что Россия стояла на позиции охраны этой автономии и сербы после 1829 г. действительно встали на путь автономии, — мы об этом в наших учебниках молчим. Равным образом молчим и о том объективном значении, которое имеет русско-турецкая война 1877—1878 гг. для истории не только Болгарии, но и Сербии. Сейчас, когда славянский вопрос в жизни России и русского народа имеет громадное значение, мне кажется, об этом пора говорить более объективно и не замалчивать то, что раньше замалчивали.

Третий вопрос, которого я хотел коснуться, — это вопрос о славянах. Мы в последнее время стали интересоваться славянами и кое-что в этой области делаем. Но вот мы мало знакомы с тем, что по этому поводу говорили немецкие историки. Вот очень яркая характеристика оценки всех тех мнений немецких историков, которые говорили о славянах. Возьму немецкого историка Лео³ — 1837 г., «История Германской империи». Что там говорится о славянах? Это разбойники, жулики, специальность их — только убивать женщин и детей. Даже когда славяне занимались торговлей и были мореходцами, то их больше интересовали убийства и грабежи, чем занятие торговлей. Я не буду перечислять ни работ Менсуаля, ни Дауэля, ни других работ, но интересно, что после 1867 г. в нашей русской царистской литературе вплоть до Отечественной войны не было сказано об этом ни слова. Пора на это обратить особое внимание. Вместе с тем у нас появляются крайне странные суждения, которые не могут не волновать всякого советского гражданина вот по какому вопросу. Вышла работа А. И. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке». В 1937 г. в Институте истории Академии наук СССР А. И. Яковлев прочел доклад, в котором он передал содержание своей работы. Тогда его доклад вызвал много возражений в Институте истории Академии наук СССР. В частности, я принимал горячее участие в обсуждении этого вопроса и должен констатировать, к своему величайшему сожалению, что то, что написано им в этих главах, — это то, что было прочтено в 1937 году. Те критические замечания, которые были сделаны, им не были приняты во внимание.

Между тем я должен сказать, что то, что было написано Яковлевым в этих главах, является величайшим оскорблением русского народа и славянства, и пройти мимо этих двух вопросов я не могу.

Прежде всего меня удивляет филология А. И. Яковлева. Я плохой филолог и входить в эти рассуждения не буду. Но когда т. Яковлев, стараясь оправдать свою неудачную филологию, ссылается на покойных и ныне живущих академиков, приводя их имена, и старается их авторитетом поддержать свою неудачную филологию, это производит крайне грустное впечатление. В чем же тут дело? Дело в том, что А. И. Яковлев, беря греческое слово, которое встречается у Маврикия⁴, — «склявы», что означает «славяне», старается доказать, что славяне поступали на западноевропейские и восточные рынки в качестве рабов. Благодаря этому слово «склявы» появляется в некоторых языках — романском и других, созвучное со словом «склявой», что означает «раб». В глазах всей Западной Европы и Востока славяне были рабы. Это — первый замечательный вывод, к которому приходит член-корреспондент Академии наук Яковлев. Продолжая дальше свою филологию путем очень неудачных комбинаций, совершенно натянутых, А. И. Яковлев пытается доказать, что слово «склявы» при известной перестановке получает значение «холоп», «хлап», отсюда русское «холоп». Отсюда славяне — рабы, хотя такую точку зрения, что «славяне» происходит от слова раб, никто никогда в историографии не поддерживал, кроме замечаний в словаре Шмидта, сделанных в 70-х годах XIX в.⁵, да и то Шмидт не пытается так категорически высказать свое суждение, как это делает советский ученый Яковлев.

Мало того, А. И. Яковлев старался доказать, что Киевское государство — это страна рабов, что эти рабы разбегаются в разные стороны: на Север, Запад, Восток и т. д., и получается колонизация русской равнины рабами. Это сногшибательное открытие, которое до сих пор еще никто из наших историков не делал. Для того, чтобы доказать свою точку зрения, А. И. Яковлев прибегает опять-таки к филологии, но филологии довольно странного характера. Он хочет доказать, что целый ряд географических названий связан со словом «раб». Я не буду здесь входить во все рассуждения т. Яковлева, но я только приведу два примера. В западной части Белоруссии есть город Браславль, город, о котором у нас имеются точные сведения начиная с XIV столетия. Яковлев считает, что слово «Браславль» происходит от польско-румынского слова «бранка», что значит «плен». Как может слово «бранка» в XIV в. попасть на белорусскую почву, когда там не было поляков? А если бы А. И. Яковлев обратился к Любавскому⁶, то он узнал бы, что раньше Браславль назывался Брачиславом. Значит, он относится к периоду князя Брачислава. Вот одна поэтическая фантазия. Коснусь другой поэтической фантазии. Есть местечко Голтва в Полтавской области. А. И. Яковлев производит слово «голтва» от слова «гольтьба», хотя это слово появилось в XVI в., а местечко Голтва от названия реки появляется довольно рано в наших русских летописях. Это не научное доказательство, а какая-то своеобразная филологическая фантазия. Я не буду затруднять ваше внимание, потому что все страницы филологических исследований А. И. Яковлева относительно того, что рабы разбегались и т. д., — все это не выдерживает никакой критики. Но я думаю, что советский историк мимо этих вопросов пройти не может и не должен, ибо если работа А. И. Яковлева в этой своей части попадет за границу, попадет в руки наших врагов, то, я бы сказал, наши враги найдут в книге А. И. Яковлева целый ряд аргументов для оправдания своих взглядов на славянство. Они скажут: поймите, зачем вы возражаете на наши взгляды о славянах, когда ваши советские историки называют славян рабами? С этой точки зрения работа А. И. Яковлева является вредной, а научно — неграмотной.

Вопрос польский. Какие тут вопросы должны быть предметом нашего внимания. Когда мы изучаем Польшу в XIX в. — Царство польское, восстание 1830 г., восстание 1863 г., — мы должны обратить особое внимание на то, что поляки требовали границ 1772 г., то есть требовали Литву,

Белоруссию и Украину. Это первое. Второе. Тут, между прочим, высказывалось мнение, что между шляхецкой революционной демократией и аристократией польской в эмиграции была существенная разница в политических взглядах и настроениях. Согласен. Но только в одном не согласен: и польская аристократия во главе с Чарторыйским и польская демократия во главе с Лелевелем стояли на одной точке зрения — требовали границ 1772 года⁷. Тут — единство точки зрения аристократов и демократов, о которой у нас умалчивается. Я думаю, что это не мешает подчеркнуть. Наконец, одно небольшое замечание. Известно, что об отношении Герцена к польскому восстанию 1863 г. известно тонкое замечание В. И. Ленина: «Герцен спас честь русской демократии»⁸. У нас почему-то, говоря о Герцене как стороннике независимости Польши, не упоминается о тех переговорах, которые были между Герценом и революционным польским жондом⁹, о тех требованиях, которые Герцен ставил польскому жонду, как, например, предоставление белорусам, украинцам, литовцам права на национальное самоопределение, что это и было основной причиной разногласий между Герценом и польскими революционерами. Кроме того, в издании «Литературное наследство»¹⁰, вышедшем в 1941 г., опубликовано новое письмо Герцена к Огареву. Там отмечено, что если поляки не желают поддерживать нашу программу в отношении национального вопроса, то мы мешать полякам не будем, но и воздержимся от их поддержки.

Вот чисто национальная точка зрения, которую проводил Герцен в польском вопросе, ее нужно подчеркивать, а мы стараемся об этом умалчивать. Почему это нужно сделать? А вот почему. В 1923 г. в Польше вышла работа Я. Кухаржевского — это польский черносотенец, который был министром и председателем совета министров. И вот этот профессор Краковского университета выпустил 3-томную книжку под названием «От белого до красного царизма»¹¹. К сожалению, эта работа, вышедшая в 4-х томах, у нас не имеется. Я знаю только второй том, первого и третьего у меня нет. Вторым том посвящен Герцену. Посмотрите, как он оценивает Герцена: так как Герцен требовал, чтобы белорусы, украинцы и литовцы имели право на национальное самоопределение, то точка зрения политики Герцена была антипольской, она была вредной с точки зрения польских интересов, и Герцен в глазах Кухаржевского выступает чуть ли не агентом царизма. Учитывая эту точку зрения отдельных польских историков, нам несколько нужно быть разборчивее в своих оценках польского восстания и необходимо подчеркивать отдельные важные моменты, которые наиболее характерны для польского восстания и для взаимоотношений между польскими революционерами и русским революционным движением. Несомненно, что русское революционное движение поддерживало польское восстание, но на условиях разрешения крестьянского вопроса, с одной стороны, а затем предоставления национальностям права на национальное самоопределение.

Далее, русские революционеры «Земли и воли», Герцен и Бакунин предостерегали поляков от преждевременного восстания. Если поляки выступят преждевременно одни, без содействия революционного движения русских, то это вызовет крах восстания. Но польские революционеры сознательно это игнорировали. Это тоже нужно подчеркивать. Словесно они желали иметь поддержку, а в действительности они желали идти дальше без всякой помощи и поддержки со стороны будущей русской революции. Вот эти сложные и интересные вопросы у нас освещаются в учебниках весьма примитивно. Далее, нам пора расстаться с тем трафаретом, который у нас имеется, по выяснению классовой сущности восстания 1863 года. Конечно, когда Драницын¹² заявляет, что восстание 1863 г. было восстанием буржуазным, — это вздор. Но когда говорят, что восстание 1863 г. было восстанием шляхетским, а это приводится в учебнике «История СССР», — это является неправильным, говоря о сущности классовых отношений в Польше. Во-первых, в 1863 г. Польша была в периоде развития капиталистических отношений, а об этом у нас забывают. Во-вторых, в Польше в это время оказалось громадное количество разночинной интел-

лигенции, ремесленников, рабочих. Они принимали деятельное участие в восстании 1863 года. Игнорировать город и разночинную революционную интеллигенцию, ремесленников и нарождавшийся рабочий класс никак не приходится.

Последнее, на что я хотел бы обратить внимание. Мы очень мало знаем о том, что выходит за границей. Но что мы знаем, то никак не отражается в нашей критической литературе. Мы должны бороться с нашими врагами. Вот в Польше вышла книга Кукеля¹³, в которой говорится о войне 1812 года. Эту работу никто не читал, потому что ее в Москве нет. Эта работа посвящена резкой критике работ русских советских ученых. Я приведу фразу, которой он кончает: «Вот как пала советская наука». Разве мы можем молчать, если появляются такие работы за границей? А между тем мы должны хорошо знать, что выходит за границей в лагере наших врагов. Мы должны вести упорную литературную борьбу с ними.

Наконец, последнее, о чем еще я хотел сказать. У нас сейчас возрождается историческое славяноведение. У нас происходит интересный окончательный процесс дифференциации. Славянская филология резко отделяется от истории, то есть, другими словами, пришло то разделение, которое намечалось в конце XIX в. и что было перепутано, когда учреждали в 1939 г. кафедру славяноведения¹⁴. Для того, чтобы мы могли выступать перед славянами с известными своими достижениями, а такие достижения имеются, мы должны иметь возможность издавать если не журналы, то во всяком случае отдельные исторические сборники, чтобы западные и южные ученые, западная и южная славянская демократия имела возможность познакомиться с достижениями советских ученых, советских историков. Если мы этого не будем делать, то вся наша большая научная, организационная работа станет неизвестной.

Е ф и м о в. Товарищи, основной вопрос, стоящий перед совещанием, — как ставить некоторые проблемы прошлого для того, чтобы наши исторические традиции были наиболее эффективным оружием в борьбе с врагом, чтобы в то же время не ухватиться за оружие негодное, которое подведет. Для этого нужно указать, какие оценки прошлого являются неправильными. Если совещание дало известный, хотя и несистематизированный, материал о неправильных оценках прошлого, то не так много сделано для того, чтобы на примерах, взятых из истории СССР, показать, как надо правильно ставить сложные вопросы, в решении которых историки испытывают затруднения и где имеются особенно явные колебания и шатания. Указывались ошибки в духе буржуазного национализма, местного национализма, сказано было вскользь, что была тенденция чернить прошлое. Глубоко верно, что тот уклон наиболее опасен, против которого не борются. Из этого и будем исходить.

Перейдем к анализу некоторых систем ошибок на материале конкретных исторических вопросов.

Придется сказать о выступлении т. Аджемяна. Собственно о нем не стоило бы говорить, настолько оно ниже уровня совещания. Здесь происходит совещание историков, между тем т. Аджемян показал, что он, безусловно, не историк, хотя, по моему разумению, нет данных и о том, что он философ. Он сделал «открытие», что советские историки занимались народом, а царей просмотрели, в то время как эти цари как раз и представляют прогрессивные тенденции народной истории. Эта идея, конечно, не новая, развивали ее монархисты разных оттенков, например, Карамзин, Чичерин, Соловьев, Ковалевский¹⁵. Другая его идея — отказ от марксистской теории классов — тоже не новая, ревизионистская идея. Декларативно критикуя буржуазный национализм и покровщину, т. Аджемян как только переходил к истолкованию истории, тотчас же сползал с классовых позиций, а сползание с классовых позиций — это переползание или же переход на позиции чуждых классов. Остановлюсь лишь на одном примере. Тов. Аджемян стал на сторону Екатерины II, подавившей крестьянское восстание во главе с Пугачевым. Лассальянцы говорили, что крестьянство реакционно. Де Леон¹⁶ писал об этом. Меншевики это утверждали. Тов. Аджемян тоже

это полагает. Но ведь если крестьянство без класса гегемона не может победить, то из этого отнюдь не следует, что крестьянские войны реакционны. Как может быть реакционна борьба подлинных народных масс, являющаяся условием развития всякого классового общества, в том числе феодального? Борьба народных масс вела к дальнейшему развитию феодализма, к возникновению абсолютной монархии. Эта борьба заставила дворянскую монархию для своего укрепления разрешать некоторые общенациональные задачи во внешней и внутренней политике. Движение Пугачева вдохновило выступление гораздо более последовательного борца против крепостничества, чем Вольтер, — первого русского республиканца Радищева.

Даже потерпевшая поражение крестьянская война является прогрессивным историческим фактом. Правда, ломая феодальные отношения, она еще не имеет чем заменить их, но в дальнейшем прогрессивное значение крестьянских войн сказывается даже через много лет. В Германии именно в тех районах, где в XVI в. была крестьянская война, оказалось наиболее активным крестьянское движение 1848 года. В Китае именно в тех районах, где происходила великая тайпинская крестьянская война, возникли первые китайские советские районы¹⁷. Крестьянская война, связанная с именем Пугачева, не ослабила, а усилила Урал. Тов. Аджемяну дали слово, очевидно, в педагогических целях, чтобы показать историкам, куда можно покатиться, став на путь ревизии марксизма. Для самого т. Аджемяна — нетерпимого, самовлюбленного и абсолютно неосведомленного в вопросах истории «изобретателя системы», это — возможность одуматься, осознать свои заблуждения и, если его сумбур имеет основой путаницу только в теоретических вопросах, то под воздействием партийных указаний и общественного мнения исправить свои ошибки дальнейшей работой, не обязательно, впрочем, в области истории. Химеры т. Аджемяна, в отличие от химер Собора Парижской богородицы, сами по себе никакого интереса не представляют, но они — симптом шатаний в сторону буржуазного национализма.

Вяния этого же порядка в слабой или сильной степени возникали и в других выступлениях на совещаниях. Дважды совещание столкнулось с теорией «избранного» народа. Тов. Нечкина выступила с правильными политическими лозунгами, но один из ее выводов, это — что русская литература потому избежала апологии некоторых отрицательных образов, например, подобных Растиньяку, что она народная. Следовательно, либо другие литературы не народные, а если и другие народные, то русская литература особенно хорошая, особенно избранная, исключительная, вероятно, потому, что русский народ особенный, избранный. А это — одна из славянофильских идей. Но пережитки славянофильства — это не выход из трудностей, а, как видно, одна из трудностей, которую еще надо преодолеть в сознании историков, тем более, что эта же этническая концепция «избранного народа» содержится в книге «Казахстан». Казахи для вящей славы своей и всего мира бьют соседние с ними народы, в том числе и русских. На с. 225 сказано о русских военных силах, что это — «враги». Если казахи во главе с их героями бьют русских, ойротцев, узбеков, это — благо. Но где критерий этого блага? Получатся, — в том, что казахи — «избранный народ». А если так же будет написана история Узбекистана? Тогда «благом» будет, если узбеки будут бить казахов. Впрочем, на анализе этой проблемы остановимся подробнее в дальнейшем.

Здесь с великим почтением говорилось о западниках — о Кавелине¹⁸, Чичерине. Верно, это крупные буржуазные историки, особенно Чичерин, но когда говорят о западниках, забывают, что они, превознося все западное, хулили все русское. К сожалению, эта традиция западников не изжита еще и до сих пор. Об этом вскользь упомянул т. Минц. Если один историк чернит Россию, то другой поступает несколько не лучше, начиная обелять царизм. Если одни историки, впадая в экстремизм, предлагают пересмотреть все оценки прошлого, другие, не более устойчивые в методологии, заявляют, что никаких вопросов ни пересматривать, ни рассматривать не следует.

Вопрос о материально-политическом единстве в прошлом. Вы выступате перед бойцами, командирами, политработниками, говорите о патриотизме нашей страны в 1812 году. Память о 1812 г. вызывает большой патриотический подъем. Но будет неправильно изображать Россию как страну, в которой в 1812 г. классы куда-то исчезли. Это опасно по своим последствиям. Это поведет к идеализации реакционных лиц и учреждений. Как найти правильное решение, когда внутренняя борьба, борьба крепостных против крепостников притушена как общее правило, на время ослабела? А правильный выход есть. Надо указать на то, что в период уничтожения наполеоновского нашествия цели народа, с одной стороны, и дворян и царя — с другой, были различными. В 1813 г. русские войска продолжали начатое и предрешенное в 1812 г. на полях России освобождение Европы от наполеоновского гнета, а царь и помещики ставили целью восстановить реакционные династии в Европе, стремились к подчинению Европы русским помещиком.

Верно, что в 1812—1813 гг. все классы России в основном действовали вместе, в одном направлении и поддерживали государство в разрешении общенациональной задачи уничтожения иноземного нашествия и предотвращения его повторения. Но различие классовых целей можно и нужно показать, чтобы не получилось сползания с классовых позиций. Вспомним манифест Кутузова, тесно связанного с армией, от 1 января 1813 г., где отражены народные чаяния: «Храбрые и победоносные войска,— писал Кутузов,— наконец вы на границах империи... Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, поднятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят нам бессмертную славу... Но не последуем примеру врагов наших в буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница вышнего праведно отомстила их несчастье. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Не порабощения и не суетной славы мы желаем, но мы ищем освободить от бедствия и угнетения даже те самые народы, которые вооружались противу нас». Конечно, не надо трактовать этот документ буквально, но все же мы видим отличие народных чаяний от целей царя и дворян, от политики Александра I, политики реставрации.

Не следует при этом упускать из виду, что если крестьянские движения 1812 г. в ряде мест прекратились вовсе, то в других они продолжались. Кое-где там, где были крестьяне-партизаны, они кое-чего добились от помещиков. 1812 год в силу ряда причин был годом исключительно высокого морально-политического подъема. Вообще же морально-политическое единство в истории прошлого не следует идеализировать. В Америке в XVIII в. в период войны за независимость в некоторые моменты больше чем половина английской армии состояла из американских жителей — сторонников короля и парламента. Во время Французской буржуазной революции XVIII в. и революционной войны 1793 г. 60 департаментов из 83 находились в состоянии мятежа. Для понимания различия морально-политического единства прошлого и настоящего сравним морально-политическое единство гражданской войны в России, Отечественной войны 1918—1919—1920 гг., и нынешней Великой Отечественной войны.

В октябре 1917 г. произошел разрыв цепи в системе империалистических государств, и из этой системы выбыла Россия, в которой произошла пролетарская революция. В связи с этим внешнее перешло во внутреннее, международная империалистическая война перешла в гражданскую. В то же время империалистическая война имела свое продолжение в виде одной из форм классовой международной войны, интервенции и борьбы против нее. Внешнее давление на страну, а в еще большей мере — внешние удары войны производят двоякое действие на нацию, на государство. В одних случаях они сплачивают даже антагонистические классы для разрешения общенациональных задач. В других — внешние удары на отдельных участках, в отдельных звеньях, а иногда и в целом ослабляют и даже разрушают в связи с военными поражениями национальное единство. Здесь уместно вспомнить

слова поэта: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». В советской России в 1918—1920 гг. значительная часть господствующих классов при начале интервенции перешла в ее лагерь и, спасая поместья и капиталы, изменила родине. Имели место колебания середняка. В то же время появилось замечательное морально-политическое единство пролетариата и крестьянской бедноты, а с осени 1919 г. окончательно сложился и прочный союз с середняком. Начало сбываться гениальное предвидение «Манифеста Коммунистической партии» по национальному вопросу о том, что со временем пролетариат конституируется в нацию. Но в 1918—1920 гг. принципы социализма, уже провозглашенные, только еще начали претворяться в жизнь, еще не была, например, осуществлена коллективизация сельского хозяйства, не победила еще социалистическая промышленность. Морально-политическое единство народных масс нашей страны, страны победившего социализма, в теперешней Великой Отечественной войне стоит на значительно более высокой ступени, чем в 1918—1920 годах. Это огромная прогрессивнейшая историческая сила, но тем преступнее попытки ее срыва.

Выводы: 1. Для того, чтобы не скатываться к изображению России в прошлом, в периоды патриотического подъема, как бесклассовой страны, надо указывать различие целей и народных масс, с одной стороны, и правящих кругов — с другой. Подъем народных масс не исключал вовсе классовой борьбы, например, в период так называемого смутного времени, в 1812 г. и в других случаях. 2. Не следует отождествлять морально-политическое единство до 1917 г. и морально-политическое единство периода гражданской войны 1918—1920 годов. Морально-политическое единство СССР в период Великой Отечественной войны является небывалой в истории высшей социалистической формой морально-политического единства. 3. Не следует изображать морально-политическое единство нашей страны абсолютным. Историкам надо помнить указания о наличии пережитков прошлого в экономике, в быту и в сознании людей и проводить мысль о том, что для ускорения победы надо зорко, оперативно и решительно предупреждать любые попытки срыва нашего невиданного в истории морально-политического единства.

Царизм — «международный жандарм». Известно, что Россия играла реакционную роль в Европе, особенно в период от Екатерины II до Парижского мира. Это — один из основных исторических фактов. Реализация ленинской установки о том, что Россия была «жандармом Европы», будет марксистской, если она будет в полном соответствии с фактами. Это — основное требование марксизма. Поэтому именно в целях должной правильной реализации данной установки историки должны показать, что и на том преходящем историческом этапе, когда Россия играла роль «европейского жандарма» и когда ее внешняя политика была реакционной, все же Россия в ряде моментов играла в истории прогрессивную роль. Так, Россия сделала прогрессивное дело, сломав в XVIII в. враждебный ей крымско-польско-шведский барьер, отгораживавший ее от Европы. Провозгласив декларацию о «вооруженном нейтралитете»¹⁹ в 1780 г., российское правительство в своих интересах поддержало борьбу североамериканских колоний за независимость. Русские войска освободили Европу от наполеоновского ига. При Александре I ведущая роль европейской реакции в большинстве случаев принадлежала не России, а Австрии, Меттерниху. Оставаясь реакционером, Александр I по соображениям международного характера проводил в Финляндии и Царстве Польском конституционную политику, настоял на введении, хотя и ограниченной, конституции во Франции. Меттерних же провел «карлсбадские постановления»²⁰. Франция и Австрия подавляли как жандармы революции в Испании в 1823 г., в Неаполе в 1820 г. и в Пьемонте в 1821 году. Наполеон III как жандарм Европы задушил Римскую республику в 1849 году.

При Николае I Россия стала главным «жандармом Европы». Но в тот же период по соображениям международного порядка Россия поддержала освободительное движение в Греции²¹. В первой половине XIX в. Россия поддержала борьбу славянских народов на Балканах за независимость.

Говоря о наиболее критическом моменте — об интервенции Николая I в Венгрию в 1849 г., не следует забывать о самой Австрии как жандарме Европы. Не следует амнистировать реакционнейшую Пруссию и ее контрреволюционную политику 30—40-х годов XIX века. Наконец, почему не отдать должное Англии как неофициальному партнеру «Священного союза», как твердыне консерватизма, ее политике реставрации, удушения революций? Фактов контрреволюционной политики царизма так много, что положение о царизме — «европейском жандарме» отнюдь не поколеблется. При этом, освещая вопрос о «жандарме Европы», не следует забывать историю русского народа. Жандарм во внешней политике был жандармом и внутри России. Но силы народные, скованные царизмом, находили в те же десятилетия выход в создании замечательных произведений русской литературы, литературы братских народов, в произведениях музыки, в трудах Лобачевского и Сеченова, Менделеева и других. Ведь неоднократно давались указания о том, что в центре надо поставить историю непосредственных производителей, историю народа. А между тем государственная теория Карамзина, Чичерина и Соловьева до сих пор довлечет над нашими историками. Разделы учебника истории СССР под редакцией акад. Грекова таковы: Военно-бюрократическая империя Петра I; Дворянская империя 1725—1762 гг.; Дворянская империя при Екатерине II. А где народная история за этот период? Между тем в Америке вышел ряд работ под названием «История народа Соединенных штатов». Другой вопрос, в какой мере это название оправдано содержанием самих работ.

Подведем итог: 1. Показ царизма как «жандарма Европы» есть одна из основных задач исторических работ по соответствующему периоду. Этот показ не должен сопровождаться изображением внешней политики царской России как сплошь реакционной, как какого-то основного, коренного свойства России, как ее постоянного качества, а не как лишь одного этапа ее истории, как свойство только русского государства. Наряду с царизмом в качестве «жандармов Европы» и их пособников орудовали австрийская империя, прусское и французское королевства и конституционная Англия. 2. Царизм в определенный период был «жандармом Европы», но русский народ активно участвовал в общей культурной жизни народов, и его представители внесли ценнейшие вклады в мировую культуру. Здесь правильно говорили о попытке акад. Е. В. Тарле в корне пересмотреть вопрос о царизме как «европейском жандарме». Есть и другая опасность. Мы знаем, что у М. Н. Покровского была такая ошибка: он разоблачал русский империализм, но при этом обелял империализм других стран, особенно германский. Надо насторожиться и в отношении тех, кто попытался бы в духе западника Кавелина и «школы Покровского», идеализируя политику западных государств, чернить не только царизм, но и самую Россию. Против этого как раз предостерегал т. Сталин в статье «Энгельс о внешней политике России». Может быть, влияние «школы Покровского» как раз является причиной того, что исторические журналы не реагировали на эту важнейшую статью.

Вопрос о колониях в России. Глубоко неправы те, кто противопоставляет классовую и национальную точки зрения. Конечно, вместе с ходом истории и развитием капитализма, а затем социализма, происходило развитие марксистского учения, и в учение марксизма о нациях вносились новые идеи — об обострении национальных противоречий в ходе развития капитализма, идея буржуазной революции как начала национальных войн и др. Вспомним, что буржуазные революции вели к усилению стран, хотя и не такому поразительному, как Великая Октябрьская социалистическая революция. Страны, в которых произошли революции, приобретали к наиболее передовым для своего времени хозяйственным формам, политическим, к новой военной технике, тактике и стратегии, создавали новые приемы дипломатии и т. д. Их развитие ускорялось, и они стремились отвоевать ведущее место в системе государств. Нидерланды в ходе своей буржуазной революции, обособляясь как нация, воевали с Испанией²²; Англия при Кромвеле разгромила своего главного соперника —

Голландию; слабая до революции, Франция усилилась и воевала со всей Европой; Италия воевала с Австрией, Германия — с Данией, Австрией и Францией и т. д. Важнейшим новым этапом в развитии марксизма явилась работа т. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» и другие труды, в которых исследованы вопросы о признаках нации, национально-классовой структуре государств на Западе и на Востоке Европы и мн. др. Учение о нациях есть неотъемлемая часть марксистского учения о классовом обществе, идущем к диктатуре пролетариата. Марксизм учит не противопоставлению двух законов — закона классовой борьбы и закона национального развития, а изучению национально-классовой структуры, национально-классовых противоречий общества в их противоречивом развитии. Это же относится и к истории колоний. Развитие капитализма нельзя изучать и расценивать, исходя из судеб какой-нибудь из колоний и оторвав ее от метрополии и других колоний.

Надо брать весь процесс наступления крепостничества и капитализма на колонии и оценивать прогрессивность или реакционность процесса с точки зрения развития всей данной колониальной системы. Известно, что развитие капитализма отнюдь не является идиллией. Это кровавый процесс, предпосылкой которого является ограбление целых частей света, торговля рабами и т. п. Ленин, борясь с народниками, дал концепцию развития капитализма вширь и вглубь. Это важнейшая концепция, наброски которой содержатся в 25 гл. 1 т. «Капитала»²³, имеет огромное значение для решения проблемы. Ленин писал: «Важно то, что капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»²⁴. Если бы Казахстан был покорен Джунгарией²⁵, он затем, вероятно, был бы поглощен остальным Китаем. Если бы Казахстан был завоеван Англией, он тоже был бы отсталым до сих пор. Включение его в систему России исторически привело его к социалистической революции, огромному движению вперед. Если писать историю завоевания колоний в полном отрыве от истории России, тогда Россия получит уродливое однобокое освещение, тогда появится характеристика русских военных сил как «врагов» («Казахстан», с. 225). Нельзя в изложении отделять историю завоевания Казахстана от превращения его в царскую колонию, даже при некоторой неодновременности этих процессов. Это опять ведет к однобокому освещению. Как могло случиться, что Россия на протяжении целой части книги освещалась так однобоко, только как колонизатор, каратель, зверь, а авторы не замечали этого? Здесь сказались наследие ошибок западников и «школы Покровского» или веяние местных националистических тенденций.

Между тем, становясь колонией, Казахстан вырывался из феодальных отношений. Там появлялись ростки капитализма в его колониальной форме, то есть без какой-либо перспективы деколонизации в рамках капитализма. В то же время началось национальное угнетение и ограбление Казахстана, торможение его развития колониальным гнетом. Но вопрос о прогрессивности развития капитализма решается не характером его развития в отдельной колонии, а судьбой всей капиталистической системы в целом. Развитие же капитализма в России приближало ее к пролетарской революции. Однако, исходя из того, что «господа ташкентцы»²⁶ были агентами капиталистического развития, отнюдь не следует их обелять. В отношении народа они были реакционерами, подавляли массы, их прогрессивную борьбу. Поэтому превозносить их за то, что они участвовали в прогрессивном, антагонистическом развитии капитализма как носители его худших черт, вызывавших против себя самый острый протест и борьбу, отнюдь не приходится. Реакционерами в отношении масс были Ермолов, Черняев, Скобелев и другие генералы и чиновники, завоеватели и покорители колоний.

Была ли прогрессивной борьба масс против колониального закабаления? Те, кто боролись против капиталистического закабаления, часто представляли цели этой борьбы как возврат к старому. Они не понимали того,

что самая их борьба была движущей силой истории, моментом капиталистического развития. Самое их сопротивление отвоевывало более человеческие и более прогрессивные условия существования населения колоний. Борьба масс была борьбой не только против национального великорусского гнета официальной царской России, но и классовой борьбой против помещиков-крепостников и их государства, против эксплуататоров-капиталистов и феодалов, как русских, так и своих, местных. Она становилась и революционной традицией, она сплачивала народ для его классовой борьбы в союзе с русским крестьянством, а затем — и русским пролетариатом. Чем дальше, тем больше борьба колоний против их закабаления становилась открыто классовой. С классовых пролетарских позиций должен решаться вопрос об образовании семьи народов, о благотворном ведущем влиянии русского народа на другие народы и о благотворном взаимном влиянии народов нашей Родины.

Когда перед нами сложнейший процесс переплета капиталистических и феодальных отношений, отношений национальных и классовых, когда стоит вопрос о понимании сущности процесса самими его носителями и об объективном его содержании, то очень плохую услугу оказывают те историки, которые вместо конкретного изучения развития колоний занимаются наклеиванием ярлыков: Шамиль — реакционер, Ермолов — революционер. Предупреждение против идеализации вожаков крестьянского движения остается в силе и для истории колониальных движений. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России. «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма...» (Ленин В. И. Соч. Т. III, с. 487—489)²⁷. Не беря на себя решение проблем, поставленных в книге «Казахстан», полагаю, что в ряде случаев их решение затруднено не отсутствием достаточного количества фактических данных, а неправильным подходом к ним. Так, например, авторы считают, что вопрос об английской экспансии в отношении Казахстана нельзя ставить, так как английские историки и дипломаты не дали соответствующих подтверждений. Пожалуй, однако, для решения вопроса об экспансии английского капитализма таких справок и не требуется. Вопрос о слабых соседях сильных держав в исторической литературе ставился неоднократно. Так, Монтескье считал, что слабых соседей иметь выгодно, так как можно расширить территорию за их счет.

Напомню замечательное возражение против этой мысли Монтескье, принадлежащее С. М. Соловьеву: «Если соседнее государство, клонящееся к падению, представляет опасность само по себе, то по слабости своей оно может усилить другого соседа, который захочет увеличить свои средства на его счет, другие соседи не могут этого позволить, и таким образом падающее государство становится предлогом постоянной борьбы между ними. Его слабостью (то есть слабостью падающего государства.— А. Е.) уничтожается пространство, разделяющее сильные государства. По его поводу они приходят к постоянным столкновениям друг с другом, следовательно, существование между ними слабого государства не приносит им никакой выгоды, напротив, гранича непосредственно друг с другом, они имели бы менее причин к вражде» (Соловьев С. М. Курс новой истории. Ч. 2. М. 1873, с. 168—169). Ошибка Монтескье и Соловьева заключалась в том, что они хотели решить вопрос, выгодно ли иметь слабых соседей, абстрактно, для всех случаев одинаково. Между тем этот вопрос решается конкретно для каждого отдельного случая. Самая же постановка вопроса является ценной. Надо еще учесть, что когда книгу редактируют семеро, а пишут 30 авторов, то даже правильные установки введения разойдутся с содержанием самой книги, а отдельные части ее будут друг другу противоречить.

Выводы: 1. Историю бывших колоний России надо писать, не отрывая ее от истории России и других колоний, иначе получится уродливый односторонний показ России. 2. Колонизация как этап развития капитализма есть факт исторически прогрессивный. В дальнейшем вместе с развитием

антагонистических противоречий капитализма, с изжитием капитализмом своей прогрессивности все больше перестает быть прогрессивным факт существования самой колониальной системы. 3. Отнюдь не следует какими-либо способами обелять зверства колонизаторов, носителей худших черт антагонистического развития капитализма реакционеров, в отношении масс. 4. Борьба масс против колонизации — исторически прогрессивное явление как момент развития капитализма несмотря на то, что те, кто боролся против колониального завоевания, часто представляли дело так, что реальным содержанием их борьбы является борьба за возврат к старому, к патриархальным и феодальным отношениям. Эта борьба приобретает все более открыто классовый характер и все более связывается с борьбой народных масс всей России. 5. Подобно тому, как не следует идеализировать вожаков крестьянских движений, не надо без меры превозносить вожаков крестьянских движений в колониях. Надо показать и их слабые стороны.

Политика России в отношении Польши. В основе марксистско-ленинского понимания международных отношений лежит теория классов. Тов. Сталин дал глубокий анализ внутренней и внешней функции государств, показав, что и внешняя функция изменяется с изменением классовой структуры государства или классовой структуры той системы государств, в которой данное государство находится. Стремление к завоеванию есть стремление господствующего класса одной страны — монополиста средств производства в ней захватить и эксплуатировать территорию и средства производства, в их числе прежде всего население другой страны. Таким образом, в основе завоевания лежит классовая потенция. (Внешняя политика зависит от классовой структуры борьбы и внешнеполитической позиции классов и партий данного государства и государств, его окружающих).

Внешняя политика Екатерины II была политикой русских помещиков-крепостников. При этом она разрешала и разрешила некоторые большие общенациональные задачи — политические и народнохозяйственные. Не только до Петра I, прорубившего в барьере лишь окно, но и до Екатерины II Россию отгораживал от Европы барьер враждебных отсталых феодальных государств — Турция и Крымское ханство, Польша, Пруссия и пришедшая в XVIII в. в большой упадок Швеция. Хотя и неверна легенда западников об исключительной отсталости и полной изолированности России от Европы до Петра I, но враждебный барьер и после Петра продолжал тормозить развитие России. Екатерина сломала этот барьер в его южной части и частью — на Западе. Было ли исторически прогрессивным присоединение к России Крымского ханства²⁸ и освобождение и присоединение непольских земель Речи Посполитой? Повторяем, речь идет не о том, была ли политика Репнина в Польше или Стахиева в Константинополе и Шагин-Гирея²⁹ в Крыму гуманной.

Ко второй половине XVIII в. Польша и Крым окончательно потеряли всякую самостоятельность. Крым, как и Польша и Швеция, стал ареной борьбы за политическое равновесие враждебных в то время России сил. В Крыму орудовали турецкие агенты, прусские и французские разведчики. Тогда Россия овладела сильными позициями внутри Крыма. В 1783 г. решался вопрос не о самостоятельности Крыма, ее давно не было, решался вопрос о сломе части враждебного России барьера, отгораживавшего ее от Черного моря и от Западной Европы. При этом Крым превратится в колонию России со всеми последствиями этого. Польша тоже давно уже потеряла самостоятельность и тоже являлась ареной, на которой боролись против России враждебные государства, прежде всего Франция и Турция и сама Россия. По трем разделам Польши³⁰ к России не отошло ни клочка польской земли. Украинцы и белорусы были избавлены от второго дополнительного национального польского гнета и соединились с украинцами и белорусами России. Русские земли присоединились к России. Это было исторически прогрессивным. Отметим, что инициатива раздела Польши и лишение ее государственной самостоятельности принадлежали Пруссии. При этом польские земли были захвачены Пруссией и Австрией, а в XIX в.

часть их — Россией. Какой основной урок истории можно вывести из судьбы лишившейся самостоятельности Польши и ставшей игрушкой внешних сил? Весь ход историй этой Польши показал, что враждебная России «барьерная» Польша существовала.

Выводы: 1. Ввиду того, что и польские революционеры 1830—1831 гг. и 1863 г., и современные польские реакционеры без всякого основания апеллировали и продолжают апеллировать к «Великой Польше в границах 1772 г.», целесообразно осветить вопрос о том, что никакой «Великой Польши в границах 1772 г.» не существовало. Польша еще задолго до того, примерно, со времени Вестфальского мира в 1648 г., в котором Польша уже не участвовала, фактически перестала быть самостоятельным государством. Она стала игрушкой в руках великих держав, ареной борьбы за «европейское равновесие», частью реакционного, враждебного России барьера, которым Франция, Турция, Швеция и др. державы стремились отгородить Россию от Западной Европы. 2. Во время первых трех разделов Польши ни одного клочка польской земли к России не отошло. К России были присоединены русские же земли с украинским и белорусским населением. 3. Реакционная, антидемократическая, враждебная Россия «барьерная» Польша никаких исторических прав на существование не имела, не имеет и не будет иметь.

Недооценка марксизма. Имеются факты недооценки марксизма. Понятно, что сползание некоторых историков с классовых позиций закономерно ведет их и к недооценке марксизма. Недавно учитель предложил исключить из программы средней школы тему «I Интернационал». Далее, студенты все хотят специализироваться по вопросам истории международных отношений. Студенты-историки на экзаменах хуже всего отвечали по политической экономии. Имеются и другие сигналы. (А д ж е м я н. Ваше выступление есть сигнал о недооценке марксизма.) Вы очень нетерпимы — я уже об этом говорил. Когда Вы говорили, я без всякого удовольствия слушал Вас, да и все Ваше выступление никому никакого удовольствия не доставило. Однако Вас слушали. Сейчас Вы послушайте меня, а если захотите выступить, попросите опять слово. Есть сигналы о сползании с классовых позиций и веяниях буржуазного национализма и других извращений в понимании вопросов истории, делаются ошибки и в тех случаях, когда марксисты ведут борьбу с буржуазным национализмом. Все это ставит с настоятельной необходимостью вопрос об усилении работы в области марксизма, о поднятии уровня всей теоретической работы историков. Решение по вопросам философии имеет непосредственное отношение и к историкам.

Организация научной работы в Отделении истории и философии АН СССР. Наконец, последний очень важный вопрос — организационный. Что должно быть основной формой движения исторической науки вперед — капитальные монографии и капитальные публикации источников или многотомники? Конечно, в отдельных случаях многотомники или сборники могут быть полезны, отказываться от них отнюдь нельзя. Но если они становятся основной организационной формой развития науки, как это случилось с Отделением истории и философии Академии наук, — это путь неправильный. В Институте истории пишут историю военного искусства, историю русского флота, русской культуры, пролетариата, крестьянства, Москвы (7 тт.), Ленинграда и другие многотомники. Но именно потому монографиями там не занимаются или почти не занимаются. Институт истории упорно держится за бригады, почему? 1) Может, боятся тронуть сотрудников, которые потому так привыкли писать бригадой, что в одиночку писать не могут? 2) Умеющих писать включают во многие бригады, заставляют переделывать негодную продукцию слабых сотрудников. Получается уравниловка, осужденный школьный бригадно-лабораторный метод, который еще закрепился в институтах Истории и Философии. 3) Мало монографических работ. Нет капитальных научных публикаций, без которых невозможно развитие исторической науки. В загоне историография и библиография, они не особенно нужны, ибо научно-популярные статьи

в многотомниках надо писать в экстренном порядке, работать на уровне современного состояния науки нет времени. От этого слабеет качество научной экспертизы гуманитарных институтов Академии наук и страдает подготовка кадров. Институтам не с чем будет выйти на международный съезд историков, если положение не будет изменено. Кроме того, бригады вместо серьезного исследования читают огромное количество статей и рецензий на них, им помогает ряд товарищей, бригадир может оказаться и не в курсе существа вопросов чрезвычайно широкого тематического охвата, как это обычно бывает в многотомниках. О качестве коллективных работ Института истории в 1944 г. свидетельствует и обсуждение I т. истории русского военного искусства³¹.

При обсуждении в Институте истории единодушно признано, что никакой истории русского военного искусства не получилось, что имеются разнородные и разноценные очерки, содержащие ряд ошибок. Например, говорится, что Суворов до Американской и Французской революций XVIII в. ввел новую тактику боя цепями и колоннами (мелкими каре). Если это так, то Энгельс неправ. Энгельс в «Анти-Дюринге»³² ошибся. На самом деле Энгельс прав. Поскольку об этом можно судить до монографического исследования этого вопроса, Суворов до американской революции не ввел новых боевых порядков, а применял цепи для целей разведки. Если бы была написана монография, это было бы хотя и более медленным, но более бесспорным движением науки вперед и разрешило бы данный вопрос. Итак, коллективность работы советских ученых состоит не в бригадах. Коллективность — в советской плановости, в участии общественности в обсуждении планов и продукции, в организации важнейшей научно-вспомогательной работы, в применении, таким образом, разделения труда в научной работе, в связи с читательской массой. Пример прекрасной коллективной научной работы — школа И. П. Павлова, где, самостоятельно соревнуясь, работают крупные ученые с большим научно-вспомогательным аппаратом. Универсальный же метод бригад институтов Истории и Философии в том виде, в каком он ими применяется, — это левацкое извращение принципа коллективности в научной работе. Это — пережиток бригадно-лабораторного школьного метода, перенесенный в науку.

«Исторический журнал» должным авторитетом не пользуется. Его недостатки зависят как от общего снижения уровня работ историков, пишущих бригадами, так и от неверных установок редакции. 1. Это не журнал по истории, а в основном журнал только по вопросам эпохи империализма. М. Н. Покровский истории не умел понять и объяснить и считал, что она начинается только в XX веке. Эта идея сказывается и на установках журнала. 2. «Исторический журнал» дает больше публицистику на исторические темы, чем серьезные научные статьи. 3. Библиография и историография в журнале на крайне низком уровне. 4. Определенного профиля у журнала нет, он предназначен для слишком широкого круга читателей. Нужны еще специализированные исторические журналы. 5. Основного научного исторического журнала, который мог бы должным образом способствовать развитию и подъему исторической науки, у нас нет.

В заключение необходимо сделать такой вывод. Залогом успешного развития исторической науки должна быть ликвидация благодушия и примиренчества к ошибкам. Большая теоретическая исследовательская работа обязательно будет соединена с поднятием на большую высоту историографии и критики. Необходимое условие наиболее успешного и быстрого движения исторической науки вперед — непримиримая, острая и в то же время товарищеская, подлинно большевистская критика и самокритика среди историков.

Яковлев. Всякий человек нашей профессии, работающий на исторической ниве Советского государства, не может не относиться с чувством глубочайшей благодарности к тому вниманию, которое уделено нам созывом настоящего совещания. Мы с гордостью можем сказать, что наш голос будет услышан и что спрашивают нашего мнения, спрашивают люди, которые состоят на вершине исторических знаний. Мы с гордостью можем

сказать, что к нашему цеху принадлежат такие величайшие историки, как покойный Владимир Ильич и как ныне здравствующий Иосиф Виссарионович. Каждый из них внес ценнейший вклад в наше дело и являлся, по отношению к Владимиру Ильичу, и является, по отношению к Иосифу Виссарионовичу, более чем компетентным судьей в оценке нашей работы. Из обращения к нашему скромному рабочему сословию цеховых историков надо сделать ряд глубоких выводов, вытекающих из самого факта этого обращения. Первый из выводов, конечно, относится к тому, что на нашем фронте не все благополучно. Надо сказать, что последнее десятилетие, когда стало ликвидироваться злосчастное наследие покровщины, мы были поставлены в положение вполне удовлетворительное, в некоторых случаях даже блестящее. Была дана полная возможность работать, дана была драгоценная привилегия выпускать тяжелые большие книги, что являлось исключительно важным правом. И, тем не менее, нами недовольны, я скажу больше: мы и сами собой давно недовольны. В нашей деятельности есть ряд промахов, нам давно замётных и нас давно настораживающих тревожно. Не секрет, что в нашей среде нередко шли разговоры: кончится плохо, нам достанется, и к этому прибавлялось — и поделом достанется! Вот к этому положению надо дать, очевидно, наш цеховой рабочий комментарий: в чем же дело?

Надо сознаться, товарищи, что за этот счастливый для нашей науки десятилетний период все-таки сделано было очень мало. Мы не смогли удовлетворить ряд высказанных нам пожеланий. В замечательной статье от 16 мая 1934 г.³³ было выражено пожелание, чтобы дана была учебная книга по истории, в которой в живой, занимательной форме вместе с изложением важнейших событий и фактов в их исторической последовательности была бы дана характеристика исторических деятелей вместо преподносившегося дотоле схематичного изложения эволюции общественно-экономических формаций. Дали мы такой учебник? Нет, у нас его нет. Мы не осилили этого дела. Надо сказать, что в старой историографии была куча учебников, неприемлемых для нас, советских людей, с нашей точки зрения, но прекрасно написанных в литературном смысле. Великий мастер стиля — Ключевский, неплохой стилист — Иловайский. Даже историки, сравнительно мало популярные, как Елпатьевский, излагали сравнительно неплохо, платоновский учебник³⁴ также изложен хорошо.

Второй наш грех, в котором надо сознаться: преподавание в нашей школе, особенно в высшей школе, продолжает хромать. Мне приходилось ревизовать несколько раз преподавание, и из материалов проверки видно, что и преподаваемый материал и усвояемый материал далеко не перво-классного качества. Исчезла и не возродилась школа требовательной точной проверки, точной формулировки. Человек пишет наотмашь, как фельетонист, да так же часто и говорит в аудитории: ну, какая важность, махнул не тот год, все равно аудитория не запомнит! А если аудитория запомнит? В прочитанной мною статье одного авторитетного органа, посвященной Кутузову, я нашел около двадцати неточностей и погрешностей. Стало быть, и тут дело обстоит неблагоприятно. Очевидно, звание специалиста и профессора еще не всегда гарантирует нас от промахов памяти, а принудить себя к тому, чтобы проверить и освежить сообщаемые данные, не хватает, очевидно, энергии, силы воли, а иной раз, может быть, даже просто добросовестности.

Наконец, перейдем к собственному нашему делу — к цеховой научной работе. В цехе научной работы от нас справедливо ждали исследований. Архивные исследования в нашем предмете — то же самое, что лабораторные работы у химиков, физиков, физиологов. Надо брать старые факты. Москва — оазис для истории. А историки всеобщие — извольте ехать во Францию или Англию получать скупое дающиеся разрешения на работу в Британском музее или в Национальной библиотеке в Париже, где к вам сначала присматриваются, не позволяют даже писать пером, пишете карандашом, потому что пером вы можете подправить, подделать, загрязнить документы. И это относилось даже к таким историкам, как покойные

Виноградов и Савин³⁵. В московских архивах — клад за кладом, груды драгоценнейших сведений. Что, они разработаны? Где эти монографии? Военные архивы в Лефортово, походы Румянцева, Потемкина, военные поселения Аракчеева, архивы Поместного приказа на Девичьем поле³⁶! Чуть-чуть, там и сям кто-то выдергивал оттуда документы, но засесть и годами работать там — нет, мы не собирались с духом и с настроением. Стало быть, и тут дело обстоит не блестяще. Не буду говорить о том, о чем говорил уважаемый т. Ефимов, — о составлении 7-томников, 10-томников. Я полагаю, что нам надо несколько приободриться и взяться за дело так, как этого требует тот, кто к нам отнесся с доверием, и как этого требует и наша совесть. Надо взяться за работу, как говорят, по-новому, но одних пожеланий недостаточно, надо подчинить себя известной школе, дисциплине.

Перейду к некоторым практическим заключениям. Для этого надо прежде всего систему преподавания поставить на более строгие основания как в школе средней, так и в школе высшей, для чего и надо дать соответствующие учебники. Нужно развить семинарскую работу лицам, которые хорошо знают предмет, а не лицам, которые делают это любительски, и работу эту надо развивать возможно шире. В течение ряда лет, не менее 5—6 раз я представлял докладные записки о необходимости издать памятники русской истории для учебных целей, что систематически делается за границей, что делается в Англии и Америке. Пока удалось провести 2—3 выпуска только. Очевидно, это дело требует большей энергии и настойчивости. Надо сказать, что враждебного отношения нигде не было, а просто коллектив наш относился к делу вяло, между прочим. Заинтересуются, пригласят прислать образчики, потом сложат их в шкафы, и на этом дело кончается. Необходимо освежение подхода к научно-исследовательской работе и в начинающих группах историков.

Начинающим историкам надо привыкать смотреть на свои научные задания как на девственное поле, которому предстоит сначала очень много отдать труда, чтобы потом иметь право снять с него урожай. Ключевский, например, на 5 лет зарылся в скучные материалы древнерусских житий святых, и только после пяти лет труда русская историография получила, правда, шедевр, с точки зрения критической, но книгу совсем не эффективную исторически³⁷. Благодаря его житиям мы уверено знаем, что и где можно найти для того, чтобы использовать материал житийных сказаний в изобразительной исторической работе. Подходя к этому делу с чисто профессиональной педагогической точки зрения, я выскажу еще несколько пожеланий, в частности, относительно общего курса, который, конечно, в конце концов сложится. Я не сомневаюсь, что наши люди его создадут. Совместными усилиями предстоит создать советскую теорию эволюции русской державы. Начиная с наших старых обзоров — царственной книги, «Синописа»³⁸ и т. д. — предложено бесконечное число таких схем. Наконец, сложилась блестящая для своего времени схема — курс Ключевского. Советская история, то есть события, ход событий, в значительной степени поправила ее, затем ее поправили и наши ученые руководители целым рядом указаний. Вот эту схему надо развить, надо найти, характеризовать эволюцию русской державы в ее разных этапах.

Я предложил бы такую схему общей динамической постановки этого задания. В основе истории русского народа лежат три динамических момента. Первый момент — поворот на мирный труд. Наша история началась с того времени, когда мы перестали громить Балканский полуостров. Мы долго занимались схватками с Византией, но наша настоящая история началась с того времени, когда мы на Днепре взяли за прочное хозяйственное овладение своей равниной. Германцы этого не сделали, они несколько столетий с этого же времени продолжали лезть в Италию и подорвали этим свое внутреннее развитие. А мы занимались мирным трудом колонизаторов. Первая народная идея — переход к мирному труду. Наша история есть история колонизации. Вторая идея русского народа — идея дружной обороны, которая постепенно развивалась и крепла. Мы не агрес-

соры. У нас нет мечты завладеть каким-то Эльдорадо, захватить в эксплуатацию Индию, добраться до Китая. Наша забота другая — не трогай нас! И горе тому, кто нас тронет! Это было доказано решительно тысячи раз, а в наши дни об этом говорить можно только с большим волнением.

Идея обороны любой ценой, обороны, в которой мы ничего не пожалеем, эта идея выражена бесчисленное количество раз. Выражена она церковным подвижником вроде Сергея³⁹, выражена Мининым, выражена Петром и бесчисленными героями наших битв в прошлом. Наконец, третья идея, которая лежит в основе нашей народности, — это идея равноправного подхода ко всякой другой национальности. Если они к нам подходят с добрыми намерениями, нам дела нет до этнического происхождения людей. Эта идея братского единения — великая идея, она-то и сделала нас победителями. Вот почему сто народов вошли в состав русской державы и не скорбят об этом. «Сначала уничтожь, а потом унизь и обескровь», — как мечтали в 1870-х годах немцы относительно Франции, собиравшиеся выпустить из нее последние капли крови. Мы такого подхода не знали. Даже самые нелепые из наших царей с такими мыслями не носились. У нас этого нет, и свойство нашего народа идти навстречу дружески всем есть драгоценнейшая черта, которая сделала нас великим народом и великим государством. Если бы мы проводили резню, мы бы давно были уничтожены сами.

Щербakov. Ваше время истекает, Вы ничего не рассказали о затронутом здесь холопстве.

Яковлев. Итак, оставляю общие вопросы и перехожу к вопросу о холопстве, который был задет уважаемым Владимиром Ивановичем. Меня замечания Владимира Ивановича не задевают, хотя они довольно ядовиты, потому что они никакого отношения не имеют к содержанию книги. Он говорил по поводу книги, а не против книги. В параграфе 1 я исследую лингвистически слово «холоп», и только. Что слово «славянин» идет от греческого языка, что оно прошло через ряд вариантов, мною вскрытых и изученных, — факт чисто лингвистический. При чем здесь наше национальное чувство и о каких славянах идет речь? Я бы хотел спросить самого Владимира Ивановича: про кого мы говорим, когда утверждаем, что на средневековом рынке появилось много славянских пленников, рабов? Может быть, Владимир Иванович мне ответит? (Пичета. О славянах Вы говорите). Славян много. В Югославии есть Михайловичи, в Польше был Бек⁴⁰. Каких славян громили Карл Великий, Генрих Птицелов, Оттон? Они громили тех самых полабских, лужицких славян, о печальной участи которых мы на каждом шагу слышим и теперь. Должны ли мы говорить, что славян никто никогда не трогал? История полабских славян вписана в летописи Европы буквально кровью. Следует ли нам замалчивать злодеяния тевтонов в прошлом? Да, таковы они были, такими и остались до наших дней. Надо ли отрицать насилия германцев над славянами, насилия Карла, Каролингов, Генриха Птицелова, Оттона? Это было историческим предостережением всему славянству, и славянство ответило на него созданием велико-моравской, чешской, польской и русской держав. Это — разоблачающее психологию германизма предостережение и нам самим, мы его крепко помним и знаем, не раз на него отвечали и еще ответим в ближайшем будущем. Ныне, к сожалению, Лаба — Эльба не славянская, Гданск — Данциг еще не славянский. Они будут опять славянскими, но пока славянское Поморье не славянское. Ваши возражения мне непонятны и подобны спору о выборе шрифта или бумаги для печатания книги, и никакого отношения к самому предмету книги не имеют.

Ваши возражения против ряда общеизвестных фактов, гласящих, что наша русская равнина в значительной степени была колонизирована именно бежавшими от крепостной неволи людьми, не может не вызвать удивления. Разве не доказано, что в последующие века Дон был колонизован именно элементами, решившимися бежать от крепостной неволи? Кем колонизованы наш Север, Сибирь, Урал, как не людьми, не захотевшими жить с колодкой на шее в барской усадьбе или в крепостном селе и смело

пошедшими искать счастья и воли вдали от ранее насиженных мест? Что в такой, кстати, уже принятой в русской историографии, точке зрения неверного или с нашей теперешней точки зрения предосудительного? Что толкование некоторых топонимических терминов в моей книге может быть оспариваемо, не возражаю — я и сам предупреждал об этом в ее тексте. Как трудно было, например, установить, что летописный город Лодыжин — Лодяжин есть не что иное, как исковерканное название Колодяжин — Колоднич, то есть город колодников, холопов, и разве такая расшифровка не проливает свет на исторический облик этого города? Трудно было разгадать, что город Свяч есть город Святослава, Сиволаж — город Всеволода и т. д.

Что касается пресловутого вопроса об истории Казахстана, скажу только два-три слова. Вопрос этот имеет глубокий смысл. Когда в истории Казахстана развертываешь страницы с похвалами восстанию Амангельды, происходившем как раз тогда, когда развертывалось Брусиловское наступление на нашем юго-западном фронте ⁴¹, это не может не вызвать протеста. Амангельды — герой с точки зрения казахов, но хвалить его подвиги с нашей, русской, точки зрения едва ли удобно. (Голос с места. Он большевик.) Кто? (Голос с места. Амангельды. Голос. А ему какое дело?) В 1916 г. среди восставших никаких большевиков не было. В то время мы еще не были уверены, что революция восторжествует так блистательно, немцы были еще сильны, а два русских корпуса должны были сражаться с казахами.

Закончу, во-первых, пожеланием, обращенным к нашему брату цеховому историку, взяться за дело познергичнее, не бояться черного труда в архиве и над источниками, и, во-вторых, почтительным обращением к аппарату власти, благожелательность которой нас ободряет, сохранять контакт с нами и впредь. Для нас очень важно, чтобы могучий центральный аппарат Советской державы поддерживал этот контакт периодическими созывами историков, на которых работники нашей науки давали бы отчет, выслушивали замечания и указания, на что должно быть ориентированы их внимание и труд ⁴².

Щерб а к о в. Слово имеет т. Городецкий.

Городецкий. Несколько замечаний о выступлении т. Ефимова, прежде чем перейти к основной теме своего выступления. Я думаю, что замечания т. Ефимова, связанные с выступлением Нечкиной, являются собственно отрицанием какого бы то ни было национального характера и национальных особенностей русской культуры и русской литературы. Тут товарищи бросают Аджемяна из стороны в сторону. Кто говорит — он не историк, а философ, кто заявляет, что он не философ, а историк, в общем, ни то, ни другое. Я думаю, что дело не в этом, а очень полезно было бы подумать над тем, есть ли какие-нибудь, собственно говоря, точки соприкосновения у Аджемяна и у некоторых наших историков. Выступление Аджемяна, его статья в такой форме, в какой это сделал Аджемян, являются, конечно, исключительным явлением. Но такие или подобные идеи имеются у ряда наших историков. Аджемян просто обобщил эти идеи и выразил в самом уродливом виде. Я думаю, что это видно хотя бы из выступления проф. Яковлева, особенно из его последнего замечания по поводу восстания под руководством Амангельды Иманова. Оказывается, для профессора Яковлева является откровением, что Амангельды Иманов являлся большевиком. (П а н к р а т о в а. Книгу читал до Октябрьской революции.) Восстание в 1916 г. в Средней Азии — это одно из национально-освободительных восстаний, которое по характеристике т. Сталина являлось резервом нарастающей пролетарской революции. Характеризовать это восстание как предательский удар в спину русской армии — значит извращать ленинскую оценку войны 1914—1917 гг. и становиться на позиции оправдания и защиты царизма.

Я хотел бы привести другое выступление проф. Яковлева, которое является еще более ярким и показательным для характеристики антимарксистских идей, которые имеют, очевидно, хождение среди некоторых ис-

ториков. Выступая на заседании в Наркомпросе 7 января 1944 г.⁴³, проф. Яковлев, говоря об учебниках, заявил: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве. Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным. Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях. Я думаю, что это заявление искажает прежде всего характер русского исторического процесса, проходящего в рамках многонационального государства. Во-вторых, это заявление свидетельствует о пренебрежении к нерусским народам нашей страны, так характерном для великодержавного шовинизма. С этой точки зрения то, что здесь высказывал Аджемян, не является оригинальным. Его заявления, несомненно, перекликаются с тем, что проповедовал профессор Яковлев. Эти идеи антиленинские не нашли своего развернутого выражения в печатных трудах. Ни одно издательство не стало бы публиковать такие труды. Но об этих идеях следует сказать именно потому, что они носятся в воздухе, они высказываются на совещаниях по очень важным вопросам, по вопросам создания учебников, создания исторических романов и т. д.

На совещании в военно-морском флоте выступал акад. Греков. В своем выступлении акад. Греков говорил, что государство и народ разделить невозможно: «Сейчас историки отрезвели и поняли, что государство и народ разделить невозможно. Когда Карамзин написал «Историю Государства Российского», то наши либеральные историки обиделись — как это он пишет историю государства! В ответ на это появился довольно бездарный, но многотомный труд «История русского народа». Между тем, эти две вещи совершенно неразделимы. Как можно народ от государства разделить?» Эта «теория» нераздельности государства и народа, которая на этом совещании была так подробно развернута Аджемяном, является отказом от классовой оценки государства. Вместе с тем эта «теория» ведет к смазыванию принципиального различия Советского государства от предшествующих ему государственных форм. Только Советское государство является организацией единства нации. Следовательно, нельзя переносить единство советского народа и государства на историческое прошлое. Я ни в коем случае не хочу роднить акад. Грекова с Аджемяном. Но то, что идеи, развернутые в выступлении Аджемяна, очень напоминают известные статьи Струве и других кадетов в сборнике «Вехи»⁴⁴, — это совершенно ясно и несомненно. Имеет ли это какое-либо значение для нашей советской истории? Несомненно, имеет. Я думаю, что мы здесь, на этом совещании, ясно и прямо должны об этом сказать. У нас проявляется некоторая беспринципность. Стоит человеку услышать о каких-то «новых установках» — и он готов отказаться от правильных позиций, на которых стоял вчера.

К сожалению, приходится это сказать о проф. Бахрушине. Бахрушин написал хорошую, правильную статью по истории русской империи для политсловаря. Редактор сказал, что желательно было бы отметить прогрессивные стороны в развитии Российской империи. Профессор Бахрушин понял это замечание несколько своеобразно и написал концовку, которая совершенно не вяжется со всей статьей. (Голос с места [Бахрушина]. Статью перередактировали.) Концовка написана Вашей рукой: «В течение двухвекового своего существования Российская империя воплощала в себе политическую мощь русского народа». То есть от основания и до падения царизм выражал силу, мощь русского народа. И это написано после слов о свержении самодержавия. Эта концовка не вяжется со всем тоном статьи. Об этом можно было сказать, отказавшись от всех принципов, на которых построена статья.

Тут очень много говорилось о книге проф. Яковлева. Проф. Яковлев в своем выступлении, собственно, обошел серьезные обвинения, которые предъявлялись его книге. Я думаю, что появление такой книги и ряда

других произведений на историческом фронте, в частности, книги проф. Рубинштейна по русской историографии, должно подвергнуться творческому обсуждению и критике. Книга проф. Рубинштейна — очень солидное исследование и действительно явилась первой книгой по русской историографии в советской науке. Но по ряду очень существенных разделов проф. Рубинштейн занимает явно неправильную позицию. Речь идет прежде всего о роли немецких историков в русской историографии. Проф. Рубинштейн в своем выступлении, так же, как и Яковлев, уклонился от ответа на критику. Между тем совершенно правильно отмечая, что в русской исторической науке не было засилия немецких историков, т. Рубинштейн обошел очень существенный вопрос о роли немецких историков. Этот вопрос очень важный и не менее сложный.

Традиция определенной положительной оценки немецких историков (Байер, Миллер, Шлецер, Эверс)⁴⁵ идет еще от буржуазной историографии в России. Эта традиция нашла свое место и в советской историографии. Дело в том, что ряд историков, работавших в России в XVIII в., проникали в Россию по разным причинам и побуждениям, иногда довольно темным. Очень хорошо об этом говорит Шлецер в своей автобиографии: «Что это был за народ, люди, выдававшие себя за то, чем я хотел быть, русские исследователи истории! Об иностранной истории они ровно ничего не знали, древних ученых языков они не понимали, точно так же, как и новых. Не надо быть ни гением, ни ученым критиком, довольно просто уметь по-русски и быть прилежным — и в короткое время можно было угостить публику квартантами и рассчитывать на похвалу и благодарность. Год, много — два, можно пожертвовать, чтобы в худшем случае узnanное в России обратить в деньги в Германии».

Вот лицо хищников, которые проникали в Россию для того, чтобы на легком поприще заработать, схватить, что можно, из исторических документов, опубликовать, превратить в деньги, в славу. Часто это делалось, определенно преследуя политические и антирусские цели. Проникая в Россию, немецкие историки здесь делали определенное дело, они создавали архивы, систематизировали, обрабатывали материалы, организовывали публикацию документов, занимались вопросами источниковедения. Все это было, но может ли эта деятельность немецких историков закрыть перед нами ту несомненную реакционную роль, которую сыграли Байер, Шлецер и др. в русской исторической науке? Нет. Эти люди, выросшие на идеях немецкой науки, твердо стоящие на немецкой почве, пытались в идеологической области расчистить путь для «Дранг нах Остен» и закабалить русскую науку. Они приносили к нам реакционные идеи прусского национализма, они насаждали антинаучные взгляды на славян, на русскую государственность. С этой точки зрения любопытно обратиться к полемике, которая была в XVIII в. между Ломоносовым и Миллером. Кстати, этот вопрос достаточно выяснен в статье акад. Грекова «О Ломоносове как историке». Однако я не знаю, есть ли еще такие работы, которые правильно оценивали бы роль Ломоносова в исторической науке. Проф. Рубинштейн в своей книге «Русская историография», снисходительно похлопав по плечу Ломоносова, говорит, что Ломоносов в своей полемике с Миллером исходил из национальной гордости и не стоял на уровне науки того времени.

А как выступал Ломоносов? Он выступал против Миллера, упрекая его в том, что Миллер отделяет славян от скифов, что он относит приход славян в Европу слишком к позднему времени, и т. д. Уже из этого видно, что Ломоносов стоял на уровне научных знаний того времени. По замечанию Ломоносова, у Миллера «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают. Сие так чудно, что если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал более бедным народом, каким еще ни один из самых подлых народов ни от какого писателя не представлен». Конечно, Ломоносов исходит из чувства национальной гордости, но он вместе с тем исходит из правильного, научного понимания задач русской исторической науки.

Ломоносов ополчился, и совершенно правильно, против филологичес-

ких упражнений Шлецера, подражание которым мы видим в выступлении и в книге проф. Яковлева. Ломоносов считал совершенно неправильным и диким производить слово «боярин» от слова «баран» или слово «дева» от немецкого слова «сука». Ломоносов по поводу филологических упражнений Шлецера говорит: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная в них скотина». (Бушев. И по существу точная характеристика.) Между тем этот вопрос о роли Байера, Шлецера и др. имеет существенное и очень важное научное значение, потому что эти немецкие историки, как известно, являются создателями норманнской теории. По этой теории выходит, что славяне не в силах были создать свою государственность, она была перенесена извне скандинавами-немцами. Можно было бы сегодня об этом не говорить, если бы эта норманнская теория не дожила благополучно до наших дней. Она нашла свое место еще в дворянской и буржуазной историографии. Тем более необходимо сейчас выяснить всю порочность этой норманнской теории. На словах все историки согласны, что эта теория неправильная. (Голос. Некоторые стараются доказать, что это правильная теория.) Я имею в виду такие работы, которые составлены большими коллективами, — работы по истории СССР, вузовский учебник, учебник для средней школы. Но даже и в этих работах формальное отрицание норманнской теории сопровождается фактическим ее признанием. Это признание имеется и в первом томе «Истории СССР» — в вузовском и в учебнике под редакцией т. Панкратовой. (Панкратова. Что-то я не заметила.) В учебнике по истории СССР для вузов следует эпический рассказ о двухвеховой дискуссии по этому вопросу, а в заключение говорится: «Длительный спор около двухсот лет не дал окончательного решения вопроса, однако, обогатил нашу науку новыми фактами и в конечном счете значительно приблизил правильное решение вопроса».

Какое же это решение? «Северная Русь, по-видимому, связана со Скандинавией, а именно с частью Швеции на северном берегу Финского залива». Есть ли это новое решение вопроса помимо того решения, которое уже было дано норманистами? Нет, здесь по существу никакого ответа норманистами нет. Вот учебник для средней школы под редакцией т. Панкратовой, переиздание, которое вышло в 1943 году. Там вопрос о происхождении государственности у славян не поставлен четко. В главе о Киевском государстве говорится: «Отдельные варяжские князья со своими дружинами захватили наиболее удобные пункты и обложили данью окрестное население. Очень часто они уничтожали или подчиняли себе местных славянских князей и становились на их место. Рюрик в Новгороде, Синеус в Белоозерье, Трувор в Изборске, Аскольд и Дир завладели Киевом». Собственно, здесь легенда излагается как фактический материал. Никакого другого объяснения происхождения русской государственности в учебнике нет. Можно ли считать, что это есть опровержение норманнской теории? Нет. Русская история здесь по-прежнему начинается с Рюрика. Государственность ведет свое начало от варягов, история славян до IX в. не характеризуется.

Можно ли после этого говорить, что вопрос о реакционном влиянии немецких историков не является существенным? Проф. Рубинштейн пытался отделаться от этого вопроса тем, что Миллер является русским историком, а не немецким. Конечно, мы судим об историке не по фамилии, не по национальному происхождению, а по характеру его идеологии. С этой точки зрения Байер, Шлецер, Миллер и Эверс являются немецкими историками не только потому, что они писали и мыслили по-немецки, но главным образом потому, что эти историки были типичным порождением немецкой науки XVIII и начала XIX века. Между тем не только профессор Рубинштейн, но и в ряде исторических статей, в статье т. Нечкиной об Эверсе, в статье проф. Бахрушина о Миллере, немецкие историки изображаются как основоположники русской исторической науки. Проф. Бахрушин пишет: «В лице Миллера историческая наука России порывала с наивными и безграмотными методами феодальной историографии... «История Сибири» (Миллера) — краеугольный момент в развитии русской исторической науки

в XVIII столетии». Тов. Нечкина в статьях об Эверсе (1927 и 1933 гг.) называет Эверса основоположником историко-юридической и государственной школы, хотя такие основоположники этой школы, как Кавелин, Чичерин, Соловьев вовсе не нуждаются в таком предшественнике, как Эверс. Имеет ли все это значение для современного этапа развития исторической науки? Несомненно, имеет. Такие важнейшие вопросы, как разработка истории Руси до IX в., вопросы происхождения русского народа и государства, характера русской культуры, — все эти вопросы нельзя правильно решить без полной ликвидации немецких реакционных влияний, реакционных идей, которые еще имеют хождение в нашей советской историографии.

Щербак о в. Слово имеет т. Греков.

Греков. Я хотел начать свое выступление несколько иначе, но поскольку т. Городецкий затронул здесь ряд вопросов и высказал по моему адресу несколько упреков, я начну с них. И после выступления т. Городецкого я продолжаю думать, что в историческом исследовании государство не всегда можно отрывать от народа, что только в известные периоды в истории народа, действительно, противопоставляется народ государству. Я считаю, что этот вопрос слишком сложен, чтобы его разрешения можно было требовать от суждения, высказанного вскользь по определенному поводу. Я действительно в соответствующей обстановке коснулся нашей старой историографии по этому вопросу. Наши профессора в XIX в. действительно очень часто в своих построениях разрывали государство и народ. Упрекать Карамзина, что он занимался государством, мне кажется, совершенно незачем. Можно возражать лишь против того, как он это делал. Я действительно упрекнул наших старых историков и в том, что они лишь бы отмежеваться от государства, даже в таких вопросах, как крепостное право, отрицали роль государства.

Я продолжаю считать, что государство, являясь органом господствующего класса, осуществляет интересы, нередко совпадающие с интересами народа. Бороться с варяжским вопросом нужно, и, вероятно, больше других боролся именно я. Поэтому мне очень удивительным показалось выступление т. Городецкого, что мои аргументы якобы не попадают в цель. Какие же промахи я сделал? Мой промах заключается в том, что я сказал, что северная Русь связана со Скандинавией. Да, это две соседние страны, и они в течение многих веков жизни были действительно связаны. Это совсем не значит, что я признаю создание русского государства делом варягов. Как же, собственно, бороться с варяжской теорией? Самый легкий способ — просто ее зачеркнуть, о ней не говорить, но такой способ едва ли нас удовлетворит. Нужно не зачеркивать, а вдуматься в суть дела и показать, что русское государство образовалось и существовало и без них и даже до них, что я во всех своих работах и делаю. Поэтому я не понимаю, в чем, собственно, упрек, брошенный мне т. Городецким.

Теперь я хочу перейти к другим вопросам, которые волнуют меня и многих наших историков. Я также благодарен Центральному Комитету, который нас собрал как раз в тот момент, когда мы потеряли контакт между собой. Действительно, нужно сказать правду, что события мирового значения так быстро стали развиваться, что опередили не только нашу историческую науку, но, я думаю, что и всемирно-историческую науку. Поэтому в настоящий момент, когда Отечественная война развертывается так энергично, когда в ней участвуют все народы нашего Союза, когда уже видны вдали очертания послевоенного мира, действительно, историкам необходимо остановиться на ряде вопросов, для них далеко не безразличных. Мы должны многое пересмотреть из того, что мы уже сделали. Это — во-первых, а во-вторых, мы должны откликнуться на такие стороны жизни, которые мы до сих пор оставляли в тени. Конечно, речь идет совсем не о пересмотре марксистско-ленинской теории, а о более тонком и глубоком ее применении. Речь идет о творческом марксизме, к которому нас зовет «Краткий курс истории ВКП(б)». Я хотел остановиться на некоторых моментах, связанных с моей специальностью.

Мы побеждаем врага потому, что наша страна крепка политически, потому, что народы Союза хорошо поняли опасность, грозящую им от «высшей расы» и «нового порядка», хорошо поняли, что наше спасение и сила — в нашем единении. Не будем скрывать, что в некоторых недавно освобожденных районах в период хозяйничанья там немцев распространялись иные мысли. Война показала, что народы Союза умеют приносить жертвы для Родины и что русскому народу в этом благородном соревновании принадлежит первое место. Каждый историк СССР знает, что так было и в прошлом, если не абсолютно всегда, то в большинстве случаев, что не случайно всех нас объединяла «Великая Русь», и что это объединение началось не со вчерашнего дня. Это главное, над чем мы сами должны подумать и разработать исследовательским путем. Я поддерживаю тех, кто стоит за научно-исследовательскую работу, хотя не отрицаю полезность и коллективных работ. Но ведь исследовать можно только нечто конкретное и определенное. Мы должны в своей тематике ближе подойти к вопросам, которые выдвинула наша современная жизнь. На первом месте сейчас должна стоять история народов нашего Союза. Сейчас у всех народов есть все возможности к тому, чтобы беспрепятственно развивать и изучать свою культуру. Мы должны разобраться, когда и как вошли эти народы в состав Руси, что они нашли в ней положительного и отрицательного, что заставило их вместе с русским народом выступить против самодержавия последних царей и в то же время держаться за связь с русским народом. Мы должны сказать обо всем этом правду, без всяких скидок в пользу тех или других тенденций.

Мы должны показать, как строилось наше государство, какова его роль в жизни народа. Эта задача не легкая и не лишняя, особенно если и сейчас есть по этому предмету сомнения и разногласия. Какие переживало оно тяжелые моменты, грозившие ему разрушением? Мы должны уяснить это и показать миру наше место во всемирной истории. А оно было определено уже в докиевский и особенно в киевский период нашей истории. В ответ на клевету наших врагов, пытавшихся утверждать, что Москва не имеет с Киевом никакой связи, что она является всегдашним врагом Украины, нам важно именно сейчас определить, что такое Киевская Русь, чем мы ей обязаны, какое значение она имеет в истории нашей страны. Известно, например, что Грушевский враждебно относился к Москве, но он как историк не отрывал Украины от Руси. Он написал «Историю Украины — Руси». Галицкие князья называют себя князьями Малой Руси. Новгород — тоже Русь. Так его называет и Константин Багрянородный⁴⁶.

Не отказывался от принадлежности к Руси и сам Новгород. Князья киевские только тогда говорят о себе, что они владеют всей Русью, когда под их властью находится и Новгород, и северо-восточная Русь. Ярослав Мудрый только тогда считал себя «самовластцем русской земли», когда в руках у него оказалось возвращенное от Польши Западное Побужье, когда он получил Приазовье и Тмуторокань, овладел Новгородом и Волжско-Окской землей. Вот это и есть Великая Русь и территориально. Но Великая Русь — это не только территория, это — русский, в широком смысле слова, народ. Отсюда идет и Русь Малая, и Русь Червонная, и Русь Белая, и Русь Черная, и та Русь, за которой остался позднее термин «Великая». Кто заставлял каракалпаков или черных клобуков (так назывались кочевники, осевшие на Киевской Руси) влиться в Великую Русь и говорить киевскому князю: «Мы... умираем за Русскую землю и головы свои складываем за твою честь»? На каком основании киевские князья называли их «своими», тем более, близкими? Каким путем на русской земле образовались бесчисленные поселения, своими названиями говорящие о своем происхождении (Печенеги, Печеники, Торчин, Торчак, Малое и Великое Половецкое, Берендичев — сейчас Бердичев — и др.)? От Карпат до Оки тянется широкая полоса этих живых свидетелей достигнутой солидарности Руси с народами Востока.

Действительно, Великая Русь объединяла эти народы, и не насильно. Азиатские кочевники пришли к нам врагами, но много их добровольно

осталось на Руси в качестве друзей и стали «своими». В начале XI в. немецкого епископа удивило, что в Киеве несметная сила народа, состоящая главным образом из беглых (рабов и крепостных), стекающихся сюда со всех сторон. Очевидно, Русь чем-то умела их привлекать. И это не новость. В VI в. Прокопий Кесарийский⁴⁷ отмечал то же самое: угнетенные массы Восточной Римской империи большими толпами убегали к варварам (в данном случае имеются в виду славяне). Чтобы скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую, как будто бы их земля была захвачена врагами. Врагом их был рабовладельческий строй, от которого массы римского народа бежали на Западе к германцам, на Востоке — к славянам.

Чем объяснить радикальный переворот в общественном строе Византии, которая в VIII в. совершенно перестроилась на славянский лад, как не сочувствием угнетенной массы восточно-римского народа славянскому нерабовладельческому строю? Эта масса обездоленных рабовладельческим Римом людей связала свою судьбу со славянами, потому что славяне несли римскому обществу освобождение от рабства и показали новый путь к жизни. Угнетенные массы Римской империи у славян находили более справедливый и, как показала история, более прогрессивный общественный строй: в это время у славян в основе производства лежал труд свободных крестьян-общинников (наличия патриархального рабства никто не отрицает). Совершенно то же, что западно-римские угнетенные массы находили у западных варваров, а у этих последних сами основоположники марксизма совершенно недвусмысленно отмечали отсутствие рабовладельческой формации. В этом — великий смысл перехода от древних веков к средним. Варвары, то есть новые люди, не знавшие рабовладельческой формации, по выражению т. Сталина, «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим». Именно после этого и вследствие этого человечество сделало огромный шаг вперед.

Как будто бы тут все продумано и ясно. Ясно, но, оказывается, не для всех. Б. И. Сыромятников прошлый раз снова поднял вопрос, казалось бы, уже решенный. Он хочет и старается доказать, что в то время, когда Европа вступила в новую и прогрессивную фазу своего развития, в это же самое время самое большое славянское государство — государство русское — топталось на задворках истории, до XIV в. пребывая в рабской формации, давно уже ликвидированной в Европе. Может быть, действительно, судьба была столь немилостива к славянам. Нет, тут дело совсем не в судьбе. Б. И. Сыромятников не может привести в защиту своей теории ни одного убедительного факта. Да их и нет. Он оперировал здесь отдельными цитатами из классиков марксизма. Я не собираюсь повторять полемику со своим противником, имевшую место несколько лет тому назад. Мне сейчас хотелось бы остановиться на ошибках Б. И. Сыромятникова, которые он допустил в толковании основных тезисов марксистской теории. В. И. Ленин начал свою знаменитую лекцию «О государстве» ссылкой на труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и подчеркнул, что «это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала... Напоминаю об этой книге, — говорит В. И., — потому, что она дает правильный подход к вопросу»⁴⁸ (речь идет о государстве). Ясно, что Ленин не собирался расходиться по этому вопросу с Энгельсом. А у Энгельса сказано ясно: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следует крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации»⁴⁹.

В. И. Ленин от этого принципа не собирался отходить и не отошел. Не отошел от него и «Краткий курс истории ВКП(б)». Только Б. И. Сыромятников не успел дочитать до конца изложение этих мыслей; он не сказал нам, что курс, перечисляя общественные формации, имел в виду не отдельные народы, а историю человечества. Об этом совершенно ясно там говорится

на с. 122: «Такова картина развития производственных отношений людей на протяжении истории человечества». И на с. 118: «Вот схематическая картина развития производительных сил от древних времен до наших дней». В других местах книги тоже об этом говорится. Не отошел от этого принципа и И. В. Сталин. Если бы он допускал мысль, что каждый народ переживает все известные формы общественных отношений, он бы не говорил о Киргизии, Башкирии и Северном Кавказе, что эти народы еще в начале XIX в. переживали «полупатриархальный, полупфеодальный быт», он не подписался бы под запиской Кирова и Жданова, где в обращении к историкам Руси выставлено требование отделить феодальный период от дофеодального (о рабовладельческой формации тут не говорится). Напомню здесь всем нам памятные его же слова: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостную форму эксплуатации трудящихся». Это ведь те же мысли, которые мы видели и у Энгельса и у Ленина. Речь идет не об отдельных обществах, а об истории человечества.

Я позволю себе сделать общее замечание, что Б. И. Сыромятников с классиками марксизма обращается произвольно, чего вообще делать не следует, а в данном случае его выводы направлены против славянства и русского народа. Русский народ на рубеже древнего рабовладельческого и феодального средневекового периода истории выступил очень активно, плодотворно участвовал в перестройке общественной и политической жизни Европы и совсем не плелся в хвосте общечеловеческого исторического процесса. Глубоко продумал эту проблему Маркс и ярко выразил ее, указав, что только два крупнейшие нерабовладельческие государства имели решающее значение в истории средневековой Европы: империя Карла Великого — в Западной, империя Рюриковичей — в Восточной Европе.

Личные вопросы я оставляю в стороне. Хочу только сказать, что в операции, перед этой аудиторией проделанной с моей книгой Б. И. Сыромятниковым, не было ни одной не искаженной моей мысли. За сказанное я отвечаю полностью. С каким ироническим жестом обратился Борис Иванович к аудитории, указав, что авторы учебника по истории СССР признают рабовладельческий строй в Урарту! Он не ошибся. Мы действительно признаем, что некоторые древнейшие народы нашей страны застали рабовладельческую эпоху, жили в ней и многие из них пережили рабовладельческую формацию, в том числе и Урарту. Жест Бориса Ивановича так же мало убедителен, как и его слова. Ни великороссы, ни украинороссы, ни белорусы никогда не забывали своего родства с Киевской Русью, хотя некоторым историкам и хотелось отрезать Великороссию от Киевского государства.

Именно в наше время поэтому необходимо подчеркнуть и напомнить наше родство, наше стародавнее единство, создавшее наше государство и наш оплот в настоящее время. Нам очень невредно вспомнить яркие слова Ярослава Мудрого: будьте в любви между собой, а если будете жить, ненавидя друг друга, то погибнете сами и погубите землю своих отцов и дедов, созданную великими трудами. Это предупреждение, как известно, не помогло. Крупные феодалы расчленили Русь, свои классовые интересы поставили выше интересов всего народа. Не будь этого расчленения, татары не одолели бы Русь. Европа, которую с Востока защищала Русь, поспешила воспользоваться ее бедствием и оторвать кусок ее окровавленного тела. Немцы, шведы, Папа сговариваются захватить единственный уголок Руси, которого не смогли потоптать татарские кони. Немецкие крестоносцы идут вместе с татарским ханом против Руси. Но даже раненая Русь оказалась сильнее этих хищников, она сумела себя защитить. Враг подбирался с другой стороны. Огромная часть Руси оказалась в руках литовцев и Польши. Литва подчинилась более высокой русской культуре. Польская шляхта успела перетянуть на свою сторону землевладельческую верхушку Руси и поспешила заявить, что после этого Русь уже не существует, нет больше Руси, остались только мужики и попы. Но эти мужики и попы и оказались

настоящей подлинной Русью. Они не изменили своей национальности. В наши дни разрешается окончательно эта большая историческая проблема, и Русь снова объединяется, конечно, на другой базе, с учетом пережитого, с учетом приобретенного за время раздельного ее существования. Объединяются народы, родственные по единству происхождения и культуре. Но мне кажется, что и сейчас не мешает помнить слова Ярослава — «имейте в себе любовь», чтобы не погубить своей земли.

История русского народа — это история преодоления на пути своего развития таких препятствий, каких не знало ни одно западноевропейское государство. Перед возрождающимся из пепла русским государством стояло несколько основных задач: 1) собрать разрозненную Русь, 2) покончить с татарами, 3) защитить ее от западных соседей. Ни одна из этих задач не решалась и не могла быть решена изолированно. Почувствовав усиление Руси, Литва и татары вошли между собой в соглашение, направленное против Руси. Турецкий султан, возглавив мусульманский мир, стал большой угрозой всей Европе и прежде всего Руси. Запад очень внимательно следил за всем, что делается на Руси, и не пропускал случая поживиться за ее счет. Первая задача — самая важная и самая трудная. Разрешение ее затянулось до наших дней. Русь находила в себе силы систематически решать эти задачи. Историк у нас есть над чем подумать и поработать.

Не секрет, что тут есть и трудные моменты. Ведь от историка требуется не только утверждение факта, но и оценки. В оценках мы и предшествующие нам поколения много грешили. «Школа Покровского» своими оценками грозила морально разоружить народ. А разве не занимались тем же и до «школы Покровского»? Конечно, на иной лад и манер. Долго уже на палитре историков лежит только две краски — белая и черная, которыми историки и пользуются усердно. А между тем жизнь многокрасочна. Партия давно призывает историков покончить с покровщиной, суть которой не только в самом Покровском и в его «школе», а и в его предшественниках. Нужно сознаться, что мы в этом направлении сделали далеко не все. Здесь раздавались опасения, как бы историки не забыли о классовой борьбе, не сошли с пути марксистско-ленинской теории. Мне кажется, что тот, кто стал на этот путь, сойти с него не захочет: не захочет возвращаться на путь беспомощного барахтанья среди моря фактов. Всякий, кто работает над исторической проблематикой, прекрасно понимает, что классовая борьба в классовом обществе никогда не прекращается, что без учета классовой борьбы нельзя понять историю народа ни внутреннюю, ни внешнюю, что борьба принимает разные формы, — это ясно. Только мне кажется, что мы не всегда правильно оцениваем факты, что у нас все еще преобладает один какой-либо цвет: то белый, то черный.

Правильно ли мы, например, делаем, когда не учитываем международный отклик на все то, что делается внутри страны? Внутренняя жизнь государства и международные отношения всегда переплетаются. Все эти вопросы гораздо сложнее и многостороннее, чем мы их часто изображаем. Может быть, и я что-нибудь недооценил или переоценил. Я, ведь, и не собирался решать здесь задачи. Мне хотелось только показать те стороны нашей работы в области моей специальности, над которыми мы все должны думать и много, много работать. Я настаиваю на необходимости глубже и серьезнее задуматься над явлениями жизни. Нельзя безнаказанно отделяться словами, сказанными даже очень авторитетными людьми в определенной обстановке и по определенному случаю. Нельзя прятаться за эти слова, подменять ими ответственную, тяжелую и в то же время благодарную работу исследования. Марксизм — не догма. Марксизм — метод. Я хочу подкрепить свою мысль вдохновенными словами «Краткого курса Истории ВКП(б)». Тут говорится: «Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь развивать ее и двигать вперед, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответству-

ющими новой исторической обстановке» (с. 340). Это обращение «Краткого курса истории ВКП(б)» к историкам мы должны привести в жизнь, и чем скорее, тем лучше.

Мне хотелось бы воспользоваться этим собранием, чтобы остановиться еще на одном вопросе, над которым я и некоторые мои товарищи неоднократно думали. Кроме исследовательских работ, нужных нашей стране и вызывающих интерес за рубежом, мы должны оживить издание основных источников. Без источников не может быть науки. У нас сейчас новые источники почти не издаются, старые стали давно библиографической редкостью. Их нет даже во многих университетских библиотеках. Неслучайно «Повесть временных лет» переведена на все европейские языки. Неслучайно «Русскую правду» знает весь ученый мир. Наш долг энергичнее приняться за работу, переиздать по-новому старое, дополнить старое новым и создать монументальное собрание источников, по которым могли бы работать все желающие изучить историю нашей страны. Мы должны стать в этом отношении на уровень наиболее культурных народов мира. Мы должны сами войти в этот мир убедительно и прочно. Это будет огромным вкладом в мировую культуру, и это будет созвучно нашей великой эпохе.

Щербakov. На этом кончить сегодня?

Панкратова. Как, вообще?

Щербakov. Как, угодно еще раз собраться?

Голос. Безусловно. Есть ряд вопросов.

Аджемян. Выступления только развертываются сейчас.

Щербakov. Собираемся третий раз. Тов. Поспелов имеет слово для справки.

Поспелов. В своем выступлении проф. Яковлев мимоходом бросил замечание, что в статье какого-то авторитетного автора, посвященной Кутузову и опубликованной в «Правде», содержится 22 ошибки. Когда я попросил проф. Яковлева разъяснить, о какой статье идет речь, проф. Яковлев, к сожалению, не мог назвать фамилии этого авторитетного автора, не мог указать конкретно ни одной ошибки. Мне представляется подобное заявление, когда оратор не помнит даже фамилии автора статьи, которого он подвергает столь серьезной критике, безответственным.

Яковлев. Ничего нет удивительного, статья подписана авторитетным автором, с военным чином, фамилия которого в моей памяти, к сожалению, не удержалась. Фамилию этого автора я сегодня скажу т. Поспелову по телефону. Эта статья у меня в портфеле. Тут ничего удивительного нет, что я не помню фамилию автора. Просто не могу удержать в памяти всех авторов статей, печатавшихся в газете. Что касается ошибок, то я скажу. Статья гласит: после битв под Бородино командование русской армии немедленно собралось в Филях для того, чтобы решить — оставлять Москву или нет. Факт? Факт. Дальше, в этой же статье говорится, что когда армия Кутузова перешла через Дунай, то Наполеон с огорчением увидел, что между ним и армией Кутузова стелется водная гладь Дуная, в то время как Дунай в этом месте уже, чем Москва-река здесь, в Москве, и т. д. Вот такие недочеты и ошибки я нашел, я об этом говорил.

Щербakov. Условимся так, что т. Яковлев назовет фамилию автора статьи. На сегодня достаточно.

(Продолжение следует)

Примечания

1. На заседании 10 июня присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Васецкий, Волгин, Волин, Галкин, Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Зуева, Ковалев, Косьминский, Кружков, Кузаков, Минц, Мишакова, Морозов, Нечкина, Панкратова, Пичета, Ратнер, Рубинштейн, Сидоров, Слепов, Толстов, Удальцов, Федосеев, Хвостов, Шарова, Шамберг, Шаталин, Щербakov, Яковлев А. И., Яковлев Н. Н. (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 202—203).

2. Пыпин А. Н. (1833–1904) — литературовед, академик Петербургской АН, автор трудов по русской литературе XVIII—XIX веков.
3. Лео Г. (1799–1878) — немецкий историк, автор трудов по истории Германского государства.
4. Речь идет о «Псевдо-Маврикий» — условное название автора византийского анонимного произведения, приписываемого византийскому императору Маврикию (539—602), в котором есть сведения о быте и общественных отношениях славян.
5. Шмидт И. (1843–1901) — немецкий языковед, иностранный член-корреспондент Петербургской АН, автор «Нового карманного польско-русского и русско-польского словаря» (Лейпциг. 1873).
6. Любавский М. К. (1860–1936) — историк, академик АН СССР; труды по исторической географии, истории взаимоотношений русских и литовских княжеств.
7. Чарторыйский А. (1770–1861) — польский политический деятель, после польского восстания 1830—1831 гг. в эмиграции объединял вокруг себя польские консервативно-монархические элементы; Лелевель И. (1786–1861) — польский историк и общественный деятель; требование границ 1772 г. — речь идет о границах Польши до ее первого раздела между Австрией, Россией и Пруссией.
8. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 21, с. 260.
9. Жонд народовы — центральный коллегиальный орган повстанческой власти в ходе польских восстаний 1830–1831, 1846, 1863–1864 годов.
10. «Литературное наследство» (1931–1977) — неперіодические сборники статей и материалов АН СССР, посвященные деятелям русской культуры.
11. *Od białego szata do szeregowego*. Tł. 1—5. Warszawa. 1925–1931.
12. Драницын С. Н. (р. 1879) — автор трудов по общей теории государства и права, книги «Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность». Л. 1937.
13. KUKIEL M. *Dzieje Wojska polskiego w dolie napoleońskiej 1795—1815*. Warszawa. 1918.
14. В Московском университете.
15. Ковалевский М. М. (1851–1916) — историк, юрист, социолог, академик Петербургской АН, труды по истории общины и родовых отношений.
16. Леон де Д. (1852–1914) — руководитель и идеолог Социалистической рабочей партии США.
17. Крестьянская война в Германии 1525—1526 гг.; тайпинское восстание крестьян в Китае 1850—1864 гг.; советские районы были образованы КП Китая в глухих сельских местностях после поражения в 1927 г. национальной революции.
18. Кавелин К. Д. (1818–1885) — историк, либеральный общественный деятель и публицист, автор одного из первых проектов отмены крепостного права в России.
19. «Вооруженный нейтралитет» — вначале 1780—1783 гг. союз России, Дании и Швеции для охраны торгового мореплавания нейтральных стран в ходе войны английских колоний в Северной Америке за независимость.
20. «Карлсбадские постановления» — решения 1819 г. о репрессивных мерах против революционного движения в Германском союзе. Подготовлены Меттернихом и приняты конференцией министров Австрии, Пруссии, Баварии, Саксонии и др., включали положения о запрещении конституций в германских государствах, отменены в 1848 году.
21. Имеется в виду провозглашение независимости Греции в ходе народно-освободительной революции 1821–1829 годов.
22. Нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг. сочетала антифеодалную борьбу с национально-освободительной войной против Испании. Завершилась освобождением от испанского господства северных провинций и образованием республики соединенных провинций.
23. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 23, с. 774–784.
24. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 3, с. 595.
25. Джунгарское ханство — феодальное государство ойротов в Джунгарии (часть территории современного Северо-Западного Китая).
26. «Господа ташкентцы» — сатирическая хроника М. Е. Салтыкова-Щедрина (1869–1872).
27. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 3, с. 597.
28. Крымское ханство — феодальное государство в Крыму в 1443–1783 годах. С 1475 г. — вассал Турции, в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Турция признала независимость ханства, в 1783 г. Крым был присоединен к России.
29. Репнин А. И. (1668–1726) — фельдмаршал, сподвижник Петра I, участник Северной войны; Стахийев А. С. (1724–1794) — в 1775–1781 гг. — российский посланник в Константинополе; Шагин-Гирей — последний крымский хан.

30. В 1772, 1793 и 1795 годах.
31. Очерки по истории русской армии и русского военного искусства.
32. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 20, с. 1-338.
33. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. Пролетарская революция, 1963, № 7, с. 171—172.
34. Платонов С. Ф. (1860—1933) академик Российской АН, автор трудов по истории «Смуты» в России начала XVII в., курса лекций по русской истории.
35. Виноградов П. Г. (1854—1926) русский историк, академик Российской АН, в 1902—1908 и с 1911 г. жил в Великобритании, автор трудов по аграрной истории средних веков в Англии; Савин А. Н. (1873—1923) историк, профессор Московского университета, труды по истории Западной Европы средних и новых веков, истории Англии XVI века.
36. Речь идет о Центральном государственном архиве древних актов СССР в Москве.
37. Речь идет о монографии В. О. Ключевского «Древне-русские жития святых, как исторический источник» (М.— 1871).
38. Царственная книга — иллюстрированная рукопись — кония части Лицевого летописного свода, списка Никоновской летописи. Составлена в 60—80-х годов XVI в.; «Синописис» (обозрение) — «Киевский синописис» — первое учебно-историческое произведение, издано в Киеве в 1674 г., содержит сведения о происхождении и быте славян.
39. Сергей Радонежский (ок. 1321—1391) русский религиозный и политический деятель, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря.
40. Бек Ю. (1894—1944) польский политический деятель, сторонник Ю. Пилсудского.
41. Амангельды Иманов (1873—1919) член РКП(б) с 1918 г., один из руководителей средне-азиатского восстания 1916 г. и борьбы за установление советской власти в Казахстане; Брусилов А. А. (1853—1926) — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, войска которого в мае—июне 1916 г. провели удачное наступление (так называемый Брусиловский прорыв).
42. 21 июня 1944 г. Яковлев обратился с докладной запиской «О некоторых вопросах истории СССР и преподавании ее в школе» на имя Маленкова, Андреева и Щербакова, а 22 июня с письмом Щербакову с приложением справки «Неточности, недоразумения и ошибки в статье «Михаил Кутузов» (Правда, № 3933 от 31 июля 1942 г.)» с просьбой присоединить ее к протоколу совещания от 10 июня 1944 года. Фамилия автора статьи не была указана (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 2-26).
43. 7 января 1944 г. в Наркомпросе РСФСР с участием историков обсуждался вопрос о преподавании истории в средней школе.
44. «Вехи», сборник статей о русской интеллигенции» (М. 1909) был выпущен близкой к кадетам группой публицистов и философов (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве и др.).
45. Байер Г.-Э. (1694—1738) немецкий историк, филолог, член Петербургской АН, автор трудов по ориенталистике и истории древней Руси, один из основоположников «нормандской теории»; Эверс И.-Ф. (1781—1830) — русский историк, немец по национальности, почетный член Петербургский АН, труды по истории древнерусского государства и права.
46. Константин VII Багрянородный (905—959) византийский император, автор сочинений, содержащих сведения о русско-византийских отношениях X века.
47. Прокопий Кесарийский (ок. 500—после 565) византийский писатель-историк.
48. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 39, с. 67—68.
49. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 21, с. 173.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Т. II. С осени 1850 до декабря 1861 года

В сентябре 1850 г. А. В. Головнин был назначен в распоряжение генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича для работ по составлению Морского устава, оставаясь в должности чиновника для особых поручений при начальнике Главного морского штаба; в феврале 1854 г. уволен от этой должности, с оставлением при особе великого князя; затем осенью 1859 г. назначен статс-секретарем и членом Главного правления училищ, а в декабре 1861 г., управляющим Министерством народного просвещения.

Весь этот период времени, с сентября 1850 по декабрь 1861 г. был проведен им более или менее в работах при великом князе и путешествиях с его высочеством.

Эти работы и путешествия составляют предмет настоящего тома его записок, но предварительно следует поместить заметки его о детстве и воспитании великого князя Константина Николаевича, который занял впоследствии весьма замечательное место в истории русского законодательства и администрации.

Великий князь имел множество недоброжелателей и порицателей, которые, не желая и не стараясь узнать его прекрасные качества и достоинства, изобретали или преувеличивали недостатки и приписывали ему намерения, которых он не имел, слова, которых не говорил, и действия, которые не совершал, и старались всемерно распространять о нем незаслуженную дурную славу, — Головнин полагает, что сведения, собранные им о великом князе и изложенные в настоящем томе записок, должны выставить его каждому беспристрастному читателю в настоящем свете и что, когда улягутся страсти, тогда неминуемо, по прочтении этих сведений, отдадут справедливость уму великого князя, его многосторонним познаниям, чистой религии, доброму сердцу, безукоризненной нравственности и, наконец, всему истинно полезному, что он совершил для блага России, которую он любил горячо и коей потребности понимал лучше, чем его недоброжелатели, имел в виду эту цель и собственно для достижения оной Головнин сделал разные выписки из журналов великого князя.

Великий князь Константин Николаевич родился 9 сентября 1827 г., а 2 октября того же года совершенно было в придворной церкви Зимнего дворца крещение его высочества, причем возложены на него государем знаки орденов: Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого Орла и Св. Анны 1-й степени.

В младенческие годы великий князь проводил зиму в Петербурге, а лето в Царском Селе, и одно время в Павловске при императрице Марии Федоровне.

В 1831 г. государь император указал будущее назначение второго сына своего.

Четырехлетний великий князь был назначен 22 августа этого года генерал-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1966, № 1—2.

адмиралом¹. Зимой 1832 г. великий князь начал учиться читать у полковника С. А. Юрьевича и писать у А. А. Рейнгольда.

В то же время, сообразно будущему назначению великого князя, назначен был воспитателем его капитан 1 ранга флигель-адъютант Ф. П. Литке, известный как кругосветный плаватель, а в особенности своими полярными экспедициями. Помощниками его по воспитанию великого князя были: с 1834 по 1839 г. капитан-лейтенант А. А. Озеров, а с 1839 г. до окончания воспитания капитан-лейтенант Ф. С. Лутковский. С самого назначения Ф. П. Литке в воспитатели великий князь был под его непосредственным, ежеминутным надзором. С 1834 г. Ф. П. [Литке] спал с ним в одной комнате. С 1838 г. проводил ночь с великим князем помощник Федора Петровича.

Летом 1833 г. в товарищи воспитания назначен был к его высочеству барон Сергей Фредерикс, который и находился при великом князе до своей смерти, последовавшей 6 января 1849 года.

Фредерикс был постоянным товарищем великого князя в играх и уроках, сопровождал его во всех путешествиях, был искренно привязан к нему и им любим искренно.

С 1834 г. великий князь учился английскому языку у профессора Варранда, рисованию — у Заурвейда, чистописанию и 4 правилам арифметики — у Рейнгольда, танцеванию у Болье, французскому языку и русскому учил его Ф. П. Литке.

К концу 1834 г. он уже знал довольно хорошо 4 правила арифметики и начинал говорить по-французски, а в апреле 1835 г. ко дню рождения императрицы выучил наизусть басню Лафонтена «Le gland et la citrouille»² и сказал ее очень хорошо.

В 1834 г. великий князь был произведен в мичмана, а по сухопутным войскам в прапорщики и в первый раз посажен на лошадь, а в следующем году он ездил весной в Москву и потом совершил первое морское путешествие.

Первое морское путешествие

А именно, 1 августа 1835 г. отправился на пароходе «Геркулес» с государем, императрицею и великою княжною Ольгою Николаевною в Данциг, оттуда ездил в Силезию и Калиш, где происходили тогда маневры войск русских и прусских. В Калише великий князь находился в первый раз во фронте офицером и проходил мимо его величества короля прусского.

Он возвратился в Петербург поздною осенью на том же пароходе.

Первая исповедь

В этом году великий князь в первый раз исповедовался перед святым причастием. Духовником его высочества был протоиерей Бажанов, который с того же года начал учить великого князя закону Божию.

Учится Закону Божию

Уроки Василия Борисовича бывали по воскресеньям. Они начались объяснением молитвы Господней. Впоследствии Василий Борисович рассказывал великому князю священную историю Ветхого Завета, читал с ним и объяснял воскресное евангелие и сообщал при том правила нравственности.

В течение этого времени великий князь прошел катехизис, толкование литургий и церковную историю первых трех веков христианства. Чтение духовных книг, в особенности творения Фомы Кемпийского и проповедей Иннокентия, дополнили религиозное его образование. Эти сочинения он прочел несколько раз.

В начале 1835 г. прибыли к прежним учителям — Гримм для всеобщей истории, географии и немецкого языка, Курнан для французского, Гергард — для русского. Озерову, преподававшему математику в Морском корпусе, поручена была математика. Общее наблюдение за преподаванием имел В. А. Жуковский. «Великий князь, — говорит Ф. П. Литке³, — имел только 4 урока в день, по одному часу. Не смотря на столь малое число часов и на рассеянность и беспокойство во время уроков, успехи с самого начала были быстры благодаря необыкновенным способностям великого князя со дня на день развивавшимся.

«Менее всего были мы довольны уроками математики, которые и великий князь менее всего любил, но это отчасти от личности преподавателя. Но успехи и по этому предмету невзирая на то были быстрые».

Постоянные морские кампании

С 1836 г. начался для него ряд ежегодных морских кампаний, в течение коих он проходил морскую службу с низших чинов и собственным опытом мог узнать всю трудность оной.

4 июля 1836 г. великий князь пошел в море на фрегате «Беллона» (капитан Мофет)⁴ кадетом, заходил в Ревель и Свеаборг и 20 июля возвратился в Кронштадт.

Пожалование якорей на погоны

В этот день государь пожаловал его высочеству якорь на погоны. Первые якоря, которые великий князь надел, были взяты у гардемарина князя Ширинского-Шихматова⁵.

Начинает писать ежедневный журнал

С 1836 г. великий князь начал писать ежедневный журнал, который продолжался почти непрерывно до половины 1848 года. В этом журнале он отмечал с большею или меньшею подробностью происшествия того дня, уроки, игры, описывал свои чувствования при разных случаях, мысли и проч. Этот журнал, однообразный во время пребывания великого князя в Петербурге, становится весьма любопытным во время его путешествий. В нем встречаются тогда описания местностей и заметки о лицах, которых он видел. Так, например, в журнале 1836 г. встречаются заметки о Ревеле и Свеаборге, подробные и весьма верные.

В нем встречаются часто выражения особенной нежной привязанности к августейшему родителю, сестрам и братьям. Великая княжна Александра Николаевна, которая называлась в семействе Адина, была другом его детства и чаще всех с ним играла.

Журнал великого князя начинается 4 июня 1836 г. словами: «Папа послал меня в море. Мама меня благословила и папа тоже. Мои братцы проводили меня до «Беллоны», а в 6 часов мы снялись с якоря. Тогда же весь флот, состоящий из 26 кораблей, снялся с якоря при совершенно противном ветре. Накануне того дня был смотр этого флота. Он салютовал ботику Петра Великого».

Великому князю тогда было 9 лет.

Ежедневный образ жизни

Из журнала великого князя виден обыкновенный образ жизни его в продолжение воспитания. Зимой с ноября по май он проводил в Зимнем дворце, за исключением дней великого поста, в которые говел обыкновенно в Аничкином дворце. Весной он жил в Царском Селе, летом ходил в море и жил в Петергофе. Осень проводилась в Царском Селе, а иногда несколько дней в Гатчине.

Иногда случалось проводить несколько летних дней на Елагином острове. Сутки разделялись следующим образом. Он вставал в 6 часов, от 7 до 8¹/₂ часов готовился к урокам; от 9 до 10 занимался с одним из учителей, в 10 часов ходил к императрице и государю и потом занимался гимнастикой или фехтованием до 11 часов, от 11 до 12 брал урок, в 12 часов завтракал и до 2 ходил гулять или учился верховой езде; от 2 до 3 бывал урок; в 3 часа обедал, в 4 часа ходил к императрице; от 5—6 урок; вечером играл с братьями и сестрами или брал урок музыки; в 8 часов пил чай и в 9 часов ложился спать.

В последние годы распределение часов несколько изменилось, — так, например, с августа 1843 г. уроки бывали только от 8 до 10 часов и от 11 до 1 часа; после обеда уроков не было, а время это было назначено на приготовление работ.

По праздникам для игры с великим князем привозили кадёт из разных корпусов; также приглашались дети нескольких известных лиц по назначению государя и императрицы.

Общий обзор системы учения с 1835 по 1846 год

«С наступлением 8-летнего возраста великого князя, — говорит Ф. П. Литке, — последовали в воспитании его высочества большие перемены, и лучше сказать, то и другое взяло настоящее свое начало. Regime няnek кончился, великий князь перешел нераздельно в руки воспитателя, который с того времени ни день ни ночь не выпускал его из глаз».

Прежде дальнейшего хронологического рассказа жизни великого князя кажется излишним представить здесь краткий обзор системы преподавания ему разных предметов. Этот обзор составлен при помощи краткой записки Ф. П. Литке о воспитании великого князя, журналов его высочества, учебных его тетрадей и некоторых других материалов.

«Преподавание наук великому князю началось, — говорит Федор Петрович, — по так наз. систематическому курсу изобретения В. А. Жуковского.

Преподавал Гримм под руководством Жуковского. Этот курс обнимал сведения о природе и человеке, долженствовавшие служить основанием всем наукам. Первая часть курса имела предметом природу, т. е. тела и разделение их на небесные (основание астрономии) и земные (физическая география, естественная история, технология). Вторая часть курса — человек (в физиологическом и психологическом отношении) и его история. Этот курс Жуковский составлял для государя наследника, но там он не успел приложить его на практике, и опыт этот сделан только у нас, но и тут не мог быть приложен во всей строгости, как хотел Жуковский, а наконец и совсем остановлен.

Таблицы играют в нем главную роль и изображают не только факты и числа, но и отвлеченные идеи. Таблицы мы употребляли с пользою, как мнемоническое средство. Гримм преподавал историю и немецкую литературу и наблюдал за литературами других языков.

До других наук (физико-математических, военных, морских, русской истории и проч.) ему дела не было. Математику преподавал сначала Озеров, потом академик Коллинс, а по смерти его академик Ленц, вместе с механикой, физикой и химией. Русскую историю, географию и статистику — Шульгин. Для военных предметов — Иван Федорович Веймарн, Ласковский, Резвый, карабельную архитектуру — Гринвальд, пароходство — Швабе, навигацией и морской тактикой, — говорит Ф. П. Литке, — занимался я сам».

С 1832 по 1837 г. великий князь учился языкам французскому, английскому, арифметике и алгебре и занимался с г. Гриммом начальными основаниями ботаники, зоологии и минералогии.

«Вместе с тем, — говорит Федор Петрович, — мы старались знакомить великого князя с технологией и посещали как в Петербурге, так и в Москве (осенью 1837 г.) все примечательнейшие фабрики. Всякому такому посещению приготавливались объяснением того, что увидим. Теория предпосылалась практике.

В 1837 г. прибавилась история. Первый урок оной был 10 августа. В 1838 г. он прошел историю Рима до сражения при Лациуме¹. Во все продолжение воспитания исторические науки всего более занимали великого князя, и чтения Гримма производили на него всегда большое впечатление».

Он учился истории по особенной методе, избранной Федором Петровичем. Изустное чтение г. Гримма великий князь записывал для себя вкратце во время урока и в следующий урок должен был рассказать изустно слышанное, причем учитель поправлял его; к следующему за тем уроку великий князь готовил письменное изложение слышанного. Это самое он должен был потом рассказать учителям иностранных языков, каждому на его языке. Посему он невольно несколько раз повторял урок истории.

При необыкновенной памяти ему стоило весьма немного труда выучивать заданные ему уроки, но он учил не наизусть, а с полным понятием предмета, усваивая себе мысль, которую слышал.

В том же 1838 г. великий князь прошел из математики логарифмы и тригонометрию, кубические уравнения и аналитическую геометрию. При этом Федор Петрович замечает: «На 12 году! Я просил Коллинса не торопиться».

3 декабря Шульгин дал первый урок географии России и затем почти целый год употребил на преподавание географии и топографии России, подготавливая театр для истории, а 8 ноября 1839 г. было первое чтение русской истории.

Великий князь составлял сам описание каждой губернии, чертил карты и к географическому описанию губернии присоединял краткую историю оной. В виде уроков профессор задавал ему составление маршрутов между разными пунктами.

Всего уроков русской истории с 1839 по 1847 г. великий князь имел около 170. Учебные тетради его, писанные собственноручно по-русски и содержащие русскую историю, географию и статистику, также историю Турции, Венгрии, Польши и скандинавских государств, составляют около 2320 страниц.

В 1839 г. началось с Гриммом изучение истории средних веков на немецком языке. Уроки истории бывали по три и по четыре часа в неделю.

Вообще всеобщая история преподавалась великому князю весьма подробно.

С 1839 по 1847 г. он имел с Гриммом 609 уроков истории, а учебные тетради по сему предмету, писанные великим князем собственноручно на немецком языке мелким почерком, составляют всего 4430 страниц. Следовательно, всего тетради истории: всеобщей и русской, географии и статистики, писанные им собственноручно, содержат около 7400 страниц. Одной этой цифры достаточно, чтоб показать, как основательно и с каким прилежанием он изучал свои предметы. В это число страниц, писанных великим князем собственноручно, вовсе не входят разные сочинения его, служившие упражнением в русском языке и иностранных. Из математики в 1839 г. великий князь кончил стереометрию. В 1840 г. великий князь прошел в русской истории период удельных смут и приступил к изучению периода татарского владычества. Профессор задавал ему в виде уроков составление родословных таблиц русских великих князей и жизнеописания замечательных лиц того времени. Это занимало его высочество в продолжение летних плаваний.

Из учебных тетрадей видно, что запутанный удельный период был рассказан профессором весьма ясно. Не довольствуясь изложением междуусобий в хронологическом порядке, он распределил их на разряды смотря по побудительным причинам к распрям.

В том же году великий князь занимался географией Сибири и Кавказа, прошел во всеобщей истории период средних веков, в математике сферическую тригонометрию и приложение оной к астрономическим задачам. Летом занимался астрономическими наблюдениями и вычислениями, а в ноябре начал учиться механике.

В 1841 г. он начал заниматься с профессором Ободовским историею русской литературы, прошел с Шульгиным в русской истории времена татарского ига и дошел до царствования Федора Алексеевича, а во всеобщей истории занимался реформациею и дошел до царствования Лудовика XIII включительно. Из математики были пройдены аналитическая геометрия, теория уравнений и продолжались занятия механикой. Тогда же началось преподавание фортификации.

В 1842 и 1843 г. великий князь занимался весьма подробно историею Петра Великого. В дополнение к русской истории профессор Шульгин читал историю Венгрии, Польши, Турции, скандинавских государств.

С профессором Варрандом началось изучение английской литературы и с профессором Курнан — литературы французской. История всеобщая была доведена до конца Семилетней войны, русская история — до Екатерины I включительно.

Из математики великий князь занимался аналитической геометрией, механикой, дифференциальными исчислениями, способом наименьших квадратов и интегральным исчислением. Тогда же началось преподавание физики, химии и астрономии. Великий князь особенно любил заниматься химией, гальванопластикой, имел свою лабораторию и часто там работал.

Зимой с 1842 на 43 год великий князь ездил на астрономические лекции Струве в Академию наук. В следующую зиму было несколько добавочных лекций, которые великий князь так же посещал, равно как первые чтения астрономии в Морском корпусе капитана 2 ранга Зеленого.

Вообще 1842 и 1843 годы представляют ряд непрерывных и разнообразных занятий. Кроме всего вышеизложенного Федор Петрович Литке знакомил великого князя с историею морских путешествий и открытий и историей русского флота, полковник Резвый читал ему артиллерию, полковник Ласковский — фортификацию, Шульгин — статистику.

Великий князь занимался с величайшею охотою фортификациею и беспрестанно чертил проекты разных укреплений. Уроки статистики были весьма занимательны потому особенно, что, так как великому князю не преподавались отдельно многие

политические науки, как то: политическая экономия, наука финансов и полиция, то профессор Шульгин признал необходимым во введении к статистике сообщить великому князю по крайней мере основные начала этих наук и объяснить взаимную связь их между собою.

Великий князь обратил на этот предмет особенное внимание, вполне понял его и на испытаниях, бывших в 1844 г., весьма отчетливо изложил взаимную связь между собою разных политических наук. В 1844 г. пройден был в истории России период времени от кончины Петра Великого до воцарения Елизаветы Петровны.

Готовясь к путешествию в Архангельск, великий князь составил статистическое описание Архангельской и Олонецкой губерний. В течение зимы 1844/5 года он посещал лекции теоретической механики Остроградского в офицерском классе Морского корпуса. В 1845 г. учебные занятия продолжались только до мая, т. е. до путешествия в Архангельск, великий князь занимался царствованием Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II и историей французской революции, также стратегией и военной историей.

Стратегию преподавал сначала Иван Ф. Веймарн, а по кончине его — полковник Горемыкин. В то время полковник Богданович читал военную историю и полковник Болотов — геодезию. Тайный советник Фонтон прочел составленную для великого князя записку о восточной политике.

Зимой 1846/7 года великий князь занимался около 5 часов в день: в русской истории — царствованием Екатерины, во всеобщей истории — французской революцией; физикой, теорией корабельной архитектуры (сначала с Гринвальдом, потом Швабе), артиллерией (полковник Платов), фортификацией, тактикой и стратегией, статский советник Лабенский читал акты Министерства иностранных дел для приготовления к путешествию в Англию. До 1847 г. законоведение не входило в предметы преподавания. В конце этого года и в начале 1848, всего около 6 месяцев, статс-секретарь барон Корф занимался этим предметом с великим князем. Он объяснил вкратце его высочеству разные системы изучения законов, представил программу римского права, права канонического, феодального и читал русские законы: гражданские и уголовные.

Сверх того барон Корф прочел краткие исторические обозрения самодержавия в России, престолонаследия, несколько подробнее историю Государственного совета и вкратце обозрение устройства сельского сословия.

Этими чтениями кончился курс учения.

По собственному сознанию великого князя, он помнит всего лучше те предметы, по которым записывал чтения преподавателя.

Здесь место упомянуть, что во все продолжение воспитания великого князя надзор за ним был весьма строгий, и от наставников требовалось, чтобы они были взыскательны.

Великий князь сам подавал отметки государю учителей о прилежании своем и успехах и подвергался наказаниям, если отметки были неудовлетворительны. В награду за каждый хорошо выученный урок он получал гривенник. Эти деньги откладывались и посылались в Москву от имени неизвестного в пользу бедных.

«Вообще, — говорит Федор Петрович, — ученье великого князя можно разделить на трехлетние периоды 1835—38, 1838 по 41, 1841—1843 годы. Испытания, произведенные в 1838, 1841 и 1844 гг., служат гранями этих периодов. В марте 1838 г. был первый экзамен, первая поверка того, что в последние 3 года было сделано.

Результат превзошел наши ожидания. Государь был так мало уверен в том, что найдет, что не только не пригласил никого из посторонних, но в первый день экзамена не согласился даже допустить Ю. Ф. Баранову и А. А. Окулову, т. е. домашних. Но уже в этот первый день великий князь показал не только что он знает, но к чему он вообще способен.

Первый предмет был вообще Закон Божий. Великий князь не только отвечал отчетливо, но говорил плавно, связно и с таким выражением убеждения и глубокого чувства, что все присутствующие были удивлены и тронуты. Также и в прочих предметах. Второй день экзамена — математика и практические морские вопросы. Вопросы, как всегда, делал государь на выдержку. Из алгебры были два: один уравнений 1-й степени, другой квадратных уравнений. Из геометрии — построение правильного 15-угольника на данной линии. Все это со всевозможными

доказательствами. Работа текла как ручей, сказано в моем журнале (говорил Ф. П. Литке). Как эти два дня, так и пятый — греческая мифология и история, помнится до персидских войн включительно, были равно отчетливы. Если вспомнить, что великому князю было тогда только 10¹/₂ лет, что от него требовались не односложные только ответы на спрашиваемое, но подробный отчет о том, чему он учился и припомнить, как он, ребенок, решил эту задачу, то и теперь, после стольких лет, нельзя не восхититься необыкновенными способностями, им тогда обнаруженными. Государь был чрезвычайно доволен и наградил учителей».

Вторые испытания в марте 1841 г. были и серьезнее и еще блистательнее первых. Они продолжались 8 дней. Об этих экзаменах встречаются в журналах Федора Петровича следующие заметки:

«3 марта. Первый экзамен. В Аничкином дворце с 7 до 9 часов. Закон Божий. Константин Николаевич отвечал на вопросы о сущности учения Иисуса Христа, рассказал и объяснил почти все притчи, наконец, последние дни Спасителя. Точно как при первом экзамене он даже нас удивил. Он не остановился ни на одну минуту, говорил всего вместе, конечно, час с четвертью, речь лилась рекой, покойно и плавно. Государь был весьма доволен.

4 марта второй экзамен — математика, не так блистательно и гладко, как вчера, но хорошо.

8 марта. Экзамен из всеобщей истории и весьма хорошо. Государь был весьма доволен как знанием, так и изложением. Константин Николаевич рассказывал пунические войны^{II}, историю кесаря, историю немецкой империи XII и XIII вв., крестовые походы и проч. Государь, по обыкновению, перерывал вопросами о современных лицах и событиях в других землях.

За ответом никогда дело не останавливалось. Дав его, Константин Николаевич возвращался к прежнему вопросу. Под конец, по требованию государя, Константин Николаевич должен был рассказать о первых нашествиях татар на Россию^{III}.

10 марта. Второй экзамен из всеобщей истории. Константин Николаевич говорил: о персидских войнах — 20 минут; о Риме в правление царей — 22; германские народы при саксонских и французских императорах — 26, опять к совершенному удовольствию государя.

11 марта. Экзамен опять из всеобщей истории, по приказанию государя Константин Николаевич говорил о великом расколе в церкви — 24; история Рима от Юстина до Геракла — 27; обозрение состояния Европы при Лудвиге XI — слишком 20. Очень хорошо.

12 и 13 марта из русской истории также очень хорошо, особенно период уделов, который был понят, пояснен и рассказан к общему удивлению. Это совершенно *Kunststück*⁶.

15 марта, последний экзамен из языков, состоял почти из одних только декламаций. К этому государь присовокупил некоторые морские вопросы, которыми остался доволен.

По окончании всех экзаменов государь изволил мне сказать: «Я и ожидал, что экзамен будет хорош, но никак не ожидал такого».

В 1844 году, — говорит Ф. П. Литке, — был третий и последний экзамен, который можно почесть важнейшим из всех как по важности предметов, так и по некоторой официальнойности, которую государю угодно было придать, приказав пригласить в свидетели и судьи адмиралов: князя Меншикова, Грейга и Крузенштерна, генерала Берга и статс-секретаря Блудова.

Экзамены продолжались с 24 февраля по 17 марта. В журнале великого князя говорится об этом времени: «Эти три недели были для меня тяжкое время, которое я не забуду во всю мою жизнь».

Всякий раз перед каждым экзаменом я становился на колени у образов Мамá и молил усердно Бога, чтоб он меня не оставил в это трудное время, и ниспослал на меня свое благословение и помог бы мне. И он услышал мою молитву и я ему одному приписываю мое счастье. Далее я его молил, чтоб он сохранил душу мою от гордости и от всех ужасных последствий этого порока».

Испытания производились в следующем порядке: 1 и 2 — всеобщая история, 3 и 4 — математика, 5 — русская история, механика и химия, 7 — астрономия и проекции карт, 8 и 9 — русская история, 10 — статистика России, 11 и 12 —

фортификация и артиллерия, 13 — корабельная архитектура и практика, 14 — навигация и морские эволюции. «Лишнее было бы говорить в подробности, — заключает Федор Петрович, — каково было каждое из этих испытаний. Довольно сказать, что присутствующие были изумлены, а государь чрезвычайно доволен. Но это, — продолжает он, — был и кульминационный пункт наших учебных занятий. После экзамена — праздники, приготовление к путешествию в Архангельск, самая поездка, разного рода отвлечения мешали урокам. Государь изволил определить, что мы для продолжения ученья будем иметь еще две зимы, кроме настоящей. Соответственно тому были рассчитаны и курсы по всем предметам. Мы не имели причины торопиться, шли вперед потихоньку, готовясь между тем к путешествию в Константинополь, как вдруг в первых числах мая решается, что мы по возвращении из путешествия на юг осенью сейчас отправимся в Средиземное море до будущего года. Это опрокинуло все наши расчеты и фактически пресекло без конца ученье великого князя.

Путешествие продолжалось с мая 1843 г. по конец октября 1846 года. Великий князь воротился из этого путешествия женихом.

Таким образом, здание, над сооружением которого мы трудились столько лет, оставлено неоконченным. Работа остановлена в ту именно минуту, когда оставалось только заключить свод его, когда различные отрасли наук должны были связаны быть в один фокус и тем именно и сделаться важными и интересными...

Причины столь внезапной перемены были, без сомнения, важны; о самой перемене нельзя не вздохнуть и по истечении многих лет».

Этим кончаются листки Федора Петровича Литке, сообщенные им Головнину. Из сего видно, что великому князю предстояло самому, без помощи наставников докончить образование свое, изучить те предметы, которые не были преподаны ему, и, как выражается Ф. П. [Литке], вывести крышу над зданием, которого был положен фундамент и воздвигнуты стены.

Далее будет изложено, как он понял и как он выполнил эту задачу.

После этого отступления возвратимся к хронологическому изложению жизни великого князя. Выше сего было сказано, что в 1836 г. он ходил к берегам Финляндии и Эстляндии. Журнал его содержит подробные и весьма верные заметки о Ревеле и Свеаборге и отличается точностью морских выражений. Сверх того в нем встречаются заметки об играх, прогулках, полученных подарках и проч.

В 1837 г. великий князь был в море на фрегате «Аврора» с 15 по 24 июня, доходил в это время до Гогланда, а 8 июля пошел на «Авроре» в Ревель, Балтийский порт, Гангут и 24 числа воротился в Кронштадт.

В сентябре сего года великий князь получил в первый раз в жизни письмо от государя императора (из Одессы от 8 сентября). В этом письме изложены мысли и наставления, которые встречаются потом более или менее почти во всех письмах его величества.

Вот оно: «Поздравляю тебя, любезный мой моряк, с твоими 10 годами. Да благословит тебя милосердный Бог и да будешь ты верным слугою брата твоего и отечества в страх врагам. Надеюсь, что ты будешь продолжать хорошо учиться и стараться превозмочь свои слабости нам в утешение. Завтра мы тебя празднуем по морскому, ибо с помощью Божиею полагаем пуститься в море в Севастополь на новом прекрасном пароходе «Северная Звезда». Мы полагаем встретить флот и вместе с ним идти на рейд. Поздравь Федора Петровича с новорожденным сыном и обними Олли и Адини, равно и братцев. Обнимаю тебя самого от всей души. Бог с тобой! Твой старый папа Н.»⁷.

13 октября великий князь поехал в Москву, где осматривал памятники священной древности и разные фабрики, мануфактуры и заводы. В журналах его содержатся заметки об этих заведениях.

12 декабря он возвратился в Петербург, а 17 случился пожар Зимнего дворца, и затем зиму 1838 и 1839 годов его высочество жил в Аничкином дворце.

15 июня 1838 г. великий князь отправился, по обыкновению, в море на фрегате «Аврора», был в виду Борнгольма и Рюгена, заходил в Либаву, на Аландские острова, был в Бомарзунде и 13 июля возвратился в Кронштадт. Осень этого года его высочество провел в Царском Селе. В это время он имел сильный коклюш. В журналах за этот год встречаются часто рассуждения великого князя о своем поведении, порицание оно и выражение решимости вести себя лучше.

Так, например, он пишет в январе: «В. Б. Божанов советовал мне любить тех, которые меня наставляют, считать их самыми большими друзьями, никогда не сердиться на них. Я хочу теперь это всегда исполнять».

30 марта: «Сегодня для меня важный день, ибо я исповедывал пред Богом свои грехи. Надеюсь, что в теперь начинающийся год я буду исполнять волю родителей и наставников. Хорошо, что Папа сказал: «Этим годом я довольнее, нежели тем».

9 августа: «Сегодня у меня самый худой день. Мне жаль и страшно думать, что с того времени, как я учусь, как мне было 6 лет, не было ни разу такого дурного дня, как сегодня, а теперь мне 11 лет. Мне стыдно пред самим собой».

В том же журнале встречаются выражения самой искренней привязанности к государю, сестрам и братьям. Например, 3 июня после разлуки с государем великий князь, говоря о свидании с ним на пароходе «Геркулес», пишет: «Когда «Геркулес» приблизился, мы увидели на нем любезного, доброго, милого Папу и братьев. Я от радости заплакал».

20 августа: «Ах! Сегодня несчастный день. Сестрицы уехали в Берлин. Мы поехали провожать их с тетей и братьями. Мы сильно рыдали. Я, как в утешение, что сестрицы уехали, сегодня хорошо учился и буду стараться так продолжать».

В этом году во время поездки государя в Пруссию великий князь получил от его величества два письма. Первое — из Берлина от 21 мая, второе — из Потсдама от 7 сентября.

В первом письме государь говорит: «Приношу мое низжайшее поздравление господину генерал-адмиралу со днем его ангела. Желаю ему преуспевать во всем и со временем бить, топить и жечь супостатов, а для сего покуда быть послушным, прилежным и не терять времени в шалостях, помня свое будущее назначение. Подарок мой готов и будет доставлен. Федору Петровичу и всем твоим мой поклон, а тебя целую от всего сердца. Старый твой друг, папа, Н.»

Во втором письме его величество говорит между прочим:

«Любезный мой адмирал! Поздравляю тебя от всего сердца с достижением одиннадцати лет.

Приближаясь более и более к юношеским летам, надеюсь, что ты усугубишь старание большим прилежанием и постоянным вниманием употребить остальное время в пользу и тем дать нам надежду видеть в тебе полезного слугу отечества. Да поможет тебе Бог милосердный в твоих добрых намерениях, изложенных в твоём последнем письме. Молись усердно, чтоб он не оставил тебя».

В 1839 г. с мая по октябрь, по случаю поездки Ф. П. Литке к минеральным водам в Германию, место его заступил при великом князе Л. Л. Гейден. В сопровождении его великий князь отправился 2 июня в море на пароходе «Геркулес», заходил в Пютерлак, Роченсальм и Свеаборг. Здесь он пересел на фрегат «Аврору», ходил в Виндаву и 21 июня пришел в Кронштадт. 20 июля он опять пошел на «Авроре», заходил в Аспо и 30 числа возвратился в Петергоф. 7 ноября его высочество перебрался в Зимний дворец, отстроенный после пожара, и жил там в тех же покоях до осени 1848 года.

В 1840 году он отправился в море на фрегате «Аврора» 12 июня, ходил к Гогланду и 16 числа возвратился в Кронштадт. В это время он впервые стоял настоящие гардемаринские вахты, несмотря на погоду. До этого года великий князь стоял на вахте два часа в день, от 11 до 12, и продолжал в остальное время обыкновенные уроки. Должно заметить, что во время морских путешествий великому князю случалось терпеть штормы и шквалы, а крепкие ветры, которые принуждали идти под четырьмя рифами, бывали нередко.

Дурная погода, холод, дождь, ветер случались, когда он стоял на вахте в одной легкой кадетской шинели, и он должен был выстоять урочное время.

Вообще великий князь был хорошего здоровья, но подвержен весьма часто дурноте, которая случалась с ним обыкновенно в церкви. Впрочем, ни в детстве, ни в юношеском возрасте он не имел важных болезней.

20 июня 1840 г. великий князь отправился на пароходе «Богатырь» в Киль и оттуда поехал в Эмс для свидания с государыней императрицей, потом на пароходе по Рейну от Майна до Кельна, в Киль и на фрегате «Аврора» в Кронштадт, куда прибыл 30 июля. Пребывание в Эмсе оставило ему самые приятные воспоминания, и он говорит об этом в журнале своем, выражая сердечную благодарность родителям за это «драгоценное время».

9 сентября того же года он был произведен в подпоручики. В этот день находим

в журнале его следующие размышления: «Мне сегодня минуло 13 лет, пошел 14-й. С тем мне нужно и лучше учиться и лучше себя вести, и, главное, не быть столько вспыльчивым». Подобные рассуждения встречаются в журнале неоднократно, например, при наступлении Нового года и проч.

Из журналов за эти годы видно вообще, что великий князь получал весьма основательное образование, читал с профессором переводы Гомера, Тацита и других классических писателей, а в свободное от уроков время занимался гимнастикой, верховой ездой, фехтованием, музыкой, так что физическое и умственное образование шло одновременно, и главная цель воспитания, т. е. развитие всех способностей, достигалась.

В 1841 г. его высочеству предстояло путешествие в Голландию. Государь позвал его к себе и сказал, что «когда отправится на фрегате в Голландию, чтоб исполнял свой долг совершенно, чтоб был вполне подчинен начальникам, не чванился, и чтоб не думал, что он великий князь, который будто бы исполняет свои обязанности из снисхождения, чтоб служил всем примером и чтоб в чужих краях ни над чем смешным не смеялся, но умел воздерживаться».

Получив благословение государя и императрицы, великий князь вышел в море 3 июня на фрегате «Аврора», заходил в Копенгаген, Гельдер, оттуда ездил в Гаагу, Роттердам, Сардам, Амстердам и 23 июля возвратился в Кронштадт. Пребывание в Копенгагене и Голландии подробно описано великим князем в его журнале.

Его высочество писал государю подробный отчет о своем путешествии и получил от его величества следующее письмо от 21 июня: «Сегодня утром получил я письмо твое, милый Костя, с копенгагенского рейда. Я благодарю Бога, что ты благополучно достиг первой точки своего плавания. Надеюсь, что от Федора Петровича узнаю, что он продолжает быть тобою довольным и что ты в чужой земле и на смотре строгих глаз заслужишь добрый аттестат, а по возвращении надеюсь подобный слышать от твоего капитана.

Обними Федора Петровича и поблагодари за письмо. Поклонись всем своим спутникам. Бог с тобой. Обнимаю тебя душевно. Твой верный друг папа Н.».

Отношение великого князя к Ф. П. Литке

В журналах за этот год встречаются места, из коих видно уважение, которое августейший воспитанник чувствовал к воспитателю своему Ф. П. Литке, и нравственное влияние сего последнего. Так, например, 2 ноября великий князь пишет: «Федор Петрович теперь совершенно отец по всему. В разговорах, где мы передавали один другому чувства, я часто проливал слезы, и душе становилось легче».

Подобные места встречаются в журналах и за другие годы. 3 марта 1843 г.: «Я чрезвычайно люблю откровенно беседовать с Федором Петровичем, изливать пред ним всю душу мою, все чувства мои».

В другом месте после кончины супруги Федора Петровича великий князь пишет, что он чувствует себя обязанным утешать его и для этого будет лучше учиться и вести себя. Эта решимость была следствием продолжительного разговора его с великою княжной Александрой Николаевной во время прогулки по Царскосельскому саду.

В продолжение 1840 и 1841 гг. великий князь был в постоянной переписке с воспитателем своим Федором Петровичем Литке, хотя и жил с ним в одних комнатах. Федор Петрович имел при этом целию приучить великого князя к письменному слогу и к размышлению о самом себе, ибо предметом писем царевича были его собственные чувства, способности, побуждения и проч.

В своих письмах Федор Петрович излагал великому князю полезные советы и наставления.

[Занятия, путешествия и другие события в жизни великого князя Константина Николаевича с 1842 до 1853 год]

1842 год начался для великого князя усердной молитвой. Он принял решимость вести себя лучше прежнего и просил на это благословение всемогущего. Из журналов его видно, что этот год и последующий год были для него периодом нравственного развития, беспрестанной борьбы с самим собой.

Живость характера увлекала его беспрестанно, но за каждым проступком следовали слезы, раскаяние, и журнал наполнен упреками, которые великий князь делал сам себе.

В течение лета он ходил два раза в море на фрегате «Аврора». В первый раз с 3 по 23 июня, в течение коих заходил в Свеаборг, Ньюштат и Ревель, а во второй раз с 8 июля по 2 августа. В это время он ходил в Копенгаген чрез Большой Бельт.

9 сентября 1842 г. ему минуло 15 лет. Размышляя о прежнем поведении своем, он пишет: «До сих пор я был просто дитя, потому что как я веду себя и учусь, оно достойно 10-летнего дитяти. Пора не на шутку измениться. Если посмотрю назад на свою жизнь, то вижу, что искал все только того, что забавляет меня, а работать, заниматься дельным, думать — это я очень редко, почти никогда не делал. Первое, с чего мне надобно начать, это усердная молитва, потом не ссориться с братьями».

Чрез несколько дней великий князь получил от государя императора письмо из Курска от 1 сентября, в котором державный родитель писал ему: «Поздравляю тебя, милый Костя, с наступающим днем твоего рождения, дай Бог тебе здоровья и успешного дозрения во всем, дабы ответствовать твоему назначению и быть полезным слугою брату твоему и отечеству».

При твоём добром сердце и способностях, которыми ты одарен по милости Божией, непростительно бы было, ежели бы ты и не употребил всех усилий довершить свое образование с полным усердием.

Помни всегда, на что ты готовиться должен, превозмогай лень, взбалмошность и не теряй драгоценного времени твоей молодости, дабы вовремя поспеть на службу зрелым духом, сердцем и умом.

Вот тебе и 15 лет. Шутка ли? Скоро и на службу пора, а еще сколько надо узнать, выучить и передумать. Смотри, помни это и прибавь старания, чтоб не осрамиться».

В 1842 г. учебные тетради великого князя содержат описание Александрии, переводы из Гердера, рассуждение об Илиаде, которую он читал 3 раза на 8-м, 10-м и 14 году по-французски, немецки и по-русски. Сверх того, он читал описание морских путешествий, сражений и проч.

В 1843 г. занятия великого князя становятся гораздо серьезнее, и в журналах его встречается более размышлений на место прежних отметок об играх и прогулках.

Выше сего было сказано, что в течение зимы сего года он посещал астрономические чтения Струве. Чтения эти производили на великого князя глубокое впечатление. 31 марта, по возвращении из Академии после лекции, в которой Струве говорил о неподвижных звездах, отдалении оных и бесчисленности, великий князь писал: «Размышляя об этом, мы совершенно исчезаем пред величием Божиим и невольно восклицаем: «Велик Бог», но вместе с тем мы удивляемся духу человеческого, который все это мог исследовать».

13 мая 1843 г. великий князь отправился в море на фрегате «Аврора», ходил в Або, Христиненстад, Вазу, Бомарзунд, Гангуд, Экенес, Ревель и 9 июня прибыл в Кронштадт. Затем все лето он провел в Петергофе и лагерях. 25 июня он был произведен в поручики по вступлении в дворцовый караул с конной гвардией.

Явления природы производили на великого князя сильное впечатление. Нередко он описывает их в своем журнале, особенно в продолжение морских путешествий. Вообще в бытность на корабле он более углублялся в самого себя, думал, мечтал и потому всегда предпочитал ночные вахты. Тогда фантазия его разыгрывалась и пламенное воображение создавало ему другой мир, в котором он жил другою жизнью. Восхождение солнца в открытом море всегда поражало его своим величием. Вот что он пишет, между прочим, 23 мая 1843 г. на «Авроре» в виду Аландских островов: «Я стал на вахту в полночь. Ветер был совсем не свеж, но зыбь была большая. Она скоро улеглась. Погода была прелестная. Луна, невысоко над горизонтом, была оранжевого цвета и отсвечивала в воде. Восток начинал покрываться передовыми постами утренней зари. Небо было такого прекрасного синего цвета, какого я никогда не видел. Кругом все было тихо и спокойно, и это торжественное молчание прерывалось только шагами вахтенного лейтенанта и шумом волн. Я ходил по шканцам и мечтал о будущем. Мало помалу делалось светлее, и легкие облака на востоке покрывались темно-красным цветом, между тем как с запада подымались черные тучи, которые все нас помаленьку обгоняли. Я стоял и смотрел

на ежеминутные переливы цветов утренней зари. Наконец, когда тучи перешли наш зенит, вдруг появилось дневное светило кровавого цвета. Невозможно описать этого явления. Надобно его видеть и чувствовать!».

В 1843 г. родился старший сын государя наследника великий князь Николай Александрович. Государь император в это время был в отсутствии и воротился 3 октября.

В этот день великий князь записал в журнале своем следующее: «Сегодня в 12 часов воротился папа. Он совершенно здоров. Мы обедали все вместе у Саши. Перед обедом он нас, всех 4 братьев, повел к маленькому Никсе^{IV}. Он был на руках у няньки. Тогда Папа меня спросил: «Знаешь ли ты, кто это?». Я отвечал: «Наш будущий государь». «То-то, смотрите же, станьте на колени». Мы стали. «Так вы знаете, что это будет ваш государь. Стало быть, вы должны ему служить так же усердно верою и правдою, как и мне и Саше. Обещайте это». Мы обещали. «А если Богу угодно будет, чтоб мы двое исчезли, и он останется еще малолетним, то вы должны забыть, что вы его старшие дядья, и сохранять и пещись о нем и служить ему, как государю. Смотрите же обещайте это». Тогда он нас всех поцеловал».

В этом году более прежнего великий князь занимался чтением. Он три раза прочел «Валентейна» Шиллера и пишет об этом в журнале: «Чем более я его читаю, тем более он мне нравится, тем более я его постигаю».

В этом же году находим в журналах сильное желание побывать на Кавказе, желание, которое никогда потом не оставляло его. В сентябре этого года (1843) великий князь получил следующее письмо от государя из Варшавы от 9 сентября: «Поздравляю, милый мой Костя, тебя, с днем твоего рождения, дай Бог, чтоб ты был здоров и зрел умом и сердцем. Тебе 16 лет. Это — уже молодость, а не детство; пора думать о судьбе и помнить, чем ты обязан отечеству, брату и племяннику, которым ты должен быть верным слугою. Обязанность твоя священна и ты должен об ней чаще помышлять, чтоб быть достойным своего назначения».

Сердечно соболезную потери Федора Петровича, скажи это ему и обними его. Прощай, от души тебя целую. Твой старый друг, папа. Н. Ф. С. мой поклон»⁸.

В 1844 г. были экзамены великому князю, о которых сказано выше. По окончании оных 16 марта в награду за успехи в науках он был произведен в штабс-капитаны, причем государь сказал ему: «Ты видишь, что я всегда рад делать удовольствие, ты только будь этого достоин. Твой экзамен был хорош. Я им был доволен, но ведь это только материалы и надобно уметь их употреблять».

В этом году великий князь совершил обширное путешествие. Каждый год строился в Архангельске корабль, который в следующее лето приводился в Петербург. Для этого отправлялась из Петербурга берегом команда того экипажа, которому новый корабль приписан, и она возвращалась на нем кругом Нордкапа чрез Катгат. Построенный в Архангельске в 1842/3 г., корабль «Ингерманланд» погиб у берегов Норвегии на пути в Кронштадт. Повелено было построить там другой «Ингерманланд», и, чтобы привести его в Кронштадт, государь приказал великому князю Константину Николаевичу отправиться в Архангельск. 13 мая 1844 г. его высочество поехал в коляске в Колпино, оттуда верхом до Усть-Ижоры и на пароходе «Ладога» в Шлиссельбург, в монастыри Коневецкий и Валаамский, рекою Свирью и Онежским озером в Петрозаводск и Онежским каналом до города Вытегры. Из Вытегры великий князь поехал сухим путем в Каргополь и Холмогоры, и со следующей от Холмогор станции пошел на пароходе «Полезный» в Архангельск. Здесь великий князь весьма деятельно занимался вооружением «Ингерманланда», исправляя во все это время должность старшего лейтенанта.

Вставая каждый день в 5 часов утра, он в 6 являлся на работу на корабль и оставался там до 12. В 12 возвращался домой, а в 4^{1/2} часа отправлялся опять на работу и оставался там до 8 часов.

В июне он ходил на шхуне «Полярная Звезда» в Соловецкий монастырь и по возвращении оттуда и окончательном вооружении «Ингерманланда» 24 июня снялся с якоря.

Великий князь обошел Нордкап, заходил в Копенгаген и 24 июля прибыл благополучно в Кронштадт, совершив этот переход скорее, чем когда-либо какому судну удавалось это сделать. До этого путешествия великий князь генерал-адмирал был подвержен морской болезни, но океан излечил его.

Путешествие в Архангельск описано великим князем в его журнале отчасти вкратце, а частью с разными подробностями. Он видел край для него совершенно новый. Ему встречались часто предметы, которые очень занимали его.

Русский народ с восторгом принимал великого князя, и лица всех сословий всячески старались доказать преданность свою государю и любовь к августейшей семье его. В одном месте, где по причине дурной дороги ожидали, что великий князь поедет несколько десятков верст вниз по реке на лодке, прибрежные крестьяне изготовили для него богато убранный карбас и, когда их спросили о плате, которая им следует, они отказались от всякого вознаграждения и сказали: «Мы на песнях повезем нашего царевича». В Архангельске великий князь получил горестное известие об отчаянной болезни великой княгини Александры Николаевны, а по возвращении в Петербург застал ее незадолго до кончины. С самого детства он имел к ней самую нежную привязанность, старался проводить с нею все свободные минуты и считал ее самым искренним другом.

Чувства глубокой горести при получении в Архангельске печального известия о болезни и потом сокрушения при кончине великой княгини трогательно выражены в его журнале 13 июня 1844 года. Он пишет: «Архангельск. Ужасный был для меня день 13 июня, когда я получил известие о безнадежной болезни Адини, что у нее чахотка, самая жестокая. Фельдъегерь приехал во время обеда, и вот три письма, которых я никогда не забуду.

Письмо Мама: «Царское Село. 8/20 июня 1844 года.

Мой дорогой Костя должно быть огорчен тем, что его мама ни разу еще ему не написала. Но, дорогой мальчик, если бы ты знал все то, что произошло в моем сердце в течение всего этого времени по причине плачевного положения, в котором находится наша дорогая бедная Адини, тогда понял бы это молчание. Вот папа вернулся, и я не должна больше нести груз одна, и у меня больше нет необходимости постоянно ему писать.

И вот я вспомнила о тебе, мой дорогой моряк — наш далекий сын. Ты не нашел своей сестры в Копенгагене. Она не может покинуть Петербург, то есть Царского. Она еще так слаба, что не может передвигаться по своей комнате, а если Бог позволит — она явит свое дитя миру в Петербурге, а не в Копенгагене...

Твои письма доставили мне удовольствие и заинтересовали меня; я с удовольствием вижу то, что тебе доставляет радость видеть эти далекие страны и привязанность народа к нашей семье, которая нас трогает и радует в то же время. Я молю Бога, чтобы он взял тебя под свою защиту во время путешествия по морю, я надеюсь, что все будет хорошо и что Небо благоприятствует этому пути и нашему свиданию. Бедный мальчик, как я жалею, что ты должен был оставаться долгие месяцы без всяких вестей отсюда и о твоей сестре Адини.

Молись утром и вечером о ней, и тогда мы снова встретимся в наших молитвах. Тысяча пожеланий Литке и всем другим, Сергею, Николаю...⁹ Обнимаю, благословляю, люблю моего дорогого Костю и желаю, чтобы пришел час нашего свидания. Одни Бог знает, как и с какими новостями соберемся мы вместе, и нам остается только надеяться, молиться и подчиняться его святой воле! Твоя мать, которая тебя любит. А.»

Тут у меня полились слезы из глаз. Я увидел, с какою родительскою нежностью Мама меня любит. Это меня тронуло до глубины сердца, и я бросился на колени и с жаром стал молиться Богу за нее и за бедную Адини; потом я стал целовать с умилением мой маленький портрет Мама.

Два письма от братьев меня несколько развлекли. Слезы у меня обсохли и я мог снова выйти наверх. Но все-таки мне было очень трудно и, к счастью, Самойло Иванович¹⁰ позволил мне спуститься на низ. Я тотчас принялся читать другие два письма — Папа и Саши.

Вот они:

«Царское Село. 9 июня 1844 г.

По приезде моем сюда получил я два твоих милых письма, любезный Костя, и радуюсь душевно, что благополучно совершил свою поездку и с полным усердием принимаешься за службу. Я надеюсь, что чувство долга тебя поддержит и что будешь уметь, готовясь на свое место ремесло с усердием и прилежанием и полною любовью, приобрести уважение твоего начальства и твоих товарищей по службе; в том да поможет тебе милосердный Бог и возвратит к нам целым и здоровым.

Здесь предлежит нам жестокое испытание. Бедная наша Адини в весьма опасном положении. Отчаиваться было бы грешно, но должно нам всем с покорностью и безропотно покориться воле Божией; ему лучше известно, что нам нужно, сколько

оное для нас и непонятно. Смиренно будем же ожидать, что он определит. Ты же ищи крепости и утешения у него же с полною покорностью и надеждою. Обними Федора Петровича и всем твоим поклонись. Да хранит тебя всемилосердый Бог нам в утешение... Целую тебя душевно. Твой навеки старый друг, папа Н.»

Тут я весь залился слезами и снова усердно молился Богу. Далее я прочел письмо Саши.

«Царское Село. 9/21 июня 1844 года.

Прости меня, любезный Костя, что до сих пор не отвечал тебе на твое милое письмо, но мне столько было хлопот все это время, что я ни минуты свободной не имел.

Третьего дня Папа воротился благополучно из Англии; мы с братьями ездили к нему на встречу в Петергоф.

К несчастью, причина его скорого возвращения столь для нас грустна! Тебе, вероятно, писали, что бедной нашей Адини хуже; наконец доктора объявили нам третьего дни, что нет уже никакой надежды. Ты можешь себе представить, как это нас поразило.

Нам остается только молиться Богу. Впрочем, да будет воля его. Вот одно утешение на этом свете в подобных случаях, ибо оно нам напоминает, что мы все созданы для другой жизни. Не могу более писать. У меня слезы так и льются. Обнимаю тебя от всей души. Твой верный брат и друг. Александр.»

Тут я горько зарыдал, и оно мне показало всю правду, о которой другие письма только напоминали. Так с тяжелым сердцем, но не без надежды, я лег спать».

На другой день по получении этих горестных известий великий князь отправился в Соловецкий монастырь и по возвращении оттуда чрез 10 дней пошел в обратный путь в Кронштадт кругом Нордкапа. В продолжении этого путешествия он получил в Копенгагене орден Слона ^V.

В журнале его за это время встречаются следующие заметки о плавании и далее о болезни и кончине Александры Николаевны. «1 июля 1844 года. Сегодня чрезвычайно свежо. Если б мы шли бейдевинд, то, может быть, мы нашли бы, что это — шторм. Крюсель ^{VI} был закреплен, и других двух марселей ^{VII} были взяты три рифа. Волнение развело огромное. Мы имели узлов 10 и 11 ^{VIII} и одно время больше 12. Сегодня 1 июля. Возможно ли это подумать? У нас такой холод, что мы наверху в теплых зимних шинелях.

А дома! В Петергофе! Эта мысль наводит на меня тоску невыразимую. У меня в душе какое-то чувство тяжелое, которого не могу объяснить. Оно так и рвется. Множество воспоминаний вдруг в ней теснятся... Это все меня так и душит. Я сам не знаю, что со мною делается. И ничего этого не выходит наружу. Все остается внутри и тем больше меня томит и мучает, О Боже мой! Боже мой! Адини! Бедная, что с ней делается? Мама, Папа, которые, говорят, с горя как бы десятью годами состарились! А я у Нордкапа! На том краю света, ничего не вижу, не слышу, тоскую. И скоро ли это ужасное положение мое кончится?

24 июля 1844 года. В 4 часа меня разбудили на вахту. Ночью сделался противный ветер. Наконец, пройдя брантвахту и сделав еще два поворота, вызвали всех наверх. Мы убрались парусами, привели к ветру и, наконец, раздалась блаженная команда: «Из бухты вон. Отдай якорь». Кончен поход. Мы дома. Мы воротились. Архангельский поход был, а не есть...

Папа мне сказал: «Бог нам ее еще сохранил. Она еще жива, но вот и все, что можно сказать об ней». Папа повел меня в церковь, стал на колени, мы последовали за ним, и тогда я стал усердно молиться. Сперва я благодарил господу Бога за то, что он привел нас так счастливо домой, а потом молил его за бедную нашу Адини.

Когда Папа встал, у него были слезы на глазах. Он меня поцеловал и сказал: «Продолжай как начал».

29 июля. Адини больше нет на свете. Да будет воля твоя.

30 июля. Ужасно первое утро! Панихида утром, панихида вечером. Обедня. Первая ектенья ^{IX} без нее! Отрадные слезы. Адини уж больше нет на свете. Одна отрада в молитве.

31 июля. Сегодня день смерти Адини ^X. Теперь мы оплакиваем другую Адини. Утром в 10 часов была коротенькая молитва перед Адини. Потом мы подошли к ее постели и перенесли в другую постель, вечную, тихую.

Мисс Г. упала без чувств. Мы все рыдали. Адини лежит в гробе. Мы все за него

схватились, подняли, понесли. Я шел с левой стороны у ног ее. У меня впечатлелось навсегда ее лицо в эту минуту. Мы ее понесли через сад в церковь и поставили ее на стол. Там дослужили панихиду, потом обедню, и вечером опять панихиду.

1 августа 1844 г. Гроб поставили в Адинин ландау. Мы сели верхом и поехали шагом. Адини навсегда оставила Царское Село.

3 августа. Гроб стоит закрытый, но 3 августа его открыли. Мы с ней в последний раз простились. Папа и Мама ее благословили и последние поцеловали. Мы ее в последний раз видели до минуты общего соединения.

4 августа. Настал, наконец, тяжелый последний день. Не забуду я никогда, как гроб понесли, как Папа вполголоса сказал: «С Богом», как гроб медленно стал опускаться в тихую могилу, как мы все бросили на него землю, как, наконец, я в последний раз взглянул на него в глубине могилы — и все исчезло с лица земли, что было Адини».

Глубокая горесть царевича о кончине друга его детства, любимой сестры его, не прошла с годами, но имела влияние на всю жизнь его, как мы увидим далее из других мест его журнала.

12 августа 1844 г. великий князь был произведен в капитаны и назначен командиром брига «Улисс», а в сентябре того же года переехал в Гатчину, где оставался до 21 ноября, когда воротился в Петербург на всю зиму.

В продолжение зимы 1844/5 годов великий князь продолжал обыкновенные уроки свои и сверх того готовился к путешествию в Турцию и архипелаг. С этою целью тайный советник Фонтон, как сказано выше, читал ему составленную собственно по этому случаю записку о восточной политике России. Великий князь сам прочел несколько сочинений о тех местах, которые ему предстояло посетить.

13 мая он отправился чрез Полоцк, Витебск, Могилев и Чернигов в Киев, где присутствовал при высочайшем смотре 4-го Пехотного корпуса, оттуда чрез Умань и Елисаветград в Николаев, Одессу и Севастополь, где осматривал Черноморский флот со всеми его заведениями. В июне на пароходе «Бессарабия» он пошел в Константинополь, куда прибыл 6 числа того же месяца. Осмотрев Царьград в подробности, побывав в Св. Софии, в мечети Эюб, где никогда ни один христианин еще не был, и пройдя чрез Золотые ворота, к которым некогда Олег прибил щит свой, царевич отправился в архипелаг, где ходил частью на «Бессарабии», а отчасти на корвете «Менелай». Он заходил на Княжеские острова, в Никомидию, Бруссу, был на Олимпе, прошел Дарданеллы, осматривал Трою, был на Митилене, в Смирне, Хиосе, Самосе, Патмосе, Родосе, в Мармарице, мимо Суниума в Салунь, на Афоне и, возвратясь в Черное море, держал карантин на фрегате «Флора». Затем на пароходе «Молодец» он ходил к Кавказским берегам от Сухума до Новороссийска и по возвращении оттуда отправился через Таганрог, Ростов, землю донских и азовских казаков, немецкие колонии и Крым в Николаев. Здесь 9 сентября был он назначен флигель-адъютантом к его императорскому величеству, из Николаева великий князь ездил в Севастополь, присутствовал там на смотре флота и оттуда отправился чрез Херсон и Екатеринослав, в Чугуев, где находился во время бывших там смотров 1-го и 3-го резервных кавалерийских корпусов, и затем поехал в Петербург через Курск, Орел, Тулу и Москву. В Петербург он прибыл 1 октября.

Путешествие в Константинополь описано великим князем в журнале его с большею подробностью. Во многих местах рисунки, сделанные пером, дополняют текст. Плавание по архипелагу, к берегам Кавказа и возвращение в Петербург в журнале не описаны. Краткие заметки карандашом, сделанные в это время, не были приведены после того в порядок и остались в первоначальном виде.

Недолго оставался великий князь в Петербурге. Через 10 дней по возвращении своем с юга сухим путем, он отправился морем на другой юг — в Палермо, где была императрица. Великий князь вышел в море на корабле «Ингерманланд» в глубокую осень, 10 октября, во время вьюги. Несмотря на постоянно дурную погоду, холод, сырость, сильную качку, он чувствовал себя довольным и счастливым на корабле, ибо с году на год он более и более начинал любить море и русский флот. Впоследствии времени он стал смотреть на флот как на цель своей жизни и выражал это ясно и положительно. Так, например, в июне 1851 г. великий князь написал А. В. Головнину: «Я всегда очень любил русский флот, но особенно с черноморского путешествия. Я считаю его с тех пор целью моей жизни».

Образ жизни великого князя на корабле «Ингерманланд» во время этого

путешествия описан им в журнале 28 октября 1845 года. Он пишет: «Стоял на вахте от 4 до 8 часов утром. После была обедница и наши офицеры сами пели, совсем недурно. Весь день тихий ветер — не попутный и не противный, слякоть, мелкий дождь. Я совсем не выходил наверх, и мне у себя внизу так весело, так приятно, что я не могу сказать. Я еще решительно во все это время ни полминуты не скучал. Вот как день проходит. Я пью чай с гренками, или toast, что мне напоминает кофе у Мама в маленьком садике в Зимнем дворце. Потом я возвращаюсь к себе в каюту и читаю «Евангелие», «Псалтирь» и иногда проповеди Иннокентия Харьковского. Перед тем я всегда играю на фортепиано «Отче наш» Львова, который мне всегда напоминает нашу Адини, особенно место «Да будет воля твоя, яко на небеси и на земли», которое она всегда сама мне объясняла».

Плавание «Ингерманланда» было бурное. В ночь с 15 на 16 октября, пройдя Готланд, он терпел сильный шторм. Корабль шел под одними триселями и размахи доходили до 30. Во время самого шторма великий князь стоял на вахте с 4 до 8 часов. Он заходил в Копенгаген и Плимут, где пробыл четыре недели. 28 ноября вышел из Плимута и с 9 до 12 декабря терпел в Средиземном море сильный шторм. 13 декабря прибыл в Палермо.

В продолжение этого путешествия великий князь получил два письма от государя. В первом из них 17 ноября государь между прочим писал: «Продолжай заниматься прилежно службой, и умей соединить здесь приятное с полезным, и веди себя, как прилично твоему званию, твоим летам и мундиру, который имеешь честь носить».

В другом письме, от 26 декабря, из Варшавы государь говорит: «Веди себя на сухом пути прилично, вежливо и с должною осторожностью; помни, что все глаза на тебя устремлены. Будь внимателен и учтив ко всем, в особенности осторожен и неболтлив с иностранцами, но отвечай с учтивостью на их приветливость. И с дамами будь прост, учтив и приличен и не позволяй себе никаких неприличных вольностей ни с кем. Слушай советов Федора Петровича и Феопемпта и не выходи из должного к ним уважения несмотря на большую свободу, которою по летам пользуешься, и докажи тем, что начинаешь мужать. С твоим командиром будь почтителен, как бы на корабле, а с офицерами, твоими товарищами по службе, вежлив, но не фамильярен.

В Неаполе и Риме не позволяй себе никаких обидных или посторонних замечаний или восклицаний. Смотри, отвечай, но свои замечания держи про себя или для тесного домашнего круга».

Время, проведенное великим князем в Палермо и путешествии по Италии, он причисляет к приятнейшим в своей жизни. Путешествие это описано им с большою подробностью и весьма занимательно.

17 января 1846 г. отправился он на пароходе «Бессарабия» из Палермо в Мессину, Сиракузы, Мальту, Джирджент и 26 числа воротился в Палермо, где говел.

12 февраля на «Бессарабии» он пошел в Чивитта-Веккию, куда прибыл 14 числа. Описывая в своем журнале прибытие в Рим, великий князь говорит: «На последней станции мы увидели из-за горизонта кончик Петропавловского купола. Он стал постепенно все расти и, наконец, показался во всем своем поражающем величии... Дорога идет мимо самой колоннады собора. Мы потому остановились и пошли пешком в собор, чтоб начать осмотр Рима этою первою святынею христианского мира. Нет слов, чтоб описать поражающее действие при виде внутренности церкви!».

Великий князь жил несколько времени в Риме и потом в Неаполе, осматривая ежедневно древности, картинные галереи, посещая мастерские художников и проч. Ежедневно записывал он вкратце свои впечатления при виде изящных произведений искусств или великолепных видов природы. 1 марта он пишет: «Вскоре взошла полная луна. Я остановился у Колизея, оставался тут долго и вдоволь нагляделся на магический Колизей. Мы обошли все его внутренние переходы при свете факела. Потом пошли мы тихонько пешком по Форуму на Капитолий. Ночь была прекрасная и напоминала собою пышные ночи Востока. На Капитолии представилось нам зрелище, которого я никогда не забуду. Самая луна была закрыта статуею христианского Рима на башне Капитолия, и видно было только одно ее сияние, и на нем рисовался крест, который статуя держит. Это было как бы триумф христианства, о котором свидетельствовало само небо. Оно казалось видением, сном».

Во время пребывания его высочества в Риме 4/16 марта 1846 г. графиня Растопчина прислала Ф. П. Литке написанные ею по сему случаю стихи, которые Федор Петрович не решился показать в то время великому князю и только в ноябре 1851 г. прислал ему в Венецию из Ревеля^х.

В продолжение путешествия по Италии великий князь получил письмо от государя из Петербурга от 25 февраля. Государь между прочим говорит ему: «Когда ты получишь это письмо, ты уже близко будешь оставить Неаполь и расстаться с Мама для принятия обратного пути. С ним соединено посещение французских портов. Надеюсь, что будешь себя вести крайне осторожно, учтиво и не болтливо, помнить, что ты в крае, где каждое слово, каждое твое движение не уйдет от наблюдения и строгой критики; веди себя так, чтоб никто ни к чему не мог придраться; смотри, замечай, при чужих молчи, а дома говори и записывай».

23 марта на корабле «Ингерманланд» великий князь отправился в Тулон, прибыл туда 30 числа и осмотрел с величайшим любопытством и удовольствием все достопримечательности, пошел в Алжир, куда прибыл в день св. Пасхи 7 апреля. Здесь он познакомился с герцогом Омальским и маршалом Бюжо, ездил внутрь края, а 11 числа вышел в море и 21 бросил якорь перед Гибралтаром. Осмотрев крепость, он оставил Гибралтар 25 числа, заходил в Алжезирас, Лиссабон, Портсмут, ездил оттуда в Саутгамптон, на остров Уайт, 17 июня заходил в Копенгаген и 23 прибыл в Кронштадт. В Лиссабоне он был назначен к исправлению капитан-лейтенантской должности на корабле «Ингерманланд», а по возвращении в Петербург произведен 25 июня в полковники и остальную часть лета провел в Петергофе и лагерях.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Генерал-адмиралов было со времени основания Российского флота -- семь и в том числе трое при Петре Великом, но никогда не было одновременно более одного. Первым из них был Франц Яковлевич Лефорг, пожалованный в это звание Петром Великим на Переяславском озере в 1692 году. По кончине Лефорга получил это звание ближний боярин граф Федор Алексеевич Головин, которого Петр Великий называл своим другом и любил за явственную службу.

В 1706 г. Головин скончался, и генерал-адмиралом был назначен граф Федор Матвеевич Апраксин.

В 1740 г. звание генерал-адмирала получил граф Андрей Иванович Остерман, а 1756 г. -- князь М. М. Голицын. В 1762 г. императрица Екатерина назначила генерал-адмиралом наследника престола великого князя Павла Петровича. Император Павел, по восшествии на престол объявил Адмиралтейств-коллегии, что сохраняет звание генерал-адмирала. Значение генерал-адмирала видно из разных узаконений. В Морском уставе Петра Великого 1720 г. говорится: «Генерал-адмирал командовать имеет всем флотом, а партикулярно кордебаталиею... Он презентует персону своего государя, которому должны быть все послушны, с достойным респектом».

В табели о рангах генерал-адмирал есть чин, равняющийся генерал-фельдмаршалу, канцлеру и 1 классу. Морской регламент 1765 г. постановляет, что генерал-адмирал председательствует в Адмиралтейств-коллегии.

Из всего этого видно, что генерал-адмирал, по смыслу старых законов, был одновременно чином, должностью и почетным званием.

2. Желудь и тыква (*сост.*).
3. В краткой записке о воспитании великого князя, составленной Федором Петровичем Литке по просьбе А. В. Головина и сообщенной Головину при письме из Ревеля от 26 сентября 1851 г.
4. Капитан Мофет командовал всеми судами, на которых великий князь в продолжении воспитания ходил в море.
5. Князь Ширинский-Шихматов был впоследствии попечителем Виленского, а потом Киевского учебного округа.
6. Фокус (*сост.*).
7. Далее выписано еще несколько писем государя Николая Павловича. Все они проникнуты

глубоко религиозным чувством и содержат истинно полезные советы. Читая их, нельзя не почувствовать глубокого уважения к покойному государю, которому весьма немногие как при жизни, так и по смерти отдавали справедливость.

8. Эта приписка относится к помощнику Ф. П. Литке Феофемпу Степановичу Лутковскому.
9. Это относится к товарищам великого князя барону Сергею Фредериксу и барону Николаю Криденеру. Оба умерли в молодости.
10. Командир «Ингерманланда» капитан 2-го ранга Мофет.
11. Старшая дочь великой княгини Марии Николаевны.

Примечания публикаторов

- I. Лациум (Latium) — область Италии, населенная латинскими племенами. В 340 г. до н. э. консул Манлитий Торкват нанес поражение этим племенам и весь Лациум признал власть Рима.
- II. Пунические войны — три войны между Римом и Карфагеном, которые продолжались с перерывом с 264 г. до 146 г. до н. э. Закончились полной победой Рима и уничтожением Карфагена.
- III. Речь идет о походе Чингис Хана 1223 г. и походах хана Батыя в 1237—1242 годах.
- IV. Речь идет о Николае Александровиче (1843 — 1865), сыне Александра II, наследнике, рано умершем.
- V. Орден Слона был учрежден в Дании в 1190 году.
- VI. Крюсель — прямой парус на бизань-мачте (3-я мачта); бейдевинд — один из курсов парусного судна.
- VII. Фок-марсель на док-мачте (верхняя мачта). Грот-марсель на грот-мачте (нижняя мачта) — второй прямой парус снизу.
- VIII. Узел — единица скорости, принятая во флоте. Равна 1 морской миле в час (1,852 км/час). Милья — морская международная единица длины, равная 1,852 км.
- IX. Ектенія (по греч. — усердие) — название ряда молитвенных прошений, составляющих существенную часть православных церковных богослужений. Различаются великая, просительная, сугубая и малая ектеніи, а также ектеніи об оглашенных и об умерших.
- X. Текст стихотворения Ростопчиной опущен (*Ред.*).

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1919 год

12.V.

«Твердое настроение. Утренние занятия немецкой грамматикой. Работа в Архиве, сонливость при чтении кабинетских бумаг, холод и ощущение неуютности (папиросы!). В столовой. Архивское собрание (решение организовать научные доклады по архивоведению). С Серг. Александр. Голубцовым в Университете, на «торжественном открытии» факультета обществ[енных] наук (речи представителя социалист[ической] группы Покровского, Винавера, Милютина, Рейснера), «контр-рев[олюционное]» настроение собравшихся, отчаяние в тоне Рейснера, студенческая чайная и клуб. Вечерний кофе и ужин. Чтение Хрущева и Достоевского. Холодно-могильное настроение (влияние погоды).

13.V.

Утренние занятия немецкой грамматикой. Работа в Архиве. Впечатление хищнического трактата с Германией (безумие союзников! пессимистические перспективы европейского будущего). Университет[ская] чайная. Немецкий урок с М. Г. Лорх. Собрание у С. А. Голубцова — учреждение кружка по общим вопросам (мой разногласия с Лавровским). Общий холодный тон дня.

14.V.

Утром, до кофе, чтение Гизо (в подлиннике — с чувством удовольствия). В архиве чтение докл[адной] записки, проверка описей, составление профес[орских] списков (по Гюйсену — ничего!). Двойной обед в Палате — опять ощущение тяжести на желудке и плохая голова. В читальне — конспектирование Иванова и книги по социологии. Для кружка намечаются темы: «Доктрина экономического материализма», «Социализм и право», «Нация и интернациональное». После читальни — у матери (заявление о I категории и покупка хлеба), дома — чтение Хрущева (недостаточно внимательно), ужин и в 11 ч. в постели. Холодно, пасмурно, снег — и в природе, и в душе.

15.V.

Холодно!.. Утром — занятия немецкой грамматикой. В Архиве — чтение газеты (Манифест Коммунистич[еского] Интернационала о мире с Германией) и изучение входящих бумаг Петровского кабинета. В читальне статьи Казанского о летописи. Вечером — на собрании литер[атурно]-художеств[енного] кружка на Высш[их] женск[их] курсах (доклад Людм. Вас. Голубцовой на тему «Диалог Луначарского об искусстве»). Интересное заключение Сакулина. Мои споры об искусстве с Кафенгаузом и Л. В. (вопрос об эксперим[ентальной] эстетике).

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 9–12; 1996, №№ 1–3.

16.V.

Утром — чтение Гизо. Назойливое вторжение Валерии Артуровны. В Архиве — разбор входящих бумаг Петра (работа о Гюйсене). После обеда — урок с Лорх. Дома — конспект Оболенского. Весь день — болезненное ощущение: страшная тяжесть на желудке и раздражение горла, сказываются двойные обеды и курение папирос!

17.V.

В Архиве — чтение Устрялова. Мелкое столкновение со Сторожевым (по поводу размещения Гос[ударственного] арх[ива]). По пути в Ист[орико] — револ[юционный] архив получил в Унив[ерситете] трехмесячную стипендию, 1650 р.; на запрос об отсрочке бывшим офицером, оставленным при Унив[ерситете], не узнал в канцелярии ничего определенного и утешительного. Заседание правления секции (вопросы о продовольствии, о регистрации в Союзе, о прививке оспы, общем собрании). По возвращении в Архив был на первом организованном нами «архивном собрании». С. К. Богоявленский знакомил нас с отделом «древлехранилища», наиболее ценным и интересным в Архиве (духовные Калиты и друг[их] князей, письма моск[овских] государей, художественные титулярники, подлинники древнейших юридических памятников, госуд[арственные] регалии и пр.), чувство живого интереса и мысль о работе, посвященной личности и деятельности кн. Оболенского (в дополнение к задуманной работе об истории Архива М. И. Д.). Заказал серию книг изд[ания] Моск[овского] О[бщества] и[стории] и д[ревностей] р[оссийских]. После архива — обед в «Дворцовой» столовой (группа «товарищей-коммунистов») и баня в Наржкомпросе, на Остоженке. Вечером окончил чтение работы Хрущева, в постели немного читал Достоевского.

18.V.

После утреннего кофе с Елиз. Петр. — на Сухаревке (покупки к дню моих именин). Заезжала М. И. Андрианова. Был на кладбище, заказал крест и сговорился относительно уборки могил. До и после обеда — чтение газет (в «Правде» — интересные отрывки из дневников и писем белогвардейских офицеров, подтверждающие мое мнение о пестроте и безнадежной слабости этого войска). Был у А. Н. Исаковой, расценивал ее книги, купил за 150 р. сочинения Гаршина, Надсона, Тютчева, Фета, Уайльда, Козлова, Полежаева. Занимался очень мало: прочел только 10 страниц из Рожкова.

19.V.

Утром — немецкая грамматика. В Архиве все время размещал оставшиеся разряды Госуд[арственного] архива на новоустроенные стеллажи. В читальне и дома читал и конспектировал статьи по летописи.

20.V.

Встал, как всегда, в 7 часов и утром читал Гизо. Архивные часы провел вне Архива — в Ист[орико]-рев[олюционном] архиве, в Универс[ситете] (справки о буфете), в Отд[еле] общ[ественного] питания (справки об открытии столовой), в Профсоюзе (регистрация коллектива). Обед в столовой Мюра и Мерилиза (голодная очередь). Урок с М. Г. Лорх. У г. Карстен — по поводу стоимости пианино. Конспектирование Хрущева (мало!). Боль в ноге и страшная тяжесть на желудке.

21.V.

Утром — немецкая грамматика. В 11 ч. — экстренное заседание Правления по вопросу о мобилизации (распоряжение Союза и требование от нашего Архива 5 человек). Мои предложения и инструкция. Общее собрание и избрание комиссии. Наш отказ войти в комиссию.хлопоты о столовой, обед в 4-м доме Советов, беседа с заведующим о доставке продуктов (недостаток и недоброкачество). В Рум[янцевской] читальне — статьи о Летописи. Беседа с красноармейцем о культ[урно]-просв[етительной] работе. Дома — лечение желудка. Знакомый Е. П. и его рассказы об ужасах провинциального большевизма. Ощущение своей «обреченности».

22.V.

Николин день — день моих именин. Мое прежнее, холодно-равнодушное и даже скептическое отношение к празднованию «дня Ангела» — мои приготовления к сегодняшнему дню и светлое ощущение праздника (как на Пасхе!). Иллюзия «мирного времени»: на столе пшеничные пироги, ватрушки, торты, сыр, масло, конфеты, прекрасный и сытный обед (заботы и труды милой Елиз. Петровны).

В Архиве — звонок по телефону из Подольска — поздравление Гали. Составление протокола вчерашнего общего собрания и чтение описи древлехранилища. В 12 1/2 ч. — экстренное заседание Правления в связи с мобилизацией. Поучительная картина организованного «саботажа», настроение членов, политика страуса и моя формально-юридическая точка зрения. Решение комиссии о включении меня в список мобилизуемых (выбор между мной и Сергеем Александровичем). Мое спокойное отношение к этому факту. Именинный обед и чай. Гости Елизаветы Петровны. Приход Сергея Александровича (с пробной лекции Лавровского) и его подарок — книжка Виппера «Возникновение христианства» («Моему дорогому другу в Николин день»), поздравление Маринушки и Александры Николаевны Исаковой. Впечатление от книги Виппера — гипотетичность и шаткость критики новозаветных источников.

Злоба дня — белогвардейцы и союзники под Петроградом.

23.V.

В Архиве — составление протоколов и чтение описи древлехранилища. Домашний обед. Сильные боли в ноге и пропуск урока немецкого языка. Революционная поэзия Блока и Петра Орешина. Чтение.

24.V.

Весь день — на собраниях. Утром — в Проф[ессиональном] Союзе (зарегистрировал вновь поступивших служащих). Затем — заседание Правления секции (вопросы о 10% мобилизации, о продовольствии, о выборах нового правления и т. д.). Мое согласие на участие в Правлении (взамен участия в Ревиз[ионной] комиссии) под сильным давлением Максакова. Ненадолго в Архиве — за списками. (Весенний клуб). В столовой «Кооперации». На совещании представителей от комитетов Сод[ействия] мобил[изации] (в «Доме Союзов») — «заскорузлые прения» (пессимистический тон, шкурные интересы, злоба против освобожденных). В студенческом кафе (картина интеллигентской богемы, золотой молодежи). В кафе Клурабис. Доклад на общем собрании служащих.

Мой призыв неминуем.

25.V.

Чудный весенний день: солнечно, ярко, тепло, в воздухе — аромат распускающейся зелени, веселый перезвон церковных колоколов — впечатление Пасхи. С Елиз. Петр. — на кладбище: наши могилы убраны, обложены дерном, поставлены изящные белые кресты (хорошее чувство нравственного удовлетворения). Жизнь и смерть на кладбище.

Доклад А. А. Кизеветтера о Верх[овном] тайн[ом] сов[ете]: яркая характеристика социальных групп русского дворянства, гр. Толстого, оригинальное истолкование факта учреждений В. Т. С. (влияние теории классовой борьбы). Прения: реакционные мотивы в возражениях М. М. Богословского и М. К. Любавского (затхлость их мирозерцания, боязнь марксистских терминов). Печальные мысли о будущей реакции. Беседа с Фокиным о будущем дворянства. Посещение Кубацкого; его интересные рассказы о юге.

Встреча в Ист[орическом] о[бществе] с Татой Голуб. — ее внешнее изящество и правизна; воспоминание о кружке.

26.V.

«Мобилизационная компания». Совещание в Ист[орико]-рев[олюционном] архиве, конференция представителей от Ком[итета] сод[ействия] моб[илизации] при проф[ессиональном] Союзе (попытка «саботажа» и тактика коммунистов). Встреча с Осколковым. Конспектирование книги по летописи. Мое решение предотвратить посылку на фронт и обеспечить себе лучшее назначение через Д. (моя «записка»).

27.V.

Заседание правления секции по вопросу о союзе мобилизации. Упадок духа — вялость в архивных занятиях.хлопоты относительно столовой и чая (посещение Советских домов и Отд[ела] пит[ания] Гор[одского] района). Студенческое кафе. Урок нем[ецкого] яз[ыка] с М. Г. Лорх. Первое собрание нашего исторического кружка — доклад Лавровского «История как наука». Наша критика его расплывчатых и незаконченных понятий (я, Сказкин, Серг. Александрович). Мой «аппетит».

28.V.

В Штабе Округа — у Дексбахо. Неутешительные сведения — неизбежность мобилизации. В канцелярии Совета Университета — отсутствие ответа на ходатай-

ство о нашей отсрочке. В Архиве — зелень сада. Путаница и безалаберщина в Союзе. В Рум[янцевской] чит[альне]. Интерес к методологическим вопросам. Встреча с Верой Яковлевной (о призыве Н. Я-ча).

29.V.

Неудача с поездкой в Подольск (наплыв пассажиров). Встреча с Кубацким. Весь день за книгами несмотря на чудесный весенний солнечный день (нежелание «возиться» и идти за город). Кончил Рожкова — и в его социологических заключительных обобщениях нашел много «своего». Окончил «Возникновение христианства» Виппера: оригинально, тонко, смело, но... мало обоснованно и далеко не полно. В применении к такой глубокой и сложной проблеме обычный прием свободной реконструкции текста не годится. Чувствуется также предвзятая точка зрения.

30.V.

В Архиве — полная невозможность сосредоточиться на научной работе из-за надоедливых мелочей «общественной» работы. Записался в библиотеку им. Герцена (бывш. Петровскую). Неудача с немецким уроком. Покупка новых книг и увлечение ими (тонкость и изящество изложения Риккертской «Философии истории», примитивность Бернгейма, объективность и простота (Никольского)).

Моя неумеренность в еде и — тяжесть желудка.

31.V.

В Штабе Округа — у Денсбаха, у Гана. Впечатление моей автобиографической записки, откровенность заведующего школьным отделом и предположение устроить меня «покрепче». Заседание Правления секции (путаница и расплывчатость) и общее собрание служащих (многоглаголанье и неясность в постановке вопросов). Занятия в Румянц[евской] читальне (примитивность Кареевского «Введения в социологию»). Чудесный вечер — аромат зелени после грозы. Встреча с Гехтманом и Рыкамковым (о постановке дела на командных курсах). Бартенев. Мысли о двух мирах и «приятие» большевизма.

1.VI.

Весь день — за газетой и книгами. Приход матери — мое отношение к ней. Неудачное посещение Фокина.

2.VI.

В школьном отделе штаба у Сарычева; его нежелание «принизить» меня назначением в обыкновенную красноармейскую школу. В Реввоенсовете, в школьной секции у Шарова — «большая анкета», требование политической исповеди и мои смягченно-отрицательные ответы. Возможность получить место лектора и школьного инструктора с выездами из Москвы. В столовой «Кооперации». Чтение Риккерта (отвлеченная схематизация до степени схоластики!).

3.VI.

Утомительное хождение по Москве. В Штабе Округа за разрешительной бумажкой Д. (впечатление стройно-налаженного аппарата). В школьной секции Реввоенсовета, отсрочка на неделю и перспектива быть разъездным инструктором. В кул[ьтурно]-просв[етительном] отделе Военного комиссариата г. Москвы — идейность и духовная чистота (повеяло впечатлениями 1906 г.), отсутствие духовного насилия. Иная анкета и лекционная программа «Пролеткульта». Имена Л. А. Воскресенской и А. М. Васютинского. Назначение пробной лекции в гараже формирования (выбор мною темы). Покупка книг. В Главархиве — уход И. Б. Новицкого и предложение мне быть председателем под[секции] ком[итета] мобилизации. Новые основы мобилизации членов проф[ессиональных] союзов (по-видимому, результат неудачи). В Ист[орико]-рев[олюционном] архиве. В отделе питания Гор[одского] района (чая нет!) «Изысканный» обед в столовой сотрудников Гор[одского] района (б. кафе). В под[отделе] отд[ела] обществ[енного] питания (разрешение на термосы). Урок нем[ецкого] яз[ыка] (овладение текстом). Концерт, посвященный эпохе романтиков (Ермолова, Нежданова, Крейн, Брондуков, Бальмонт и др.). Мое утомление. Политическая беседа с С. А. ¹ (его поправление и мое полевение).

4.VI.

В Румянцевской читальне — чтение книг и брошюр по истории рабочего движения (отпуск из Архива на 4 суток). По магазинам — в поисках книг. В библиотеке-читальне профсоюзов. Беседа с С. А. о международном и внутреннем положении. Мое отношение к событиям.

5.VI.

Утром — у Б-ва (его предложение поступить в Военно-педагогическую академию, мой отказ и мотивы). Антисемитизм и реакционность его и его отца. В Румянцевской читальне (старые впечатления 1906 г. при чтении литературы). К портному — за костюмом. У Е. Е. Мелзбир — за своими книгами и тетрадями: В вегетарианской столовой. За книги и брошюры Л. Н. Толстого. Встреча с В. И. Лебедевым (его полевание). Приезд Ст. Ант.

6.VI.

Покупка книг в магазинах. Находки в меньшевистском магазине «Вперед». Занятия в Румянцевской читальне (простота, изящество, ясность плехановских воспоминаний). В столовой кооперации. Отмена доклада меньшевиков о Версальском мире. Встреча с В. И. Чтение книги Стеклова. Харьковские социал-демократические газеты.

За работой я не замечаю продовольственного кризиса, забываю о нем.

7.VI.

Дома — за составлением плана и конспекта пробной лекции. Пробная лекция в 7 батальоне тылового ополчения против Саратовского вокзала. Фигура комиссара (по внешности — низкий тип «советского работника»). Аудитория — «колчаковцы» (серые мужички, часть — внимательные и сосредоточенные слушатели; один — с живым запросами, общее впечатление — усталости и покорности). Неблагоприятные внешние условия: теснота, жара, духота. Растянутость моей лекции. Возвращение домой — с артельщиком, крестьянином Рязанской губернии, его рассказы и мнение о «власти на местах».

Мое духовное оживление.

8.VI.

Троицын день, яркий, солнечный. Праздничная чистота, колокольный звон, цветы и березки. Чтение газет «Известий», «Правды» и «Экономической жизни». Распоряжение о централизации культурно-просветительской работы при Московском военном комиссариате (мои виды на будущее). Скучность известий о фронте. Мои мысли о «двух мирах». Чтение Лавровской книжки «Кому принадлежит будущее»? На кладбище — украшение наших могил цветами. В гостях у Серг. Петровича — его обильное угощение.

9.VI.

Весь день дома за книгами. Книжечка Лаврова (воспоминания о касимовских собраниях в лесу, за Ожой), советская конституция (ее противоречия), программа коммунистов, книжка Риккерта, роман Р. (подражание Толстому).

10.VI.

В военных комиссариатах. Зачислен в сотрудники горского комиссариата, но это не оформливает моего положения (лекция понравилась, назначены 2 новых, сговорились о программах, гонорар — 100 р. за лекцию). Из Реввоенсовета и Штаба округа направляют в Губвоенком. Забегал в Архив — собрание кружка не состоялось (экзамен Сказкина). К-р. беседы. Урок с Лорх. Мое утомление. Остроумные и интересные статьи меньшевистского журнальчика «Мысль». Письмо Гали и Люли Филатьевых.

11.VI.

Лекция в резервном полку в Лефортове (100—150 слушателей, форсирование голоса, утомление). В городском военном комиссариате (кажется, устраиваюсь). В Румянцевской читальне — утомление и сонливость. Дома — текущая литература. В архиве не был.

12.VI.

Лекция в Слабосильной команде (серяки-колчаковцы, пришибленные и утомленные); читал удачно. У Гавы, беседа о современном положении. В военном комиссариате (сносились относительно меня со штабом, ответ — удовлетворительный, завтра зачислят). В библиотеке профсоюзов. Собрание кружка у С. Д. Сказкина, доклад В. М. Лавровского о «социальной экономике» и предмете истории как социологии (расплывчатость и неслаженность его определений), мои возражения по поводу «натуралистических» пережитков в политической экономии, понятия «экономического явления» и «социальной формы». «То, чего не было» Р.

13.VI.

В Архиве — попытки собрать Комитет по содействию мобилизации и направ-

вить его в Профсоюз (для выручки наших сотрудников). Отъезд Максакова. Мобилизация — во всех архивах. Отчаяние В. М. Лавровского. В Военном комиссариате — новое осложнение: лекторов нет в штате, мне предложили ответственную и сложную должность инструктора-организатора по лекторскому делу (встреча с Л. А. Воскресенской, ее рекомендация; беседа с заведующей Е. К. Преображенской, мои задачи и планы, «из двух зол меньшее!»). Пропуск урока немецкого языка (утомление)! Домашнее чтение.

14.VI.

В Архиве — неожиданный сюрприз: вновь подал старый список 5 мобилизуемых, со включением и меня («услуга» С. К. Богословского, которая может свести на нет все мои хлопоты). Удачный исход наших хлопот относительно 4 сов[етской] столовой. В библ[иотеке] б. Дерягиной. В Воен[ном] комисс[ариате] — опять задержка из-за необходимости предварительно подать заявление. Беседа с Е. К. Преображенской об инструкторских курсах. Волокита со взносами в профсоюзе. Решение не ехать в Новогиреево — из-за отсутствия документов и необходимости использовать своб[одный] день. Чтение Берлина о Марксе, воспоминание прошлого. Приказ о строевых офицерах. В Веч[ерних] Изв[естиях] — новое осложнение!

15.VI.

Свободный день — день чтения и размышлений. Утренние газеты — новая мобилизация трудовых городских элементов, критическое положение Харькова и Петрограда. Уборка библиотечки. Чтение Энгельса о Берлине. Мое «самоопределение» и стремление подвести итоги и связать духовное прошлое и настоящее.

16.VI.

В Военкоме — подача официального заявления о приеме на службу в отдел личного состава. В Архиве — подача официального заявления об уходе со службы, прощание с сослуживцами, сдача дел Исполкома и краткий отчет М. М. Богословскому. Волокита и невозможность достать нужные книги в библ[иотеке] им. Герцена (б. Петровской). Студенческое кафе. Домашние занятия.

17.VI.

Начало офиц[ерских] занятий в Военкоме — в качестве инструктора-организатора. Мои планы, предложения и очерк предстоящих задач — в бес[еде] с т. Преображенской и Камышиным. Предложение выступить от имени секции на открытии Кул[ьтурно]-просв[етительного] центра Ходынки (после Ленина) — мой отказ. Лекция в дорожно-мостовой роте — в с. Богородском (клуб, его деятели, беседа об аудитории и лекторах), редущая аудитория во время лекции; обратное путешествие на шестовой двуколке.

Не притрагивался ни к одной книге — снова пропустил немецкий урок. Предстоит масса работы! Мои безумные траты на еду.

18.VI.

Утром С. Д. Сказкин (его призыв, мое заявление в каиц[елярию] Совета об исключении меня из числа имеющих 50% отсрочку). В Военкоме (арест Усита, б[ывшего] офицера, по-видимому, в связи с раскрытием белогвард[ейского] заговора в Петрограде). По книжным магазинам. В Центпролекте — обед в столовой, угощение чаем, заседание, личность председателя Н. Н. Шапошникова, огосударствление автономного союза лект[орских] организаций, повышенный спрос на лекторов (возможность использовать свои силы в этом направлении). Посещение Кубацкого (его правизна).

19.VI.

В Военкоме — споры с лектором-коммунистом, узость и недоверие. Несостоявшаяся лекция в 10 с[оветском] эв[акуационном] госпитале (образование ячейки из венериков, отчаяние врача). В Пролеткульте — роскошное помещение морозовского особняка на Воздвиженке, «строительство социалистической культуры» («Горн»). Лекция Розенталя на Курсах Всеобуча, ее успех. Образцовая постановка дела, диктатура Трунина, его приемы и личность.

20.VI.

Утомление, занятия в Военкоме. Посещение клуба в Фанагорийских казармах, «лекция» Розенфельда (слабая интеллигентская митинговая речь). Поездка на Ходынку — на открытие красноармейского клуба. В автомобиле с начальником штаба, его вопросы о «Владимире Ильиче». Митинг, выступл[ения] коммунистов, впечатления от воинского строя приведенных рот, поток вопросов-жалоб и брожение среди

слушателей (враждебная крестьянская стихия). Концерт. Любовная рука — на организации культурно-просветительного дела (школа, библиотека-читальня, клуб, продажа книг, театр). Куплеты и стихи Д. Бедного в исполнении Борисова. Гонорары актеров. Личность Н. Н. Лебедева. Обратное возвращение с оркестром — на мчащемся автомобиле.

21.VI.

Посещение клуба в Александровских казармах. Лекция Строева о конституции, его личность. Члены кул[ьтурно]-просв[етительной] комиссии. В Центролекте. Собрание-говорильня в Военкоме. Симпатичное впечатление от наших работников Военкома. Чувства утомления и тоски. Домашнее чтение.

22.VI.

Снова — дома. Чтение с[оциал]-д[емократических] брошюр и пр. С Кубацким — у Г. К. Шлезингера, его рассказы о Лева. Мое нездоровье.

23.VI.

В Военкоме — напряженная лихорадочная утомляющая работа. На Высших курсах Всеобуча — лекция Шамеса, исключительный состав — бывшие офицеры. Неожиданная встреча с Кокой Антошиным и Данилиным. Душевное раздвоение и горький отвратительный осадок. В Архиве — беседа с Савиным и другими о своих впечатлениях.

24.VI.

В Военкоме — работа над проведением планомерного распределения лекторск[их] сил. Собрание лекторов. Лекция Милошевича в с[оветском] госпитале (чистейший «интеллигент», вдумчивость и теоретичность, по-видимому, искренность). Взрыв недовольства среди больных и раненых (жалобы на голод физич[еский] и духовный). Мое выступление. «Коммунистическая ячейка». Красота Москвы вечером.

25.VI.

В Военкоме — выработка еженедельного расписания с Мир. Алекс. В Центролекте. На лекции Гриценко, его слабость. Спор с Гриценко на экономические темы. Утомление. Встреча с Н. Н. Русовым, привлечение его в лектор[ы].

26.VI.

Напряженная работа в Военкоме — среди шумной и нервирующей обстановки. Запись в Военный кооператив и обед в кооперативной столовой. Мой крокодиловый аппетит и огромные расходы на еду (в Вегет[арианской] столовой, на Сухаревке). Неудачное собрание нашего кружка (отсутствие Сказкина и доклада).хлопоты Елиз. Петровны, мое «угощение».

27.VI.

У Н. Е. Успенского, его научные исследования и ориентация на современный режим; его занятия, планы, предстоящая просветительная поездка по Алекс[андровской] ж[елезной] д[ороге], рассказы о рабочем факультете Комм[унистического] института (прекрасные впечатления от студентов-рабочих). В Военкоме (моя раздражительность от никчемности моих помощников). Поездка на Ходынку в Никол[аевские] казармы (солидная постановка дела в Школьной секции), неприбытие лектора, моя лекция, пассивность и слабая восприимчивость аудитории, мое напряжение). Посещение пробной лекции Давидайтиса (коммуниста) — его безграничное невежество и апломб, его широкие полномочия, удостоверения и прежние должности; пассивность и покорность аудитории. Спор с Е. П. о Колчаке и ж[елезно]-д[орожной] забастовке. Проверка моего «дезертирства» от районного комиссариата.

28.VI.

Взятие Харькова. В Военкоме — доклады, переговоры с представителями частей, лекторами, докладные записки о выступлении Давидайтиса и штатных лекторов. Дома — занятия немецким яз[ыком] и чтение Бельтова.

29.VI.

Поездка в Царицыно к М. И. Андриановой (свежая зелень, цветы, гостеприимство М. И., ее угощение, беседы о текущем моменте) и в Подольск к Филатьевым (холодок в наших отношениях, буржуазная реакционность А. В., прогулка с девочками, дух обывательского эгоизма).

30.VI.

Чтение «Нового мира» Богданова (верные и глубокие мысли!) в ж[елезно]-д[орожном] вагоне. В Военкоме — обычная текущая работа. На Агитаторских

курсах ЦИК (встреча с Фолобаумом, его превращение в «коммуниста»). Общее собрание сотрудников Военкома — палочные выборы в М[осковский] Совет, агитационная речь приезжего оратора. На пробной лекции Русова — ее отвлеченная теоретичность и анархистские выводы. Мое утомление.

1.VII.

Продвижение Деникина на север, взятие Екатеринослава, угроза Воронежу и Курску. Мои мысли об этом. У Успенского. В Военкоме. На пробной лекции Лясковского (на курсах Всеобуча), ее содержательность и простота, чувствуется дух Вишпера.

2.VII.

Падение Царицына и возвращение Перми. Обывательская фантазия. Желтые лица коммунистов. Слухи о потере Курска. В Отделе народн[ого] просвещения («добросовестность» служащих, обилие программ). В Университете — неожиданное получение стипендии за 3 месяца и перспектива «разницы». В О[бщест]ве Нар[одного] просвещ[ения] книжные богатства; получение комиссионных и покупка книг. В Лекц[ионном] бюро. В Военкоме. Вечер дома.

Талантливая статья Клары Цеткин «в защиту большевиков». Занятия эконом[ическим] материализмом. Две символические группы: очередь к «Боголюбской» и шеренга коммунисток с винтовками.

3.VII.

Весь день — в Военкоме. Призыв железнодорожников. Оркестр, красные знамена, плакаты, эстрады с зеленью, чай с хлебом. (Ораторы не приехали). Неудачи с лекциями. Мое утомление, апатия и тоска. Мой «аппетит». Поездка на партийные курсы (как живут тт.). У Лорх. Домашние занятия.

4.VII.

В Военкоме. Митинг и выступление Л. А. (тяжелое впечатление); мое уклонение от выступления. Получение продуктов. У Биденко — симпатичное впечатление. В Архиве — встреча со старыми товарищами. Саботаж мобилизованных. В Румянц[евской] читальне — чтение Штаммлера и др[угих] книг по истор[ическому] материализму.

5.VII.

В Военкоме. Митинг, выступление члена ЦИК, отношение слушателей. Посещение Школы парт[ийной] работы. Занятие диалект[ическим] материализмом. Тоска!

6.VII.

Чудесный летний солнечный день. Ощущение отдыха и развивающейся жизни природы. Чтение Бельтова и брош[юры] Каутского. В Общежитии военных делегатов. У Изензе. Красота Москвы.

7.VII.

Нервная сутолока, дерганье в Военкоме. Претенциозность лекторов, технические недочеты. Неудача с Успенским, спор с Розенталем. На лекции А[рондорсна] в Мещанск[ом] комиссариате (его наивность, элементарность, вульгарность). Домашние занятия. Тоска, апатия.

8.VII.

Лекция Невского о рабочем движении в «Советском университете» (роскошь помещения, портреты, демократический состав аудитории, ее живое отношение к лекции, осведомленность лектора). Получение расписания и билета вольнослушателя. Несостоявшееся собрание лекторов в Военкоме, их отношение к работе: манкировки, пропуски, требование переводных средств и проч. Поглощенность секций текущей работой, их неспособность систематизировать и объединить ее. В Рум[янцевской] читальне — чтение Штаммлера. На лекции Энгеса в Кар. бат., хорошее впечатление от клуба, н[ародно]-просв[етительской] работы и самой лекции. Вызов на заседание комитета Комм[унистической] партии.

9.VII.

В Военкоме — налаживание лекций. Тревожно-озабоченное настроение. Слухи о голодных демонстрациях в Преображенском и на Пресне. Забастовка фабрики «Богатырь». На лекции Гойхбарга в Ш. С. Р. — его рассуждения о праве; сведение права к насилию и мысль о полном отмирании права. Неприятное впечатление от личности. Моя погоня за пирожками — голодный азарт, траты. Сонное состояние в Румянцевке. В Комм[унистическом] ком[итете] Гор[одского] района — разбор дела

Давидайтиса в его же присутствии, невежество тт. и желание «потушить» дело. Домашнее чтение Бельтова.

10.VII.

В Военкоме — рассказ Л. А. о преображенской демонстрации и богородской забастовке (голод!), о митинге и успокоении. Трезвые суждения Е. К. о чрезвычай[айной] спекуляции, комитетчиках и пр. В унив[ерситетской] канцелярии, покупка больш[евистской] литер[атуры]. Встреча с Максаковым. В школе Сов[етской] работы на лекциях Залежского и Батурина. Сухой и жесткий тип современного коммуниста. В Румянцевке — за Штаммлером — схоластика. Чтение Бельтова — широта кругозора, разносторонность, ясность мысли!

В Отд[еле] нар[одного] просв[ещения] (по поводу эксп[озиционного] отдела, девушка-заведующая эксп[озиционным] отделом).

11.VII.

В Военкоме — нервная сутолока. Встреча с Серг. Алекс., окончание его экзаменов, мое стремление к истор[ическим] занятиям и к скорейшему окончанию магистратского стажа. Румянцевка. Дома — чтение.

12.VII.

«Терзания» в Военкоме (строгие бумажки, следствие Окр[ужного] воен[ного] комиссариата по поводу общежития воен[ных] делегатов, выговор по поводу лекций об «Устр[ойстве] вселенной»). У Мензбир. Дома — занятия.

13.VII.

Занятия истор[ическим] материализмом. Две лекции. Личности Мышковского и Никитина. Ужин в Двинском госпитале.

14.VII.

Годовщина взятия Бастилии. Успехи Красной Армии на Урале, намечающийся перелом на юге: Лихорадочная работа в Военкоме. Читальня проф[ессиональных] Союзов и Румянц[евского] музея, архив и его болотная атмосфера. Московский голод. Мое безденежье. Умственное оживление — в связи с докладом.

15.VII.

В универ[ситете] Шанявского (в Инст[итуте] нар[одного] образ[ования] — никого!), во Внешк[ольном] отделе Наркомпр[оса], в Сов[етской] школе. В Военкоме. Вечер и ночь — за докладом о «Доктр[ине] ист[орического] материализма». Умств[енный] подъем.

16.VII.

Тяжелое состояние после бессонной ночи. Работа в Военкоме. В Рум[янцевке] — беглый просмотр книг по ист[орическому] материализму. Снова вечер и ночь — за докладом.

17.VII.

Самочувствие лучше, слабость. Освобождение от работы в Военкоме «по болезни» (у доктора). За докладом — его окончание. Наш «soiё» С. А., Лавровский, Сказкин, диспут, нотки отчужденности, мой нервный подъем, возбуждение ряда вопросов. Мое самоопределение. Угощение гостей Е. П-ной.

18.VII.

В Военкоме. Получение 12 ф. конфет. Домашние занятия. Впечатления вчерашнего дня.

19.VII.

В Военкоме — хлопотня, переговоры по телефону. У Е. Е. Мензбир. У матери. Чтение книги Маркса и исто[орического] материализма.

20.VII.

Поездка в Ивановское к Н. И. Леонову. Природа. Встреча с Т. М. Беседы о совр[еменном] режиме, грядущих перспективах, общественной психопатии. «Товарообмен». Мое курение.

21.VII.

Военком — отвратительное чувство вялости и апатии. В поисках лекторов-методистов. В Архиве и Румянцевке. У Степановых — Володя с фронта, сборы Н. Я.

22.VII.

В Военкоме. В Моск[овском] комит[ете] Коммунистической партии с Е. К. Преображенской (беседа с Мясниковым). Усталость. Посещение матери. Чтение.

23.VII.

В Военкоме — бумажка из Бутырк[ого] уч[етного] отдела о моем «бывшем офицерстве»; отлынивание Яковлева; лектора, представители частей, удостоверения, расписания, телефонные разговоры и пр. В кафе, в Охотном ряду — опять погоня за пшеничными пирожками... В университете — выдают «разницу», но Казначейство закрыто... В секции Подвижн[ых] музеев Отдела нар[одного] образов[ан]ия. В Центр[альной] школе Советской работы (беседы с Гайдеровой и Славинским). В Библ[иотеке] им. Герцена. Пробная лекция Зайкова в 10 Госпитале — недисциплинированная аудитория, плохая организация, фонарь и диапозитивы, взвинченность лектора, утомление от лекции. Столкновение с Е. П. относительно белья.

24.VII.

В Военкоме — обычная суতোлка. Встреча с Ф. И. Леоновым. В огнероте на Ходынке (Скачки), пробная лекция Каца (б. ч. ЭК Сд.-п.), беседа об Украине. Читальня Пр[офессионального] Союза. В сквере Храма Христа Спасит[еля] (цветы, дети, белые платья). Собрание кружка у В. М. Лавровского; вдумчивость С. Д., слабость С. А. и В. М. Позднее ночное возвращение домой.

26.VII.

В Военкоме. Неудавшаяся пробная лекция в 18 Госпитале. Баня. Неожиданный обыск и арест по ордеру М[осковской] Ч[резвычайной] К[омиссии] — выемка писем и документов. Мое спокойствие. На автомобиле — на Лубянку. Камера № 115 (нары, пестрота заключенных, шум, арестованные в «засадах»). Бессонная ночь (клоповник!). К. К. Адулис. Подача заявления о допросе.

27.VII.

Состав нашей камеры: двое арестованных в «засадах» (военный врач и начальник почт[ово]-телегр[афной] конторы), двое коммерсантов (восточные люди, спекулянты), двое дезертиров («аховые ребята» явно уголовного типа с признаками вырождения), двое революц[ионных] коммунистов (з[аместитель] пом[ощника] зав[едующего] Гос[ударственного] театр[а], председ[атель] Моск[овского] ком[итета] П. Р. К. и его приятель), пом[ощник] завед[ующего] комиссариатом, служащий в Главкоже. Рассказы арестованных об условиях ареста. Внутр[енняя] жизнь в ком[нате]: вставание по команде, утренний чай (отсутствие посуды, остатки бутылок), обед из 2 блюд (миски и ложки по очереди), дневной чай, ужин из горячего, веч[ерний] чай, команда ложиться в 10 ч. Отношение надзирателей, разрешения выйти в уборную, покупки продуктов. Наше возбуждение, ожидание, коммуна (дежка). Праздничный отдых — прекращение допросов и освобождений. Мои записки. Забота о чистоте. Я — староста. Тяготящее бездействие — без книг. Перемена в составе заключенных. Б[ывший] генер[ал] Рыков — воспитатель Орловского корпуса. «Приспособление». Еда (выд[ача] хлеба и сносн[ого] пит[ания]).

28.VII.

Оживление в комиссии: непрерывные вызовы из камер, массовые хождения по коридору, допросы и освобождения. Наше взаимное сближение. Освобождение доктора. Новые заключенные. Массовые обыски, засады и аресты в Москве (почему?..) Антисанитарное состояние уборной и дизентерийные больные.

29.VII.

Перемена в моем положении: отбор препровождаемых в Бутырскую тюрьму. 26 человек за обедом. Наши сборы и переход в Бутырки (встречи с Е. П., «partie de plaisir» по улицам). Процедура нашего приема и помещение в карантинную камеру. Впечатление порядка и относительной чистоты. Пестрота нашей публики. Миллионер-меховщик Сорокоумовский, французский гражданин Деврье, христианский социалист де Харт, бывший лесопромышл[енник] Климович, «контролер» Покровский (его ум!), студент Келер (его хулиганство), бывшие офицеры из комиссариата, рабочие, крестьяне. Разделение по категориям («заложники», болтуны, забастовщики, саботажники, преступники по должности — взяточники-спекулянты, «контр-революционеры»). Преобладающий демократич[еский] состав заключенных. Койки, бачки и чайник, параша, полумрак, камен[ная] решетка. Выборы старосты (де Харт); назначение дежурных, составление списка, выписки газеты. Хороший ужин (пшеничная жижа). Чтение Библии. Разговоры. Письмо Е-е П-е по почте. Молитвы.

30.VII.

Внутренний распорядок в тюрьме. «За хлебом!» и утренняя поверка в 6 1/2 ч., «оправляться», кипяток. Прогулка (студент-«спекулянт» Владимир) по «кольцу».

Утренние газеты. Посещение женщины-врача и фельдшера. Обед в 12 часов (два блюда!) — разделение по 3 бачкам. Дневной кипяток. Ужин в 6 ч. вечера (горячее). Вечерний кипяток. «Оправляться!» (3 раза в день). Вечерняя поверка (равнение по фронту). Рассказы о нравах и заключенных в Бутырках. Мягкое обращение. Передачи с воли. Пошлость и душевная дряблость многих заключенных (молитва!). Приспособленность. Баня. Прив[ивка от] оспы. Получение передачи и записки Е. П. Чтение Библии и запись конспекта воспоминаний о годах войны. Спекуляция с хлебом. Дикая сцена между картежниками. Баня. «Анекдоты».

31.VII.

День моего дежурства — чистка, мытье, подметание. Беседа с Владимировым — петровцем. Продолжение записи конспекта. Получение вещей, книг и еды от Е. П. Ее письмо на «ты»². Чтение ленинской брошюры об «Империализме». Вечерние полит[ические] беседы. Мое выступление и спор с Сорокоумовским о задачах социализма. Стрижка под машинку.

Оригинальность, своеобраз[ный] ум, дилетантизм, парадоксальность и, по видимому, мания де Харта. «Изыщное» высокомерие, общительность, интеллигентность и закоренелая буржуазность Сорокоумовского. Плоское культурное мещанство Деврье. Угрюмый эгоизм и скрытая к[онтр]-революционность моряка Климовича. Грубая обывательская болтовня Покровского. Искренние, простые, убежденные речи нервного, разочарованного рабочего Демидова. Простота и молчаливая углубленность Тивалчука. Беспринципность «спекулянта по натуре» Цветкова. Угрюмость Сухарникова (семья без хлеба!). Греки. Хулиганская молодежь.

1.VIII.

Умственные занятия (чтение ленинских книг). Моя обособленность. Прогулка. Передача (вкусные вещи!) — питание сверх нормы. Горячие споры вечером.

2.VIII.

Чувство некоторой слабости — недоспал от вечернего шума. Хороший солнечный день — светлые блики на стене тюремной церкви. Дневник за предыдущие дни, письмо Елиз. Петр. Книга Ленина о государстве. Передача. Вызов Сорокоумовского на допрос. Книга Анатоля Франса. Соседство с де Харт, разделение с ним продуктов. Удовольствие от прогулки (тепло, солнечно!). Вечерняя прогулка, постепенное сближение арестованных.

Моя бодрость и душевное спокойствие. Концерт анархистов — solo на гребенке.

3.VIII.

Дневник. Письмо Е. П.-е. Чтение газеты. Окончание книги Ленина. «Боги жаждут» А. Франса. Прогулка. Передача — обилие продуктов. Отсутствие новых книг. Начало книги Вундта «Введение в философию». Утомление. Зубная боль. Скучное настроение в камере. Угрюмость соседа.

4.VIII.

Зубная боль, флюс. Дневник. Конспект книги Ленина и ее критика. Чтение Вундта и Ан. Франса. Прогулка. Вызов Деврье. Мое чрезмерное питание. Глупость Покровского и обывательщина среди остальных заключенных (анекдоты и пошлые остроты, личные столкновения из-за политических разногласий).

5.VIII.

Дневник, записка Е. П.-е. Конспект и критика ленинского «Государства». Передача — нет книг! У зубного врача — компресс и полоскание. Прогулка — встреча с бывшим colleg'ой по Алекс. учил[ищу]. Тивалчук — доносчик. Внимательное и плодотворное чтение Вундта. Покупка советской литературы в тюремном книжном киоске. Отправление 2 венериков в больницу из нашей камеры.

6.VIII.

Бутырская тюрьма. Дежурство с де Харт. Чтение Вундта. Передача и записка Е. П. Вызов на допрос («с вещами по городу»). Прогулка с двумя конвоирами с Долгоруковской на Лубянку. Тяжесть ноши, надежда на исход допроса, руководство конвоирами, грубость коменданта, мыканье по комиссии, комната № 94. Допрос. Следователь Магон, его национальность, сухость, ограниченность. Вопросы о моем прошлом, о моих политических убеждениях, об отношении к Брестскому миру и об англо-французском вмешательстве прошлого года; о «кадетских книгах» (Очерки Милюкова) и темах Яковлевского семинария (Характеристика Петра и его сотрудников), о Шлезингере. Незнакомые фамилии, «Лужский Совдеп»

и незнакомый рабочий какого-то Торковского завода. Мои ответы. Вопросы об отношении к империалистической войне, к политике Керенского, к октябрьскому перевороту. Мои правдивые показания. Спор о национализме и интернационализме, о коммунистах. Мое письменное показание. Распоряжение следователя о препровождении меня в Бутырки (до решения коллегии), распоряжение следователя о заключении меня в одиночку в тюремном подотделе. Общая камера в подвале, нары, встреча с Сорокоумовским. Одиночка, нары, могильные надписи на стене. Сосед Грабовский и его волнение. Моя возбужденность после допроса, волчий аппетит и позыв к папиросе. Чтение книжки Лунина «Церковь и государство». Полубессонная ночь.

7.VIII.

Впечатление от общей камеры («на дне»): настроение временного этапа, внешнего грубого гнета, кошмарной обреченности и тупой привычки. Рассказы заключенных о незначительных поводах к аресту. «Заложники — паразиты», Сорок-й и Водин. Попавшие за разговоры на улицах, за любовное соперничество с комиссарами, за подозреваемое прикосновение к к[онтр]р[еволюционным] выступлениям, за неправильные документы, за найденные товары, за лишние фунты хлеба. Наряды на работы. Собрание партии в Бутырки (мое заявление и ответ о возможности моего освобождения). Хорошая сытная пища. Чтение кн. Мещерякова и Токвиля «Старый порядок». Рассказы о расстрелах, о заключенном латыше. Комиссар И. Коммуна в одиночке.

8.VIII.

Мое пребывание в общей камере. Чтение Токвиля. Тоска и слабость. Обед. Освобождение. Встреча с де Харт, теплые беседы. Ордер, комендант, получение документов в Справочном Отделе. Встреча с Е. П., с В. Я. Рассказы о хлопотах об отношении Военного комиссариата. Приведение в порядок книг и бумаг. Чувство усталости.

9.VIII.

Возвращение в Военком. Приветствия товарищей. Беседы с Уситом и Преображенской (обвинение, предъявленное мне Ч.К. в участии в белогвардейском заговоре в г. Луге, в активном содействии союзникам; предположение отвезти меня в Лугу, сдать в Ч.К., возможность «списания на расход»). Рассказы Преображенской об обыске у Талонова и гибели б. казака в Царицыне. Злорадство Розенталя. Хлопоты о дне Сов[етской] пропаганды. Посещение Реввоенсовета и Центролекта. Сарычев. Унылое настроение в Москве (влияние венгерской контрреволюции?). Мое празднование освобождения. Неудачи в Архиве (заперто!). Записки Адешеву. У Степановых. Чтение Маркса (К кр.).

10.VIII.

Воскресенье. Праздничный сон. Чтение газет. Переписка конспекта к Марксу. После обеда — на кладбище с Е.П. (в цветнике в Выползовом пер.). Чтение брошюры Батурина.

11.VIII.

В Военкоме — обычная сутолока. У Степановых — взял свои дневники и письма из Жениной шкатулки. У матери (торгует папиросами у Сухаревой). Просмотр дневников и писем. Посещение Серг. А.

12.VIII.

В Военкоме — сильное утомление. Дома — Е. А. Полежаева. Чтение Батурина и Зиновьева о Ленине.

13.VIII.

В Военкоме — составление расписания, покупка книг. В Отделе нар[одного] образования. В К.К.П. (о согласовании работы). В Архиве (рассказы о Ч., просмотр конспектов о летописи). Дома — занятия Марксом и Токвилем. Утомление.

14.VIII.

Напрасные хлопоты в М.Ч.К. о невыданных документах. В Военкоме — безалаберщина с лекциями. Пробная лекция Гиршфельда в I госпитале (показывание картинок). В Архиве. Беседа с Ю. В. Готье. Возобновление занятий по летописи, приступ к анализу текста. Чтение брошюры Пимсковой об Интернационале (1—13). Дома — чтение Токвиля (55—77). У Ал. Ник. Исаковой.

Победа духа над плотью: ни одного пирожка и ни одной папиросы! Борьба с собой после воспитания.

15.VIII.

В Военкоме — «разрывался на части» (день получения лекторского гонорара — наплыв лекторов; кандидаты, представители частей и пр.). Неудача с первой пробной лекцией (из-за трамвая). Пешком от Варварки до Зоологического сада. Пробная лекция Петренко в 151 госпитале (седая народница — казачка). Лелино рождение — праздничный стол, пшеничные пироги, ягоды, оладьи. Брошюра Пименовой об Интернационале. Переписка конспекта «Капитала». «Прогресс государственного строя» (история французской революции).

16.VIII.

В Военкоме — более спокойное и ровное настроение, беседы с кандидатами и лекторами. Пробная лекция студента Шайкевича (поверхностно и скучно!). Раннее возвращение домой. Окончание Батурина «Очерка истории социал-демократической партии» и брошюра Зиновьева о Ленине. Статьи из сборника «Против течения». Сборник «Текущий момент» (мысли об идейной силе, идейном величии большевиков). Своеобразная форма изложения и последовательно-выдержанный метод в книге Эльцбахера «Анархизм».

17.VIII.

Поездка в Царицыно к М. И. Андриановой (встреча с Л.Э.) и в Подольск — к Филатьевым. Свежо и серо. Чтение политической брошюры Ленина против Каутского (тон!). Споры с Н.Н.Ф. Мое бодрое настроение. Рассказы о впечатлениях.

18.VIII.

Возвращение в Москву (в вагоне — брошюра Ленина).хлопоты о документах в МЧК (пропали!). Голод. В Военкоме. Пропуск собраний в КК и МККП. Получение продуктов в кооперативе. Опять пирожки. Пробная лекция Сидорова на Авиаионных курсах, впечатление о лекторе (новый тип молодого, «демократического», приспособляющегося ученого) и от аудитории (полуинтеллигентная, с запросами о новом искусстве). Немного — из Токвиля.

19.VIII.

Праздник Спаса Преображения. Праздничный кофе. Газета. Переписка конспекта Капитала. Отъезд Е.П. на дачу. Обед в вегетарианской столовой. Напрасная поездка на несостоящуюся лекцию в Босв. богадельню (осмотр читальни и сцены). Сокольники — кофе и природа. Чувство подъема и бодрости. На опушке у Ярославской железной дороги. Чтение Туган-Барановского (Теоретические основы марксизма). Возвращение домой. «Хозяйничание». Чтение Токвиля.

20.VIII.

В Военкоме. Домашние хлопоты (без Е.П.). Эльцбахер. Туган-Барановский.

21.VIII.

В Военкоме — налаживающаяся работа. Приезд Е.П. и М.П. Рассказы о юге. Токвиль. Иванов-Разумник. Пробная лекция Кедрина, его личность.

22.VIII.

В Военкоме — обычная суতোлка (составление инструкции лекторам). Сидение в чужой квартире (брошюра Ленина о Каутском). Хозяйничание на кухне. Брошюра Каутского о Марксе.

23.VIII.

В Военкоме — халатность частей. Получение продуктов. Домашние занятия: Эльцбахер (38—67) и Иванов-Разумник (50—60). Утром — брошюра Каутского о Марксе. «Печень».

24.VIII.

Праздник! Газета (победы Красной Армии: Тамбов, Поворино, Камышин и т. д.; набег Мамонтова). Чтение «К критике» Маркса (50—75), Либкнехта «Воспоминания о Марксе». Приход Г. К. Шлезингера, его рассказ о деревне и безнадежный пессимизм. Неудачное посещение Голубцовых (не застал дома!). У Степановых (Володя, Н.Я. о Деникине). Чтение Иванова-Разумника.

25.VIII.

В Военкоме — чувство мертвой апатии, нежелания работать. Пробная лекция Гольдмана-Горева в Фанагорийских казармах: аудитория в разломанной церкви, «бюро» к.п. комиссии на месте алтаря, беспорядок и грязь. Горсточка темных слушателей. Бодрость и уверенность Горева. Моя сонливость. Возвращение домой. Чтение Маркса («К критике», 75—95), Токвиля (151—171), Олара (I—XI), статьи Плеханова о Теор. цели Франка. Дар поэта — «Огни зоревые».

26.VIII.

В Военкоме — энергия и бодрость. Как видно, переговоры с лекторами, с представителями частей. Межлекционное собрание о дне Сов[етской] проп[аганды]. Моя лекция о «Первых шагах раб[очего] движения» в Броневой школе (помещение I Корпуса в Лефортове, аудитория в Тронном зале: портреты коммунистов на стенах со старинными барельефами, портрет Маркса, на тронном пьедестале. Сцена, роскошная мебель. «Старое» и «новое». Скептич[еские] улыбки слушателей — курсантов. Обратнo — на лошади. Хозяйничание на кухне: приготовление каши, распилка дров, разогревание печки. Чтение Эльцбахера (68—81).

27.VIII.

Военком. В 5 кар. батальоне — небрежность к.-п. комиссии Дома — «хлебный психоз» (хищение!). Чтение Олара (1—25).хлопоты на кухне.

28.VIII.

Успенев день. Безденежье. Леля в 5 1/2 ч. утра уехала в Царицыно. Я — один. Поглощение сухарей. Обед у Сергея Петровича. Конспект лекции о Марксе. Лекция на Военно-хозяйств[енных] курсах (прекрасная аудитория, удачная лекция с подъемом, хрипота). У Серг. Данил. Сказкина (неудавшееся собрание — В.М. и С.А. не пришли! Интересная беседа, разносторонность натуры Сказкина). Ночное возвращение домой.

29.VIII.

В Военкоме — бодро! В Кинокомитете. В Отделе снабжения Артилл[ерии] (гиблoе место) — неудачн[ая] лекция. Обратное возвращение на колымаге.

30.VIII.

В Военкоме. Обмен книг. В Ком. Ком. П. на собрании лекторов (Смидович). Иванов-Разумник.

31.VIII.

Прекрасный летний день. За книгой Бочкарева «Истор[ия] освоб[одительного] движ[ения]» (1—140). Лекция в Общеж[итии] воен[ных] делегат[ов] (неорганизовано), Канторов, горло!). Возвращение Е.П. из Царицына. Олар, 28—40.

1.IX.

В Военкоме — обычная сутолока. Лекция в Ржевском полку: горсточка утомленных, измученных людей, темных мужичков. Неорганизованность в части, арестованные красноармейцы с собрания. Дома — чтение Сватикова («Общ[ественное] движение», 1—46) и Радищевского «Путешествия».

2.IX.

В Военкоме — организация Дня Сов[етской] пропаганды. Собрание лекторов. Беседа с Дегтеревским. Клуб Автобазы Совнаркома и пробная лекция Канторова (извращ[ение] историч[еских] фактов, моя беседа с ним). Усталость. Утром — Радищев.

3.IX.

В Военкоме. Пробная лекция Жилкина по философии в Школе штабной службы (курсанты и комиссар Гундельман). На Курсах допризывной подготовки, беседа с заведующим о задачах и организации дела. Курсанты. Усталость. Встреча с С. К. Богоявленским и весть об аресте М. М. Богословского.

4.IX.

В Военкоме — подготовка Дня советской пропаганды. Лекция о возникновении раб[очего] движения на военно-хоз[яйственных] курсах. Безрезультатное посещение Сказкина (никого!). Радищев.

5.IX.

В Военкоме — обычная маета. Лекция о Марксе в Броневой школе. Теплый прием и возвращение на автомобиле. Радищев.

6.IX.

В Военкоме — хлопоты о Дне сов[етской] проп[аганды]. Лекция о Марксе на курсах Газотехники (комфортабельные комнаты клуба). Радищев. Шишков.

7.IX.

Ясное воскресенье. День советской пропаганды — ощущение праздника. Моя подготовка к выступлениям — составление конспектов. Лекция о «Коммунизме и просвещении» в 18 госпитале (скептические улыбки женщин, сосредоточенно-горячие взоры молодежи). Народное гулянье в Екатерининском парке. Празднично-сытный обед. Неудача с выступлением в Автобазе (ни одного слушателя). Чтение Радищевского «Путешествия» (70—124) и книги Иванова-Разумника. Объяснение с Е.П. о моем настроении и недопустимости самопожертвования.

8.IX.

Утром — популярная книжка Мартынова («Очерки русск[ой] истории», 1—10). В Военкоме — беседы с посетителями, призыв служащих, моя «незаменимость» по мнению Е. К. Преображенской. В Алекс[андровском] саду — окончание книжки Бочкарева (140—191). Пробная лекция Вольфа на Высших курсах Всевобуча (живо, серьезно, интересно!). Возвращение лунной ночью. Чтение Радищева.

9.IX.

В Военкоме. Комиссар Пан, лекция на Организ[ационно] — инстр[укторских] курсах. У матери. Сухаревка. Олар (42—58).

10.IX.

В Военкоме — спокойнее. Вечер — дома. Окончание Радищева.

11.IX.

В Военкоме овладеваю техникой дела и все более подчиняю его своему руководству. После часа — поездка по учреждениям. Военно-Окружной комиссариат (Сарычев), Отдел народного образования, Комитет партии, Кинокомитет. Покупка книг и писчеб[умажных] принадлежностей. Лекция о Марксе на авиационных курсах комсостава (полуинтеллигенты!). Составление конспекта первой лекции по истории револ[юционного] движения.

12.IX.

В Военкоме — халатность и отлынивание Яковлева, утомление моих сотрудников. После Военкома — лекция в Броневой школе по истории револ[юционного] движения («Прохождение самодержавно-революционного движения в России»). Мои волнения, ощущение неподготовленности и усталость. В общем — удачно! Сильное напряжение, головная боль и боль в горле. Страшное утомление. Возвращение с проф. Шором. Дома — брошюра Луначарского о Марксе и немного из Сватикова.

13.IX.

Военком. Рассказы венгерки-коммунистки о южном фронте. Неудавшаяся лекция в Газо-технике (переезд курсов в Институт Чертовой). Ощущение головной боли и страшное утомление. Сватиков, 46—67.

14.IX.

Праздничный отдых. Весь день — за чтением газеты, Сватиков (67—156), Иванов-Разумник (I, 106—170). В.Я. и ее рассказы о нужде семьи.

15.IX.

Военком. Собрание межклубного совета. На 4 командных курсах. Молодой комиссар. Моя лекция о Марксе — вопросы — серые курсанты — пение Интернационала. Страшное утомление. Утром — Иванов-Разумник.

16.IX.

Утром — чтение Сватикова. Военком — спокойнее. Интересное собрание лекторов — обсуждение вопроса о борьбе с антисемитизмом (доклады Горева и Рабинович-Хейфец, разночтения). На Военно-хозяйств[енных] курсах — беседа с Винокуровым. Чтение Пажитнова о петрашевцах, Семейского «Кирилло-Меф[одиевское] братство» (1—23), Иванова-Разумника, Костомарова («Стенька Разин»). Бодро!

17.IX.

Утром — чтение Ив[анова]-Разумника (II, 1—20). Военком. После обеда — М.Ч.К., библиотека, Архив, Мензбир. Вечером — составление конспекта о декабристах.

18.IX.

Утром — чтение Иванова-Разумника (II, 20—40). Военком. Лекция о декабристах на Авиационных курсах. Дома — просмотр «Декабристов» К. Левина и «Идеалов декабристов» Довнар-Запольского.

19.IX.

Утром — просмотр биографий декабристов (в книге Головачова). Военком. Звериная борьба из-за трамвая. Лекция о декабристах в Броневой школе (удачно!). Беседа с курсантами. Вечером — Мельгунов, «Последний самодержец».

20.IX.

Военком. М.Ч.К. и получение книжки. Покупка писчебум[ажных] принадлежностей. В Библиотеку профсоюзов. У Мензбира — за билетами. Вечерние занятия — «петрашевцами».

21.IX.

Поездка в Ивановское и Новогиреево. Чудесный день. Брошюра Ленина о коммун[истических] субботниках. Неудачное посещение Леоновых. У их соседки, учительницы Анны Павловны (беседы о современности с Т.М.). У Терлецкой (картина разорения, богатая музейная обстановка, покупка Соловьева, оккультизм). Приезд Анны Петровны и ее гостинцы.

22.IX.

Обычная сутолока в Военкоме. Меня ревизуют. Лекция о Марксе на Военно-технич[еских] курсах в «Праге» (усталость, горло, говорил сухо и малоинтересно, после лекции — диспут с одним из курсантов). Чтение.

23.IX.

Раскрытие нового заговора и взятие Курска. Расстрел Алферовых. В Спасск[их] казармах (лекция Маргулисса), аудитория, местные коммунисты. На Военно-хоз[яйственных] курсах. Собрание нашего научного кружка. Доклад С.Д. о теории ценности т.з. математической школы. Обмен мнениями о методе. Беседа с С.А.

24.IX.

Военком. Неудавшаяся пробная лекция в 20 госпитале. Чтение.

25.IX.

Военком. Лекция на В[ысших] хоз[яйственных] курсах. Горло! Подготовка конспекта о Петрашевцах.

26.IX.

Утренние собрания о взрыве в МК. Гибель т. Ани. Беседа с А.А. — ее спасение. Впечатление от события. Лекция — декламация Корсак-Киевского в 8 госпитале. Заседание в Кинокомитете. Лекция о петрашевцах в Броневой школе. Чтение.

27.IX.

Военком. Урок с Верочкой. Слишком плотный ужин. Чтение Олара.

28.IX.

Воскресенье. Ясный, солнечный, теплый день. Чтение. Поездка в Подольск к Филатьевым. Обывательщина, сухость, эгоизм.

29.IX.

В военкоме. Неприятное столкновение с Розенталем (моя нервозность). Мой доклад на заседании Меж[клубного] совета. Занятия Мейером — собственные заметки.

30.IX.

Военком. Покупка книг в Библ[иотечной] секции. На именинах у Веры Яковлевны Степановой. Занятие Мейером и Туном.

1.X.

В Военкоме. Столкновение в Эйгесом, беседа с Большаковым. Обмен книг в Дерягинской библиотеке. За бельем. Лекция на Военно-технич[еских] курсах (клуб, пение Интернационала). Усталость.

2.X.

Военком. Дома — болезнь Е.П. Лекция на Военно-хоз[яйственных] курсах о декабристах. Дом чтения. Рассказы о расстрелах.

3.X.

В Военкоме. Посещ[ение] С. А-ча. Горло! Собрание комиссаров госпиталей. В бане. Утомление.

4.X.

Военком. Посещение «Гувуза», Кинокомитета, библиотек профсоюзов и Герцена. В вегетар[ианской] столовой. В Селиверстовской лечебнице — горло! Чтение.

5.X.

Годовщина папиной и лилиной смерти. После кофе — на кладбище. Заметки к Мейеру. Обильный поминальный обед. Гости. Урок с Верочкой. В аптеку. Чтение.

6.X.

Потеря голоса. Отвращение в Военкоме. Суетня. Заседание межкл[убного] совета. Капризы Л. А. Воскресенской. У С. А. Голубцова.

7.X.

Военком. В университете (потеря стипендии, расписание Фак[ультета] общ[ественных] наук, лекции В. М. Лавровского). В Румянц[евской] читальне (встреча с проп[оведником] из Мариуполя). В 6 к. батальоне на пробной лекции Антушева. Поглощение пирожков.

8.X.

Военком. Известие о потере Воронежа, тревога коммунистов. В[ысшие] курсы. Чтение.

9.X.

Военком. С.А. о болезни В.В. Домашние занятия.

10.X.

Военком. Товарообмен с Стребелевым. Неудавшаяся пробная лекция в 151 госпитале — путаница и разруха на месте. Съел целую «лекцию» (пирожков на 200 р.!). Интереснейшие воспоминания Аптекмана о «Земле и воле».

11.X.

Слякотный дождливый осенний день. Предчувствие грядущих зимних страданий. В Военкоме — впечатления партийной недели (подъем настроения и прилив новых сочленов по отчетам), неудачные выступления партийных ораторов, пониженное настроение коммунистов, душевная беседа с Л.В.Ш. (его прекрасная личность) о современности, о звериных инстинктах, угашении духа, мрачных перспективах будущего. Ободряющие известия с Запада о восстановлении культурной жизни.

12.X.

Воскресенье. Чтение «Петрашевцев» и подведение итогов своим умственным летним занятиям (запись прочитанного). Тяга к занятиям русской историей.

13.X.

Военком. Межклубный совет. Чтение Ленина (сонливость, тяжесть на желудке). Пробная лекция Бережкова на Высших курсах Всевобуча, его личность. Чтение Аптекмана.

14.X.

Военком, более ровный темп работы. Урок с Верочкой. Беседа со Степановыми. «Два лица». Чтение Аптекмана.

15.X.

Военком. Взятие Орла, тревога коммунистов. Собрание лекторов-коммунистов об обслуживании моск[овской] дивизии (приподнятое настроение). Моя двойственность и горькие мысли о самом себе и последней фазе своего развития. Чтение Аптекмана. Неожиданная отправка на фронт Зои Ивановны.

16.X.

Военком. Неожиданное известие о возвращении Киева. Обычный водоворот. Вместо меньшевистского митинга — за пшеницей в Сокольническую больницу. Ушиб Лели и мои домашние хлопоты.

17.X.

Военком — подробности взятия Киева, слухи о возвращении Цариц[ына] и Орла. Напряженная и «продуктивная» работа — обслуживание частей дивизии. Второй обед дома. Чтение.

18.X.

Военком. В библиотеке Дерягиной. Чтение «Под. России» Степняка — нет прежнего пиетета и восторженного преклонения; трезво-холодное, даже скептическое отношение. Иное впечатление — от Шингаревского тюремного дневника. Тревога в связи с угрозой Петрограду (сведения о падении Красной Горки).

19.X.

Поездка к Леоновым в Ивановское. Обмен мнениями по поводу современного момента. Окончание дневника Шингарева (искренность, «раздавленность» и обреченность — признак личного горя и общественно-политической катастрофы). Кошмарное возвращение обратно с мешком картошки на подножке ж[елезно]-д[орожного] вагона. Еда, еда... Записки Кропоткина — интересны по-прежнему.

20.X.

Неудавшаяся поездка в слободу Павловскую (в штабе 2 бригады). За ордером в сапожную мастерскую кооператива. За сапогами — домой. Мой аппетит и лепешки З.И. Заседание межклубного совета — апатия собравшихся представителей. Наивность и общие места в докладе Л. А. Воскресенской. На именинах у Серг. Петров. (чай, сласти, коньяк и пр.). Гости, рояль, необычные впечатления.

21.X.

В Военкоме — холодно, холодно! Победы Красной Армии. Обычная сутолока. Преобр. о коммуне в мызе Раева. Лебедев, его отчет о Ходинке и план предстоящей

работы. Урок с Верочкой, бодрость В.Я., известия о Н.Я. Мои занятия — заметки к Мейеру, чтение скучного Дебагория-Мокриевича.

22.X.

Серый осенний день. Поездка в Нахабино и Павловскую. Разнесенные дачи в Зыкове, давка в поезде, серые грустные поля, думы о личном прошлом и будущем, сознание позднего достижения цели, тяга к научным занятиям магистерской программы, мечты о нормальной жизни и прежней «сытости». В штабе 5 полка, путешествие на фурманке, Павловские казармы николаевской эпохи, секретарь коллектива Капустин, клуб и театр. В Штабе 4 полка. Состояние частей (обмундирование, обувь!). Обратное возвращение на станцию (клетчанка). Без обеда. Опять давка. Совливость. Дома.

23.X.

В Военкоме — чувство апатии, нервного утомления, почти отвращения. Растущая духовная отчужденность. Лекция о петрашевцах на Военно-хоз[яйственных] курсах — вяло, слабо!.. Отсутствие Елиз. Петр. — ощущение пустоты и неуютности. Хлопоты около кухни. Чтение. Животное удовлетворение пищей.

24.X.

Военком. Известие о победах Красной Армии. Возвращение Е.П. Домашнее чтение.

25.X.

Мечты и мысли о возвращении к истор[ическим] занятиям. Военком — надоедливая мучительная сутолока. В Архиве — встреча со старыми сослуживцами. Беседа с С.Ал., его внешняя перемена. Обмен книг в библиотеках. Чтение с интересом книги Богучарского об активн[ом] народничестве.

26.X.

Весь день — усидчивые занятия за книгами Кропоткина (по-прежнему — впечатление увлекающее, глубоко-воспитательное, обаяние личности автора) и Богучарского (по существу ничего нового, но хорошая систематизирующая сводка, не столько самостоятельное исследование, сколько именно сводка рассеянного материала).

Слишком много еды!

27.X.

Опять «Военком»! И опостылевшие впечатления организационно-лекторской работы. У Мензбир (Лялина худоба). На заседании «Гувуза» (обсуждение программы, длинные речи, тошнотворные впечатления). Остаток дня — за книгами.

28.X.

В Военкоме — новые мобилизуемые лектора-коммунисты (Лебедев, Полянский), письмо из тюремной больницы, мелочи дня. Дома — книги. Тоска, ощущение беспросветности. Потребность в дружбе и любви близкого человека, воспоминания о Ш.

Окончание книги Богучарского, отсутствие самостоятельной глубокой мысли.

29.X.

Военком. Дома — подготовка к завтрашней лекции, окончание книги Дебагория и составление конспекта. Первые морозы и ощущение холода.

30.X.

В Военкоме — более ровное настроение. После службы — лекция на В[ысших] хоз[яйственных] курсах (маленькая аудитория). Холод, холодная тоска! Приезд Мих. Петр. и рассказы о фронте.

31.X.

В Военкоме — температура все ниже. Д-р Ришар о страшной эпидемии тифа. Мобилизация 700 моск[овских] врачей. Приезд А. Н. Мироевской, с ребенком. Хлопотня и работы Е.П. Детский писк. «Военное обозрение» — обобщающая сводка лектора.

1.XI.

Первый снег и пронзительный ветер. Ощущение холода и наступающей зимы. Предчувствие грядущих страданий и возможной смерти. Хлопотал в Военкоме. Лекторское собрание о дне Октябрьской годовщины (моя двойственность). Лекция о набегах конницы генер[ала] Шендемана. Лидия Ивановна. Атмосфера плоского мещанства в квартире.

2.XI.

Настоящий зимний день. За книгами. Вечером — собрание кружка, доклад С. А. Мейерс и Гартманс (недостаточно ясно и мало оригинально). Оживленный обмен мнениями. Политическая беседа. Переход в мою комнату Сергея Петровича.

3.XI.

В Военкоме сидим одетые. Мороз. После 1 часу — в Салтыковку, к Н. И. Леонову за картошкой. Чувство бодрости. Ожидание отхода поезда: теснота в вагоне, разбитые стекла, холод. Встреча с В. А. Кароль. У Леонова, его угощение. Обрато — с мешком картошки, снова теснота в вагоне. Стремление к жизни, теплу и дому. «Голодные разговоры». Катастрофический рост цен на продукты: хлеб — 110 р. фунт, соль — 280 р. фунт, молоко — 65 р. кружка. Предложение Н.И. взять огород.

4.XI.

День именин Елиз. Петровны. В Военкоме — покупка ложи в Бол[ьшой] театр на «Лакме» (подарок Е.П.). Подготовка к дню Окт[ябрьской] годовщины — оживление во всех секциях. На пробной лекции Далина в клубе им. Свердлова (внешне — прекрасно: просторно, чисто, красиво, но внутренне — халатно: мало людей, отсутствие порядка и организованности). Именинный обед: пирог, мясной суп, тыкв[енная] каша; именинный чай со всякими сладостями. Гости, оживление, моя бодрость. Наше «чревоугодие».

5.XI.

В Военкоме — замерзают. Оживление в работе. Организация выступлений в доме Окт[ябрьских] торжеств. Дома — чай. Чтение.

6.XI.

В Военкоме — подготовка дня Окт[ябрьской] годовщины. Минорное настроение служащих. Рассказы Шика о настроении базарной толпы (полная прострация и чувство обреченности: «Скоро подыхать будем!»), об отсутствии продуктов, фантастических ценах, вырывании из рук. Выдача продуктов из кооператива. Второй обед. В ложе Большого театра на «Лакме» (внешний и внутренний холод, отсутствие свободы, активности и полноты жизни). Воспоминания и грустные итоги.

7.XI.

Вторая годовщина Октябрьской революции. Известие о победах Красной Армии. Обязательное участие в демонстрации. Сбор в Комиссариате. Раздача бесплатных билетов в театр. Шествие по московским улицам со знаменем и красными бантиками. Холод, ветер и снег. Казенно-мертвое настроение. Почти полное отсутствие публики. Вид Красной площади — красноармейские и рабочие колонны. Тяга к «домашнему очагу». Праздничный обед. Чтение. Деша Страховой и беседа с Ол. Плат.

8.XI.

Опять служба. Пустота в Военкоме. Обмен впечатлениями о дне Окт[ябрьской] годовщины (траурно-скудно!). По библиотекам. Второй обед. С Л. И. Семендлевой в «Летучей мыши»: изящные номера. Высокомерное презрение к «бесплатной публике» и политические остроты конферансье Балиева.

9.XI.

Воскресный день. Весь день — за книгами, в сосредоточенных и продуктивных занятиях социологией, русской историографией (Соловьев!) и револ[юционными] воспоминаниями. Удовлетворение — возобновленной работой.

10.XI.

Военком — апатия, пониженная энергия. Библиотека профсоюзов. Чтение новой книги Богучарского — о «Нар[одной] воле».

11.XI.

В Военкоме. Неудавшаяся пробная лекция в 1 [советском] госпитале (халатность местных «культурников»). Раннее возвращение домой и второй обед. Чтение.

12.XI.

В Военкоме — общее пониженное настроение в связи с отчаянным холодом. Дома — тепло и уют. Чтение Богучарского. Беседа с Шиком.

13.XI.

В Военкоме — все тот же холод (градусов 5), сидим в верхней одежде. Апатия. Лекция на Военно-хоз[яйственных] курсах — холодная обстановка и холодная аудитория. Слабо. Тоска и сонливость.

14.XI.

В Военкоме — до часу дня. Неудавшаяся поездка в Салтыковку: шестичасовое стояние в битком набитом вагоне, ни дров, ни паровозов, мучительное состояние, возвращение домой. Чтение.

15.XI.

В Военкоме — дьявольский холод, телефоны, победы Красной Армии. На улице — 10° мороза и пронзительный ветер. Получение жалованья. У матери — «сцены», моя грубость, ее ложь, ее тяжелое положение. Возвращение домой — горячий чай с белыми лепешками и относительное тепло. Чтение Соловьева, тяга к научной магистерской работе. Рассказы Уренковича о жизни в провинции (разоренный Тамбов), Дегтеревского — о пушкинском семинарии.

16.XI.

Воскресенье. Хозяйственные хлопоты: на Сухаревку — за молоком (85 р. кружка!), молотье овсянки, колка дров, мытье посуды, приноска дров, приготовление к обеду (Леонид за городом). Посещение В. И. Лебедева, его «интернационалистская» ориентация, рассказы о Педаг[огических] курсах, об откомандировании; подарок — картошка. Немного — занятия чтением.

17.XI.

Военком — тот же «собачий холод», постоянный приток посетителей и непрерывная работа оживляет и согревает. Страшная вьюга и 10° мороз; тяжелые впечатления в 14 госпитале; пробное рассказывание «Поликушки» Толстого. Дома тепло, чтение.

18.XI.

Теплее, но в Военкоме — градуса 2. Пониженное настроение сотрудников (тяжелое впечатление от Шика). По телефону — впечатления С. А. Голубцова о своей жизни (живут в одной комнате, в спальне — 1°). «Саботаж» податной инспекции. Дома — чтение Богучарского. Урок с Верочкой. Никитин о похоронах курсантов.

19.XI.

Утром — еще темновато, не хочется вставать из-под теплого одеяла. Из-за нарывов на пальцах с трудом чистишь сапоги, умываешься, одеваешь одежду. Е.П. делает перевязку. Животное удовольствие от еды — во время завтрака (тушеное мясо, белая лепешка!). За кофе — обычные разговоры о современном кризисе — политическом, продовольственном, топливном, транспортном — с братьями Мироевскими, кассиром. С полным желудком и обычными мыслями о современной уродливой жизни, гражданской войне, тяжелых перспективах иду в Комиссариат. По дороге — стенная газета «Роста» об обратном взятии Курска, сухаревское оживление, барышни и мужчины с салазками, продажа кусочков сахару и пшеничных пирожков у Ильинских ворот. Встреча с Черномордиком и мимолетный с ним разговор (его политич[еская] оценка момента, отвращение к политике, «преступное сожительство», приглашение к себе). В Военном комиссариате, как всегда, непрерывные звонки по телефону, переговоры с лекторами (военный обозреватель, прив[ат]доцент Унив[ерситета] Попов, актер с прошлым Корсак-Киевский, молодой Баскаков, завсегдашняя Розенталь и Строев) и представителями частей (впечатление Миловидовой — о влиянии благотворных лекций на венериков). Обед в столовой Военкома (удовольствие). Посещение Архива, «теплые» беседы с Савиным, Богоявленским, Смысловской, хозяйственные хлопоты С. А. Голубцова, внес задатки за сажень дров и 2 ф. сахару. Жажда — посещения кафе, снова животное удовольствие и легкое возбуждение от 3 стаканов горячего сладкого кофе с маленькой пшеничной булочкой (не пожалел, что выкинул 175 рублей). Посетители — «товарищи» и их траты (сотни летят)! Чтение газеты (речь Ленина о работе в деревне, результаты французских выборов, мирные веяния Антанты, борьба с холодом). На Никитской — на улицах вообще — обычное впечатление мертвенности, кладбища, несмотря на массу прохожих. В Синод[альном] училище на В[ысших] жен[ских] курсах — неоповещение о лекции, скептическое брожение курсантов, моя «организационная» беседа. Чувство бодрости, прилив энергии, желание бороться за жизнь, за духовное развитие — до конца. Возвращение домой, второй обед и кипяток с белой лепешкой. Недомогания Е. Петровны — печать невеселого настроения. Возвращение М. П. Мироевского с вокзала — на вокзале «нечто кошмарное», билета купить не удалось. Мои занятия.

20.XI.

В Военкоме — еще холоднее! Выдача хлеба и пожирание его. Мешок с капустой. Болезнь Е.П. Чтение Соловьева и отчета о процессе царубийц.

21.XI.

В Военкоме холод усиливается с каждым днем. Приход лекторов и представителей частей оживляет и ободряет. Кошмарные рассказы о страданиях от холода. Общее кладбищенское настроение. Все мысли и разговоры — о холоде. Дома — тоже холоднее (несмотря на ежедневную топку чувствуется холод соседних нетопленных квартир). Известия о победах Красной Армии и легковверные надежды на окончание гражд[анской] войны (мирные веяния в Англии). Дома — чтение.

22.XI.

В Военкоме — холодно, холодно! Холод пронизывает насквозь. На улице — страшная вьюга. Поездка в Астрах[анские] казармы, горячий кофе с хлебом, пробная лекция в «митинговой обстановке», заседание кул[ьтурно]-просв[етительской] комиссии, ее состав, Овчинников, Шебуев, Пекарский. Возвращение домой. Согревание чаем. Соловьев, Иванов-Разумник. Утомление, упадок энергии от холода, озноб, околечение ног. Письмо от Гали Филатьевой.

23.XI.

На улице — вьюга. Весь день дома, сначала — за газетами, потом — за книгами. Чтение Соловьева.

24.XI.

В Военкоме — переселение в 3-й этаж. Теплее. Согревание в столовой и за кипятком. Апатия.

25.XI.

В Военкоме. Удавшаяся поездка к Н. И. Леонову в Салтыковку — за картофелем. Расхищение картофеля прислужкой. Бодрое чувство.

26.XI.

Военком. Болезнь Е.П. Чуть-чуть занятия.

27.XI.

Военком. За доктором Е.П. Чтение. Траурное настроение.

28.XI.

Военком. Пробная лекция в 5 госпитале. В Комиссариате. В кинокомитете. Собственная лекция о Марксе в Белостокском военном госпитале (неорганизованность, трения между ком. ячейкой и завклубом, комиссар). Болезнь Е.П. — тяжелое настроение.

29.XI.

Военком — обычные хлопоты. Известие о неожиданно трагической смерти Н. И. Леонова (зарезало поездом!) и впечатление от этого. В поисках врача. Умоляющая и плачущая жена врача (без топлива). Разруха в Военкоме. Лекция о Марксе в артилл[ерийском] дивизионе (Скорбящ[ий] монастырь). Физическая и нервная усталость.

30.XI.

Позднее вставанье. Помощь Е.П. на кухне. Поездка в Ивановское к Леоновым: на панихиду по Николаю, горе А.П. и Леры, съезд знакомых. Ужин и чай.

1.XII.

Раннее вставанье и возвращение домой (деревня ночью). Военком. Отъезд Л.А. в Ивановское. Заупокойная всенощная, тяжелые сцены, питание собравшихся. Беседы с Л.А. о ее прошлом.

2.XII.

Раннее вставанье. Похороны Николая, моя речь на могиле. Обед. Деревня. Пешеходное возвращение домой. Беседа с агрономом.

3.XII.

Военком. Домашние занятия.

4.XII.

Военком. Неудачное хождение к Голубцовым (неустройство его брата). Дома — заметки к Дюрнгейму. Приход С. А. Голубцова.

5.XII.

Военком. Планы о хлебном пайке (мысли и колебания относительно участия в школе политич[еской] грамоты). Поездка в Салтыковку за картошкой. Встреча с Ал.П. и Т.М.

6.XII.

Военком — холод, чувство слабости и апатии. Обычные разговоры по телефону

и с посетителями. Возвращение домой, кофе, малопродуктивные занятия. Интерес к VII съезду Советов.

7.XII.

Воскресенье. Позднее вставание. Урок с Верочкой. Чтение газет. Обед и отдых. Заметки к Дюрнгейму. Чтение «Азбуки коммунистов». Составление расписания на неделю.

8.XII.

Утром — бодрее. В Военкоме — обычная работа. Двойной обед. Заседание межклубного Совета, сонливость. Домой — по скользким улицам (оттепель). Составление конспекта лекции о терроре. Обильный ужин. Из Челнокова — об Авенариусе.

9.XII.

В Военкоме. Дома — чтение своих конспектов о «Нач[альной] летописи», составление таблицы, бодрость в связи с возобновлением научно-историч[еских] занятий. Бешеные цены за белье.

10.XII.

В Военкоме — доклад Преображенской о плане предстоящей работы, беседа с ней и Л. А. Воскресенской. Мысли и планы о зачислении на паек. Вечером — собрание нашего исторического кружка, обстановка у Сказкина, доклад Лавровского о Дюрнгейме, мои возражения. Два ужина и снег.

11.XII.

В Военкоме — доклад о плане лекц[ионной] работы на межсекционном собрании; блестящие отзывы о моей работе Лебедева, Филимонова, поездка на Рогожское кладбище, в Неотд. батальон, лекция среди дезертиров, комиссар Стрекин, ужин и чай с хлебом. Позднее возвращение.

12.XII.

В Военкоме — бодрее. Снова морозы и холод. Посещение Покровских казарм — неудавшаяся лекция по политич[еской] грамоте в 59 батальоне «Ввохра». Несимпатичная обстановка (личность комиссара, коммунисты). Внутренняя борьба (паек, балансирование). Конец дня за конспектом.

13.XII.

Военком — работа. Подготовка к киносеансу «Отец Сергей». В 152 госпитале. Ком. ячейка и чай. Моя лекция о Толстом и затянувшийся киносеанс (непрерывная порча ленты). Возвращение домой в деревенских санях.

14.XII.

Воскресенье, встал в десятом часу. После утреннего кофе — за газетами (победы Красной Армии). Хозяйственная помощь Елиз. Петровне. Посещение Лизы. Приборка комнаты. Праздничный обед. Чтение конспектов и составление таблицы к «Начальной летописи». Составление недельного расписания. Беседа с Е.П. о современности. В постели — «Азбука коммунизма».

15.XII.

В Военкоме — бодро! На заседании Межклубного совета — сон! Лекция перед киносеансом об «Отце Сергии» Толстого в 152 госпитале (комиссар — коммунистка, аудитория из венериков, встреча с Шпирельманом, чувство удовлетворения). Возвращение домой в санках. «Зимнее серебро». Домашние занятия конспектами к «Начальной летописи». В постели — «Азбука коммунизма». Письмо от Люли.

16.XII.

Неудачи и неприятности в Военкоме (столкновение со Стребелевым и проч.). Еврейская столовая и встреча с Л. В. Голубцовой, ее гнетущее настроение и печальные рассказы о жизни. Очередь в Библ[иотеке] Дерягиной, Библиотека профсоюзов (милая барышня), неудача с Библ[иотекой] Герцена. Домашние занятия.

17.XII.

Военком. Посещение Центральной хлебопекарни, клуб, беседа с местными культурниками, обед и хлеб, работа, лекция, аудитория. На именинах у Ляли Мензбир (роскошное угощение: пшенич[ный] пирог со слив[очным] маслом, кофе со сливками, пирожное, печенье). Возврат домой и ужин. Письмо от Н. А. Голубцовой.

18.XII.

Спасские казармы. Клуб. Фурман. Военком.

19.XII.

Военком. Межсекционное заседание. Обсуждение вопроса о программе испытания политруков (мое непосредственное участие в редактировании коммунистических

вопросов). Обморок Л. А. Воскресенской. Поездка на лекцию во 2-ю зап[адную] артилл[ерийскую] бригаду (неуютность и дезорганизация в Хамовнических казармах, в клубе). Хрипота, горло... Возвращение домой. Чтение Хрушова и «Азб[уки] комм[унизма]».

20. XII.

Военком. Раннее возвращение домой с продуктами (неожиданный сюрприз — получение гуся!) на саночках. В бане (очередь и продовольственные разговоры). Чтение «Саввы» Андреева. Треск водосточных труб — тревога, ночью.

21. XII.

Воскресенье. 20° мороз! В комнатах — 6° тепла. Подготовка к выступлению перед спектаклем. Спектакль Отд[ельного] стрелк[ового] батальона в Клубе В. Ч. К. (оркестр, холод, культурники). Мое «слово» (неудовлетворенность). Игра Певцова — Саввы (больной фанатик, истерика). Ужин и возвращение домой.

22. XII.

Лютый мороз. В Военкоме — обычная суетня — приход лекторов, Межклубный совет — моя дремота... Показательный киносеанс «Власть тьмы». Кофе с хлебом. Дома вест «холодом». Чтение «Власть тьмы».

23. XII.

В Военкоме. В Спасских казармах — получение продуктов (зачисление на паек!) и пробная лекция Фурмана. Лекция перед киносеансом на Кавалерийских курсах. (Комиссар). Чтение «Псковитянки» Мея.

24. XII.

Военком. Подготовка к выступлению перед кино — чтение Мея, его биографии, Костомаровской характеристики Грозного, составление конспекта. Холод!

25. XII.

Военком. Неудача киносеансов в Двинском военном госпитале. Чтение «Азб[уки] комм[унизма]». Болезнь матери, ее состояние.

26. XII.

Военком. Выигрыш ордера на обувь. У Пломай — по поводу матери. На пробной лекции Брюнина в 14 [советском] госпитале. Чтение Кареевск[ой] книги. Прекращение электрического тока.

27. XII.

Военком — обсуждение инструкции, ревизия помощника Окр[ужного] военн[ого] комиссара (наставление по поводу беспартийных), совещание в Кабинете комиссара о предложении професс[оров] университета (по 1 пуду муки за 2 час. лекцию!). У С. А. Голубцова — конина, обед, беседа о современности. У матери, ее беспомощность и фокусничанье. Отсутствие электричества.

28. XII.

Воскресенье. Поздний кофе. За газетами. К Пломай. Чистка снега. Обед. У больной матери. Урок с Верочкой. Азб[ука] комм[унизма]. Москва, засыпанная снегом.

29. XII.

Военком. Ледящий холод. Домашнее тепло. Без электричества. Под коптилкой на кухне. Чтение Кареева. Дым и угар.

30. XII.

Военком — С. М. Богословский за своего сына. На лекцию в 5 Противосам. батарею — к Донскому монастырю. Холод! У матери — ее состояние. Приезд К. И. Масальского.

31. XII.

Военком — совещание с «политруками». Приготовление в Комисс[ариате] к встрече Нового Года. Неудача с библиотекой. Подготовка к лекции.хлопоты Е. П. на кухне.

(Продолжение следует)

Примечания

1. «С. А.» здесь и всюду — Сергей Александрович Голубцов, близкий друг Н. М. Дружинина со студенческих лет. Отец известного историка Елены Сергеевны Голубцовой.
2. Обращение на «ты» в подобных случаях облегчало общение с арестованным (переписка, передачи и т. п.), поскольку посетителя принимали за родственника.

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах

№ 78. Донесение начальника Вологодского ГЖУ полковника Соловьева товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

17 января 1916 г.

Во исполнение циркулярного предписания от 22 декабря прошлого года за № 81744 доношу Вашему превосходительству, что из монархических организаций в Вологодской губернии существуют только: 1) вологодское отделение Всероссийского Дубровинского СРН, в составе около 100 человек членов, под председательством жены статского советника Анны Ивановны Карауловой, идейной работницы, пользующейся среди членов авторитетом, уважением и доверием; действия отделения распространяются на город Вологду, организованность его прочная и население относится к нему с доверием; члены изредка собираются для собеседования и 2) в Утмановской волости Никольского уезда отдел этого Союза с местным крестьянином Иваном Павловичем Злобиным во главе; отдел этот в настоящее время жизни не проявляет. В члены названных отделения и отдела в большинстве входят крестьяне, чернорабочие и женщины.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 63.

№ 79. Донесение начальника Костромского ГЖУ товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

18 января 1916 г.

Во главе монархических организаций Костромской губ. формально стоит Отделение СРН в г. Костроме, так как при первоначальном создании этих организаций в губернии центральные органы Союза поручили этому отделению объединять деятельность остальных отделений, возникших и могущих возникнуть в губернии, и только с этим отделением центральные органы при случае и сносятся. Ввиду этого, когда 27—29 августа 1915 г. в г. Саратове состоялось Сопровождение уполномоченных монархических организаций, то копии телеграммы Государю, обращения к Правительству и воззвания этих совещаний были присланы в Костромское отделение Союза для ознакомления и распространения. Когда же в ноябре 1915 г. состоялись съезды представителей правых организаций в Петрограде и Нижнем Новгороде, то на эти съезды в качестве представителей от Костромских организаций Союза ездили и на тот, и на другой съезд председатель костромского отделения Русин и товарищ председателя Васильев.

Кроме костромского отдела, в губернии числятся еще [отделы] в городах: Галиче, Солигаличе и Буге и в селах Серело и Красном, но все это формально,

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 1, 3.

а в действительности все эти организации в губернии почти нежизнеспособны и не только не проявляют никакой деятельности, но и самое их существование подлежит сомнению. Так, наиболее крупный отдел — костромской — не только не получает со своих членов ежегодного взноса в 50 коп., как это требуется § 16 Устава Союза, но и не знает, какое количество членов входит в этот отдел. Собраний никаких не бывает, общественной жизни нет никакой, связи между разными отделами нет, и когда Русин и Васильев вернулись со съездов в Петрограде и Нижнем Новгороде, то о результатах их не оповестили никого.

Ввиду этого организации Союза в настоящее время никакой роли в жизни губернии не играют.

Вообще же можно сказать, что в Костромской губ. материал для создания отделов Союза есть, но так как его никто не организует и не руководит им, то он остается в распыленном состоянии. Нет интеллигентного идейного организатора и руководителя в этом деле и [на посту] председателя костромского отдела; отставной унтер-офицер из крестьян Капитон Александров Русин на эту роль не годится.

Об изложенном вследствие циркуляра Департамента полиции от 22 декабря 1915 г. за № 81744 доношу Вашему Превосходительству.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 64—65.

№ 80. Протокол собрания учредителей витебского отдела Отечественного патриотического союза

20 января 1916 г.

Собрание открыто с 11 ч. 30 мин. 20 января 1916 г.

Собрались следующие лица: при сем представляется список учредителей.

Заслушали:

Заявление В. Г. Орлова; желают ли учредители открыть в Витебске отдел Отечественного патриотического союза.

Постановили: единогласно — открыть отдел в Витебске.

Заслушали:

Заявление учредителей об избрании председателя, двух товарищей, секретаря, казначея и членов Совета.

Избранными оказались: почетным председателем — управляющий витебской казенной палатой действительный статский советник Сергей Александрович Шпилев. Председателем — статский советник Пр. Фед. Алькатович; товарищами председателя: 1) протоиерей о. Павел Гальковский, 2) А. Г. Коршун-Орловский, казначеем — П. А. Пиотрович, членами совета: священник В. Г. Борщевский, А. Я. Боярский, Д. К. Веглин, Т. М. Гончаров, Ф. Е. Синяков, А. Н. Ярошевский, И. В. Роковский, Н. Н. Юркевич.

Собрание учредителей единогласно постановило: выразить глубокую благодарность и искреннюю признательность председателю Главного совета Ученому Археологу Василию Григорьевичу Орлову за содействие и труд по открытию Витебского отдела Отечественного патриотического союза.

Единогласно постановили: послать телеграмму Государю Императору с выражением верноподданнических чувств. Телеграммы: 1) министру внутренних дел А. Н. Хвостову, 2) его товарищу сенатору С. П. Белецкому, 3) Николаю В. Плеве и 4) начальнику Двинского военного округа генералу Д. П. Зуеву за энергичную борьбу с дороговизной и за доблестную службу Царю и Родине.

Единогласно постановили: избрать почетными членами витебского отдела следующих лиц: витебского губернатора Н. П. Галахова, члена Государственного совета Я. Н. Офросимова, председателя губ. земской управы М. Л. Карташева, управляющего казенной палатой С. А. Шпилева, начальника витебского жандармского управления А. Р. Шульца, председателя Главного совета Ученого Археолога В. Г. Орлова.

[Следуют подписи и печать.]

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 358, л. 51—51об.

№ 81. Протокол № 1 заседания Совета ноябрьского 1915 г. совещания монархистов

21 января 1916 г.

Присутствовали: члены Государственного совета И. Г. Щегловитов, гр. А. А. Бобринский, А. И. Мосолов и А. А. Римский-Корсаков, члены Государствен-

ной думы С. В. Левашов, Н. Е. Марков и Г. Г. Замысловский и товарищ председателя Главного совета СРН В. П. Соколов.

Председательствовал И. Г. Щегловитов. И. о. секретаря В. П. Соколов.

Слушали: I. Вопрос о пополнении Совета популярными деятелями монархизма.

Постановили: I. Избрать членами Совета: саратовского губ. предводителя дворянства Владимира Николаевича Ознобишина, председателя одесского Союза русских людей Николая Николаевича Родзевича и председателя Астраханской народной монархической партии Нестора Николаевича Тихановича-Савицкого и уведомить их об избрании.

Слушали: II. Вопрос печатного издания о Совецании.

Постановили: II. а) издание подробного отчета отложить, разослав всем стенограммы речей для исправления, а издать Краткий отчет, содержащий речи И. Г. Щегловитова, С. В. Левашова, резолюции Совецания и протоколы, в количестве 20 тыс. экземпляров.

б) избрать редакционную комиссию для редактирования Отчета в составе С. В. Левашова, Г. Г. Замысловского и В. П. Соколова.

в) необходимые на издание и на рассылку средства обязался, по заявлению Н. Е. Маркова, доставить Главный совет СРН.

Слушали: III. Вопрос о доставлении Высшему Правительству постановлений Совецания.

Постановили: III. Поручить особой депутации лично доложить о постановлении председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру.

ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 792, л. 1—1об.

№ 82. Главное правление Русского монархического союза (Москва) — члену Государственной думы С. В. Левашову¹ (Петроград)

24 января 1916 г.

Русский монархический союз в признательном сознании Вашей всегдашней особой деятельности на благо нашей Родины, при полном соответствии с основными задачами Русской монархической партии, в происходившем 14 сего января соединенном собрании почетных членов, членов-учредителей и Главного правления Союза, на основании §§ 1 и 20 Устава единогласно избрал Вас почетным членом Союза, каковое звание просит благосклонно принять. Исполняя приятный долг уведомить о сем и препровождая бандеролью Устав и Программу Союза, Главное правление Союза покорнейше просит Вас, милостивый государь, о согласии своем не оставить уведомлением, для высылки установленного диплома.

Почетный председатель Союза епископ Владимир

Председатель Совета и Главного правления статский советник С. Кельцев

Секретарь [подпись неразборчива]

ГАРФ, ф. 116, оп. 2, д. 3, л. 159.

1. С. В. Левашов (1856 — 6 июня 1919 г.) — тульский помещик, в 1908—1913 гг. профессор и ректор Новороссийского университета; товарищ председателя фракции правых в IV Думе.

№ 83. Донесение начальника Тверского ГЖУ полковника Галицинского товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

25 января 1916 г.

Во исполнение циркулярного предписания от 22 минувшего декабря за № 81744 имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что самым тщательным и подробным выяснением состава, значения и деятельности монархических организаций обширного района Тверской губ. установлено нижеследующее.

Самой крупной из монархических организаций Тверской губ. является Тверской губ. отдел СРН. До войны эта организация насчитывала в своем составе от 700 до 1000 человек. В настоящее время, за убылью членов, взятых в войска, ее состав не превышает 100 человек. Организация эта имеет свое знамя-хоругвь и библиотеку. Председателем Тверского губ. отдела СРН состоит тверской домовладелец отставной коллежский советник Петр Ильич Новоспасский. Его товарищем и секретарем отдела — помощник секретаря тверской уездной земской управы Александр Илларионович Михайлов. Оба они люди безусловно монархического направления, идейно служащие делу организации и пользуются полным

доверием своих единомышленников. Но будучи весьма незаметными и маленькими людьми в тверском обществе, они не играют решительно никакой роли и не пользуются никаким авторитетом за пределами руководимой ими организации. Благодаря этому и сама эта организация, живя своей обособленной от общества жизнью, не имеет почти никакого влияния на общество, особенно теперь, когда состав его, как указано выше, уменьшился до 100 человек. До войны отдел в занимаемом им помещении устраивал публичные собрания с чтением лекций и рефератов. После же объявления войны помещение этим Отделом было отдано под госпиталь для раненых; с этого времени собрания прекратились, и Отдел уже ничем, кроме участия в церковных торжествах, не проявляет своего существования.

Кроме указанного Тверского губ. отдела, в г. Твери с 1909 г. существует Морозовский отдел СРН, насчитывающий в своем составе до войны от 700 до 900 членов — рабочих местных фабрик. В настоящее время этот отдел имеет всего лишь 40 членов. Вся деятельность этого отдела в настоящее время сводится лишь к собраниям, которые председатель отдела священник о. Василий Владимирский устраивает по воскресным дням для религиозно-нравственных бесед.

Несколько большей жизнедеятельностью отличается Старицкий отдел Союза русского народа в г. Старице, насчитывающий в своем составе до 200 членов. Во главе этой организации стоят: председатель — архимандрит Старицкого Успенского монастыря Павел, его товарищ — протоиерей Николай Константинович Троицкий, секретарь — преподаватель старицкого духовного училища Алексей Павлович Раевский и казначей — мещанин г. Старицы Петр Ефремович Жуков. Благодаря энергии и любви к делу архимандрита Павла и его популярности устраиваемые этой организацией по праздникам беседы на духовные и патриотические темы, иллюстрируемые туманными картинками¹, охотно посещаются местным населением и влияют на него весьма благотворно.

В прочих уездах губернии монархических организаций как таковых фактически не существует, так как организации, возникшие было там в смутные 1904—1905 гг., в течение десяти лет постепенно распались и, не заявив себя решительно ничем, сошли со сцены. Одной из главных причин безуспешности попыток насаждения в Тверской губ. монархических организаций за все истекшие десять лет является более чем равнодушное отношение к ним местной власти. Насаждаемые людьми хотя и идейными, и энергичными, и убежденными, но не обладающими связями и протекцией, организации эти, в громадном большинстве состоящие из людей простых, маленьких, этим самым сразу осуждались властью жалкое существование и постепенно замирали. А некоторые благодаря равнодушию к ним власти не могли и до сих пор не могут даже организовать. Так, из донесения мне помощника моего в Бежецком, Кашинском и др. уездах от 13 сего января за № 7 видно, что Главная палата Архангела Михаила уполномочила проживающего в г. Кашине отставного надворного советника Михаила Ивановича Колтыпина организовать в г. Кашине местный отдел СРН еще в 1913 г., но отдел этот до сего времени не открыт, так как на открытие его Колтыпин до сих пор не может получить разрешение от г. тверского губернатора.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 67—68.

1. Демонстрация изображений с помощью проектора.

№ 84. Н. Д. Тальберг (Петроград) — П. В. Скаржинскому¹ (Житомир)

29 января 1916 г.

Назначение Штюрмера² доказывает, что отклонения влево не будет; думаю, что он сумеет вовремя покончить с вредным галдежом, если таковой поднимется в Гос. думе. С нашим шефом он в прекрасных отношениях, со Ст[епаном] Петр[овичем Белецким] — также, а это очень важно, так как лица эти чрезвычайно полезны для поддержания внутреннего порядка. Конечно, счастлив, что ушел к. д. Харитонов³, преемник его не из удачных, но он не имеет такого близкого отношения к левым. Игнатьев, говорят, будет после Г[ос.] Д[умы] прогнан. Давно пора, так как это вреднейший тип. Хорошо, что «Новое время», осторожно принимающее более приличный облик, начинает травить его. Сазонов⁴, к сожалению, пока остается. Барк в будущем, говорят, заменит Шаховского⁵, Министром же финансов будет граф Татищев⁶.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1050, л. 220.

1. П. В. Скаржинский (1882 — после 1931 г.) — чиновник МВД, с 1913 г. — директор канцелярии министра внутренних дел, в 1915 г. — волынский губернатор. В эмиграции, в июне 1920 г. председательствовал на «общебеженском съезде» в Сербии; в конце 20-х — начале 30-х годов — председатель съезда русских монархистов в Сербии и представитель Высшего монархического совета на Балканах (Высший монархический совет, еженедельник, 4.IX. 1921; Царский вестник, Белград, 6.IV. (24.III). 1921; 10.VII. (27.VI.) 1931).
2. Б. В. Штюрмер (1848—1917) — с 1894 г. новгородский, с 1896 г. ярославский губернатор, с 10 января по 10 ноября 1916 г. председатель Совета министров, с 3 марта по 7 июля также министр внутренних дел, с 7 июля по 10 ноября — также министр иностранных дел.
3. П. А. Харитонов, сторонник контакта правительства с Государственной думой, казался некоторым правым слишком либеральным, почти кадетом (см. документ от 12 августа 1915 г.).
4. С. Д. Сазонов — министр иностранных дел.
5. В. Н. Шаховской — с 6 мая 1915 г. по 27 февраля 1917 г. министр торговли и промышленности.
6. В. С. Татищев — председатель правления и директор Соединенного банка в Москве, председатель правления Товарищества для торговли в Персии и Средней Азии, совладелец золотопромышленных, железнодорожных и страховых предприятий.

№ 85. «К. М. Павлов»¹ (Одесса) — в редакцию «Русского знамени», А. И. Дубровину (Петроград)

30 января 1916 г.

Крик о помощи! Вниманию правительства, правых организаций и деятелей! Полный крах русских учебных заведений в Одессе. Безнаказанная вакханалия! Сплошной ужас в Одессе!

Одесская гор. управа и дума, прикрываясь флагом правых, идут рука об руку с еврейством и антигосударственными элементами. Президентом Одессы фактически состоит еврей банкир Хари, который в городе является главным хозяином, распоряжаясь его судьбами. Одесский союз русских людей имеет полную мужскую гимназию, женскую учительскую гимназию, женское профессиональное училище, народную школу для девочек и мальчиков, курсы для подготовки молодых людей к званию прапорщиков, гимнастическо-спортивное общество молодежи, обучает военному строю и т. д. В прошлом году управа и дума уменьшили этому союзу пособие с 10 тыс. руб. до 3 тыс. руб., а в этом году и это пособие отняли, еврейским же учреждениям пособия увеличиваются. В силу этого русские национальные школы должны закрыться. Правая группа Гос. совета, правая фракция Гос. думы, все монархические организации, духовенство, правые деятели и сообщества, правые газеты и журналы и, наконец, Царское правительство должны заступиться за русскую школу и стать на ее защиту немедленно, пока она не потерпела полного краха. Евреи ликуют и празднуют победу. Откликнитесь! Помогите! Бейте тревогу!

Прошу все правые издания перепечатать эти строки.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1050, л. 244.

1. В иллюстрации документ озаглавлен: «„К. М. Павлов“ (по почерку — И. Дудниченко)».

№ 86. Донесение начальника Астраханского ГЖУ полковника Минкевича товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

31 января 1916 г.

Вследствие циркулярного распоряжения Вашего превосходительства от 22 декабря 1915 г. за № 81744 доношу следующее:

1) В г. Астрахани в настоящее время существует «Астраханская народная монархическая партия». Председателем ее состоит купец Нестор Николаевич Тиханович-Савицкий.

2) В названной партии числится несколько тысяч членов, список которых, однако, не ведется и большинство которых в настоящее время никакой активной деятельности не проявляет, и лишь около двухсот человек, зарегистрированных Астраханской народной монархической партией, преимущественно из низших слоев населения, смелых, развитых и энергичных, назначены старостами ходить в народ и внушать идеи и учение монархической партии.

3) Названная выше партия в настоящее время никаких отделов, ни организаций в Астраханской губ. не имеет.

4) Кроме монархической партии, в Астрахани имеется Астраханское Русское патриотическое общество, основанное в 1907 г., устав которого был одобрен бывшим астраханским епископом Георгием и утвержден астраханским губернатором И. Н. Соколовским. Это общество официально себя ничем не проявляет и держит себя так, как будто оно не существует, а между тем члены этого бывшего общества, как интеллигентные, образованные и влиятельные лица, дают опору монархической партии, поддерживая ее своими советами и осведомляя ее о настроении общества и народа. В этом обществе состоят: преосвященный Филарет, епископ Астраханский и Енотаевский, преосвященный Иннокентий, епископ Царевский, викарий астраханской епархии преосвященный Феофан, епископ Полтавский и Переяславский, и астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска генерал-лейтенант Иван Николаевич Соколовский.

Учредителей общества и членов, вступивших после учреждения, от дворянства и интеллигенции 35 чел.; учредителей и членов, вступивших после, от духовенства, купечества и других сословий 125 человек.

5) Главным деятелем и руководителем Астраханской монархической народной партии является ее председатель Тиханович-Савицкий, который составляет, печатает, раздает и рассылает не только по Астраханской губ., но и в другие губернии разные воззвания к монархическим союзам, организациям, правым деятелям и сочувствующим правым, постановления и инструкции, а также посылает как непосредственно Государю Императору, так и правительству и министрам телеграммы с разными просьбами и советами. Кроме того, он, Тиханович-Савицкий, как уполномоченный августовским совещанием представителей монархических организаций в г. Саратове, с целью объединения сил монархических организаций, сносится с другими монархическими партиями и организациями и рассылает им руководящие сообщения и инструкции и предполагает организовать новые партии в других городах.

6) Председатель Астраханской народной монархической партии Тиханович-Савицкий участвовал в совещаниях монархических организаций и правых деятелей, бывших в Саратове 27—29 августа и в Нижнем Новгороде 26 ноября прошлого года¹.

7) В последнее время Астраханская монархическая партия, как и раньше, стоит за охрану в России самодержавия и за недопущение смут или революции, направленных к изменению существующего в государстве общественного строя, за оказание помощи и содействия к скорейшей победе над врагом; кроме того, партия на общем собрании 15 ноября 1915 г. постановила ходатайствовать: о немедленном введении закона, карающего ссылкой в каторжные работы за взяточничество, за неверно составленные счета, за поднятие цен на предметы первой необходимости; за укрывательство от исполнения воинской повинности; о назначении сенаторской ревизии над деятельностью Всероссийских союзов земств и городов; о привлечении к уголовной ответственности городских голов, председателей земских управ и представителей других учреждений за вынесение незаконных резолюций, посягающих на подрыв верховной власти; о привлечении к уголовной ответственности бывшего министра внутренних дел кн. Щербатова, допустившего во время войны вынесение подобных резолюций; об увольнении и привлечении к уголовной ответственности членов Государственного совета по назначению, вступивших в незаконный «желтый», или так наз. Прогрессивный блок; о лишении придворного звания и дворянства тех, которые вступили в этот блок; о совершенном уничтожении этого преступного блока или закрытии Государственной думы и Государственного совета на все время войны; о недопущении обсуждения в Государственной думе вопросов, могущих вызвать в стране волнения и распри; о взятии правительством в свои руки, по всей России, заводов и фабрик, изготовляющих снаряды и снаряжение для армии.

8) Как председатель Астраханской монархической партии, так и учредители и члены бывшего Астраханского патриотического общества, надо полагать, большей частью являются идейными работниками, пользуются известным авторитетом в своей партии и заслуживают некоторого доверия.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 743—747.

1. В Нижний Новгород не приехал «вследствие нездоровья» (см. документ от 25 ноября 1915 года).

1 февраля 1916 г.

Во исполнение циркулярного распоряжения от 22 декабря минувшего года за № 81744 имею честь донести Вашему превосходительству, что в пределах Воронежской губ. в настоящее время существуют следующие монархические организации.

В г. Воронеже — Митрофано-Георгиевское общество СРН. По сведениям, в означенной организации в настоящее время числится до 46 членов, в действительности же следует считать не более 15—17 членов, так как остальные совершенно индифферентно относятся к делам общества, не считая даже нужным бывать на общих его собраниях.

Проявлений существования этой организации почти никаких нет, равно как и деятельности ее. Первоначально же, в период 1905—1907 гг., организация эта насчитывала до 300 членов и имела свои отделы в уездах губернии (Новохоперске, Бутурлиновке, Бобровского уезда и др.), ныне не существующие. Организация имеет свою небольшую библиотеку, но таковая заключает в себе литературу, изданную преимущественно главным СРН. Деятельность библиотеки теперь также ни в чем не проявляется. Организация устраивает свои собрания: еженедельно по субботам собираются члены совета и раза четыре в год устраиваются общие собрания; те и другие происходят в помещении Союза русских женщин. Район деятельности организации ограничивается исключительно г. Воронежем и его ближайшими пригородными слободами Ямской и Троицкой.

Настоящее политическое положение страны члены организации считают не только серьезным, но весьма опасным, между тем в связи с сим никаких решений и шагов в своей деятельности пока не намечают. Члены организации и главные ее руководители сами сознают, что организация никакого влияния на местные общественные круги и вообще на население не имеет.

В настоящее время во главе этой организации стоят следующие лица: председатель — Рафаил Митрофанович Карцев; секретарь — Николай Никитич Пантелеевский; членами: Юлий Игнатьевич Кошутский, Петр Андреевич Кутепов, его жена Варвара Ивановна Кутепова. Пантелеевский и Карцев, а равно супруги Кутеповы пользуются авторитетом среди членов организации и последние безгранично им верят, как людям монархически глубоко убежденным, каковы они, по отзывам большинства, в действительности и есть. Кошутский также вне всяких подозрений, но так как часто болеет, то его меньше видят и знают.

Лиц, состоящих в организации не по убеждениям, а в целях каких-либо личных расчетов, пока не замечено, но возможно, что есть такие, которым нужно было приобрести лишь звание члена СРН, ибо две трети состава организации не посещают даже общих собраний. О каких-либо предосудительных или сомнительного свойства действиях со стороны как всей организации, так и отдельных ее членов никаких сведений не добыто и слышать о таковых пока не приходилось.

В г. Валуйках существует Союз Архангела Михаила. Начало возникновения его относится к 1907 г.; организован чиновником-дворянином Григорием Корнеевичем Ерош[ем]. Председателем этого союза состоит местный землевладелец дворянин Григорий Александрович Рябинин, который среди населения пользуется очень плохой репутацией, так как, несмотря на свои 65 лет, имеет очень большое пристрастие к женскому полу. Секретарем союза состоит крестьянин Яков Тимофеевич Белокобыльский, который, будучи волостным писарем и совершив растрату, удален от должности. Видными членами союза считаются землевладельцы Константин Алексеевич Нечаев и супруги Василий Михайлович и Наталия Ивановна Алисовы. Остальные члены — беднейшие мещане г. Валук и крестьяне ближайших к Валуйкам деревень в числе приблизительно до 100 чел., и район деятельности этого союза — г. Валуйки и окрестности.

В слободе Погромец Валуйского уезда существует Погромский союз Михаила Архангела, организованный в 1913 г. бывшим полицейским урядником Федотом Иудовичем Теленковым (в настоящее время служит волостным писарем в д. Георгиевке, Полтавской вол., Омской губ.), председателем состоит упомянутый выше Рябинин, секретарем быв. волостной писарь Ефим Степанович Стуканев, который среди населения известен как кляузный человек. Членами состоят крестьяне сл[ободы] Погромец и соседних деревень в числе до 100 человек. Преследуемые

союзом цели — содействие правительству в борьбе с революцией и широкое распространение правых организаций — не достигаются, так как население к поименованным лицам относится с недоверием ввиду неудачного подбора руководителей и большинства членов, преследующих свои личные цели.

В г. Острогжске — Союз истинно русских людей. Председателем числится дворянин Александр Васильевич Голушков (местный фотограф). Союз этот совершенно распался и в последнее время в нем членами числятся: портной Емельян Николаев Степанов, торговец Михаил Николаев Бутов и местный житель Михаил Федоров Литуновский. Последних лиц только Голушков считает членами союза. Секретаря нет, так как числящийся в этой должности дворянин Владимир Гаврилов Еременко, когда от него потребовал Голушков взнос в союз двух рублей, отказался от участия в союзе. Председатель союза Голушков — пьяница, скандалист, кляузник, равно как и остальные члены.

В настоящее время Валуйская, Погромская и Острогжская организации никакой жизненности не проявляют. В остальных уездах Воронежской губ. имеются отдельные лица, исповедующие убеждения правых партий и монархических организаций, но правильной организованности между ними нет.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 77-79об.

№ 88. Донесение начальника Киевского ГЖУ товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

3 февраля 1916 г.

В дополнение к донесению моему от 15 января № 11 о деятельности правых и монархических организаций в Киевской губ. докладываю Вашему превосходительству, что партийная самодеятельность этих организаций в уездах губернии находится в совершенном упадке.

Так, уездный отдел СРН, руководимый землевладелецей с. Зозулинцы Бердичевского уезда, вдовой генерал-майора Мариуц-Гриневой, совершенно распался года два тому назад; большинство членов отдела призваны в военную службу, а оставшиеся даже не вспоминают, что когда-то объединялись в монархическую организацию; сама Мариуц-Гринева никаких вопросов по делам Союза не возбуждает, а занята ныне всецело помощью беженцам. Она приютила в своем имении монашествующую братию Почаевской лавры во главе с архимандритом Виталием в числе 4 священников, 4 диаконов и 40 послушников.

Монашествующая братия устроила в имении типографию, в ней печатаются: «Почаевский листок» (еженедельно) под редакцией иеромонаха Алексия и «Русский инок» (двухнедельный журнал) под редакцией иеромонаха Тихона; оба издания религиозно-нравственного направления, рассылаются по подписке в монастыри; в уезде же эти издания распространения не имеют.

Библиотеки в с. Зозулинцах нет, библиотека Почаевской лавры свалена в кучу в экономическом доме.

Не лучше стоят дела монархических организаций в уездах Липовецком, Уманском и Звенигородском. Так, в Уманском отделе СРН (дубровинцев) нет председателя — за выбытием из Умани быв. преподавателя гимназии Назаревского; под руководством отдела числится по списку до 33 сельских отделов, но, по-видимому, номинально, т. к. о числе членов в правлении Уманского отдела не имеется никаких сведений, ибо состав сельских отделов сильно поредел, и есть места, где остались единичные люди. Уездный отдел возлагает надежду на упорядочение регистрации при поступлении членских взносов, иных способов к выяснению личного состава членов отдел не имеет.

В Липовецком и Звенигородском уездах существуют отделы «дубровинцев» и «Михаила Архангела», но они переживают период инертности за отсутствием инициативы на местах; до войны отделы поддерживали постоянные сношения между собою, с соседними уездами, могли бы и теперь сплотиться в идейные внушительные единицы, при преподании им из петроградских центров соответствующих указаний, но, к сожалению, влияние центров ощущается на местах весьма слабо, между тем коренное русское население проявляет в последнее время к правым организациям большой интерес, зорко присматриваясь к окружающим оппозиционным элементам и к еврейской спекуляции.

Поэтому настоятельно необходимо командирование из центров в провинцию

доверенных лиц для поднятия самодеятельности правых организаций, преподания им заданий на текущий момент и вообще оживить на местах былую организованность.

Затем в м. Смеле Черкасского уезда существуют отделы патриотических обществ «Михаила Архангела» и «Двуглавый орел»; в первом числится до 80 членов под председательством крестьянина Федора Степанова Виценко, а во втором — до 75 чел. под председательством Павла Емельянова Цапенко. Члены совета правлений обеих организаций и рядовые члены — преимущественно крестьяне, сапожники по профессии. Виценко — пьяница, подвергавшийся двукратно административному взысканию за нарушение обязательного постановления главного начальника Киевского военного округа, а Цапенко — подпольный адвокат, был два раза высылаем из губернии за свою вредную деятельность.

По Чигиринскому уезду известен Медведковский отдел им. Михаила архангела, под председательством местного священника о. Виссариона Шмигельского, крайне правого, озлобленного против евреев как предателей родины; правления этот отдел не имеет, членов насчитывается 14 человек.

В Цветковском отделе Союза им. Михаила архангела председательствует крестьянин Северин Трофимов Зелинский, известный хулиган, отбывавший несколько раз наказания за буйство и мошенничество, членов отдела считается 14 человек.

В Александровском отделе Союза им. Михаила архангела состоит председателем быв. ссыльный Семен Николаев Соколов, человек безнравственный; он употреблял членские взносы на свою пользу; находился под следствием за именование себя почетным гражданином и ветеринарным фельдшером; дважды был судим мировым судьей за оскорбление должностных лиц и отбывал это наказание; теперь возбужден вопрос о высылке Соколова; о числе членов Соколов не пожелал дать сведения.

Затем зарегистрирован еще Лебединский отдел Дубровинского СРН. Председатель — крестьянин Терентий Иевлев Лазаренко, его товарищ — Архип Калеников Шулик; первый отбывал административное наказание, а второй судился за кражу; секретарь этого отдела Кондрат Майтало, избалованный в провокаторской деятельности, выслан еще в 1915 году. Отдела этого фактически не существует.

Таким образом, оказывается, что правые организации Черкасского и Чигиринского уездов никаким доверием населения пользоваться не могут, т. к. их руководители стоят на самом низком нравственном уровне.

Председатели этих отделов, как равно и большинство членов, стараются вооружить крестьян против евреев, ввиду чего не только еврейское население, но и большинство русских относится к союзникам пренебрежительно. К сему докладываю Вашему Превосходительству, что на днях состоялось распоряжение Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта об исключении из состава гласных губернского земства дворянина Адама Ивановича Люблинского, с поставлением об этом в известность губернского предводителя дворянства. Эта кара постигла Люблинского за то, что он избалован в своекорыстных происках и возвращении из ссылки владельца пивоваренного завода в Киеве Шульца, виновного в сокрытии имущества германского подданного Эреста Тарклера, скрывшегося из Киева в начале войны.

Люблинский состоит председателем Киевского отдела Союза Михаила Архангела.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 85—87.

№ 89. Телеграмма общего собрания отделов Отечественного Патриотического союза в Москве министру внутренних дел А. Н. Хвостову и его товарищу С. П. Белецкому
4 февраля 1916 г. ¹

Сегодня многолюдное собрание членов Отечественного Патриотического союза, отдела московских мастерских Курской дороги в присутствии многих начальствующих лиц, заслушав доклад В. Г. Орлова, председателя собрания, студента Сусанина, П. В. Остроухова о доблестной службе, беззаветной преданности Престолу, исторической энергичной деятельности борьбы с дороговизной Вашего Высочайшего Превосходительства и товарища министра сенатора Степана Петровича Белецкого, собрание единодушно поручило нам выразить Вам чувства глубочайшего уважения и благодарности русских людей за Ваше мудрое государственное служение России.

Председатель общего собрания В. Орлов, председатели отделов Отечественного

Патриотического союза Курских мастерских Константинов, Николаевского — Гончаров, Узлового — Максимов, Александровского — Иванов, Марьинского — Козлов, председатель Галичского отдела СРН — Иванов.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 853, л. 61.

1. Дата получения телеграммы.

№ 90. И. И. Дудниченко (Одесса) — К. Н. Пасхалову (Алексин Тульской губ.)

5 февраля 1916 г.

Получил от А. И. Дубровина письмо; тон удручающий, безнадежный. «Русское знамя» скоро будет прекращено. Мы разбиты и оплеваны. А тут и у меня сюрприз: Прогрессивный блок, узнав, что я организую Бюро правой печати и что это дело стало у меня налаживаться, немедленно командировал в Одессу доверенное лицо, которое сняло в центре города, на Дерибасовской ул., барскую квартиру и открыло здесь бюро по выписке всех газет, прием объявлений и т. д., причем публике даются громадные бесплатные льготы. Правда, я не унываю и продолжаю свое дело, но борьба неравная; у меня в кармане ничего, а там громадные средства. Вот при каких условиях нам, правым, приходится работать. Идем здесь к ликвидации союзных учебных заведений¹. Это ли не сплошной ужас? Булацель издает «Русский гражданин»²; там имеется его статья о графе Игнатеве, над которым учреждено конкурсное управление, ибо он запутался в своих денежных делах, благодаря жидам. Статья страшная по своей правде. Обратят ли на нее внимание? По-моему, после этой статьи он оставаться министром не может. Тут, что могу, я делаю, но мои письма о поддержке русскому делу оставляются без ответа. Вот вам еще показатель нашего «единения».

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1051, л. 305.

1. Имеются в виду учебные заведения союзов (организаций) правых, в частности, одесского Союза русских людей.
2. Газета, издававшаяся П. Ф. Булацелем в 1914—1916 гг. и занимавшая в отношении Вильгельма II, как носителя монархических начал, «мягкую» позицию, что вызывало нападки со стороны остальных правых.

№ 91. Донесение начальника Смоленского ГЖУ товарищу министра внутренних дел
6 февраля 1916 г.

Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что по произведенной мною проверке наличности существующих в Смоленской губ. монархических организаций и их значения оказалось следующее.

В г. Смоленске имеются штабы трех организаций:

1) Смоленский губ. отдел СРН, 2) Смоленский Дубровинский отдел [СРН] и 3) отдел Союза Михаила архангела. В уездах: в гг. Вязьме, Рославле, Ельне, Сычевке, Дорогобуже, Духовщине, Поречье и Гжатске имеются отделы СРН и в некоторых параллельно отделы Союза Михаила архангела. Существуют отделы и в некоторых крупных селениях, как-то: в [селах] Юрози, Новый Двор, Мигновичи и др. В общем до войны в этих союзах было зарегистрировано около 5000 сочленов и имеется значительное число сторонников из служащих разных правительственных учреждений, которые уклонялись от регистрации ввиду наличности циркулярных распоряжений о запрещении служащим участвовать в каких-либо организациях, и несочувствия вообще администрации, во главе с бывшими губернаторами, деятельности перечисленных организаций. В смутное время 1905—1907 гг. деятельность этих организаций направлялась главным образом к увеличению контингента союзов путем внушения патриотических и монархических идей и на распространение среди населения печати правого направления. Средства союзов были весьма незначительны, и потому вторая половина поставленной себе союзами задачи, касательно распространения печати правого направления, не достигла цели в том размере, как бы следовало, в противовес массовому распространению печати левого направления. Деятельность монархических союзов и организаций быстро пошла на убыль, во-первых, за отсутствием объекта борьбы, а во-вторых, вследствие наступившей инертности среди самих членов Союза и малого прилива материальных средств. Немало этому способствовало и резко выраженное губернской администрацией враждебное отношение к союзам и их составу. Чем объяснялось такое отношение

администрации к союзам, установить доподлинно теперь трудно, но несомненно, что в этом смысле играли значительную роль и индивидуальное отношение стоящих во главе губерний лиц к деятельности монархических организаций, а также и стороннее на них воздействие как со стороны либеральных местных элементов, так и еврейства. До периода нынешней войны деятельность союзов и организаций проявляла себя весьма мало, а с наступлением таковой и совершенно прекратилась, во-первых, за убылью значительного числа членов и сторонников в ряды армии, а во-вторых, и потому, что некоторые союзы, как например, СРН, ввиду общего подъема патриотического настроения населения и общества признали нетактичной и несвоевременной какую-либо партийную деятельность.

В последнее время оставшиеся в Смоленской губернии деятели монархических организаций и лица, им сочувствующие, следя за проявлениями общественной деятельности в связи с войной и др. явлениями государственной и общественной жизни, стали заметно реагировать на полевение общества и стремления различных общественных организаций к возбуждению разного рода политических вопросов с явной тенденцией использовать современное положение в целях революционной борьбы если не сейчас, то по окончании войны, и признают необходимым в свою очередь организовать и усилить свою деятельность. Так как современная тактика левых организаций стремится стать во главе общественного движения путем проникновения во все отрасли жизни посредством различных общественных учреждений и соорудить народные массы, главным образом путем различных кооперативов, то и местные монархические организации считают самым верным тактическим приемом также стремиться создать если не кооперативы, то потребительские общества и лавки, в чем особенно нуждается в настоящее время деревня. Но считают нужным при этом избегать выбрасывать флаги организации и, не афишируя характера их, объединиться, путем подбора единомышленников и сочувствующих, в потребительские [общества], начав работу, воздействовать в этом направлении и на окружающее население, постепенно подсчитывая свои силы для будущего.

Тот состав организаций, который теперь имеется налицо, по своей численной незначительности никакого значения иметь не может, и для будущей работы организации требуется немедленная и самая энергичная деятельность оставшихся сочленов в целях привлечения сочувствующих в ряды союзов. Для этой цели необходимо немедленно же приступить к организованной работе, но таковая тормозится, во-первых, отсутствием интеллигентных сил и денежных средств и, во-вторых, неизвестностью, как отнесется правительственная власть к такой организационной работе. Интеллигентные силы могли бы быть пополнены служащими различных правительственных учреждений, но и здесь царит неуверенность, будет ли такое участие допущено.

Ранее имевшийся личный состав организации не навлекал на себя никаких нареканий, но и ничем не проявлял усиленной самодеятельности, ныне же, как мною уже упомянуто выше, всякая работа союзов замерла и ничем себя не проявляет за отсутствием руководителей.

К сему присовокупляю, что мною приняты меры к зарегистрированию фамилий всех оставшихся членов монархических организаций в губернии, и списки таковых будут сосредоточены во вверенном мне управлении.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 88 -89.

№ 92. В. А. Образцов¹ (Екатеринослав) — Н. Н. Родзевичу (Одесса)

9 февраля 1916 г.

Совет, вместе со мной, выразил полное сочувствие мысли о созыве южно-русского съезда монархических организаций, но не нашел возможным столь скоро его устроить, и именно в Екатеринославе, так как там мало сочувствующих среди интеллигенции и неизвестно, как отнесся бы губернатор к нашим хлопотам, да и не получены для обсуждения труды предшествующих монархических съездов и потому не возбуждается энергия для созыва новых.

О созыве представителей монархических организаций мне месяцем ранее писал управляющий Харьковской конторой Гос. банка А. Н. Беляев. Я был бы очень рад, если бы вы по этому вопросу вступили с ним в переписку и ваше доброе намерение получило осуществление.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1051, л. 345.

1. *В. А. Образцов (1859 — после 1920 г.) — преподаватель духовного училища, товарищ председателя отдела СРН в Екатеринославе. В 1908 г. был членом Главной палаты РНС им. Михаила архангела. Член III Думы. В годы войны председатель Союза русских людей в Екатеринославе, издатель местной правой газеты «Русское дело». В 1920 г. эмигрировал.*

№ 93. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого министру внутренних дел

[февраль, после 9-го] 1916 г.

Гнусная речь Гримма¹ требует должного отпора. Подрыв священных прав Государя Самодержца, восстановление населения и национальностей против Правительства, уронение его авторитета, тревожное втягивание в политику армии и военачальников и все это во время войны является государственной изменой. Поражены Куломзиным, допустившим подобную речь [в] Государственном совете². Впечатление, произведенное подобными речами, следует немедленно уничтожить решительным выступлением правительства, которое обязано вывести, наконец, этих наглых мошенников на чистую воду перед всей страной, опозорив их; население всегда станет на сторону правительства сильного, говорящего ясным языком, и всегда презирает правительство уступающее и говорящее с наглыми предупредительно. Последние левые хорошо знают и пользуются этим. Бесстыдным лживым самовосхвалениям в ущерб деяниям Государя и Правительства также должен быть положен конец. Председатель народной монархической партии Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 858, л. 59—60.

1. *Профессор Д. Д. Гримм (1864—1941) произнес 9 февраля в Государственном совете речь в духе декларации Прогрессивного блока, ранее им подписанной, что вызвало нападки со стороны Пасхалова, Тихановича-Савицкого и др. правых. В 1917 г. Гримм — член ЧСК Временного правительства; умер в эмиграции.*
2. *См. также телеграмму Тихановича-Савицкого А. Н. Куломзину, помеченную 23 февраля 1916 года.*

№ 94. Митрофан Прокопов (Москва) — Н. Е. Маркову (Петроград)

10 февраля 1916 г.

Не допускайте призыва студентов в нашу армию, мы погибнем, он внесет революцию в армию. И эта опасность будет не только сейчас, но и после окончания войны: вообразите, под чьим руководством вернутся войска, под руководством тех, кто строил баррикады...

Предупредите этот ложный шаг, на который нас все тянет Англия. Мы достаточно крови дали Англии для ее спасения. Неужели мы за английские одолжения должны отдать им и наше будущее. Кроме того, мы останемся без образованных людей, и наша промышленность будет опять под гнетом немцев, и в лучшем случае — англичан. Не сомневаюсь, что вы это поймете. В Москве так и говорят, что призыв студентов — победа немецкой партии. Но думские революционеры это понимают и молчат.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1051, л. 357.

№ 95. Донесение начальника Екатеринославского ГЖУ полковника Терентьева товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

12 февраля 1916 г.

Вследствие циркуляра Департамента полиции от 22 декабря 1915 г. за № 81744 имею честь донести Вашему Превосходительству, что в пределах Екатеринославской губ. из монархических организаций существует в г. Екатеринославе отдел СРН и в Бахмутском уезде Авдеевский отдел РНС им. Михаила архангела.

Численность Екатеринославского отдела СРН достигает 400 человек. Членами его являются местные домовладельцы, лица купеческого и духовного сословия, рабочие и несколько человек из отставных офицеров русской армии. Председателем состоит статский советник Василий Афиногенович Образцов, бывший член III Государственной думы. Почетным председателем дворянин, преподаватель местного реального училища Петр Петрович Старицкий, товарищами председателя: отставной полковник Александр Григорьевич фон Фишбах и личный почетный гражданин Иван Алексеевич Заусайлов, ревизор паровозов Екатеринбургской железной дороги. Почетные члены: епископ Екатеринославский и Мариупольский Агапит. Члены совета: настоятель местной Преображенской церкви священник о. Констан-

тин Георгиевич Айвазов, учитель местного городского 4-классного училища Иван Иванович Рябцев, мещанин г. Луганска Екатеринославской губ. Павел Матвеев Бровкин, чиновник и крестьянин г. Луганска Екатеринославской губ. Иван Ефимович Дружинин, чертежник.

За отсутствием прочной организованности Екатеринославский отдел СРН никакой деятельности в части, касающейся оценки текущего политического момента, в настоящее время не проявляет, как равно не происходило за последнее время общих собраний членов названного отдела для обсуждения вопросов в связи с течением политической жизни страны и выработки платформы в противовес деятельности оппозиционно настроенных к правительству групп. Отдел принимает сейчас близкое участие в деятельности местных общественных организаций по оказанию помощи бедному населению. В собственном помещении отдела Союзом открыта бесплатная школа и читальня, а также дешевая столовая для бедных. Кроме того, во время войны отделом открыт Комитет помощи русским беженцам.

Членами названного выше Авдеевского отдела РНС им. Михаила архангела состоят крестьяне с. Авдеевки, Бахмутского уезда, занимающиеся хлебопашеством и служащие на железной дороге ст. Авдеевки. Названный отдел состоит из 22 чел., председателем коего является крестьянин с. Авдеевки Иван Иванович Костин. Деятельность отдела распространялась ранее на всю Авдеевскую волость. В настоящее же время за отсутствием идейных работников и прочности организации названный отдел ничем себя не заявляет, так как не пользуется достаточным авторитетом. Сведений о предосудительной деятельности членов указанного отдела во вверенном мне управлении не имеется.

В других уездах Екатеринославской губ. правых партий и монархических организаций не существует.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 148—148 об.

№ 96. Донесение начальника Московского ГЖУ генерал-майора Померанцева товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

13 февраля 1916 г.

Вследствие циркулярного предложения по Департаменту полиции от 22 декабря минувшего 1915 г. за № 81744 докладываю Вашему Превосходительству, что из возникших в 1905—1907 гг. в подведомственных мне в наблюдательном отношении уездах Московской губ. монархических организаций в настоящее время сохранились только:

1) в г. Коломне — Коломенский отдел СРН, получивший свое начало в 1905 г., в первое время включавший в себе до 500 чел., а в настоящее не более 20. Председателем отдела числится коломенский купец Михаил Иванович Посохин, его товарищем — купец Иван Прокофьевич Буткин.

2) В г. Бронницах — возникший в том же 1905 г. Бронницкий отдел Русской монархической партии, председателем которого состоит соборный протоиерей Иоанн Добров, а товарищем председателя городской староста купец Иван Маркович Нестеров, секретарем — письмоводитель городской управы Иван Федорович Ландин. В настоящее время в отделе числится около 100 человек.

3) В с. Раменском Бронницкого уезда — отдел Союза русских людей, имеющий членов около 40 человек. Председателем отдела числится крестьянин д. Игумновой Раменской вол. Александр Яковлевич Киселев, товарищем председателя — крестьянин д. Новорождествена Алексей Афанасьевич Разиков, оба конторщики на фабрике Малютина.

4) В Сергиевском Посаде — организовавшийся в 1906 г. отдел монархического Союза архангела Михаила, число членов которого в настоящее время не превышает 75 человек. Председателем отдела состоит мещанин Сергиевского Посада Иван Никитич Федотов, товарищами председателя — губерн. секр. Петр Никитич Никитин и московский мещанин Сергей Сергеевич Корсинов, казначеем — мещанин Сергиевского посада Иван Алексеевич Панков и секретарем — учительница Любовь Александровна Шапошникова.

Наконец, 5) в Дмитровском уезде — организовавшийся в 1907 г. при фабрике Т-ва Покровской мануфактуры, при ст. Икша Савеловской жел. дор. Покровский отдел СРН, в составе которого в настоящее время числится 62 члена. Председателем отдела — крестьянин д. Суровцова Ольговской вол. Сергей Алексеевич Поперечнов,

товарищ председателя — крестьянин д. Степановой Ильинской вол. Григорий Кузьмич Шишанов, секретарь — крестьянин д. Мышенков Ольговской вол. Герасим Никифорович Черняев и казначей — крестьянин д. Хлопеннева Ильинской вол. Геннадий Константинович Смирнов, из них первые трое живут на фабрике, а последний на родине¹.

В остальных уездах Московской губ. монархических организаций совсем не существует.

Все выше перечисленные монархические организации, постепенно распадаясь, никакой деятельности в смысле воздействия на окружающую их среду в целях проведения в жизнь идей монархизма в последнее время совсем не проявляют; ни собраний, ни беседований, ни чтений не устраивают; значительная часть из них к событиям настоящего момента относится безразлично. Из числа стоящих во главе Коломенского отдела Союза русских людей товарищ председателя Буткин и члены этого отдела купцы Можаяв и Скорняков хотя и были на последнем съезде представителей монархических организаций в Нижнем Новгороде, но попали туда благодаря случайности: находились в это время по личным своим делам в Н. Новгороде. На председателя Покровского отдела СРН Поперечного фабричные рабочие смотрят как на лицо, вошедшее в состав этой организации исключительно из-за личных интересов: заслужить доверие администрации фабрики. Значительное число из числа членов означенных организаций, будучи по профессии торговцами, в последнее время всецело отдали себя делам коммерции.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 129—130.

1. «На родине», т. е. в деревне.

№ 97. Довесение начальника Самарского ГЖУ полковника Познанского товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

16 февраля 1916 г.

Обследованием деятельности монархических организаций по линии Самаро-Златоустовской ж. д. пока выяснено, что приблизительно с 1913 г. после приезда в г. Самару ревизора движения Александровской ж. д. Орлова с целью организовать на Самаро-Златоустовской ж. д. отдел Союза Михаила архангела, впервые было зарегистрировано существование этого отдела. Первое собрание отдела было устроено под председательством Орлова. Присутствовали начальник службы пути инженер Платон Христофорович Калина, товарный кассир Геннадий Мартынович Зайцев, начальник станции Смышляевка Александр Гаврилович Соколов. Орловым было предложено занять должность председателя в организуемом отделе инженеру Калине, но он отказался, выставив мотивом к отказу занимаемый им высокий пост. Тогда Орлов назначил председателем Соколова, а секретарем ему Зайцева. Тут же Орлов передал Соколову в нескольких экземплярах для распространения устав Союза Михаила архангела, биографию лиц, погибших во время революции за монархические идеи, и журнал «Прямой путь», и на этом собрание закончилось. После отъезда Орлова в отдел записалось несколько членов. Из них известны инженер Калина, запасный агент Неверов, агент по передаче багажа Садиков, какой-то главный кондуктор и немногие другие, список коим имеется будто бы у Соколова. Собраний членов отдела ни разу не было, никакого влияния на товарищей, сослуживцев они не имели и вообще деятельность до настоящего времени ни в чем не проявлялась. По сообщению Зайцева, происходило это от неудачного выбора в председатели отдела Соколова, человека совершенно неразвитого, не имеющего организаторских способностей, не умеющего ладить с окружающими и по поступкам своим производящего впечатление ненормального человека. Ввиду этого Зайцев совершенно устранил себя от всякой работы в отделе.

О вышеизложенном доношу Вашему Превосходительству в дополнение доклада от 16 января с. г. за № 1082.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 133—133 об.

№ 98. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань) Союзу русского народа (Ростов-на-Дону)

16 февраля 1916 г.

Просите Маркова, Балашова¹, Щегловитова вывести на чистую воду левых лжецов. [В] Думе, Совете требуйте выступления правительства с основательным

опровержением, готовьтесь оберечь самодержавие, пошлите сегодня копию этого от меня письмом Союзам [в] Новочеркасск, Воронеж, Харьков, Екатеринослав, Полтаву, Симферополь, Севастополь, Новороссийск, Туапсе, Армавир, Пятигорск, Баку. Прошу исполнение мне телеграфировать. Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 244, т. 1, л. 71.

1. *Имеется в виду П. Н. Балашов — один из лидеров правых в Совете объединенного дворянства. После создания Прогрессивного блока выступал за создание «Информационного бюро» правых и центра Думы и Государственного совета (по определению кадетов — «Черного блока»).*

№ 99. Донесение начальника Казанского ГЖУ товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

19 февраля 1916 г.

Вследствие циркулярного предложения Департамента полиции по 4-му делопроизводству от 22 декабря минувшего года за № 81 744 имею честь донести Вашему Превосходительству, что из числа правых организаций в гор. Казани существуют: 1) Царско-народное русское общество, 2) Русское собрание и при нем 3) Казанский СРН и 4) Боголюбский отдел Казанского СРН, район деятельности которого распространяется на прилегающие к городу слободы — Адмиралтейскую и Ягодную. Был еще «Отдел российского СРН», но он с началом войны распался и прекратил свое существование. Руководителем и председателем первой монархической организации — «Царско-народного русского общества» — состоит организатор ее, профессор энциклопедии и истории философии права в Казанском университете, доктор политической экономии, действительный статский советник Владислав Францевич Залесский¹. Он очень талантливый организатор, который мог бы поднять высоко деятельность своей организации и привлечь в ряды ее многочисленных членов, но, увлекаясь, вносит в политическую борьбу личные взгляды, не чуждые корыстных целей в смысле карьеры. Очень вспыльчивый, нервный, в пылу недовольства другими может повредить делу объединения. При таких условиях совместная работа с ним других монархических организаций становится очень трудной, а в некоторых случаях даже невозможной.

Численный состав этой организации, достигавший ко времени войны 1000 чел., в настоящее время упал до 200 чел., благодаря чему она влачит жалкое существование и не имеет никаких разветвлений. Деятельность ее как политической организации сведена почти на нет, но, как я указывал выше, председатель ее, обладая организаторскими способностями, может во всякое время оживить ее работу и влить новые силы в ее организм.

Остальные три организации — Русское собрание, Казанский СРН и Боголюбский отдел Казанского СРН — находятся под влиянием и общим руководством бывшего казначея Казанского университета Александра Титыча Соловьева, который является и председателем первых двух из них, председателем же третьего состоит священник Смоленско-Дмитриевской церкви в Ягодной слободе о. Николай Троицкий.

Личность первого — А. Т. Соловьева — в г. Казани далеко не заурядна. 2 декабря 1906 г., в бытность свою казначеем Университета, он подвергся нападению со стороны злоумышленников и был ранен (телеграмма моя Департаменту полиции от 20 декабря 1906 г. за № 11 998). Выйдя после этого в отставку, он всецело отдается общественной деятельности и принимает близкое участие в Обществе трезвости, Обществе бедных и других благотворительных обществах, не забывая в то же время и организованных им политических упомянутых выше монархических организаций. Будучи человеком в высшей степени устойчивым в своих убеждениях и преданным Государю и Родине, он ставит себе девизом: «Незыблемость Самодержавия и Православия на Руси» и много работает в этом направлении, являясь идейным работником. Будучи, однако, несколько односторонним во взглядах и слабым организатором, он не может широко и твердо поставить дело. Имеет непосредственное сношение с Центром СРН², и делает личные доклады начальнику Казанской губ., что производит впечатление на окружающих его лиц, и со стороны руководимых им организаций он пользуется полным доверием.

Священник о. Николай Троицкий является непосредственным помощником Соловьева по распорядительной и организационной части. По своим воззрениям он точный сколок с А. Т. Соловьева, но с более широким политическим кругозором. Обладает даром слова и может овладеть вниманием и волей слушателей.

Из других более или менее деятельных членов этих организаций можно указать на члена Казанского окружного суда статского советника Ивана Васильевича Питиримова и местного купца Федора Степановича Гребенщикова (он же корреспондент газеты «Русское знамя»).

Переходя далее к оценке сил и деятельности названных организаций, нужно сказать, что число членов их за время войны сильно уменьшилось и во всех трех организациях не превышает 500, как равно и работа их за то же время ничем не отмечена, но несмотря на это они представляются все-таки жизненными и устойчивыми, объединены между собою и продолжают поддерживать программу СРН (Дубровинского) в полной мере. Разветвления этих организаций хотя и имеются почти во всех уездах губернии (исключая Тетюшского, Чебоксарского и Мамалышского), но развиты слабо и деятельности их совсем не заметно. Численность всех уездных организаций не превышает 2000 человек.

В прежнее время связь с уездными организациями была прочнее налажена благодаря частым съездам на общие собрания, на которые Соловьев старался привлекать и членов благотворительных учреждений, как например, Общества трезвости и др., где он играет видную роль. В настоящее время никаких собраний не происходит. Русское собрание и Союзы русского народа могут мобилизовать свои силы путем создания новых отделов в уездах губернии, где могут найтись преданные Союзу люди. Средства для этого могут быть взяты заимобразно из сумм Попечительства о народной трезвости, которое [помимо] инвентаря и земельной собственности имеет достаточный наличный фонд. Такая мобилизация в результате может дать несколько тысяч преданных Родине и Государю людей.

Недостаток этих организаций заключается в том, что среди членов их нет достаточного количества людей настойчивых и энергичных, которые, обладая высоким образовательным цензом, могли бы взять на себя организационные функции. Простой же народ, при своей преданности девизу Союза «За Веру, Царя и Отечество», не является силой, способной вести партийную борьбу с членами революционных и прогрессивных организаций. Что касается влияния правых организаций на население губернии, то ввиду слабого развития их в уездах ее, говорить об этом не приходится. В данном случае само население, помимо влияния на него правых организаций, ставит себе их же девиз: «За Веру, Царя и Отечество».

Заканчивая обзор правых организаций, имею честь присовокупить, что настроение их в данное время выжидательно-спокойное, и кажущуюся их бездеятельность возможно объяснить тем, что в настоящее тяжелое время вообще всякая партийная борьба затихла. В случае же, если деятельность левых партий возобновится или работы Государственной думы уклонятся влево, то, без сомнения, правые организации будут реагировать на это и деятельность их примет более интенсивный характер.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915, д. 151, л. 135—137.

1. В. Ф. Залесский — помещик Казанской губ. (дер. Хлуднево), домовладелец в Казани, экс-профессор Казанского университета. В 1906 г. организовал Царско-русское общество (параллельно с отделом СРН), в 1908 г. провел первый Волжско-Казанский областной патриотический съезд. В «Обзоре движения монархических организаций» МВД за 1909 г. назван «почти октябристом». Участник многих съездов и совещаний правых деятелей.
2. Имеется в виду Дубровинский СРН.

№ 100. И. И. Дудниченко (Одесса) — А. И. Дубровину (Петроград)

21 февраля 1916 г.

Посылаю вам для «Русского знамени» доклад о развале школы. Велите его печатать фельетонами изо дня в день, чтобы сразу создать сильное и цельное впечатление.

Куда идет Пуришкевич?! В Одессе творятся ужасные вещи. Бенья Пеликан¹ не сегодня — завтра, съест, и я с громадною семьей останусь на улице. Родзевич в борьбе изнемогает. Что будет дальше — трудно и сказать. На мой призыв отозвалось 14 человек, приславших гроши². Извольте работать при таком положении.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1053, л. 505

1. Б. А. Пеликан (1861—1931) — дворянин, домовладелец, присяжный поверенный одесской ок-

ружной судебной палаты. С 1913 г. городской голова Одессы. Видный деятель правых организаций в Одессе. После 1917 г. эмигрировал в Сербию.

2. Имеется в виду просьба прислать деньги для поездки на совещание правых в Нижнем Новгороде (в ноябре 1915 г.).

№ 101. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань) председателю Государственного совета А. Н. Куломзину

23 февраля 1916 г.

Ваше Высокопревосходительство. Общее собрание Астраханской народной монархической партии, ознакомившись с возмутительной речью Гримма 9 февраля, подрывающей Самодержавие Государя, авторитет Правительства, науськивающей на него национальности, втягивающей в политику армию, было поражено тем, что Вы допустили произнесение ее, чем допустили впервые осквернить стены Государственного совета, поставив его в уровень с Думой, где наглые, хулиганские речи уже стали обыкновением.

Председатель партии

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 110, л. 126.
Частично опубликована: Союз русского народа. М.-Л. 1929, с. 324.

№ 102. Записка Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань)

24 февраля 1916 г.

Мною послана Н. Е. Маркову следующая телеграмма: «Сейчас прочел вашу великолепную речь, произнесенную 19 февраля. Укажите при первом случае, что требуемое ответственное министерство будет на самом деле безответственным. Надо твердить об этом все время, всем правым в Думе, в [Государственном] совете, а главное, чтобы речи эти передавались агентством». Следовало бы всей правой печати все время говорить об этом и понуждать к тому же членов правительства, Думы и Совета.

Н. Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 858, л. 62.

№ 103. Начальник Главного управления по делам печати — директору Департамента полиции Е. К. Климовичу

10 марта 1916 г.

Вследствие письма от 14 сего марта за № 102 682 имею честь уведомить Ваше Превосходительство: а) В. Г. Орлову из сумм Главного управления по делам печати субсидий не выдавалось и б) ст. сов. Кельцеву в 1915 г. было оказано пособие для московской монархической организации в размере 6000 руб. и на текущий год назначено, но еще не выдано: 1) на ту же организацию 6000 руб. и 2) на издание в Москве еженедельника «Коренник» 3500 рублей.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 358, л. 74.

№ 104. Директор Департамента полиции Е. К. Климович — С. В. Левашову (Петроград)

14 марта 1916 г.

Милостивый Государь Сергей Васильевич,

На совещании монархистов, происходившем 21—23 ноября 1915 г. в г. Петрограде для согласования деятельности монархических союзов, как видно из отчета, был избран Совет, который и признан общим центром для всех монархистов, впредь до следующего съезда.

Вследствие этого, полагая, что в Вашем распоряжении сосредоточены сведения о личном составе и деятельности отдельных союзов, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать мне в сообщении Вашего заключения, насколько жизнеспособной и плодотворной является деятельность Отечественного патриотического союза и Русского монархического союза и их отделов и в какой степени, по Вашему мнению, могли бы подлежать удовлетворению ходатайства председателей названных организаций В. Г. Орлова и С. А. Кельцева, из коих первый просит о субсидии в 16 200 руб. в год (7200 руб. на содержание Союза и его отделов, 4000 руб. — на содержание школы лекторов из рабочих, 5000 руб. — на содержание 6 ораторов), а последний, Кельцев — на выпуск правых периодических изданий

и 9000 руб. на устройство собраний и бесед в Москве и окрестных фабрично-заводских районах.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 358, л. 73—73 об.

№ 105. Донесение начальника Херсонского ГЖУ директору Департамента полиции
14 марта 1916 г.

Вследствие циркулярного распоряжения от 22 декабря 1915 г. за № 81744 доношу Вашему Превосходительству, что во вверенном мне районе монархических организаций нет, кроме г. Николаева, о чем начальником Николаевского розыскного пункта донесено сенатору Белецкому 1 февраля за № 6.

Существовавшие в период 1905—1908 гг. СРН, Союз Михаила архангела и Союз Николо-Георгиевский окончательно распались, да и ранее владели жалкое существование. Оставшиеся знамена и хоругви хранятся у бывших членов этих союзов, в большинстве у стариков, как например: в г. Елисаветграде у вдовы дворянки Веры Андреевны Подобедовой — 70 лет, пенсионерки, собирающей около себя таких же дряхлых старух под именем союзниц.

В г. Херсоне в настоящее время существует ссудосберегательное товарищество под председательством херсонского купца Дмитрия Алексея Шелина и членов, в большинстве из бывших участников СРН, — херсонских мещан и нескольких купцов, интересующихся общественной жизнью лишь в узких рамках ее, почему нет оснований полагать, чтобы кто-либо из них мог взять на себя инициативу и принести пользу в борьбе с революционным движением. В мест[ечке] Кривой Рог Херсонского уезда имеется отдел СРН всего лишь из 5 чел., который никакой деятельности в настоящее время не проявляет.

В г. Ананьеве имеется отдел СРН, насчитывающий в числе своих членов около 70 чел., и такой же отдел имеется в пос. Бирзуле Ананьевского уезда, насчитывающий членов около 17 чел., но в состав этих отделов входят по большей части люди малограмотные и даже совсем безграмотные, посему никаких собраний для обсуждения вытекающих из деятельности Союза программных вопросов не бывает и какой-либо самодеятельности не наблюдается, и потому местное население относится к ним совершенно безразлично, отделы эти ступивались и никакого значения не имеют.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 149—149 об.

№ 106. Донесение начальника Кубанского областного жандармского управления Департаменту полиции

15 марта 1916 г.

По циркуляру № 81744-1915 г. по 6-му д-ву. Доношу Департаменту полиции, что в районе, вверенном моему наблюдению, существуют следующие монархические организации:

В Кубанской области:

1) в г. Армавире Лабинского отдела — отдел СРН, возникший в начале 1906 г., организатором коего является крестьянин Области войска Донского, Донецкого округа, Мальчевской вол., х. Рогалики Владимир Федоров Морозов, проживающий в г. Армавире около 15 лет и занимающийся починкой и продажей гармоний; он же состоит председателем и руководителем этого отдела. Число членов в настоящее время зарегистрировано 51 чел., причем все члены Союза являются рабочие и мелкие торговцы, большинство которых неграмотные, как равно и сам председатель его Морозов, вследствие чего отдел этого Союза стоит на мертвой точке и уже несколько лет сряду ни в чем не проявляет своей активной деятельности за исключением того, что отдел содержит на членские взносы, добровольные пожертвования и небольшую плату за учение, одноклассное училище, в коем обучается около 30 душ детей. Влияния на местное население отдел Союза никакого не имеет; ввиду же своей непрочной организованности между членами его происходят нередко раздоры и недоразумения. В смысле оценки текущего политического момента за отсутствием какого-либо влияния на население отделом Союза никакие меры против оппозиционно настроенных к правительству групп не предпринимаются. При организации отдела Союза последний имел лишь патриотическое настроение с целью содействовать правительству в его борьбе с революционным движением, но впоследствии ввиду возможности доступа через доктора Дубровина к Государю

Императору отдел Союза часто брался за исходатайствование Высочайшей милости о помиловании осужденных, принятии в русское подданство и проч., за что выговаривал себе денежные пожертвования, а с жены местного купца Мисожникова, осужденного в каторгу, платившей десятки тысяч защитникам на суде, председатель союза Морозов требовал от нее, чтобы она не тратила эти деньги на защиту, и просил при этом купить для училища за 2—3 т дом, за что обещал, что муж ее по ходатайству союза будет Высочайше помилован. Ввиду таких явлений со стороны Армавирского отдела союза он среди местного населения потерял всякое доверие.

2) в г. Майкопе, Майкопский отдел СРН, возникший в 1906 г. и насчитывающий около 80 членов. Председателем этого отдела состоит отставной войсковой старшина Александр Федоров Чернявский, который хотя и с образованием и патриот, но вследствие старости не проявляет никакой активной деятельности. Другие члены отдела союза состоят преимущественно из рабочих, мелких торговцев и стариков, которые также неспособны предпринять какие-либо меры к оживлению деятельности отдела. В сентябре 1915 г. в ответ на сношение Главного управления СРН секретарем Майкопского отдела союза Сергеем Старченко написано было постановление от отдела союза просить правительство о недопущении учреждения ответственного министерства перед Государственной думой, но постановление это до настоящего времени лежит без движения, т. к. подписали его только секретарь и один член союза, в доме которого помещается отдел союза, других же членов для подписи постановления, при всем желании секретаря, пригласить на собрание не представилось возможным.

По имеющимся сведениям, необходимо придти к заключению, что вышеназванные два отдела СРН не представляют из себя прочной организованности, с отсутствием партийной самодеятельности, причем район действий каждого отдела ограничивается указанными городами и на другие близлежащие местности никакого отношения не имеют, не пользуясь в свою очередь каким-либо влиянием на местное население. Что касается принятой этими отделами позиции в смысле оценки текущего политического момента, то никаких указаний в этом отношении не добыто ввиду совершенной бездеятельности этих отделов, во главе их председателей, которые несомненно не являются идейными работниками и не имеют популярности. Некоторые члены проявляют боязнь на случай революционного выступления и стараются скрывать свою принадлежность к СРН.

В некоторых местностях (в станицах) Лабинского, Майкопского Баталпашинского отделов Кубанской обл., наблюдалось, что отдельные лица намеревались открывать отделы СРН, но за отсутствием средств и энергии эти отделы после своего открытия (куда местное население собиралось лишь с целью закусить и выпить водки, которая всегда к открытию союзов заготовлялась на средства лиц, желающих устроить пирушки при всяких к тому удобных случаях) в скором времени умирали, не проявив никаких признаков своего существования или деятельности.

3) в х. Романовском Кавказского отдела существует отдел СРН; численность членов этой монархической организации выражается около 50 человек. Председателем отдела Союза состоит урядник станицы Кавказской Илья Иванов Диденко, служивший ранее в Собственном Его Императорского Величества конвое; по убеждениям монархист. Союз этот прочной партийной организованности также не имеет, особенной деятельности не проявляет как в целом составе, так и в отдельности каждым членом. Какого-либо влияния на местное население отдел союза не имеет, т. к. лица, стоящие во главе, не пользуются популярностью среди населения, главным образом чему служит, по-видимому, то обстоятельство, что люди эти разных сословий не имеют почти никакого образования, мало разбираются в современных политических событиях и не располагают влиянием на др. членов отдела, хотя и возможно, что они являются идейными работниками, не преследующими каких-либо личных побуждений. В 1906 г. при Екатеринодарском окружном суде имелось дело по обвинению Диденко по 384 и 1480 ст. Улож. о наказ., каковое дело на основании закона 18 марта 1906 г. было препровождено в Новочеркасскую судебную палату, но чем таковое разрешилось — неизвестно.

В Черноморской губернии:

4) в г. Новороссийске существует монархическая организация под наименованием Черноморский отдел СРН. Выяснить личный состав этого отдела совершенно не представлялось возможным, т. к. на просьбу новороссийского полицеймейстера

ознакомиться со списком членов председатель упомянутого отдела заявил, что он не доверяет полиции и не намерен давать каких-либо сведений о СРН, ибо в случае революции все члены Союза будут тогда расстреляны революционерами. Председателем этого отдела более 10 лет состоит между прочим никем не избранный кр. Полтавской губ. Кобелякского уезда той же волости Потапий Харитонов Яланский, 57 лет, по ремеслу столяр, проживающий в г. Новороссийске, где он имеет небольшую мастерскую. В состав того же отдела Союза входят: Филатов Иван Константинов — частный поверенный, ныне отбывающий по приговору Екатеринодарского окружного суда тюремное заключение за растрату клиентских денег, Воробьев Иван Матвеев — мещанин г. Новороссийска, 45 лет, занимающийся писанием разных прошений по судебным делам и проч., так наз. на известном жаргоне «подпольный адвокат», и Немцов Александр Алесандров, почтово-телеграфный чиновник Новороссийской конторы. Помимо этих лиц, по слухам, некоторое отношение к местному отделу Союза имеет также потомственный почетный гражданин Семен Матвеев, Синицкий он же Михайлов, 62 лет, занимающийся писанием всякого рода деловых бумаг, прошений и газетных корреспонденций. Как более грамотный из числа союзников, Синицкий именуется секретарем отдела. Все упомянутые выше лица никаким авторитетом среди местного населения не пользуются и никакого влияния на последнее не имеют. По сведениям, никто из местных жителей не признает их идейными и продуктивными работниками, но скорее склонны указывать на них как на шантажистов, которые, прикрываясь флагом монархических организаций, преследуют только свои личные цели, не имеющие ничего общего с целями других монархических организаций, существующих в Империи. За последний период времени, по данным, имеющимся в управлении, деятельность местного отдела СРН, главным образом, во главе председателя Яланского, оказалась направленной исключительно к распространению разных вздорных слухов для опорочения местных административных лиц; слухи эти, несомненно, волнуют местное население, создают нежелательную атмосферу возбуждения и вызывают недоверие к местным начальствующим лицам. Произведенными при управлении расследованиями установлена была вредная деятельность в этом отношении названного Яланского, который в прошлом году распоряжением вр. генерал-губернатора предназначен был к высылке из пределов области и губернии, но затем распоряжение это было отменено с предупреждением Яланского, что в случае проявления в дальнейшем им какой-либо предосудительной деятельности, то он будет немедленно выдворен, но, как это усматривается из имеющегося в настоящее время при управлении нового расследования по анонимному доносу, поступившему на имя вр. генерал-губернатора, о якобы незаконных действиях должностных лиц губернии, автором такового в силу некоторых предположений можно того же заподозрить Яланского и его единомышленников; в общем личность эта довольно темная. В конце прошлого года он, присутствуя на одном только заседании местного военно-промышленного комитета, открыто там заявил, что в деятельности комитета он усматривает измену, а затем выпустил печатное воззвание ко всем рабочим с приглашением собраться в Городском доме, причем воззвание это самовольно подписал как уполномоченный Новороссийского отдела военно-промышленного комитета. Такая выходка Яланского заставила инженера Жарского от имени комитета отменить собрание рабочих и предложить Яланскому не утруждать себя посещением заседаний комитета. Кроме вышеизложенного, подробная характеристика личности Яланского изложена в донесениях Департаменту полиции от управления за № 7259 от 11 июля 1914 г. и помощника моего в Черноморской губ. за № 2343 от 24 июня 1915 года.

5) в посаде Туапсе Черноморской губ. имеется отдел Всероссийского Дубровинского СРН, открытый в июне 1914 г. по уполномочию Главного совета Союза Федором Михайловым Макаровским, который и стал председателем отдела. Названный Макаровский по распоряжению вр. генерал-губернатора по результатам произведенного при управлении расследования, как изблеченный во вредной деятельности для нравственной и духовной жизни Туапсинской Иверско-Алексеевской женской обители, был выслан в октябре 1914 г. в Томскую губ. под гласный надзор полиции. После высылки Макаровского председательствование в отделе принял на себя отставной поручик корпуса жандармов Петр Владимиров Бутенко. В начале открытия отдел насчитывал у себя более 12 чел.; в настоящее время вследствие

убыли членов по разным причинам совершенно никакой деятельности не наблюдается, и

б) в районе станции Тихорецкой Владикавказской ж. д. имеется Тихорецкий отдел Союза им. архангела Михаила, председателем коего состоит священ. Александр Семенов Кудрин. Численный состав до 20 чел. В настоящее время совершенно не функционирует. Из числа членов отдела более или менее можно указать, как на идейных, председателя и двух-трех членов, а остальные примкнули к отделу из-за личных побуждений в бытность председателем этого же отдела ныне умершего счетовода 3-й дистанции, который, по сведениям, имел связи в дистанции.

Других каких-либо монархических организаций в районе моего наблюдения и даже в г. Екатеринодаре как центре области не имеется.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 150—153.

№ 107. Донесение начальника Черниговского ГЖУ полковника Иванова директору Департамента полиции Е. К. Климовичу

19 марта 1916 г.

Доношу, что в пределах Черниговской губ. деятельности правых партий и монархических организаций нет и имеющийся только на бумаге СРН в г. Нежине ни в чем себя не проявил.

Правый элемент не в почете у общественных деятелей, принадлежащих к оппозиционному лагерю и имеющих влияние на общий ход жизни в губернии. При частных разговорах мне пришлось слышать такие фразы: «Запишись в союзники, так левые съедят, а начальство не поддержит». Разбирая сущность этой фразы, удалось установить, что в большинстве земских и городских учреждений верховодят если не революционно, то во всяком случае оппозиционно настроенные элементы, которым «претит» все патриотическое, и раз от кого-либо последнее исходит, на него начинаются нападки, с которыми представителям администрации не под силу бороться: всегда заправила найдут веский предлог к понижению по службе и даже увольнению «правого» человека, и таким образом преданный правительству человек оказывается выброшенным за борт. Чиновничья же среда, как обязанная начальством не принадлежать к какой-либо партии, стоит вне организаций и не записывается и не запишется в члены, раз не получит на то позволения свыше.

При нужде оказать сопротивление революционной деятельности, ячейки правых организаций надо создать из местных отделов Всероссийского общества попечения о беженцах русской национальности, куда привлечь людей твердых убеждений, и это легко сделать, так как идея устройства беженцев во вкусе всех слоев населения и деятельность этой организации в силу сложившихся обстоятельств является изолированной, так как поляки и евреи имеют свои комитеты (доклады за ноябрь и декабрь 1915 г.). Вышеуказанной организации предстоит широкая деятельность, и объединить ее в одно целое с монархическими организациями при желании вполне возможно, и этому вполне соответствует теперешний состав Совета под председательством епархиального архиерея, в каковой входят: товарищ председателя — Управляющий казенной палатой действительный статский советник С. М. Раевский (он же и казначей) и секретарь — неперемный член губернского по городским и земским делам присутствия Гринев [Грингмут], члены — директор реального училища действительный статский советник В. И. Круковский, Н. В. Оппоков и др. Этот состав, по убеждениям, не оставляет желать ничего лучшего. Помимо убеждений, как у архиерея, так и у управляющего казенной палаты, расселены подчиненные им лица по всей губернии, и их слово для организации окажет должное влияние. Раевский пользуется особым расположением подчиненных, обладает ораторским талантом, почему в деле организации является незаменимым работником. Будучи в Кишиневе, он при посещении Бессарабии Государем императором в 1914 г. был в народной охране, что характерно подтверждает чистоту и откровенность его убеждений.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 155—156.

(Продолжение следует)

Почему Тольятти не стал генеральным секретарем Коминформа

Г. М. Адibeков

В октябре 1950 г. намечалось заседание Секретариата Информбюро компартий (Коминформа). Судя по документам, любой вопрос, связанный с проведением таких заседаний, а тем более совещаний Коминформа, согласовывался с И. В. Сталиным.

21 сентября 1950 г. председатель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В. Г. Григорьян направил Сталину докладную записку, в которой предлагал созвать очередное заседание Секретариата Коминформа 10 октября в Бухаресте. В ней говорилось, что согласно Уставу Информбюро заседания Секретариата должны происходить по мере необходимости, но не реже одного раза в три-четыре месяца. Со времени же последнего заседания (апрель 1950 г.) прошло пять месяцев. Григорьян умолчал, что упомянутый пункт Устава ни разу не выполнялся.

По мнению Григорьяна, на предстоящем заседании Секретариата «представители компартий могли бы подвести итоги проделанной работы по проведению кампании за запрещение атомного оружия и наметить меры для усиления подготовки к созыву второго Всемирного конгресса сторонников мира»¹. На этом же заседании предлагалось обсудить вопрос о состоянии и задачах коммунистической прессы, заслушав сообщения представителей компартий. Правда, каких конкретно партий, в записке не было сказано.

Далее Григорьян рекомендовал обменяться на заседании Секретариата мнениями о созыве в конце ноября — начале декабря 1950 г. очередного совещания Коминформа для рассмотрения следующих вопросов: о дальнейших задачах борьбы за мир, против поджигателей новой войны; о мерах борьбы с террористической деятельностью реакции против коммунистического движения. Естественно, что такой важный документ не мог не быть согласован с М. А. Сусловым как секретарем ЦК и представителем советской компартии в Коминформе. Тем более, что в той же записке предлагалось подготовку материалов к намечавшемуся заседанию Секретариата поручить комиссии в составе Суслова, М. Б. Митина и Григорьяна. Суслов же, не обговорив со Сталиным поднятые в записке Григорьяна проблемы (видимо, ограничился советами и указаниями В. М. Молотова и Г. М. Маленкова, курировавших в политбюро внешнюю политику), на сей раз попал впросак.

Впервые за всю историю Информбюро Сталин отверг предложение руководителей внешнеполитической структуры ЦК и неожиданно решил поставить в центр дискуссии на ближайшем заседании Секретариата Коминформа вопрос... о расширении функций Информбюро. К сожалению, доступные нам архивные данные не позволяют пока выяснить происхождение этой проблемы: например, чем (или кем?) навеяна (или подсказана?) была Сталину идея коминтернизации Коминформа.

Адibeков Грант Михайлович — доктор исторических наук.

26 октября Григорьян направляет Сталину новую докладную записку, переработанную на основе его замечаний. От содержания сентябрьского документа осталось лишь предложение по второму вопросу, да и то в конкретном преломлении: «заслушать доклады редакторов центральных органов компартии Италии — «Унита» и компартии Чехословакии — «Руде право»². Значительная часть документа посвящена краткому изложению и обоснованию сталинской идеи. Первые строки нового варианта записки повторяли намек на необходимость соблюдения Устава в отношении регулярного проведения заседаний Секретариата Коминформа. Далее в документе говорилось: «1. Представители партий в Секретариате Информбюро могли бы рассмотреть вопрос о расширении функций Информбюро коммунистических и рабочих партий и выработать соответствующие предложения для внесения их на обсуждение очередного Совещания Информбюро компартий. По предварительной договоренности этот вопрос мог бы внести на рассмотрение Секретариата представитель компартии Франции».

Созыв заседания Секретариата Коминформа предлагалось наметить на вторую половину ноября в Бухаресте.

В рекомендациях Секретариата Коминформа по вопросу о расширении функций Григорьян предлагал: а) указать на то, что необходимость расширения функций Информбюро вытекает из всей международной обстановки, более тесного объединения усилий братских компартий в борьбе за дело мира, за отпор империалистической реакции и в деле защиты политических и экономических интересов рабочего класса и народных масс; б) подчеркнуть, что опыт работы Информбюро полностью оправдал создание этого органа и теперь назрел вопрос о расширении функций Информбюро ввиду того, что круг вопросов, по которым партии испытывают потребность во взаимной консультации и согласовании своих действий, расширился, назрела необходимость установления более тесного контакта между партиями как в области общеполитической, так и по вопросам идеологической работы, пропаганды, партийно-организационного строительства, деятельности коммунистической прессы; в) выдвинуть вопрос о создании постоянно действующего Секретариата Информбюро и учреждении должности генерального секретаря Информбюро компартий для обеспечения постоянного руководства деятельностью Информбюро.

Григорьян считал целесообразным во второй половине декабря 1950 г. созвать очередное совещание Коминформа, на котором обсудить вопрос о расширении его функций, создать постоянный Секретариат Коминформа и избрать генерального секретаря, рассмотреть вопрос о структуре аппарата Коминформа, имея в виду организационное укрепление и усиление собственно аппарата³.

На состоявшемся 28 октября заседании политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «О созыве очередного заседания Секретариата и Совещания Информбюро коммунистических и рабочих партий». В нем повторялись предложения, изложенные в октябрьской докладной записке Григорьяна, а также одобрен проект «Предложений Секретариата Информбюро о расширении функций Информбюро коммунистических и рабочих партий», подготовленный сотрудниками Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б). Пункты 2 и 3 этого проекта гласили: «2. Секретариат Информбюро, руководствуясь полностью оправдавшим себя принципом взаимного согласия и добровольной координации действий между партиями, будет выполнять следующие функции: а) ставить на обсуждение коммунистических и рабочих партий вопросы, возникающие в связи с международной обстановкой и требующие объединения усилий и единых акций рабочего класса и трудящихся и их передового, коммунистического авангарда различных стран для борьбы против угрозы войны, в защиту политических и экономических интересов трудящихся; б) заслушивать доклады коммунистических и рабочих партий с целью обмена опытом и улучшения их работы и выносить рекомендации партиям по этим докладам; в) готовить, по просьбе коммунистических и рабочих партий, советы последним по вопросам их политической линии и практической деятельности для внесения этих рекомендаций на обсуждение Совещаний Информбюро, а в случае неотложной необходимости — принимать постановления и директивные указания, обязательные для соответствующих партий; г) способствовать коммунистическим и рабочим партиям в их работе в области организационно-партийного строительства, пропаганды марксистско-ленинской теории, улучшения всей идеологической

работы партий и усиления борьбы с реакционной идеологией; д) проверять выполнение решений Совещаний Информбюро и подготавливать вопросы для обсуждения на Совещаниях Информбюро; е) осуществлять руководство газетой «За прочный мир, за народную демократию!». 3. Совещание Информбюро считает необходимым создать Секретариат Информбюро в качестве постоянно действующего органа и учредить пост Генерального Секретаря Информбюро»⁴.

На заседании Секретариата Коминформа, проходившем 22—24 ноября в Бухаресте, при обсуждении вопроса о расширении функций ни в докладе Этьена Фажона, ни в выступлениях Г. Георгиу-Деж, Э. Д'Онофрио, М. Хорвата, Г. Бареша и Я. Бермана не упоминалось об учреждении поста генерального секретаря. Об этом сказали в своих речах лишь Суслов и Г. Чанков.

Судя по документам, хранящимся в РЦХИДНИ, Суслов, уже находясь в Бухаресте, к предложенной Фажоном функции Секретариата — подготавливать, по просьбе компартий, как входящих, так и не входящих в Информбюро, советы по вопросам их политической линии и практической деятельности для внесения этих рекомендаций на обсуждение Информбюро — собственноручно приписал: «а в неотложных случаях давать директивные указания, обязательные для соответствующих партий, входящих в Информбюро». Это дополнение вошло (скорее всего, по настоянию Сталина) в протокольную запись речи Суслова, а также, в несколько отредактированном виде, в резолюцию Секретариата: «а в случаях неотложной необходимости — принимать постановления и директивные указания, обязательные для соответствующих партий, входящих в Информбюро»⁵. Различие как будто чисто стилистическое. Но, по Сулову, «давать директивные указания» от имени Секретариата Коминформа мог бы и единолично будущий генеральный секретарь, а резолюция обязывала коллективно «принимать» обязательные для партий решения. И все же, даже в такой казалось бы демократической оболочке принятие этого тезиса означало дальнейшую коминтернизацию Информбюро, вмешательство в дела других партий, диктат над ними.

В период подготовки к 23 декабря — дню открытия намечавшегося совещания Коминформа — появились обстоятельства, не позволявшие провести совещание в назначенный срок. 2 декабря 1950 г. посол СССР в Италии М. Костылев телеграфировал в советский МИД: «Поздно вечером 2 декабря Пьетро Секкья вручил мне для срочной передачи в Москву в Инстанцию (имеется в виду политбюро ЦК ВКП(б) — Г. А.) следующую записку (записку написал Тольятти в Сорренто и там же 1 декабря вручил моему собеседнику; записку я передаю в моем переводе с итальянского): «Дирекция компартии Италии полностью согласна с решениями, принятыми на заседании секретариата Информационного бюро. Относительно даты созыва намеченной конференции Информационного бюро дирекция компартии Италии предлагает отложить созыв этой конференции приблизительно на месяц, то есть созвать ее около 20 января. Это потому, что к предложенной дате (23 декабря) не считается возможным участие тов. Тольятти. Тов. Тольятти находится сейчас в стадии выздоровления. Раны, сделанные во время операции, закрылись недавно⁶; врачи предписывают тов. Тольятти длительный период отдыха. Тов. Тольятти может выехать из Италии в Москву между 10 и 15 декабря»⁷.

Тем же вечером 2 декабря П. Секкья рассказал Костылеву о встрече 1 декабря в Сорренто с Тольятти, в которой, кроме Секкья, участвовали Л. Лонго и Э. Д'Онофрио⁸. Секкья подчеркивал, что «в Москве ни в коем случае не следует обременять Тольятти работой, так как он очень и очень слаб и весьма быстро утомляется. Нечего и думать о том, чтобы направить Тольятти к 23 декабря на конференцию Информационного бюро, так как к этому времени Тольятти безусловно будет не в состоянии как принять участие в работах конференции, так и вынести дополнительное длительное путешествие от Москвы до Бухареста и обратно, а затем путешествие на Кавказ». Секкья попросил Костылева, чтобы заключения советских врачей о состоянии здоровья Тольятти передавались ему, Секкья, из Москвы через Костылева в доверительном порядке систематически, не реже одного раза в 10 дней⁹. В этой же шифротелеграмме Костылев высказал по затронутым в беседе с Секкья вопросам свою точку зрения: «Я также полагаю, что Тольятти не в состоянии будет работать по крайней мере в течение месяца, считая со дня прибытия в Москву. Надо немедленно отказаться от идеи везти Тольятти к 23 декабря из Москвы на конференцию Информационного бюро и от идеи сделать его участником

этой конференции. Быстрое включение Тольятти в работу чревато очень большими опасными последствиями для состояния его здоровья»¹⁰.

После обсуждения создавшейся ситуации политбюро ЦК ВКП(б) 8 декабря приняло следующее постановление: «Считать целесообразным перенести, по просьбе Итальянской коммунистической партии, срок созыва Совещания Информбюро коммунистических и рабочих партий с 23 декабря на 25 января 1951 года». Политбюро утвердило текст соответствующей телеграммы за подписью Суслова, направленной Ж. Дюкло, К. Готвальду, Б. Беруту, М. Ракоши, Г. Георгиу-Дежу, В. Червенкову. В телеграмме ничего не говорилось о причинах переноса совещания. На том же заседании политбюро утвердило текст телеграммы советскому послу в Италии М. Костылеву: «Передайте по поручению Инстанции [т. е. политбюро — Г. А.] тов. Тольятти следующее: «С Вашим предложением о перенесении срока созыва Совещания Информбюро на январь месяц — согласны. По этому поводу обратились к соответствующим партиям с предложением созвать Совещание Информбюро 25 января 1951 г. Об их мнении по этому вопросу поставим Вас в известность. Суслов».

Получение подтвердите, исполнение телеграфируйте. Громыко».

Следующий, 191-й, пункт протокола «особой папки» политбюро (заседание от того же 8 декабря) назывался: «О приезде в СССР на лечение тов. Тольятти». Политбюро постановило: «Принять предложение Внешнеполитической Комиссии ЦК и направить в Вену для встречи и сопровождения тов. Тольятти в Москву проф. Бакулева А. Н. (Леч[ебно-]сан[итарное] упр[авление] Кремля) и тов. Шевлягина Д. П. (Внешнеполитическая Комиссия)» Политбюро утвердило тексты двух телеграмм за подписью А. Громыко — советскому послу в Италии Костылеву и политическому советнику СССР в Австрии Коптелову: «Рим. Совпослу. Наши врачи-специалисты не советуют тов. Тольятти лететь часть пути до Москвы самолетом. Если со стороны тов. Тольятти не будет возражений, то для него на польско-советскую границу будет направлен специальный салон-вагон, который доставит его и сопровождающих его лиц до Москвы. От Варшавы до советской границы тов. Тольятти и его семья могли бы следовать в том же самом вагоне, в котором они прибывают в Варшаву. Договоренность с польскими товарищами о следовании этого вагона до советской границы имеется. Было бы желательно, чтобы в вагоне Рим — Варшава были забронированы два места для проф. Бакулева А. Н. и тов. Шевлягина Д. П., которые прибывают заблаговременно в Вену для встречи и сопровождения тов. Тольятти и его семьи от Вены до Москвы. Пожелания тов. Секкья относительно регулярной высылки в Рим бюллетеня о состоянии здоровья тов. Тольятти и его режима во время пребывания в СССР будут выполнены. Просим заблаговременно сообщить точный день выезда тов. Тольятти из Рима. Громыко».

«Вена. Коптелову. В соответствии с имеющейся с Вами договоренностью считаем целесообразным, чтобы Вами были приняты меры для встречи тов. Тольятти на демаркационной линии между английской и советской зонами Австрии, а также для дальнейшего его сопровождения до чехословацкой границы. В Вену прибывают для встречи и сопровождения тов. Тольятти до Москвы, — проф. Бакулев и тов. Шевлягин. О дне выезда тов. Тольятти поездом Рим — Вена — Варшава сообщим дополнительно. Громыко».

По прибытии в Москву 20 декабря, в соответствии с планами ЦК ВКП(б), Тольятти был отправлен в больницу, а Леонильду Йотти, Маризу и Л. Амадези отвезли в санаторий ЦК «Барвиха». Накануне рождества в комнату Тольятти в «Барвихе» позвонил Сталин. Об этой беседе рассказано в известной книге Дж. Бокка о Пальмиро Тольятти. Сталин впервые предложил руководителю итальянских коммунистов занять пост генерального секретаря Информбюро. Ни в тот день, ни в новогоднюю ночь на даче Сталина Тольятти не давал ни согласия, ни категорического отказа. Возможно, не последнюю роль играло здесь и то обстоятельство, что в руководстве ИКП имелись люди, которым было бы на руку принятие Тольятти сталинского предложения. Поэтому Тольятти написал письмо руководству ИКП, в котором изложил суть предложения Сталина и свое отрицательное отношение к нему. 4 января 1951 года Тольятти написал письмо Сталину (опубликовано в журнале «Источник», 1995, № 3). Оно начиналось так: «Дорогой товарищ Сталин! Я много думал над предложением о моем назначении на пост Генерального секретаря Информбюро, Мне очень тяжело выразить мнение, не

совпадающее с Вашим; но мне кажется, что итальянская компартия в настоящее время не может согласиться на это предложение»*. Далее Тольятти изложил свои аргументы.

По мнению Тольятти, ИКП предстоит трудное время, когда правительство еще более решительно берет курс на репрессивные меры против партии. Но, по его мнению, умелое партийное руководство сможет еще в течение длительного времени отстаивать легальное существование партии, а также и расширить ее влияние. «Но именно в такой момент нельзя было бы оставить партию и рабочий класс без т. Т. и его деятельности. Иначе это означало бы большое ослабление нашего фронта. Значительная часть общественного мнения, часть самого рабочего класса, а также часть членов нашей партии наверняка истолкуют назначение Т. на работу за границей, как признак того, что партия считает более невозможным удержать и защищать свое легальное существование. Вследствие этого может серьезно пострадать работа партии и профсоюзов» (имелась в виду Всеобщая итальянская конфедерация труда, находившаяся под влиянием ИКП).

Следующий довод, выдвинутый Тольятти в письме Сталину, — начинавшаяся в марте 1951 г. избирательная кампания по выборам в муниципалитеты. Выборы имели большое политическое значение, если учесть, что в то время в руках коммунистов находилось управление почти всех крупных городов Северной Италии (Турин, Генуя, Венеция, Болонья и т. д.) и большого числа городов Центральной Италии (Флоренция, Ливорно и т. д.). Правительство намерено было во что бы то ни стало изгнать коммунистов из муниципалитетов этих городов. По мысли Тольятти, «если до выборов т. Т. будет назначен на работу за границей и будет находиться вне страны, то наши враги сосредоточат вокруг этого факта всю свою пропаганду и провокационные нападки. Само по себе отсутствие Т. намного ослабит всю нашу предвыборную пропаганду».

Еще один важный момент — предстоящий в начале марта 1951 г. VII съезд ИКП, которым должен был руководить Тольятти и он же намечался докладчиком по первому пункту повестки дня съезда (отчет ЦК, борьба за мир и за единство рабочего класса).

Наконец, не очень лестно Тольятти отозвался о самом Коминформе: «Что касается Информбюро и состава его Секретариата, то я, не зная, как там организуют работу, не в состоянии выразить определенное мнение. Итальянские товарищи, которые до сих пор были в Бухаресте в качестве членов Секретариата Информбюро, создали у меня впечатление о том, что у них очень мало действительной работы. С другой стороны, я заметил, что в последнее время (в течение 6—8 месяцев) компартии капиталистических стран получают все более интенсивную помощь в развертывании своей работы, но эту помощь они получали больше от Секретариата Исполкома Всемирного Конгресса сторонников мира, чем от Информбюро. Точнее сказать, Информбюро определило общую политическую линию, но Секретариат Исполкома сторонников мира сумел дать конкретные, а также и оперативные указания по развитию борьбы за мир. Например, в Англии и США в этой области намечается важный поворот. На основе этого опыта у меня создается впечатление, что в нынешних условиях легче добиться улучшения нашей работы в международном масштабе путем укрепления и развития таких движений, как сторонники мира, чем через действия полулегальной организации, какой является для наших партий Информбюро». Таким образом, по мнению Тольятти, коммунистическое движение полусекретному Коминформу должно было предпочесть широкое движение борцов за мир во всем мире, на что обратил особое внимание Сталин **.

18 января политбюро ЦК ВКП(б) утвердило текст телеграммы центральным комитетам компартий Франции, Болгарии, Чехословакии, Польской объединенной рабочей партии, Венгерской партии трудящихся, Румынской рабочей партии: «В связи с тем, что выдвижение кандидатуры генерального секретаря Информбюро компартий в настоящее время встречает серьезные затруднения и что решение этого вопроса связано с расширением функций Информбюро, являющимся главным

* Абзац отчеркнут на полях Сталиным.

** Сталин отчеркнул на полях конец абзаца, со слов «путем укрепления и развития таких движений».

вопросом предстоящего совещания Информбюро, — ЦК ВКП(б) и ЦК Итальянской компартии вносят предложение отложить месяца на два-три намеченное на 25 января совещание Информбюро. О сроке созыва очередного совещания Информбюро Секретариат внесет предложения дополнительно после консультации с партиями. ЦК ВКП(б), ЦК Итальянской Компартии»¹¹.

По-видимому, в Москве не хотели расставаться с идеей видеть Тольятти в кресле генсека Коминформа. 19 января Тольятти встретился с «руководителями ВКП(б)» (в Архиве Президента Российской Федерации мне сообщили, что там нет записи этой беседы), а 20 января — с прилетавшими в Москву Л. Лонго и П. Секкья. 1 февраля состоялось заседание руководства ИКП, о чем Секкья и Коломби информировали руководство Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б). Как отмечалось в информационной записке, подписанной Тольятти, Секкья и Коломби и переданной 12 февраля Григорьяну (в тот же день пересланной Григорьяном Сталину), «На этом заседании Руководства на основе состоявшихся накануне бесед с руководителями ВКП(б) был подробно обсужден вопрос относительно безопасности товарища Тольятти и относительно мероприятий по обеспечению его безопасности в настоящей обстановке». Далее в документе указывалось: «Члены Руководства единогласно выразили мнение, что совет, полученный от советских товарищей о целесообразности для товарища Тольятти не проживать постоянно в Италии, должен быть принят. Было бы необходимо, следовательно, организовать обычное место работы тов. Тольятти за границей (как можно ближе к Италии), где ему надлежало бы находиться большую часть своего времени, не исключая, однако, его присутствия в Италии в связи с потребностями важных политических событий. Событием такого рода является в данное время съезд партии. В то же время товарищи из Руководства партии считают, что на товарища Тольятти не следовало бы возлагать ответственность за руководство международной организацией, как потому, что это могло бы вызвать применение против него таких мер со стороны правительства, которые могли бы затруднить его возвращение в Италию, так и потому, что товарищи считают, что все силы товарища Тольятти должны быть посвящены политическому руководству Итальянской компартии». Таким образом, в Руководстве ИКП условились, что Тольятти будет участвовать в предстоящем съезде партии, для чего должны быть приняты все необходимые меры безопасности.

В сопроводительном письме Сталину, при пересылке ему указанной выше информационной записки Тольятти, Секкья и Коломби, Григорьян писал: «Товарищ Тольятти просил передать, что, если информационная записка ясно освещает вопрос и нет необходимости в беседе на эту тему с советскими товарищами, то т.т. Секкья и Коломби могли бы немедленно выехать в Рим. Если же советские товарищи, сказал тов. Тольятти, сочтут необходимым иметь беседу с ним и прибывшими из Италии товарищами Секкья и Коломби по существу вопросов, изложенных в записке, то он просит сообщить, когда такая беседа могла бы состояться»¹².

Пока не удалось выяснить, сочли ли «советские товарищи» «необходимым иметь беседу» с Тольятти, Секкья и Коломби. Скорее всего, такая беседа, после исчерпывающей аргументации, изложенной в информационной записке, вряд ли имела смысл. Позиция большинства — теперь уже подавляющего — руководства ИКП, была ясна: сталинское предложение отвергнуто не только самим Тольятти, но и его соратниками.

Попытка Москвы коминтернизировать Информбюро оказалась безуспешной. Отказ Тольятти возглавить обновленный Коминформ, его аргументы-сомнения относительно перспектив эффективного функционирования Коминформа могли повлиять на отношение Сталина к этой международной коммунистической структуре: он терял к нему прежний интерес. Так или иначе, четвертое совещание Коминформа не состоялось. Ни разу не собирался на свои заседания и Секретариат. С этого времени, отойдя от активной деятельности, Коминформ стал хиреть и чахнуть. Он все более и более играл лишь роль международного передаточного «почтамта», посредством которого руководители многих компартий обменивались конфиденциальной корреспонденцией.

Примечания

1. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 575, оп. 1, д. 129, л. 10.
2. Там же, л. 43.
3. Там же, лл. 42—43.
4. Там же, ф. 17, оп. 162, д. 44, лл. 213—214.
5. Там же, ф. 575, оп. 1, д. 123, л. 79; д. 122, лл. 32, 100.
6. В Архиве внешней политики (АВП) Министерства иностранных дел Российской Федерации хранится шифротелеграмма посла СССР в Италии М. Костылева в МИД СССР от 21 ноября 1950 г.: «Друзья (так принято было в официальных советских материалах называть зарубежных коммунистов — *Г. А.*) мне сообщили о состоянии здоровья Тольятти следующее: Врачи считают, что выздоровление проходит нормально. Больной делами не занимается, отдыхает (газет не читает, как не читает и документов). Чувствует большую усталость; когда низко наклоняется, ощущает головокружение... Через несколько дней предполагает выехать на кратковременный отдых в район Сорренто. На лечение и отдых в [Советский] Союз предполагает выехать не раньше как дней через 15 или 18 (выехать раньше не позволит состояние здоровья)» (АВП МИД РФ, ф. 59а, л. 1).
1 декабря Костылев телеграфировал из Рима: «Полагаю, что визы на въезд в СССР для Тольятти и его жены мне надо будет выдать без анкет и фотографий и что одновременно мне надо будет выдать Тольятти открытый лист. Что касается близких людей, которых Тольятти пожелает взять с собой, то прошу Вас сообщить, следует ли мне брать от каждого из них анкеты и фотографии и следует ли мне запрашивать у Вас индивидуальные разрешения на выдачу визы на въезд в СССР для каждого из них. По моему мнению, не следует» (Там же, л. 2).
7. Сначала намечалось, что Тольятти выедет из Рима в Вену (для дальнейшего следования в СССР) 14 декабря в 7 часов 45 минут утра поездом прямого следования Рим — Вена (через Тарвизио) — в спальном вагоне. «Вместе с Тольятти, — сообщал Костылев, — выедут его жена Йотти Леонильда и приемная дочь Мариза. Возможно, что Тольятти возьмет с собой Луиджи Амадези (он долго жил в СССР под фамилией Ловера, работал в СССР в течение многих лет (примерно до 1946 г.) в Комитете по радиоинформации в редакции передач на итальянском языке; в последнее время работает в Информбюро в Бухаресте). Тольятти желает, чтобы советский врач и пограничный офицер встретили его в Винер-Нейштадт и обеспечили его благополучное прибытие в советскую зону оккупации Вены. Тольятти выразил пожелание следовать (вместе с сопровождающими его лицами) от Вены до Москвы на специальном советском самолете, который должен не позднее утра 15 декабря быть готовым к отлету из Вены в Москву и чтобы его сопровождал от Вены в Москву советский врач. 9 декабря Тольятти возвратится из Сорренто в Рим. Он очень слаб и весьма быстро утомляется» (АВП МИД РФ, там же, лл. 9—10). Однако 12 декабря выяснилось, что выезд из Рима откладывается на три дня и состоится 17 декабря в те же утренние часы тем же поездом из-за некоторого ухудшения состояния здоровья («в области раны на голове». — Там же, л. 15).
8. Речь шла о том, что, несмотря на нормальный процесс выздоровления, Тольятти все еще «чувствует большую слабость и быстро устает; во второй половине дня его работоспособность резко понижается». (Там же, л. 5).
9. Первое сообщение из Москвы за подписью А. Громыко на имя Костылева, направленное в 20-х числах декабря в Рим, начиналось словами: «Передайте друзьям следующий текст заключительного консилиума профессоров о состоянии здоровья Тольятти: «Товарищ Тольятти поступил в больницу [Центральная клиническая больница, так называемая Кремлевка] 20 декабря с. г. Общее состояние удовлетворительное... Консилиум считает необходимым оставить товарища Тольятти в больнице еще на 7—10 дней для наблюдения и проведения необходимого лечения. После указанного срока будет решен вопрос о том, где и в каких условиях наиболее целесообразно проводить дальнейшее лечение и отдых». (Там, л. 24). Известно, что Тольятти, Йотти, Мариза и Л. Амадези перед Новым годом поселились в подмосковном санатории ЦК «Барвиха».
10. АВП МИД РФ, ф. 59а, лл. 6—7.
11. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 45, лл. 8, 69—72, 138.
12. Архив Президента Российской Федерации, ф. 45, оп. 1, д. 319, лл. 33, 34.

ИСТОРИОГРАФИЯ

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ. *История русской социологии.* М. Высшая школа. 1993. 318 с.

В отличие от зарубежных исследователей, наши специалисты редко обращаются к истории российской социологии XIX — начала XX века. В советское время творческое наследие предтеч российской социологии и ее корифеев — Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, С. А. Муромцева, М. М. Ковалевского, П. Н. Милюкова, П. А. Сорокина и ряда других ученых так и не было востребовано, а изучение этой проблематики сводилось в основном к критике «субъективной социологии народничества». А между тем дореволюционная социология в России представляла собой концентрированное выражение российской науки и российского либерализма; многие идеи этих социологов созвучны нашему времени и истинное их значение раскрывается только в наши дни.

В монографии доктора философских наук А. Н. Медушевского освещена вся история российской социологии. Это, конечно, потребовало от автора изучения не только основополагающих трудов российских социологов, но и их университетских лекций и статей, разбросанных в многочисленных научных и общественно-политических журналах, преимущественно либеральной и народнической ориентации. Удачны и архивные разыскания автора, в частности, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), где им были обнаружены новые документы, позволяющие полнее представить взгляды Муромцева, Милюкова, Ф. Ф. Кокошкина, Сорокина и ряда других российских ученых.

В книге рассмотрены основные этапы становления и развития социологии в России, показана специфика каждого из них, взгляды представителей различных научных направлений. Историю русской социологии автор прослеживает в ее взаимодействии с мировой наукой, как органическую часть последней. Гегель, О. Конт, Г. Спенсер, Г. Бокль, Р. Иеринг и другие мыслители оказали влияние на русских ученых, но и русская социоло-

гия (в лице Ковалевского, М. Я. Острогорского, Сорокина и др.) внесла ощутимую лепту в мировую социологическую науку. Имели место взаимодействие и тесные личные контакты русских и зарубежных ученых, а не просто филиация или культивация западных идей на российской почве.

Определяющее воздействие на развитие российской социологии оказала сама история России в конце XIX — начале XX века. Именно она обусловила тяготение русских ученых к разработке общеполитических концепций исторического развития, целостной истории России, сравнительно-исторический анализ ее прошлого, привнесение «политики» в академическую науку, а также активное участие в политическом процессе. Автор прав, утверждая: «Мыслители России, внесшие существенный вклад в развитие социологии, выступали и как философы, и как специалисты в области исторической и правовой науки, и как политики. Каждая из сторон их деятельности обогащала другую, и потому деятельность русских социологов представляла собой особый неповторимый синтез» (с. 7).

Три части книги посвящены эволюции философских основ русской социологии, становлению предмета и метода социологии как особой дисциплины среди других общественных наук, взаимодействию социологии и политического процесса. Характерно, что уже в пору своего становления русская социология занималась решением сакрального для нашей страны вопроса: «Что делать?», звучащего и сегодня в унисон с вопросами, которыми одержимы и современные социологи, историки, философы, политики: «Откуда и куда идет Россия?».

Развитие России в XIX в., необходимость выбора своего исторического пути потребовали от гуманитарных наук нового подхода к оценке прошлого и современности. Преимущественное внимание об-

рашалось на опыт передовых стран Запада и соответственно на развитие сравнительных методов, проблемы, связанные с взаимоотношением общества и государства, их цели и функции, эволюционный и революционный пути модернизации с учетом общественной практики. Социологи вовлеклись в политическую борьбу. «На этом пересечении научных и политических интересов общества и родилась русская социология» (с. 290), что, по мнению автора, позволяет объяснить ее основные черты: тесную связь социологических взглядов с общефилософским мировоззрением, стремлением к целостному восприятию социальной действительности; особый интерес к проблеме социального конфликта и способам его разрешения; обращение к социологии прежде всего оппозиционных сил общества, заинтересованных в изменении старого порядка, понимание, именно с этой точки зрения, принципов его функционирования.

Поэтому и социальные корни социологии прослеживаются преимущественно в среде демократической интеллигенции, отстаивавшей идеи гражданского общества, правового государства и прав личности. Истоки русской социологии обнаруживаются в трудах представителей юридической школы Чичерина, Кавелина, А. Д. Градовского, выработавших стройную концепцию исторического процесса, основателей русского конституционализма. Философским фундаментом русской социологии стал позитивизм.

Значительное место в работе уделено трудам правоведов, выдвинувшихся на протяжении второй половины XIX века и в начале XX века на авансцену общественных наук. В. И. Сергеевич, Муромцев, Н. М. Коркунов и их ученики сумели создать социологическую школу права. Но ключевой фигурой в конце XIX — начале XX в. был бесспорно Ковалевский (даже Социологическое общество в предреволюционной России носило его имя), легализовавший социологию как науку с ее собственным предметом и методом. Он использовал ее методы (особенно сравнительно-исторический) для познания закономерностей развития как западноевропейского, так и русского общества, хотя взгляды его с течением времени подвергались изменениям. Теория факторов, идеи Ковалевского о солидар-

ности, прогрессе, стадиях экономического роста, пустили, как показано в книге Медушевского, глубокие корни в российской социологии. К числу талантливых его учеников принадлежит и Питирим Сорокин.

Социология нашла верных приверженцев и среди историков. Н. И. Кареев широко применял социологический метод в исторических исследованиях. Как председатель Социологического общества он активно участвовал в международных социологических конгрессах, встречался со многими зарубежными социологами. И в советское время, когда его перестали печатать, он сохранил социологическое мировоззрение. В своих воспоминаниях «Прожитое и пережитое» он писал о «социологической необходимости» назревших кардинальных изменений в стране в эпоху «трех революций». В конце XIX — начале XX вв. такие крупнейшие ученые, как В. О. Ключевский, Н. П. Павлов-Сильванский успешно применяли социологический подход для анализа исторического процесса.

Почти все известные социологи в конце XIX — начале XX столетия активно занимались политикой, были членами политических партий, участвовали в выборах в Государственную думу, сотрудничали в газетах и общественно-политических журналах. На первый план выдвинулись вопросы политической социологии, которые не потеряли своей остроты и по сей день: этика, нравственность и политическая целесообразность, их соотношение, проблема выбора; реформа и революция и их роль в развитии страны; социологические проблемы в деятельности политических партий и т. д. М. Я. Острогорский и доныне рассматривается в мире как один из основателей политической социологии.

Автор подчеркивает высокий научный уровень российской дореволюционной социологии. «Система социологии» П. А. Сорокина (главный труд его русского периода) связывает русскую социологическую традицию с современной мировой социологией.

Книга Медушевского окажет большое стимулирующее воздействие на изучение истории русской общественной мысли.

В. М. ШЕВЫРИН

Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Изд-во Русско-балтийский информ. центр «Блиц». Вып. 1. 1895 год. М. 1992. 176 с.; вып. 2. 1896 год. М.-СПб. 1993. 248 с.; вып. 3. 1897 год. М.-СПб. 1995. 352 с.

Замысел этого издания оформился к середине 80-х гг., когда были разработаны принципы составления полной хроники рабочего движения в России и подготовлены необходимые для этого методические рекомендации. Имелось в виду создать коллективными усилиями историков и архивистов некий концентрат единообразно сгруппированных

сведений, почерпнутых исключительно из архивных источников и синхронной событиям прессы. Составители хроники стремились расширить объем достоверной информации по одной из важнейших составляющих исторического процесса в дореволюционной России и расчистить поле исследования от привнесенной десятилетиями односторонности,

связанной во многом с «историко-партийным» подходом к этой теме. Кроме того, как часть международного проекта, предполагающего сравнительное изучение рабочего движения в индустриальных странах Европы и Америки в конце XIX в. — 1920 г., общероссийская хроника должна дать исследователям сопоставимые сведения, пригодные для статистической обработки.

К настоящему времени обследовано несколько десятков архивов, ряд библиотек и музейных хранилищ. Собранный материал отражен в унифицированных карточках учета. Первые результаты этой масштабной и весьма трудоемкой работы представлены в трех опубликованных выпусках хроники (ответственный редактор доктор исторических наук И. М. Пушкарёва).

Каждый выпуск состоит из трех разделов, дополняющих друг друга. Собственно хроникой является первый раздел, где фиксируются массовые выступления рабочих. Во втором разделе приводятся сведения о возникновении и деятельности рабочих и партийных организаций, в третьем излагается содержание обращенных к рабочим листовок. Благодаря такому построению складывается разносторонняя картина развития рабочего движения и одновременного встречного движения леворадикальной интеллигенции. Найдена необходимая степень конкретности, что позволяет использовать хронику в качестве «вторичного» источника, например, судить о положении рабочих, исходя из выдвигавшихся ими требований.

В статьях, предпосланных каждому выпуску, содержатся некоторые выводы, сделанные на основе первоначального анализа материалов хроники. Они относятся к количественной стороне движения, его географии, мотивам рабочих выступлений и т. д., частично подтверждая, но во многом и корректируя принятые ранее оценки. Интересны результаты подсчетов — по хранящимся в фонде департамента полиции «Обзорам важнейших дознаний» — о составе участников революционного движения в 1896 г. (вып. 2, с. 19—21). Выборку (1207 человек, попавших в поле зрения полиции) можно считать репрезентативной, она охватывает как активистов, так и рядовых членов революционных организаций, наряду с лицами, им содействовавшими. Выше, чем в составе населения России в целом, оказывается среди них доля холостых мужчин и незамужних женщин, поляков, евреев и литовцев, выходцев из западных и юго-западных губерний, из мещан и дворян. Характерно преобладание грамотных (неграмотных всего лишь 6,1%), что существенно расходится с соотношением между теми и другими даже среди горожан.

Известно, что именно с 1895 г. стачки систематически учитывались фабричной инспекцией на подведомственных ей предприятиях. В хронике учитываются с этого же года стачки на всех предприятиях, а также все иные формы массовых рабочих выступлений, начиная с групповой подачи ра-

бочими жалоб и прошений. Но историографическая традиция приписывает указанной дате еще и особое значение рубежа между двумя этапами освободительного движения. На этот привычный постулат (подчинение которому приводило к затуханию бунтарства в действиях рабочих, к искусственной концентрации внимания на Петербурге и преувеличению роли петербургских социал-демократов) ссылаются, видимо, по инерции и авторы вводной статьи, обосновывая выбор хронологических рамок издания (вып. 1, с. 28).

Между тем, как явствует из хроники, доля участников стачек по сравнению с общим числом промышленных рабочих была еще слишком мала. Самое заметное событие 1896 г., петербургская стачка текстильщиков, получившая всероссийский и международный резонанс прежде всего на фоне коронационных торжеств, явилась, как отмечают составители (вып. 2, с. 8), яркой вспышкой в довольно спокойном течении рабочего движения, неотличимом от предшествующих лет. Количество стачечников в 1895 и 1896 гг. было примерно одинаковым (хотя и вдвое большим, чем учла фабричная инспекция), причем участники петербургской стачки (30 тыс.) составили 33% всех рабочих, бастовавших в 1896 году. Уточняется и характер петербургской стачки: она не была всеобщей в точном смысле этого слова, имели место выступления рабочих разных предприятий, следовавшие одно за другим, а претензии забастовщиков к хозяевам были «довольно ограниченными». Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», возникший в конце 1895 г. и принявший это наименование уже после ареста группы руководителей во главе с В. И. Лениным, не может быть назван организатором стачки, хотя агитация «Союза борьбы» сыграла значительную роль в ее течении и укрепила авторитет Союза.

Но первыми стали вести подобную листовую и устную агитацию на почве повседневных нужд рабочих социалисты в Польше, Литве и Белоруссии, члены ППС, СДКПил и Бунда. Их организации, теснее связанные с рабочими через стачечные кассы («кассы сопротивления», «кассы борьбы»), образовались раньше, чем в Петербурге. Вместе с тем и в 1885 и в 1896 гг. для многих организаций пропаганда в рабочих кружках оставалась единственным видом деятельности (к агитации в 1896 г. перешли 33 организации из 83, в том числе не менее 18-ти распространяли листовки). При этом неопределенность политического направления ряда организаций и используемая пропагандистами литература не дают оснований утверждать, что народничество уже вытеснялось марксизмом. Больше того, на приоритете политической борьбы настаивали нередко как раз народнические организации (вып. 2, с. 17). Но хроника не зафиксировала ни одной политической стачки; в первомайских собраниях и сходках, еще не получивших широкого распространения, участвовали обычно только чле-

ны кружков. Среди привлеченных в 1896 г. к дознанию по политическим делам фабрично-заводские рабочие составляли менее трети. Следовательно, говорить о «пролетарском» этапе освободительного движения применительно к 1895 г. и даже к 1896 г. по меньшей мере преждевременно.

В 1897 г. количество стачек и стачечников выросло, больше стало коллективных стачек (77, тогда как в 1895 г. — 10, в 1896 г. — 18). Почти половина стачечников приходилась на Центральный промышленный район, за ним следовали с большим отрывом Петербург, западный и южный регионы. Существенно также, что принятие, наконец, обещанного правительством во время стачки петербургских текстильщиков 1896 г. закона об ограничении продолжительности рабочего дня 11,5 часами, не снизило остроты социальных противоречий. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, погромы фабричных помещений (в 12 случаях), избиения мастеров, а с другой стороны, 102 вызова полиции, войск и казаков, действовавших с крайней жестокостью. Требования рабочих были удовлетворены в итоге лишь 27% стачек. Прямое или косвенное участие нелегальных организаций обнаруживается в 105 выступлениях из 732. Среди листовок преобладали изданные социал-демократами.

Хроника оснащена большим количеством таблиц и указателей. Ценным подспорьем для исследователей послужит характеристика архивных фондов, в которых есть источники по истории рабо-

чего движения (вып. 1, с. 18—27). Исправим лишь одну неточность: в фондах истпрофов, помимо неопубликованных мемуаров и оригинальных документов, заимствованных в советское время из архивов дореволюционных государственных учреждений, имеется и первичная документация профсоюзов — протоколы общих собраний, заседаний правлений, съездов и конференций, материалы анкетных обследований, письма профсоюзных функционеров.

Приводятся дополнительные сведения к тексту ранее вышедших выпусков. Следовало бы исправлять таким же образом ошибки в написании фамилий, воспроизведенном по источникам (Л. К. Мертенс — вероятно, Мартенс; А. С. Шапувал — Шаповалов) и указать псевдонимы, под которыми некоторые деятели более известны: Ф. И. Гурвич — Дан, Ф. А. Липкин — Череванин, И. Х. Плекшан — Я. Райнис.

Крайне важно, что, несмотря на все трудности, параллельно с общероссийской хроникой издаются региональные хроники рабочего движения, проводятся конференции составителей. Тщательная методическая подготовка и координация работы над «Хроникой», осуществляемая Институтом российской истории РАН, Государственным архивом Российской Федерации и Российским государственным историческим архивом обеспечили, таким образом, успешное начало осуществления перспективного проекта.

И. С. РОЗЕНТАЛЬ

Ю. А. ГОРЬКОВ. *Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь. «Риф Лтд»*. 1995. 384 с.

Автор книги, генерал-полковник в отставке Юрий Александрович Горьков ведет разговор о деятельности высших органов управления и командования Вооруженными Силами СССР в период 1935—1945 гг., в особенности о работе Верховного Главного Командования в годы Великой Отечественной войны. Со времен А. Свечина и Б. Шапешникова¹ это исследование, пожалуй, впервые в России представляет читателю аналитические материалы о практической деятельности главного звена управления страной и армией в период войны.

Автор, сам специалист в области управления крупными войсковыми соединениями, пытается понять причины поражений и неудач Красной Армии в первой фазе войны — 1941—1942 годах. Он исходит из того, что необходимо дать аргументированный ответ на необоснованные утверждения по поводу якобы необходимого превентивного удара Германии по СССР (с. 13). Имеются в виду субъективные публикации вроде «Ледокола» В. Резуна. Горьков использует материалы не только воспоминаний известных и активных соучастников «битвы мозгов», таких как Ф. Гальдер, А. Шпеер, Г. Жуков, А. Василевский и других, но и документы советско-

го Верховного Главнокомандования, переписку глав правительств СССР, США и Великобритании во время войны, а также ставшие доступными источники из военных архивов и Архива Президента Российской Федерации.

По мнению автора, в предвоенные годы на состояние вооруженных сил решающим образом повлияло как почти поголовное уничтожение их командного корпуса, так и неприятие Сталиным мнения компетентных военных специалистов, его неудержимое стремление к единоличной власти. «Именно высокая профессиональная подготовка, ум, огромный авторитет в армии, а следовательно, и определенная независимость в суждениях и поступках имели в глазах И. В. Сталина значение отрицательное» (с. 30). Это суждение автора можно отнести не только к его рассказу о взаимоотношениях Сталина с начальником Генштаба А. И. Егоровым, но и к отношению вождя ко всем другим мало-мальски самостоятельно мыслящим командирам.

После разгрома командного состава «военные вопросы начинают во все большей степени переходить в руки политического руководства страны,

вернее — лично И. В. Сталина» (с. 34). Только накануне германского вторжения 24 мая 1941 г. состоялось сверхсекретное совещание, обсудившее задачи западных приграничных округов, вытекающие из оперативного плана войны с Германией под названием «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (автор обнаружил этот документ в Архиве Президента РФ в 1993 году). На этом совещании присутствовали Сталин, В. Молотов, С. Тимошенко, Жуков и еще 17 высших командиров. Этот документ опубликован автором в приложении (с. 303—309).

Подробно рассмотрены в книге боевая и мобилизационная готовность вооруженных сил страны накануне войны. Мобилизационный план дорабатывался до февраля 1941 года (с. 40). В западных округах отмечалась низкая боевая подготовка, плохое содержание вооружения, слабая оперативная выучка комсостава. Для решения проблем, связанных с повышением боеготовности армии, уже не оставалось времени. Автору по-видимому следовало более четко сформулировать свое мнение о результатах такого бездействия в вопросах стратегической подготовки к войне.

Казалось бы в этой обстановке политическое руководство страной должно было бы особенно заботиться о стабильности мозговых центров армии, и уж тем более кадрового состава Генштаба. «Основным генератором идей в Генштабе было оперативное управление... Так вот, за шесть предвоенных лет в этом управлении поработали семь начальников! Например, комкор И. В. Смородинов руководил им всего два с половиной месяца, генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин — полгода. Генерал-лейтенант Г. К. Маландин был назначен на место Ватутина и продержался на нем до 30 июня 1941 года. Трех месяцев ему оказалось мало, чтобы наладить работу управления и хоть как-то проявить себя» (с. 51). Аналогичные примеры можно привести и по другим управлениям и отделам Генштаба.

Нельзя не согласиться с Горьковым: то, что Сталин и его окружение «сделали с армией, сравнимо только с крупной военной катастрофой» (с. 53).

Однако, несмотря ни на что, Генштаб даже под прессом подозрительности и недоверчивости со стороны политического руководства работал. Несколько раз дорабатывались упомянутые выше «Соображения». Этот документ вносит необходимую ясность в вопрос о «превентивном» ударе СССР. В нем говорилось: «учитывая, что Германия в на-

стоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск» (с. 304). «Соображения» были разработаны наркомом обороны С. Тимошенко и начальником Генштаба Жуковым, доложены Сталину Ватутиным.

Одна из главных причин поражения Красной Армии в первый период войны — диктатура посредственностей, разваливших армию и упустивших важные сроки. Эта мысль является одним из лейтмотивов исследования Горькова.

Возможно, утверждение автора: «именно в Ставке закладывались основы нашей Победы» (с. 83), покажется слишком категоричным, но нельзя не согласиться с тем, что труд и интеллект сотрудников и представителей Ставки все же имел важнейшее значение при выработке стратегических и тактических указаний и решений.

В приложениях публикуются «Выписки из Журналов посещений И. В. Сталина в его кремлевском кабинете» с 1935 по 1945 годы, содержащие богатый материал для размышлений историков. Помимо уже упомянутых выше «Соображений» приводятся тексты «Директивы № 503862» командующему Киевского Особого военного округа по прикрытию мобилизации, сосредоточения и развертывания войск, директивы № 1 от 21 июня 1941 г. военным советом приграничных округов, спецсообщения «о подготовке Германией войны против СССР», разведдонесения из Риги от 18 июня 1941 г., разведсводки № 1 от 20 июня 1941 г. из Паневежиса.

Книга снабжена добротным справочным аппаратом, приложена копия фрагмента карты германского генштаба с расположением войсковых частей и соединений обеих сторон на 21 июня 1941 года.

Б. А. ЕРШОВ

Примечания

1. СВЕЧИН А. А. Стратегия. М. 1926; ШАПОШНИКОВ Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М. 1974.

С. А. ЭКШТУТ. В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М. Изд-во «Россия молодая», 1994. 230 с.

Книга входит в серию «Первая монография», издаваемую Ассоциацией исследователей российского общества XIX века. Автор книги — доктор философских наук и социолог, занимается изучением проблем закономерностей исторического процесса. Опубликовал по этим проблемам ряд статей и сообщений в центральных журналах. Его книга представляет собой серию очерков, объединенных общей исследовательской задачей — раскрыть особенности «духа времени» в России начала XIX в. и отражение его в воззрениях и судьбах разных людей — от декабристов до их политических противников (Александра I, наиболее видных его генералов и политических деятелей, сосредоточивших в своих руках реальную власть).

Автор задался целью ответить на вопросы. «Как люди, делающие историю, переживали философскую проблему «недуга бытия» и какие чувства они при этом испытывали? Какова была роль случая в сцеплении людей, событий, обстоятельств? Как взгляды на окружающий мир и система ценностей людей, отличавшихся «лица необщим выраженьем», смена их настроений и эмоциональных состояний повлияли на их поведение в экстремальной ситуации и, в конечном счете, сказались на ходе российской истории?» (с. 3).

В монографии предлагаются новые подходы к изучению и трактовке исторического процесса, рассматривается проблема альтернативности путей исторического развития, фактора «случайности», который в кризисные моменты «переломных» эпох приобретал особую роль и мог изменить (и менять) ход и исход событий. Отмечается значение личностного фактора. В этой связи автор справедливо критикует распространенный в литературе тезис о том, что «история не знает сослагательного наклонения», который, отрицая альтернативность исторического развития, неизбежно приводил к детерминизму, фатальной его заданности, а в конечном счете, вольно или невольно, оправдывал негативные явления, ошибки и даже преступления политических деятелей, вынужденных якобы действовать «в силу сложившихся обстоятельств». Заметим попутно, что признание альтернативности в истории, роли субъективных, личностных, привходящих и даже случайных факторов никоим образом не означает отрицания значимости объективных закономерностей в историческом процессе.

Перед читателем проходит яркая галерея выдающихся личностей — Александра I, П. Д. Киселева, А. П. Ермолова, М. С. Воронцова, А. А. Закревского, П. А. Клейнмихеля, а также декабристов, и в их числе крупнейшего идеолога и руководителя этого движения П. И. Пестеля, действовавших в эпоху «неслыханных перемен» и непосредственно к ним причастных. Автор отмечает сильно развитое у людей той эпохи «чувство исторического са-

мосознания», «связи личной судьбы с ходом истории». Именно в это время «стала осознаваться проблема альтернативности в историческом развитии», т. е. возможности в экстремальных условиях изменить ход истории, предотвратить его негативные последствия.

В этом контексте рассматривается учет различными политическими деятелями России «уроков» Французской революции конца XVIII века. Как подчеркивает автор, они осознавали, что с нее (по словам Н. М. Карамзина) «новая эпоха начинается». Правительственные круги и их идеологи искали пути и средства предотвратить революционные потрясения в России. Любопытно заявление Александра I в 1804 г.: «Самое могучее оружие, каким пользовались французы и которым они еще грозят всем странам, это общее убеждение, которое они сумели распространить, что их дело есть дело свободы и счастья народов»; поэтому «истинный интерес законных властей требует, чтобы они вырвали из рук французов это страшное оружие и, завладев им, воспользовались им против их самих». Иначе говоря, это был призыв к европейским монархам взять на себя инициативу в деле необходимых реформ, чтобы предотвратить революцию. О необходимости реформ для предотвращения революции говорил в своем плане преобразования России и М. М. Сперанский (следует пожалеть, что этому деятелю не нашлось места в монографии). Именно в этой связи следует рассматривать реальные либеральные преобразования (а не «заигрывание с либерализмом») Александра I в первые годы его царствования, что, впрочем, отнюдь не исключало репрессивных мер в борьбе с революционной опасностью.

Неоднозначно относились к Французской революции декабристы. С одной стороны, как заявил Пестель, «революция не так уж дурна, а может быть и полезна», но с другой, их страшили «буйство черни», якобинский террор, а затем, как следствие революции, — становление деспотизма тирана — Наполеона Бонапарта, наследника и губителя революции. И декабристы и их политические противники стремились предотвратить возможность «французского» варианта развития событий в России, особенно учитывая памятные еще «уроки пугачевщины». Автор в итоге приходит к выводу, что поиски альтернативы «буйству черни» у всех представителей разных политических направлений закончились неудачей. Но, добавим, их опасения насчет возможного революционного взрыва в России того времени были сильно преувеличены.

Автор ставит интересную проблему о «цене» и «издержках» (для человечества и общественного прогресса в целом) революционных переворотов. С этим связан и вопрос о «нравственности в политике». Декабристы, считает автор, были примером

высокой нравственности в политике. Посвященная этому вопросу глава девятая — «Движение декабристов моральный аспект политического действия» — в этом плане является наиболее интересной в монографии. Автор приводит слова декабристов: «для поступка великого не должно употреблять низкие средства», «никакая цель не оправдывает средств». Поставленные перед дилеммой — «нравственный императив или политическая целесообразность», декабристы решали ее в пользу приоритета морального фактора, таков вывод автора. Декабристы стремились найти такие средства революционного переворота, которые бы предотвратили «ужасы» Французской революции и вместе с тем появление «нового Бонапарта». Отсюда избранная ими тактика «военной революции», — военного, «организованного», почти «бескровного», восстания, без участия народных масс». Эта тактика ранее объяснялась «дворянской ограниченностью» декабристов, которые были «страшно далеки от народа».

В книге читатель найдет немало интересного о взаимодействиях декабристов и близких к ним генералов Киселева и Ермолова, знавших о тайном обществе, которых декабристы намеревались ввести во Временное революционное правительство, о фрондерстве к аракчеевскому режиму генерала Закревского, Воронцова, Клейнмихеля и других лиц из тогдашней аристократической элиты, о характере общения между собой участников тайных декабристских обществ. Интересны размышления автора о менталитете декабристов, об их «дружеских спорах», сопровождавшихся напряженной «работой ума», интенсивными интеллектуальными поисками. Подробно повествуется о непростых взаимоотношениях Пестеля с руководством Северного общества, опасавшегося его «честолюбивых замыслов».

Ряд положений и оценок автора вызывают возражения. Так, вряд ли можно согласиться с его утверждением о том, что «в первой четверти девятнадцатого века в России отсутствовали объективные и субъективные предпосылки для решения проблемы ликвидации крепостного права в обозримый исторический срок» (с. 30). Можно, конечно, спорить относительно наличия объективных предпосылок, но субъективные были налицо. Они выражались и в программах декабристов и в осознании самими правящими кругами необходимости отмены крепостного права, более того, даже в конкретных шагах Александра I в 1818 г., поручившего ряду сановников (в том числе А. А. Аракчееву, министру финансов А. Д. Гурьеву) подготовить проекты освобождения крестьян.

Автор склонен согласиться со словами, якобы сказанными В. О. Ключевским: «Декабристы — историческая случайность». Во всяком случае Экштут считает, что «в этом высказывании есть рациональное зерно». Здесь нет необходимости доказывать обратное. Об этом много говорится не

только в советском декабристоведении, но и в работах русских дореволюционных и современных зарубежных исследователей. Само это высказывание, пущенное в научный оборот М. В. Нечкиной, было записано ею со слов сына Ключевского Б. В. Ключевского, и нигде, ни в каком сочинении историка не встречается. Если же внимательно прочитать все то, что писал Ключевский о декабристах, к которым он относился с большим уважением, то данное выражение не согласуется с его общей оценкой декабристов и декабризма, как «нравственно-общественного симптома, вскрывшего обществу недуги, которых оно само не подозревало»; «это целое настроение, охватившее широкие круги»¹.

Автор утверждает, что по доносам участников Союза благоденствия «никаких действий Александр I не принял» (с. 75). Это не согласуется с теми данными, которые он приводит ниже: увольнение в отставку, ссылка, взятие под надзор полиции упоминавшихся в доносах ряда членов Союза благоденствия (например, Ф. Н. Глинки, М. Ф. Орлова, П. Х. Граббе, М. А. Фонвизина). При этом репрессиям подверглись как указано в монографии, не только члены тайного декабристского общества, но и лица, лишь подозреваемые в «вольномудстве».

Вызывает возражения оценка поведения Александра I в 1825 г. в связи с новыми доносами на декабристов. Автор утверждает, что, получив летом 1825 г. донос И. В. Шервуда, Александр I «приказал ограничиться наблюдением» (с. 84). Между тем давно уже установлено, что летом же 1825 г. был разработан подробный план «наблюдения», а способов раскрытия заговора на юге. Доносчик был командирован на юг «для дальнейшего разведования» о тайном обществе, выявления конкретных его участников. Характерно, что руководство раскрытием заговора уже тогда было возложено на наиболее близкого к Александру Аракчееву. Впоследствии в Таганрог поступили и другие доносы на декабристов, с указанием ряда имен. Автор пишет, что царь «не приступил тогда к арестам, якобы из-за того, что надо было наказывать людей, мысли которых он вполне разделял в молодости» (с. 84). Это неверно. 10 ноября, будучи уже тяжело больным Александр I отдал приказ арестовать выявленных лиц и поручил исполнение этого дела начальнику Главного штаба И. И. Дибичу.

Автор отмечает как «парадокс российской действительности», когда «правительство и тайные общества, таясь друг от друга, готовят проекты одних и тех же государственных преобразований, исходят из одних и тех же государственных посылок и приходят к одним и тем же выводам!» (с. 59). Внешне это как будто бы так и выглядело. Однако нельзя не видеть принципиальных отличий предлагаемых декабристами проектов преобразований, направленных на ликвидацию в России абсолют-

стско-сословного строя, с правительственными планами преобразований, преследующих цель как раз сохранения и укрепления этого строя, придав ему «цивилизованный» вид, т. е. по словам Сперанского, «облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе ту же силу и то же пространство самодержавия».

Вызывают возражение и некоторые другие оценки автора. Сомнительно, чтобы «Александр I и придворные круги старались предать забвению Отечественную войну 1812 г.» (с. 160). Это не согласуется с фактами закладки Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах как памятника победе русского народа в войне 1812 г., строительством в Москве Манежа, тоже как памятника этой войне, изданием впоследствии указов о льготах и наградах за участие в войне разных сословий и другими актами правительства.

Автор говорит о крайней непопулярности военных поселений в среде высшей администрации и в общественном мнении. Между тем последние исследования (например, диссертация Б. Б. Давыдова) свидетельствуют, что отношение к этому учреждению было далеко не однозначным. Было немало лиц (в их числе и Сперанский), одобрявших эту меру. Конечно, не всякого, который выступал против Аракчеева и аракчеевщины, следует записывать в «либералы», например, П. М. Волконского и Закревского, смещенных по проискам Аракчеева со своих постов, ярого противника Аракчеева А. Н. Сеславина. Кстати о Сеславине. Отдавая ему

должное как герою войны 1812 г. нельзя не отметить и то, что на деле он был ярким крепостником. Им был даже составлен «Трактат» в защиту крепостного права, а выйдя в отставку, он завел в своем тверском имении такие порядки, которые были покруче аракчеевских военных поселений. Началось массовое бегство крестьян из его имения, в ответ последовали жестокие наказания. О своих крестьянах он отзывался так: «эти злейшие неприятели, нежели те, которых я карал на русской земле в знаменательную эпоху 1812 года».

Неверно трактуется автором мотивы вызова Александром I в 1821 г. Ермолова с Кавказа в Лайбах, где император участвовал в работе конгресса Священного союза. Готовилась интервенция для подавления революции в Италии. Александр I предложил для этого свою армию, во главе которой предполагалось поставить Ермолова.

Оригинальное исследование Экштута благодаря новым подходам к изучению этого сложного, «переломного» периода российской истории побуждает читателя к размышлениям о действиях известных лиц той эпохи, переосмыслению казалось бы хорошо изученных фактов и явлений.

В. А. ФЕДОРОВ

Примечания

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения в девяти томах. Т. V. М. 1989, с. 428.

Н. Н. КОЧМАР. *Писаницы Якутии*. Новосибирск. Институт археологии и этнографии СО РАН. 1944. 264 с.

В издаваемой Сибирским отделением Российской Академии наук серии «История и культура востока Азии» вышла содержательная монография кандидата исторических наук, директора Музея археологии и этнографии, преподавателя Якутского государственного университета Н. Н. Кочмара. Книга посвящена святилищам и наскальным изображениям на территории Якутии.

В предисловии В. Е. Ларичева справедливо подчеркивается, что работа написана на основе превосходной источниковой базы, сложившейся в результате многолетних полевых изысканий в долинах Лены, Амги, Алдана, Олекмы, Чары и Токко, где автору «посчастливилось обнаружить более трех десятков местонахождений с наскальными изображениями» (с. 5). Следует согласиться с автором предисловия и в том, что благодаря тому, что якутские археологи не только накопили уникальные материалы по культурам каменного века и эпохи металла, но и осмыслили их, перед исследователями древней Восточной Азии предстала

яркая и многообразная картина эволюции культуры дописьменной эпохи в этом регионе.

Особенно привлекает стремление автора постичь духовную сферу, интеллектуальную деятельность первобытного человека, представления об окружающем мире, о своем месте и роли в природе. Книга содержит подробный очерк истории изучения писаниц Якутии, который повествует о разнообразии и совершенствовании методики исследования наскальных изображений. Особую ценность этому изданию придает обилие иллюстраций, чертежей, рисунков, таблиц, занимающих более половины всего объема книги. Тем самым исследователи могут сами, непосредственно приобщиться к тем оригинальным материалам, которые собрал автор, и использовать их в своих работах, особенно в сравнительно-исторических студиях.

Автору удалось предложить убедительную схему датировки писаниц — от палеолита до позднего средневековья. Обращает на себя внимание и то, что определяя возраст конкретной писанины, автор

использует материалы жертвенников и аналоги писаниц из прилегающих к Якутии территорий. При этом Кочмар исходит из того, что Якутия представляла собой своеобразную провинцию писаниц Сибири, связанную с Прибайкальем, Забайкальем, Амуром. Существенное значение имеют соображения автора о классификации наскальных изображений, культовых святилищ и шенкенов (идолов). Первые наскальные изображения появились в Якутии в период позднего палеолита. В неополитическое время, в эпоху бронзы и в условиях раннего железного века и средневековья это творчество получило дальнейшее развитие и семантически усложнилось (с. 146). Автор сумел установить связи

с конкретными приленскими культурами — дюктайской, сылахской, белькачинской, ымыяхтахской (каменный век), а также с культурами бронзового и раннего железного века. Писаницы железного века характерны и тем что в них особое место занимают всевозможные антропоморфные и зооморфные изображения, исчезают сюжеты с фантастической и потусторонней тематикой, хотя и сохраняются шаманская атрибутика, сцены камлания, определенная стилизация изображений, зачастую носящих культовый характер.

К. Е. РОГОВ

С. А. ИВАНОВ. Византийское юродство. М. «Международные отношения». 1994. 240 с.

В последние годы в мировой византистике происходит решительный отход от традиционной политико-правовой и социально-экономической тематики, стремления к конструированию универсальных историософских схем. Центр тяжести византиноведческих штудий все больше перемещается на культурологические исследования частных проблем, на феномен «мыслящего и чувствующего человека», на сознание и саморефлексию византийцев. Радикальная смена ракурса вновь актуализировала будто бы давно изученные источники. Настойчиво ищет новые подходы и темы британская исследовательская школа (в особенности, в рамках программ национального византологического общества), издавшая за последние три года серию первоклассных работ¹. Не менее красноречивыми образчиками нового подхода явились недавно вышедший коллективный труд американских исследователей по византийской магии и талантливая монография француза М. Баливе, посвященная новой культурологической трактовке византийско-тюркских контактов². По-видимому и очередной XIX Международный конгресс византистов (Копенгаген, 1996) пройдет, во всяком случае, по мысли организаторов, под тем же знаком «обращения к человеку»: генеральная тема его определена как «Византия — самосознание, образ, влияние».

Монография кандидата исторических наук С. А. Иванова (ИСИБ РАН) свидетельствует, что этот методологический сдвиг затронул и русскую науку. Книга, написанная на солидной базе византийских агиографических, богословских, исторических сочинений и других источников, является, пожалуй, первой обстоятельной попыткой описания феномена юродства в мировой науке. Юродство автор рассматривает как отражение особого византийского модуса сознания, как некий ключ к интерпретации глубинных особенностей византийской

духовности, которая может быть именно в юродстве наиболее обнаженно проявила свою самость.

Византийский культурный феномен в книге Иванова представлен не изолированно, но на широком сравнительном фоне западноевропейских, русских и даже арабо-персидских параллелей. Автор стремится к «синтетичности» анализа: он использует специфические методики различных дисциплин: византистики, медиевистики и исламоведения, истории и филологии. Текст щедро насыщен обширными цитатами из источников, переведены они нередко просто блестяще (см., например, с. 29, 39).

Исследуя генетические корни юродства, автор обращается к безумству ветхозаветных пророков и эпатажу киников (с. 12—16). Безумство первых иррационально и безличностно, суть и форма пророческого дискурса целиком обусловлены волей Бога, пророки не более, чем передатчики вышней воли. Эпатаж же киников, граничащий с добровольным безумством, сугубо рационален и индивидуалистичен: киник обличает людские пороки «не от имени божества, но авторитетом собственной мудрости».

Далее в книге обрисован комплекс раннехристианских идей и умонастроений, явившихся контекстом формирования юродства как модуса поведения. Автор обращается к раннехристианским представлениям о глупости, безумии и их сознательной симуляции, а также святости. Констатация христианскими писателями ограниченности человеческой мудрости не оправдывала бытового безумия и отнюдь не утверждала принципиального антиинтеллектуализма христианства. Хотя, как попутно отмечает Иванов, для того, чтобы «оттенить весомость высшего вмешательства» в апостольские деяния, отцы церкви нередко употребляли по отношению к апостолам слово *idiotes* (простец), изначально обозначавшее странного и подозри-

тельного затворника, который чурался исполнения обычных для римского гражданина общественных обязанностей (с. 21). Христианство осуждало экстатический транс эллинских прорицателей, полагая, что истинный святой обязан «сохранить ясность мышления» (в отличие от прорицателя) и совершать «собственные личные усилия» (в отличие от ветхозаветного пророка). Наиболее близкие параллели моделям поведения поздних юродивых обнаруживаются на семитском христианском Востоке. Поведенческая парадигма юродства формируется в анахоретской среде египетских пустыней. Именно тут встречается и то особое самоуничижение, которое всецело воспримет юродство. В борьбе с собственной гордыней анахорет нередко облекался в личину безумца, дабы отделаться от искусительного для него почитания со стороны окружающих. Этим мнимых сумасшедших называли либо стандартным греческим именованием глупца — *moros*, либо *salos* — новым словом со сходным значением (восходящим, по-видимому, к семитскому корню), которое впоследствии обратится в специальный термин для обозначения юродивого (с. 26—30). Одна из важных предпосылок юродства обнаруживается в распространенном представлении о «тайных слугах Господа», святость которых сокрыта от людей (с. 33—34).

Рисуя портреты предвестников юродства и первых юродивых IV—VI вв., автор прослеживает перерождение добровольного безумия, как защитного средства от бесцеремонных почитателей, в чисто юродский эпатаж, который автор определяет как «агрессию» юродивого против мира (с. 42). Классические юродивые появляются, однако, лишь в V—VI вв. (Серапион Сидонит, мнимые мимы Феофил и Мария и др.). Юродство превращается в «городскую» по преимуществу альтернативу пустынночества (с. 53—62).

Расцвет юродства Иванов относит к VI—VII векам. Поведенческая парадигма юродивого обретает свое классическое выражение в деяниях пустычника Симеона Эмесского (VI в.), пошедшего в город для того, чтобы «ругаться миру» (с. 63—71), и александрийского юродивого Виталия, житие которого дает один из первых примеров юродского богохульства. Комментируя житие последнего, автор ставит проблему релятивизации морали в христианской мысли: «грех из абсолютной категории становится относительной... Тенденция релятивизировать христианскую мораль, окончательно оторвать ее от «бытовых» представлений о добре и зле... — важнейшая и... глубиннейшая причина появления юродства в православной культуре» (с. 75 а также 92). В период исламских завоеваний в VII—VIII вв. юродство пошло на спад. Мусульманское завоевание как раз «возвращало христианству его прежний вид»; эта культура больше не чувствовала прямой угрозы стагнации.

С этого времени юродство начинает распространяться в западных областях Византии, однако

его общему упадку способствовали решения Трулльского собора (692 г.) и иконоборчество (с. 76—79). Новый подъем юродства испытало лишь в IX—X вв. (жития Василия Нового и Андрея Царьградского). Кстати, в ту же хронологическую схему укладывается и развитие другого типа подвижничества — столпничества. Отношение церковных властей к юродству всегда было двойственным, а в X—XI вв. весьма настроженным.

Продолжая обсуждение проблемы «этического релятивизма», автор подвергает анализу концепцию бесстрастия Симеона Нового Богослова, прямо или косвенно обосновывающую и оправдывающую юродские богохульства и непристойности. Автор сомневается в искренности и подлинности описываемого Симеоном бесстрастия, «экспериментирующего с грехом». Иванов усматривает глубокое противоречие между идеей Симеона о харизматической сущности «божiego избранника» и неподсудности его суду мира, с одной стороны, и имплицитным признанием тем же Симеоном значимости внешнего закона, на котором зиждется объективный критерий греховности, да и само земное тело Церкви — с другой (с. 101—108).

Говоря о «закате юродства» (с. 112—136), автор констатирует общее смягчение юродской «разнужданности» в XI—XII в., а также тенденцию к сочетанию его с другими видами аскезы. Подозрительность общества к юродству возрастала, авторитеты канонического права оценивают его двойственно, и скорее, негативно. В конце XII в. прослеживается и несомненная активизация у безумствующих подвижников пророческих и медиумических функций. Юродство XIII—XIV вв. связано с исихазмом. Последним византийским юродивым следует признать Максима Кавсокаливита (ум. в 1365 г.).

Рассмотрено в книге и юродство на Руси («Русское похабство»), а также исламские и западноевропейские его аналоги. На Руси в свою классическую фазу юродство вступило в XIV в. и надолго пережило официальный запрет в XVIII в. (с. 137—156). Автор отмечает особенности русского юродства в сравнении с его византийским прототипом. Большинство русских городских юродивых не были монахами. Русских юродивых отличает та особая свобода, с которой они порицали официальную церковь и светскую власть.

Монографию завершает экскурс Вяч. Вс. Иванова, в котором отмечаются типологические параллели византийскому юродству в ряде культур и дается этимология русского слова «юродивый».

Таким образом, в монографии на широком материале источников даны документированная эволюция юродства как стиля жизни и социального института, детальное диахронное описание юродской модели поведения, обсуждены психологические и идейные мотивы юродства.

Коснусь дискуссионного, но, может быть, самого интересного пункта, в котором никак не могу сойтись с автором монографии в его

принципиальной оценке византийского юродства. Иванов формулирует задачу монографии как поиск ответа на вопрос: «Почему юродствует юродивый?». Автор решается искать ответ на этот вопрос с историко-культурных позиций, осознавая при этом, что «внерелигиозный подход к религиозному явлению таит в себе немало опасностей». Следуя за своей установкой, автор переформирует свой первоначальный вопрос в культурологической плоскости: «что заставляет социум усматривать проявление святости там, где на эмпирическом уровне не видно ничего, кроме безумия?» (с. 4—11, особенно с. 10). По ознакомлении с монографией и читатель вправе задать встречными вопросами: насколько эффективен сугубо эмпирический анализ религиозного феномена? Или же, насколько действенен анализ некоего факта религиозного сознания, изъятого из целостного и более широкого контекста религиозной традиции? Или же, наконец, был ли в самом византийском сознании этот «эмпирический уровень», не позволявший видеть в юродстве «ничего, кроме безумия»? А если вдруг в византийском сознании не было этого «эмпирического уровня», то вправе ли мы задавать византийцу те вопросы, на которые он не может ответить, которые он не поймет или не захочет понять?

Мои ответы на эти принципиальные вопросы, касающиеся базовой методологии исследования средневекового сознания, скорее разводят меня с Ивановым. Вследствие этого не могу принять клинко-культурологические диагнозы, поставленные юродству автором, который усмотрел в действиях некоторых подвижников «садомазохистский» мотив (см., например, с. 47). Напомню, противоположную и не всегда осознанную жестокость по отношению к себе и ближнему, которая приносит мучителю удовольствие, — или же комплекс неполноценности («фиглярствуют не для веселья, а от ущемленности» — на с. 4, подобная оценка и во многих других случаях). Не думаю, что техническая терминология психоанализа и постфрейдистской психиатрической практики, с большим или меньшим успехом применяемая к секуляризованной психике современного европейца, может адекватно описать психическую структуру копта, грека или сирийца V века. Не могу разделить сомнения автора в истинности и искренности высшего бесстрастия, проповедовавшегося Симеоном

Новым Богословом и практиковавшегося, в частности, юродивыми. Автор «эмпирически» не документирует своих сомнений в отношении византийских подвижников, а типологические параллели бесстрастия в мусульманской и индийской мистической практике, зафиксированные очевидцами-исследователями в литературе XIX—XX в., заставляют меня доверять больше преп. Симеону. Взыскательная критика византийской культуры несомненно сближает исследование Иванова с незаслуженно забытой книгой П. В. Безобразова (Очерки византийской культуры. Пг. 1919); подход обоих, сколь талантливо они не защищали бы его, я разделить не могу.

Углубленный анализ мистической стороны юродства, как одного из путей личного спасения, последовательная проработка его ярко выраженной апофатической подоплеки (юродство как образец «апофатизма в действии»), также учет очевидных связей юродского движения с апокалиптическими и эсхатологическими настроениями византийцев (столь обычными тогда, и столь «курьезными» для живущего в конце XX в. эмпирика) могли бы снять многие недоуменные вопросы, которые возникли у меня по прочтении монографии Иванова.

Исследование Иванова не оставляет равнодушным, вызывает на спор, провоцирует мысль и подталкивает к поиску ответного аргумента. Монография, свободная от корпоративной и квазиакадемической ограниченности, написанная свежим живым языком, но не потерявшая при том классической фундированности, важна и интересна.

Р. М. ШУКУРОВ

Примечания

1. Byzantine Diplomacy. Society for the Promotion of Byzantin Studies (SPBS, Publications 1). Lnd. 1992; The Making of Byzantine History. Lnd. 1993; Digenes Akrites. New Approaches to Byzantine Heroic Poetry. Lnd. 1993; New Constantines. The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th—13th Centuries (SPBS, Publications 2). Lnd. 1994.
2. Byzantine Magic. Washington. 1995; BALIVET M. Romanie byzantine et pays de Rûm turc. Istanbul. 1994.

A. EHTESHAMI. *After Khomeini: The Iranian Second Republic*. N. Y. Routledge. 1995. 244 p.

А. ИХТЕШАМИ. *После Хомейни: вторая Иранская республика*

Ни одна революция второй половины XX века не вызывала столь бурного потока публикаций, проти-

ворчивых высказываний и дискуссий, как исламская революция в Иране 1979 года. Но политика

и идеология Исламской Республики Иран после революции не была статичной — с течением времени она постепенно менялась. Порой происходили и крутые виражи, причем как во внешней, так и во внутренней политике. Возможно, перемены, происходящие в иранском обществе и в его идеологии не так заметны на первый взгляд, как в Восточной Европе, но игнорировать их исследователи никак не могут. В этом плане представляет интерес монография, написанная Аноушираваном Ихтешами, преподавателем университета Дарем (США).

Отправной точкой для автора стала его гипотеза, заключающаяся в том, что со смертью основателя Исламской Республики Иран государственная политика в ней пережила радикальные изменения, сравнимые с термидорианским переворотом в период Великой Французской революции XVIII века, что дает автору основание для употребления термина «вторая Иранская республика». В книге всесторонне разбираются история политической, социальной и экономической эволюции Ирана, роль оппозиции, а также изменения в политических взглядах правящих кругов и трансформация их идеологических постулатов. Автор также подробно останавливается на внешнеполитической активности современного Ирана и на роли и перспективах так называемой «иранской модели развития» для государств третьего мира, в том числе и для мусульманских республик бывшего Советского Союза.

С самого начала было ясно, что после Хомейни политическая система должна претерпеть существенные изменения (обсуждались даже предположения о том, сможет ли она вообще выжить). Ключевая проблема заключается в том, что иранская история после 1945 года не имела традиции мирной политической трансформации, что всегда ставило под угрозу существующую политическую систему (с. 2). Автор подробно разбирает расстановку как правящих, так и оппозиционных политических сил в стране в первые годы после событий 1979 года, а также их динамику.

Правящие круги во многих вопросах не были едины. Даже война с Ираком иногда оценивалась различными политическими группировками с совершенно противоположных позиций (с. 23). Более того, окончание войны само по себе усложнило расстановку политических сил в Иране в связи с тем, что представители вооруженных сил должны были реинтегрироваться в гражданское общество (с. 23—24).

Подписание перемирия с Ираком явилось своеобразным сигналом, возвещающим о важных изменениях, происходящих в Исламской Республике. Интересно, что о перемирии сообщил Рафсанджани, а документ готовился не в канцелярии аятоллы Хомейни, а «младотюрками режима» (термин Ихтешами) — Хаменеи, Рафсанджани и Ардебели. Таким образом, этот момент является поворотным

пунктом в истории Исламской революции: революционные «идеалисты» начали уступать штурвал «реалистам». Конечно, трудно точно назвать дату «термидорианского поворота» и рождения «второй республики», но можно обозначить период трансформации революционного «порядка» — июль 1988 — июнь 1989 гг. (с. 30).

Отставка аятоллы Монтазери 28 марта 1989 г. явилась своеобразным прологом, указывающим, с одной стороны, на нестабильность системы через 10 лет после основания республики, а, с другой, она давала надежду на перемены. И они произошли. «Вторая республика» достаточно явно начала менять политику постхомейнистского Ирана в трех областях: внешняя политика (диалог с Западом, бывшим СССР и арабскими республиками); экономические реформы (стимулирование экономического роста, дерегулирование, либерализация и приватизация); внутренняя политика (с. 24).

Автор на богатом фактическом материале подробно анализирует перемены в этих сферах жизни Ирана. В частности, он отмечает, что социальным ядром режима после революции 1979 г. стал клерикальный «истеблишмент» (исчисляемый по различным оценкам от 90 до 200 тысяч человек), давший стране премьер-министра, трех президентов, четырех спикеров меджлиса и т. д. В Иране насчитывается около 200 человек, имеющих сан аятоллы, и эта группа представлена практически во всех ключевых институтах и органах государства (с. 47). Автор считает, что в Иране постепенно добились своеобразного баланса между различными клерикальными группами и личностями в рамках шиитской религиозной концепции. Тем не менее «технократы» постепенно укрепляют свои позиции. В работе обращается внимание и на представленность клерикальных кругов в меджлисе: если первый постреволюционный меджлис почти наполовину состоял из них, а другая половина была представлена неклерикальными кругами (98 и 118 соответственно), то в четвертом меджлисе (1992—96 гг.) количество религиозных деятелей сократилось до пропорции один к четырем (49 и 219 — соответственно) (с. 62). К тому же выборный процесс в этой стране не превратился в фарс, в отличие, скажем, от Ирака. На президентских выборах 1993 г. было 4 кандидата, среди которых Рафсанджани набрал реальное большинство — 63,2% голосов (с. 69).

Значительная часть работы посвящена анализу международной политики Исламской Республики. Автор подчеркивает, что революция в Иране превратила кемп-девидский процесс на Ближнем Востоке и нарушила хрупкое равновесие в регионе (с. 129). Но в то же время вооруженный конфликт между Ираном и Ираком ослаблял позиции этих государств относительно стран Персидского залива.

Внешняя политика Ирана после 1979 г. пережила три фазы. Первая была связана с консолидацией

с третьим миром, популистской антиимпериалистической стратегией и разрывом с Западом; вторая — с закреплением на достигнутых позициях, попыткой изменения региональной карты, разрывом не только с Западом, но и с социалистическим лагерем, что получило выражение в лозунгах «Война до победы!», «Экспорт Исламской революции», «Ни Восток, ни Запад» и т. д.; третья — с реинтеграцией в международное сообщество, конструктивной дипломатией, нормализацией отношений со странами Запада (кроме США) и региона (кроме Израиля) (с. 144—145).

Рассматривая проблему военной доктрины и развитие военного потенциала Ирана, автор подчеркивает, что в связи с изоляцией страны на международной арене в начале 1980-х гг. ее вооруженные силы оказались в проигрышной позиции по отношению к другим региональным державам, таким как Саудовская Аравия или Сирия. На вооружение этих стран поступило оружие следующего поколения, в то время как Иран вынужден довольствоваться имеющимися устаревшими моделями (с. 192). Стремление к перевооружению сдерживается тяжелым экономическим положением, понижением цен на нефть, от экспорта которой Иран весьма зависит, и дефицитом бюджета в 30 миллиардов долларов (с. 193). Автор рассматривает по-

купку российских субмарин в рамках программы перевооружения иранской армии как неизбежный ответ аналогичным шагам ее соседей. Подчеркивается роль КНР и Северной Кореи как поставщиков оружия в Иран и роль западных держав (особенно Франции и США) в довооружении армий других стран Персидского залива.

Говоря о перспективах «исламской революционной альтернативы» и ее роли в третьем мире, автор задается вопросом: может ли Иран стать реальной альтернативной моделью для развития стран третьего мира (с. 197)? Основываясь на анализе социальной и политической динамики в Иране и на анализе реальной и декларируемой политики правящих кругов страны, автор достаточно аргументировано оценивает перспективы иранской модели развития, отличающейся и от рыночно ориентированной западной и от социалистической, советского образца.

Книга Ихтешами в которой достаточно реалистично оценивается внутренняя и внешняя политика нынешних правящих кругов страны, позволяет по новому взглянуть на историю социально-политического и экономического развития Ирана в постреволюционную эру.

Р. Ф. АБАЗОВ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Как началось «Кровавое воскресенье»

Хочу сообщить журналу (и читателям) об одном случае из нашей истории. В 1961 г. мой жизненный путь пересекся с судьбой престарелой москвички Марии Гавриловны Пластининой. Под «страшным» секретом она мне рассказала: «Я, девятнадцатилетняя ткачиха, была свидетельницей того самого «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года. В людской толчее я попала в самые первые ряды и оказалась прямо перед цепью солдат, мешающих толпам рабочих подойти к Зимнему дворцу. Вдоль строя солдат быстро ходил офицер, и мы, заводские девчонки, залюбовались этим молодым, энергичным, подтянутым и хорошо одетым человеком. Особенно гляделась его аккуратные усы и невысокая офицерская шапка. Он, казалось, был недово-

лен тем, что толпа очень близко подошла к военному строю. Но все было тихо и мирно. Внезапно к нему из толпы быстро подошел вплотную чисто одетый человек; офицер остановился и поднял голову, ожидая, видимо, каких-то слов или просьб. Но подошедший выхватил револьвер и выстрелил в офицера. Тот упал, и солдаты начали стрелять и в толпу, и в воздух. Я случайно уцелела. О том, что случилось, я позже, уже году в 30-м, рассказала Александре Михайловне Коллонтай, с которой была хорошо знакома. Она внимательно меня выслушала и сказала: «Маша, никому об этом больше не рассказывай. Это тебе может очень сильно навредить».

И. А. Исаков

Contents

Articles: A. A. Iskenderov. The Science of History on the Eve of the 21st Century; S. V. Rimskij. The Church Reform of Alexander II. Historical Profiles: I. E. Shokina. Getúlio Dorneles Vargas. State Power and Intellectuals: The Record of the 1944 Conference at the CC CPSU(B) with Historians. History and Fates: A. V. Golovnin. A Memoir for the Few. Historians on Time and Themselves: The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. Publications: Correspondence of Right-Wingers and Other Materials on Their Activities in 1914–1917. Contributions: G. M. Adibekov. Why Togliatti did not become the General Secretary of the Cominform. Historiography. **Reviews on Books:** A. N. Medushevskij. A History of Russian Sociology; Workers Movement in Russia. 1895— February 1917; Yu. A. Gor'kov. The Kremlin. General Headquarters. General Staff; S. A. Ekshtut. In Search for Historical Alternative: Alexander I. His Entourage. Decembrists; N. N. Kochmar. Yakutian Scriptures; S. A. Ivanov. Byzantine Holy Fools; P. G. Vinogradov. Collected Works. Vol. 1—2; A. Ikhteshami. After Homejini: The 2nd Iranian Revolution. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 4, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2

Телефон: 209-79-08, 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 10.03.96. Подписано в печать 17.04.96. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,65. Тираж 11.300. Заказ 1520. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала „Вопросы истории“»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16